

УДК 930
ББК 63.3я5
Х21

*Затверджено до друку рішенням Вченої ради
ХНУ імені В.Н. Каразіна (протокол № 4 від 26.03.2010)*

Редакційна колегія:

д-р. іст. наук, проф. С.І. Посохов (головний редактор), д-р. іст. наук, проф. В.І. Астахова, д-р. іст. наук, проф. А.Г. Болебрух, канд. іст. наук, доц. В.Ю. Іващенко, д-р. іст. наук, проф. О.Д. Каплін, канд. іст. наук, проф. С.М. Куделко, канд. іст. наук, доц. О.Г. Павлова (відповідальний секретар), д-р. іст. наук, проф. В.В. Петровський, д-р. іст. наук, проф. Р.Я. Пиріг, доц. В.Г. Пікалов, д-р. іст. наук, акад. НАНУ П.Т. Тронько.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077 Харків, пл. Свободи, 4, Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, історичний факультет.

Тел.: (057) 707-54-78; факс (057) 702-03-79

E-mail: istfak@univer.kharkov.ua; <http://www-history.univer.kharkov.ua>

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 8073 від 29. 10. 2003 р.

X21 Харківський історіографічний збірник. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. – Вип.10. – 402 с.
ISBN 978-966-623-661-9

У черговому випуску наукового збірника зібрано статті з широкого кола проблем теорії та історії історичної науки та освіти.

Для викладачів, науковців, усіх, хто цікавиться проблемами історіографії та методології

На обкладинці використано літографію «Вічні птахи» члена Національної спілки художників України Н.С. Вербух.

ISBN 978-966-623-661-9

© Харківський національний
університет імені В.Н.Каразіна,
оформлення 2010.
© Автори.

Від редактора

Ви тримаєте у руках 10-й випуск «Харківського історіографічного збірника». Колись, на початку 1990-х років, ми мріяли про те, щоби друком вийшло п'ять випусків, й тим самим відбулася «серія» наукових збірників. Але, з часом, це видання, по суті, перетворилося на науковий журнал. Звичайно, так його можна назвати лише умовно, адже він виходить не часто. Втім, на нашу думку, окрім того, що це видання надає можливість оприлюднити результати своїх пошуків та роздумів, воно виконує й важливі інформаційну, організаційну та комунікативну функції. Завдяки цьому виданню ми краще дізнавалися один про одного і в цілому про наше співтовариство історіографів. Ми перестали відчувати себе самотніми, і знайшли чимало однодумців. Наші «Астаховські читання» ставали своєрідним «продовженням» збірника, оскільки надавали можливість неформального спілкування.

Звичайно, головним редактором став тогочасний завідувач кафедри історіографії, джерелознавства та археології проф. В.К. Міхеєв (вип. 1 – 4), але реально таку роботу почали здійснювати С.М. Куделко (заст. гол. ред.), С.І. Посохов (відп. секр., головний редактор з вип. №5) та В.Г. Пікалов. Серед тих, хто благословив це видання і увійшов до складу редколегії були професори В.Г. Сарбей, В.І. Астахова, І.І. Колесник. Вони ж стали й першими авторами збірника. В першому випуску свої матеріали надрукували також Т.М. Попова, В.І. Чесноков, А.І. Епштейн, С.М. Куделко, С.Г. Водотика, О.Л. Рябченко та ін. З часом коло тих, хто долучався до збірника, розширювалося (див. бібліографію попередніх збірників наприкінці цього випуску). Важливо зазначити, що поруч із маститими вченими на сторінках збірника друкують свої статті та матеріали молоді вчені, аспіранти та пошукувачі. Завдяки високому науковому рівню статей та високому коефіцієнту цитування з часом збірник ставав все більш відомим.

На сьогодні, можна сказати, що підготовка збірника та читань відбувається в межах трикутника: Харків – Дніпропетровськ – Москва, оскільки в основному саме представники навчальних та наукових центрів цих міст утворили свій «невидимий коледж». Втім, багатьох із нас тепер поєднує справжня дружба, а завдяки сучасним

інформаційним технологіям спілкування відбувається досить регулярно.

З самого початку ми намагалися зробити кожен із випусків тематичним, а також урізноманітнити рубрики. Відповідно, як правило, перша частина збірника містила статті, які ставали предметом обговорення на «Астаховських читаннях». Поряд із тим, у кожному випуску були рубрики «проблеми історичної освіти», «документи та матеріали», «спогади», «рецензії та огляди» тощо. Завдяки цьому ми намагалися привернути увагу до традицій та новацій в галузі історичної освіти, до нових праць історіографів, згадати про наших вчителів. Очевидно, що вже назва збірника зобов'язала нас першочергову увагу приділяти харківським матеріалам. Завдяки такій націленості були опубліковані цікаві статті, документи та матеріали про харківських істориків та історіографів В.І. Астахова, В.А. Барвінського, В.П. Бузескула, А.С. Вязігіна, А.П. Ковалівського, І.Л. Шермана та ін.), або харківський період життя таких видатних вчених як М.А. Барг, М.Т. Каченовський, Ю.В. Кнорозов, С.Г. Пушкарьов, В.Г. Сарбей та ін.

Звичайно, проблеми історії історичної науки, а ще більше проблеми теорії та методології вельми складні не лише для вирішення, але й для сприйняття. Тому ми, готуючи черговий випуск, завжди розраховували та розраховуємо на вдумливого читача. В міру критичного, бо критичності вистачає вже у самих історіографічних текстах. Історіограф сумнівається не менше джерелознавця. Але, як і будь хто, намагається бути зрозумілим. Саме цим пояснюються часті ремарки, посилання, цитування. Ці тексти вимагають перечитування, повільного просування коридорами сенсів. Водночас, вже наші професійні норми примушують нас шукати цікаву форму, розмірковувати над змістом кожного слова й підбирати адекватні поняття. Часто історіографічні тексти демонструють неабияку напругу між логікою та риторикою. Ймовірно, комусь такі вправи можуть видаватися дещо схоластичними, а ступінь абстрагування надмірною для історика. Втім, на наше глибоке переконання, саме у цій теоретичній площині формуються запитання, які з часом стають фактором активізації подальших пошуків широкого загалу професійних істориків. Гра з думкою, яку нерідко можна спостерігати на сторінках й нашого видання, лише на перший погляд гра.

Цього разу для обговорення ми запропонували таку основну тему: «Наукознавство та історія історичної науки». Можливо, хтось вважає, що ця тема є «етап, який пройдено». Але ми переконані, що це не так. Постмодернізм, який загострив деякі проблеми пізнання минулого, із усіх історичних дисциплін, перш за все, вплинув на історіографію. Для декого ця чергова хвиля «неоромантизму» стала виглядати як свого роду цунамі, яка руйнує все на своєму шляху. Але її можна сприймати і як освіжаючий душ. Рухливий, динамічний світ, який нас оточує, кожен мить доводить нам, що принцип відносності має стати визначальним у процесі пізнання цього світу. Цей принцип руйнує не гнучкі конструкції, він дійсно може бути смертельним для тих, хто звик до непохитних аксіом. І, відповідно, завдання сьогодення, на наш погляд, полягає не в тому, щоби зробити конструкції більш міцними, і навіть не в тому, щоби зробити їх більш гнучкими. Завдання в тому, щоби відмовитися від абсолютизації у процесі пізнання, від пошуків універсальної відмички. Ми маємо зрозуміти, що у цьому «саду Рьоандзі» ми не зможемо знайти місця, з якого побачимо всі камені одночасно (символічно, що це можна зробити, лише здійнявшись у небо!).

Стан невизначеності, який сьогодні спостерігається серед істориків (і який іноді декого із них лякає), зумовлений і тим, що переміщення інтересу від історії великих структур до людини в історії не тільки не зменшило масштабність дослідницьких завдань, навпаки, людський космос здатен запаморочити голову будь-якого дослідника. Намагання ж застосовувати старий бурдюк для нового вина не дає задовільних результатів. Від маяків у вигляді усталеної схеми, яка, здавалася, дає промінь і освітлює безпечний шлях, прийшлося перейти до користування мінливими спалахами ідей, які виникають щомиті на рухливому ґрунті пізнання. Але зазначену вище переорієнтацію дослідникам не так легко здійснити. У традиціях нашої науки довгий час було дотримання принципів однозначності в оцінках, лінійного прогресу, системності (з претензією на універсальність). А як писав К. Маркс, «традиції всіх мертвих поколінь тяжіють, як кошмар, над розумом живих» (Т.8, с.119).

Свого часу, в тому числі й на сторінках цього видання (вип. 8), була висловлена думка про «багатоликість» історіографії. Такий підхід, як нам здається, має визначати погляд на історіографію

сьогодні. Боротися за «міцність кордонів» та «дисциплінарну чистоту» у сучасних умовах не варто. Бо інакше прийдеться жити у «резервації». Краще укладати союзи, ініціювати нові рухи, визначати нові обрії. Відповідно, погляд на історіографію як на наукознавчу дисципліну – це один з можливих поглядів, який дозволить нам вирішувати свої професійні завдання за допомогою підходів, принципів, методів та категорій, які вже апробовані і активно використовуються дослідниками історії та сьогодення науки.

Втім, у тих статтях, які вміщені у цьому випуску, стосовно взаємодії історіографії та наукознавства (одразу зауважимо, що статті, у яких автори торкаються цього питання, містяться не лише у рубриці «історіографія та наукознавство») висловлені різноманітні, часом протилежні, думки. Зокрема, можна зустріти констатацію різниці у предметі цих дисциплін, що, на думку автора, унеможливорює їх активну взаємодію. Дехто вважає, що досягнення наукознавства так і не були опановані історіографами. Висловлена думка й про необхідність, навпаки, історіографії активніше йти на зустріч наукознавству, так би мовити, повертаючи борги. Вочевидь, на сьогодні існує взаємонепорозуміння між дослідницькими співтовариствами, які ідентифікують себе відповідно з «науково-теоретичним» та «наративно-гуманітарним» знанням. Таке розмаїття думок можна охарактеризувати (за Т. Куном), як період «ненормальної» науки, констатувати як кризу, і для цього дійсно є чимало підстав.

І все ж, спробуємо завершити цей невеличкий вступ на оптимістичній ноті. Застосовуючи термінологію наукознавства, сьогодні можна казати не лише про мультипарадигмальність історичної науки, але й сучасної науки в цілому. Поява нових концепцій відбувається настільки швидко, що дослідники не встигають за новаціями, а мутація/модернізація старих концепцій дозволяє їм продовжувати своє існування в науці в доволі пристойному вигляді. До того ж сам спектр досліджень настільки широкий та різноманітний, що претендувати на енциклопедизм тепер вже не доводиться. Мультипарадигмальність перестає бути ознакою кризи (або, навпаки, криза стає перманентною: але це не може нас засмучувати). Все частіше лунають заклики до розвитку «методології поліпарадигмальності». Відповідно, завдання скоріше зводиться до

пошуку адекватного проблемі методу. Якщо нова проблема не вирішується старим методом, то слід відшукати новий відповідний метод в усьому арсеналі сучасної науки. Тобто дослідницька стратегія має обов'язково включати метод. Результат же дослідження слід бачити не як дах, що вінчає будинок, а як основу для нового будівництва.

Саме так ми пропонуємо поглянути й на опубліковані у цьому випуску збірника статті. Давайте шукати в них нові методи, або такі результати, які кличуть нас до нових дослідницьких завдань. І нехай цей процес триває безкінечно довго...

Розділ I

Проблеми теорії та методології

Л.П. РЕПИНА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Тенденции современной историографии многообразны и неоднозначны. Наряду с расцветом микроисторических исследований, вырос интерес к макроперспективе глобальной истории, ориентированной на изучение экологических, эпидемиологических, демографических, культурных и интеллектуальных последствий развития глобальных взаимосвязей за последние полтысячелетия. Фактически в начале XXI века сформировалась новая научная дисциплина – глобальная история, опирающаяся на представление о когерентности мирового исторического процесса¹. Становятся все более интенсивными усилия по историческому осмыслению глобальных процессов, в новом контексте пересматривается и содержание таких привычных понятий, как «всемирная история» и «европейская история». Так, Джон Гиллис в обобщающем докладе о состоянии изучения европейской истории в американских университетах констатировал неопределенность в ее дефиниции, во-первых, постольку, поскольку меняется сам облик Европы (прежде речь шла преимущественно о Западной Европе, а теперь «мы подразумеваем нечто одновременно более масштабное и более сложное»), и, во-вторых, поскольку изменяются отношения Европы с «остальным миром»: «она утратила свое центральное положение как в пространственном, так и в темпоральном измерении» и перестала служить «моделью» и «мерилом прогресса», «хотя правда и то, что ни одна другая региональная история не заступила ее место в качестве исторического образа» [2].

Современное понимание глобальной и мировой истории вовсе не исключает, а – напротив – подразумевает наличие множества локальных вариантов и траекторий развития и далеко ушло от

¹ О «многозначной логике» интерпретации глобальных тенденций в истории человечества см.: [1, с. 10-13].

линейных и европоцентристских в своей основе обобщающих схем в духе христианского универсализма и классических модернизационных теорий, как в свое время ушел от модернистского понимания времени (как однородного) Ф. Бродель в своей теории времен разной длительности, непосредственно связанных с социально-историческими процессами, – в теории, открывшей для исторической науки новые перспективы компаративного анализа, так до сих пор и не использованные¹.

С учетом «культурного поворота», который пережила не только историография, но и общественные науки, в том числе социология², обновляется также и методология компаративной истории. Поиск современного взгляда на бесконечное разнообразие исторического опыта актуализирует сравнительно-исторические исследования, одновременно все больше смещая их в интердисциплинарное пространство. В этом своем статусе новая стратегия компаративной истории связывается не с де-контекстуализацией сходных явлений в рамках универсалистской или же эволюционной (европоцентристской, по своей сути) парадигмы, а с преодолением европоцентризма, с акцентированием – наряду с обнаруживаемыми аналогиями – контрастов и различий, с последовательным учетом разнообразия локальных контекстов и культурных традиций. В связи с процессом так называемой «глокализации» (речь идет о процессе регионализации, который сопровождает и – более того – является реакцией на глобализационные процессы) чрезвычайно актуальной и критически важной задачей становится разработка проблемы диалога культур и цивилизаций в ее историческом измерении и интенсификация сравнительно-исторических исследований на основе современных теоретических подходов.

¹ Блестящий анализ броделевской теории, сложной траектории развития «Анналов» и их влияния на мировую историческую науку от периода «боев за историю» до «критического поворота» см. в книге: [3].

² В частности, это обстоятельство побудило известного британского историка П. Берка поменять во втором издании название своей часто цитируемой книги «Социология и история» на «История и социальная теория»: было специально отмечено, что он использует термин «социальная теория», включая в него «теорию культуры» [4. Р. IX-X].

Параллельно происходит переопределение внутридисциплинарной иерархии и множится богатство междисциплинарных связей исторической науки, как и усилия историков и представителей смежных наук по их осмыслению и оптимизации¹. Интердисциплинарность уже несколько десятилетий представляет собой неотъемлемую характеристику состояния современного социально-гуманитарного знания. За это время в результате целого ряда «поворотов» и «революций» в интеллектуальной сфере многое изменилось в конфигурации междисциплинарного взаимодействия, в подходах к изучению прошлого, в концептуально-методологическом оснащении и в понимании предмета и статуса исторической науки. Систематический анализ разнообразных исследовательских практик, опирающихся на междисциплинарные подходы, и многочисленных теоретико-методологических дискуссий об эффективности и границах их применения в разных областях исторического знания показывает, что само понятие междисциплинарности, отражая смену эпистемологических ориентиров, также меняет свое содержательное наполнение².

В самом конце XX века, когда история совершила свой очередной виток – «культурологический» поворот – и в рамках социокультурного подхода была поставлена задача раскрыть культурный механизм социального взаимодействия, произошел перенос значения с «заповедных территорий» академических дисциплин на постановку и решение проблем, формулируемых, по существу, как трансдисциплинарные: это проблемы, которые в принципе не могут быть поставлены в конституированных дисциплинарных границах, и последние в новой познавательной ситуации теряют свою прежнюю актуальность. В этой связи можно

¹ См., в частности обсуждение этих проблем в книгах: [5; 6].

² Современная история междисциплинарности может быть условно описана как транзит: от «интердисциплинарности» – через «поли-/мультидисциплинарность» – к «трансдисциплинарности». При этом надо иметь в виду, что многочисленность терминов, употребляемых сегодня для обозначения взаимодействия наук, – вовсе не игра в слова, терминологические «эксперименты» отражают стремление исследователей обозначить важнейшие качественные отличия в применяемых ими подходах.

говорить и о формировании новых над-дисциплинарных областей социогуманитарного знания, которые уже обрели весомые признаки институционализации в виде специализированных образовательных программ и университетских кафедр, научных журналов, профессиональных ассоциаций и т.д. (как, например, *cultural studies*, *gender studies*, *memory studies* и др.)¹. Что касается ситуации внутри базовых дисциплин, то в настоящее время уже совершенно очевидно, что многие выделившиеся было субдисциплины имеют общий теоретический, методологический и концептуальный арсенал, демонстрируют общее направление развития, и различаются лишь по специальной предметной области, что в принципе создает предпосылки не только для плодотворного сотрудничества между разными внутридисциплинарными специализациями, но и для их последующей реинтеграции.

Глобализация, неразрывно связанная с коммуникативными процессами, включая коммуникацию идей, поставила на повестку дня новые вопросы и для тех, кто занимается изучением аналогичных процессов в историческом измерении, в том числе в пространстве культурно-интеллектуальной истории. Формирование в обществе новых ценностных ориентиров не только отражается на исходных предпосылках мыслителя и постановке им проблем, но и во многом определяет результаты познавательной и творческой деятельности, которая, в свою очередь, преобразует собственные контексты². Не остаются незамеченными и те изменения, которые происходят в области исторического сознания, исторической эпистемологии и концептуализации самого исторического знания, оценке познавательных возможностей исторической науки³. По сути, речь идет о проблеме формирования нового исторического сознания, способного адекватно осмыслить свершившиеся и совершающиеся в мире перемены, критически преодолеть европоцентристскую

¹ Интересные соображения о рудиментах междисциплинарных границ см. в книге: [7. Ch. 3. P. 59-90].

² Теоретическое обоснование и конкретно-исторические разработки этого направления исследования см. в коллективном труде: [8].

³ Актуализация данной проблематики вызвала появление новых обширных исследовательских полей и их интенсивную разработку. См.: [9; 10; 11].

перспективу, о создании в этом свете новой исторической культуры и нового образа исторической науки¹.

Вполне закономерно тема общественного потенциала и роли исторической науки стала одной из ведущих в мировой историографии. Как изменяется статус истории в системе научных дисциплин и какое место она занимает в иерархии ценностей современной культуры? Что происходит с функциями исторического знания в условиях все ускоряющихся социальных трансформаций? Как сказываются процессы глобализации и обеспечивающие их новые информационные технологии на структуре исторического знания и формах его презентации? Что дает история для решения наболевших вопросов существования людей в становящемся все теснее и все взрывоопаснее мире? И как могут быть “оправданы” (с точки зрения практической пользы) профессиональные занятия историей в глазах общественности? Обсуждение всех этих и связанных с ними вопросов занимает центральное место на страницах «новой волны» научных периодических изданий (в том числе электронных), основанных в начале нынешнего века (*Rethinking History: The Journal of Theory and Practice*; *Historically Speaking*; *The Journal of the Historical Society*; *Historein*; и др.)².

Эти насущные проблемы осознаются ведущими историками, придерживающимися разных методологических парадигм, за исключением, быть может, тех, кто вообще отрицает концепцию научной истории в любом ее виде и ее роль в социуме, призывая «забыть об истории» и «обходиться без исторического сознания» [14; 15; 16]. К тому же, с точки зрения Хейдена Уайта, «...история была экспортирована в те культуры, которые первоначально ее не имели, таким же образом, как христианство и капитализм, но совсем не так,

¹ В течение XX столетия многие социальные функции историографии – идентификационная, воспитательная, развлекательная – в условиях беспрецедентного разрастания пропасти между профессиональным и обыденным историческим сознанием были эффективно освоены масс-медиа. Усугубил ситуацию постмодернистский девиз «каждый сам себе историк». Принцип исторического исследования посредством критического изучения первоисточников разделяется очень немногими за пределами профессиональной среды.

² См., например: [12]. См. также обсуждение этих проблем в книге: [13].

как современные естественные науки. История никак не может считаться наукой в том же смысле, что химия или физика¹. Не каждый в ней нуждается, и, возможно, многим людям она наносит ущерб. Нельзя думать, что если история обслуживает, или может показаться, что обслуживает, наши потребности, то она нужна всем» [17, с. 345-346; 18].

Отрадно, однако, что далеко не все представители исторической профессии согласны с классиком постмодернистской историографии². Для многих участников дискуссий становится все более очевидным, что сохранение за ремеслом историка достойного общественного статуса невозможно без осмысления всех последствий «методологических поворотов», создания новых теоретических моделей и восстановления синтезирующего потенциала исторического знания на новом уровне³. Сегодня уже многие профессионалы переосмыслили свою историографическую практику с учетом «лингвистического поворота», отвергнув его экстремальные постулаты.

Йорн Рюзен, освещая проблему «нарративности и объективности в исторических исследованиях», так описал историографическую ситуацию: с одной стороны, метаисторическая нарративность как принцип исторического мышления, который логически противостоит всякой научной объективности в представлении прошлого как истории; с другой стороны, все еще достаточно прочные

¹ С этим, заметим, никто из историков и не спорит. Сегодня уже общим местом стало признание как историчности самого понятия *науки*, так и факта одновременного «мирного сосуществования» различных концепций *научности*.

² Собственно уже с конца 1970-х годов появляются работы, испытывавшие сильное влияние лингвистического поворота, но проявляющие заметную неудовлетворенность его базовыми постулатами.

³ Подробнее см.: [19]. С пониманием, хотя и несколько иронически, высказался в свое время об этой позиции известный польский историк Войцех Вжозек: «...Те, кто ищет в этом хаосе какого-либо порядка, с удовольствием поддаются очарованию компромиссных предложений, расположенных между модернизмом и постмодернизмом. Они удовлетворяют свою потребность в наличии порядка мышления и одновременно не хотят отказаться от языка модернизма, воспринимая мир в духе постмодернизма. Эта позиция позволяет, в сущности, сохранить непрерывность в культуре, обеспечивает общение и, если кто-то хочет, создает возможность эффективного объяснения нового образа мира» [20, с. 153].

академические традиции и процедуры профессиональных историков с их приверженностью рациональному методу, который обеспечивает знание, претендующее на объективность. Свою задачу Й. Рюзен видел в том, чтобы «примирить эти две позиции», показав, что историческая объективность может быть легитимирована в рамках нарративистской теории истории. Подробно изложив аргументы обеих сторон, он перешел к главной части, которую озаглавил «Навстречу новой концепции объективности». Й. Рюзен рассматривает понятие «объективность» с двух сторон. Исходя из того, что рациональные процедуры исторического исследования основываются на признании «некоей предзаданности опыта по отношению к исторической интерпретации», Й. Рюзен подчеркивает, что *опыт является одной из границ интерпретации*, т. е. интерпретация не может выйти за границы опыта, но такое отношение к опыту не устраняет проявления субъективности историка. Во втором своем значении понятие объективности включает и эту «субъективную» сторону исторической интерпретации – речь идет об интерсубъективной истине. Понимание объективности как интерсубъективности означает, что историческая интерпретация не является произвольной относительно культурного дискурса и социальной жизни, в рамках которых создается исторический нарратив, к которым он адресуется и предлагает некоторые практические ориентиры. «Объективность» состоит в том, что учет всех этих трех перспектив в интерпретации исторического опыта дает достаточные основания для того, чтобы один нарратив принять, а другой отвергнуть. «Практическая когерентность» (т. е. сопоставимость) – это качество исторического нарратива, благодаря которому он выполняет функцию культурной ориентации в практической жизни, и прежде всего важную роль в формировании персональной и социальной идентичности». Плюрализм точек зрения историков Рюзен рассматривает не как отрицание объективности исторической интерпретации, а напротив – как реализацию этой объективности: историческая интерпретация либо рассматривается сквозь призму различных взглядов, соотносимых с различными идентичностями, либо она «вбирает их в себя как комплементарные». Иными словами, речь идет о такой концепции плюрализма, которая базируется на принципе дополнительности, взаимной критике и взаимном признании [21; 22; 23].

Сторонники «третьей позиции» продемонстрировали довольно широкий спектр ответов на вызов постмодернизма. Ключевыми концептами в развернувшейся ревизии лингвистического подхода стали «опыт» (несводимый полностью к дискурсу) и «практика». Причем именно понятию «практика», как *совокупности осознанных и неосознанных принципов, организующих поведение*, отдается предпочтение перед понятием «стратегии», которое акцентирует сознательный выбор [24; 25].

Поиски новой исследовательской парадигмы привели к разработке концепций исторического развития, группирующихся вокруг разных версий и теорий «прагматического поворота». Эти «теории практики» выводят на первый план действия исторических акторов в их локальных ситуациях, в контексте тех социальных структур, которые одновременно и создают возможности для действий, и ограничивают их. Таким образом в центре внимания оказался вопрос о том, как действующие лица истории изменяют социокультурные условия своего существования и деятельности, что неизбежно требует разработки интегральной теоретической модели, ориентированной на комбинацию микро- и макроанализа и включающей механизмы индивидуального выбора [26; 27, с. 26-37]. Как выразился Дж. Гэддис в своей замечательной книге «Ландшафт истории», в отличие от точных наук, история имеет дело с «частицами», которые «рефлексируют, производят обратную связь, обмениваются информацией, – я имею в виду людей. И дело здесь не в том сознании, которое имеется и у горилл, и у жирафов... То, чего нет у этих видов, это самосознание – способность индивидуально осмыслить свою ситуацию, принять четкое решение и сообщить его другим. Косяки рыб, стаи птиц, стада оленей реагируют на хищников одинаково, коллективно и почти мгновенно. Они не стоят кружком (либо летают или плавают), обсуждая эту ситуацию. Человеческое поведение гораздо сложнее. Способность к саморефлексии открывает возможность очень по-разному реагировать на схожие обстоятельства» [28. Р. 111-112].

II

Со времен Геродота и Фукидида историки используют разные объяснительные модели. Несмотря на то, что в XX веке, особенно во второй его половине, богатой на «познавательные повороты», было

предпринято немало попыток коренным образом преобразовать теорию и практику историописания, оно продолжало существовать между «полюсами» двух базовых типов объяснения – через мотивы человеческой деятельности, либо через природные факторы или социальные структуры, ее обуславливающие. Причем специализация внутри исторической науки, требующая ограничения предметного поля конкретных исследований той или иной стороной исторического процесса, постоянно создает почву для переноса именно на нее центра тяжести в теоретическом осмыслении и объяснении истории. Отсюда понятно и то значение, которое приобрели в новейшей историографии микроисторические исследования, приверженцы которых, при всех различиях методологического и методического порядка, разделяли и разделяют ряд общих позиций. Это, прежде всего, критический настрой в отношении макроподходов, которые долгое время доминировали в социально-исторических исследованиях; акцентировка роли опыта и деятельности людей в самом конструировании социального; приоритетное внимание к исключительному и уникальному – к необычным казусам, индивидуальным стратегиям, перипетиям биографий. Между тем, уже очень скоро возникла острая потребность в способах интеграции микро– и макроаналитических подходов к изучению прошлого, и на повестку дня был поставлен вопрос о практическом применении в конкретно-историческом исследовании комплексного метода социального анализа, опирающегося на последовательную комбинацию системно-структурного и субъективно-деятельностного подходов. Хотя теории и методы смежных общественных и гуманитарных наук помогли определить направления поисков, сыграв важную ориентирующую роль, но они обнаружили неспособность обеспечить новые убедительные объяснения с учетом исторического характера предмета исследования. Для этого требовалась самостоятельная теоретическая работа, и круг интерпретаций, базирующихся на представлении о внутренней целостности исторических явлений, о диалектическом характере взаимодействия социальной структуры, культуры и человеческой активности, постепенно расширялся.

Попытка представить интегративную «операциональную модель» исторического объяснения, работающую на уровне

«интуитивных теоретических допущений историков», была в свое время предпринята известным польским методологом Ежи Топольским. «Агенты – это более или менее упорядоченная совокупность людей с присущими им личностными структурами, психологическими статусами и мотивациями. История складывается из действий, совершаемых этими людьми (индивидуально или в группах). Некоторые из этих действий *проактивные*, то есть осуществляются по воле самих агентов, а некоторые – *реактивные*, реагирующие на внешние события разного рода, включая действия других людей. Акции и реакции неизбежно влияют друг на друга и образуют последовательности причин и следствий (назовем их генетическими) и структурно-функциональные системы, а также системы, которые являются одновременно функциональными и генетическими» [29. Р. 333]. А это означает, что в исторических повествованиях (нарративах) человеческие действия, объясняемые мотивационно, переплетаются с «объективными» факторами (с природными условиями жизни и с созданным прошлыми действиями социально-историческим контекстом), которые в терминах человеческих действий, т.е. на языке мотиваций, решений, эмоций и т.д.) интерпретации не поддаются. Е. Топольский предполагал, что два типа объяснений (мотивационное и структурное) могут быть интегрированы. Ключевым моментом выхода за пределы мотивационной модели навстречу модели структурной является постановка вопроса «почему у агента, действия которого мы объяснили определенными мотивами, были именно эти мотивы, а не какие-то другие» [29. Р. 335]. Такая стратегия изучения взаимосвязи поведения людей, социокультурных представлений и экономических, политических, духовных макропроцессов социальной жизни выступает как эффективное средство научного синтеза.

Базовые принципы новой парадигмы – «другой» социальной истории – были сформулированы в результате плодотворного сотрудничества ведущих представителей итальянской школы микроистории и французских историков, группирующихся вокруг журнала «Анналы». Эти принципы нашли свое отражение и осмысление в материалах, подготовленных под руководством Б. Лепти и Ж. Ревеля коллективных изданий «Формы опыта» [24] и «Игры с масштабами. От микроанализа к опыту» [30]. «Говорящие» названия

этих трудов четко отразили и зафиксировали смещение исследовательского интереса в сторону изучения мотиваций и стратегий индивидуального и коллективного поведения в русле идей выдающегося французского социолога Пьера Бурдьё, активно использующихся в исторической антропологии¹.

Ж. Ревель констатировал существование двух разных позиций по вопросу о соотношении микро– и макроанализа. Первая – «релятивистская», которая основывается на принципе вариативности масштаба, видя в этом исключительный ресурс плодотворности, поскольку делается возможным конструирование сложных объектов и «учет многослойной структуры социального». Сторонники этого подхода не отдают предпочтения ни одному масштабу, видя преимущество для исследователя именно в «игре с масштабами». Приверженцы второй платформы, которую Ж. Ревель назвал «фундаменталистской», «считают, что в производстве социальных форм и отношений “микро” порождает “макро”, и защищают, таким образом, абсолютное предпочтение первого, поскольку именно на этом уровне, согласно их позиции, “происходят действительно причинные процессы”»². Каждый из этих подходов имеет значительный эвристический потенциал и объективно нацелен на обновление предметного поля социальной истории, рассматривая социальные нормы, институты и властные отношения в контексте повседневной жизнедеятельности (или социальных и культурных «практик») исторических «актеров».

Важнейший постулат «социальной истории культурных практик» состоит в следующем: практики развиваются в рамках институтов, в соответствии с нормами и ограничениями разного порядка, под

¹ Согласно П. Бурдьё, действия людей и социальных групп, в той или иной мере располагающих различными ресурсами экономического, социального и культурного капитала, воспроизводят или видоизменяют существующую структуру их распределения.

² По словам Ж. Ревеля, и в том, и в другом случае речь идет о «внимании к опыту актеров в социокультурном контексте», и здесь «нет альтернативного выбора между подходом, который отдает предпочтение идентификации универсальных символических систем, и подходом, который пытается постичь то, что разыгрывается в незавершенном процессе истории. Однако следует признать, что эти две операции продуцируют разные конструкции социального» [30. Р. 13].

контролем власти, но они, в свою очередь, являются источником мутаций институтов, замещения норм и производства новых властных отношений. Так формулируется концепция «культурной истории социального», центральным вопросом которой является соотношение между нормами, представлениями (репрезентациями) и практиками. Ключевым становится тезис о культурном многообразии, который указывает на существование в культуре «разломов», или «разрывов», возникающих вследствие половых, возрастных, социальных, экономических, этнических, политических различий. Эти различия обуславливают специфическое восприятие и усвоение общекультурного фонда в процессе социализации и, соответственно, дифференциацию принимаемых индивидами или группами «культурных моделей». Таким образом, в фокусе исследования оказывается не номенклатура существующих в обществе социальных групп, категорий или страт, а непрерывный процесс их становления. «Другая социальная история» ориентируется на анализ межличностных и групповых взаимодействий (в ходе которых и возникают социальные общности), а также локальных интерпретаций социальной структуры и государственной системы, порождающих «диалогические договорные отношения между центром и периферией» [24. Р. 84]. В этой связи становится очевидным, что изучение индивидуального поведения действующих лиц истории в «микроисторическом масштабе» позволяет лучше понять и макросоциальные процессы.

Главные проблемы исследования состоят в определении «способов производства институтов» [24. Р. 63], или процедур согласования между собой социальных институтов и норм, с одной стороны, и действия индивидов, с другой; в идентификации процессов формирования и трансформации социальных организаций и групп; в совмещении анализа социальных институтов с анализом поведения конкретных индивидов. Опираясь на имеющийся опыт конкретно-исторических исследований, приверженцы «другой» социальной истории, группирующиеся вокруг «Анналов», считают, что институты и нормы не являются чем-то «внешним по отношению к социальному полю». Социальные институты и продуцируемые ими нормы рождаются в ходе соответствующих взаимодействий индивидов, результатом которых являются так называемые «договоренности»,

«соглашения» (они всегда относительны и подвижны). «Договоренности» и нормы выступают как продукт социальных практик индивидов, их социальной активности и коллективных представлений. В целом, определяющими для понимания новой концепции являются такие понятия, как «практики», «взаимодействия» («транзакции»), «договоренности» или «соглашения» («конвенции»), «репрезентации» и «дискурсы».

Преимущества «другой социальной истории» были блестяще продемонстрированы в работах Симоны Черутти по туринским профессиональным корпорациям XVII–XVIII вв. [31; 32; 33, 34]. Черутти применила процессуальный подход к истории локальных социальных институтов, сосредоточившись не на их функциях, а на анализе индивидуальных и семейных стратегий, поляризовавших городское социальное и политическое пространство. В очерченном ею поле взаимодействий внутри каждой профессии вместо гомогенной корпоративной идентичности обнаружился сложный клубок сталкивающихся интересов, конкурирующих союзов, перемежающихся ссор и переговоров. Таким образом, центральная задача состояла в том, чтобы выяснить связь между индивидуальной рациональностью и коллективной идентичностью. Изучая формирование социальных групп торгово-ремесленного населения в Турине С. Черутти сосредоточилась не на выяснении социальной принадлежности индивидов, а на реконструкции их индивидуального и коллективного опыта. «Их жизненные пути, отношения, которые они завязывали, определяли широту и качественные характеристики их социальных позиций, так же как и те ограничения, которые могли влиять на выбор ими тех или иных решений. В этом смысле, социальные отношения становились контекстом, в который вписывались их биографии» [33. Р. 184]. Главный итог работы Черутти, с точки зрения методологии «другой социальной истории», состоит в отчетливо выявленной взаимозависимости между двумя уровнями исследования – индивидуального поведения и институциональных отношений – и в использовании общего концептуального инструментария, независимо от масштаба анализа. Разрыв между намерениями исторических акторов и совокупным эффектом их действий может быть очень сильным, но при этом только

«раскодировка индивидуального опыта» позволяет понять характер социальных групп и институтов.

На становление «англосаксонского» варианта «другой социальной истории» огромное влияние оказала теория структуризации британского социолога А. Гидденса. Теория структуризации стремится преодолеть дуализм структуры и деятельности людей, происходящей в условиях, которые далеко не до конца осознаны и поняты ими. Согласно этой социальной теории, социальные структуры возникают в процессе общественной практики – как «правила» и «ресурсы», используемые людьми в их взаимодействии. «Правила» не только вводят человеческую деятельность в определенные рамки, но и создают саму возможность рациональной деятельности, участвуя в воспроизводстве социальной системы, моральных норм и отношений власти. «Ресурсы» представляют собой материальные средства и организационные способности действующих лиц, причем власть сама по себе не относится к ресурсам, а является результатом обладания ими. Гидденс различает три измерения структуры: *сигнификацию*, в рамках которой действующие субъекты осуществляют общение и рационализируют свои действия с помощью интерпретативных схем; *доминирование*, возникающее из ассиметрий в распределении ресурсов; и *узаконивание*, посредством которого различные формы поведения утверждаются при помощи норм. Структура Гидденса существует только в виде отпечатков в памяти, служащих основой человеческого знания, и в момент ее опредмечивания в действии. Формируя поведение человека, структура может быть изменена в результате его действий, последствия которых не могут быть полностью предвидены. Структура не препятствует действию, а вовлечена в его осуществление – даже в процессе самых радикальных изменений.

Значительное число британских, американских и других практикующих историков англоязычного мира гласно или негласно принимают теорию структуризации А. Гидденса. Как правило, речь не идет об открытой артикуляции лежащих в ее основе предположений, но их исследовательская платформа так или иначе приближается к тому, что Кристофер Ллойд назвал рабочим термином «методологический структуризм», к пониманию социальной структуры как складывающейся совокупности правил, ролей,

отношений и значений, «в которых люди рождаются и которые создаются, воспроизводятся и преобразуются их мыслью и действием. Именно люди, а не общество, порождают структуры и инициируют изменения, но их креативная деятельность и инициатива являются социально вынужденными». Согласно онтологии Ллойда, «люди имеют действенную силу, а структуры – обуславливающую», она «пытается концептуализировать действие и общество как *взаимопронизывающую дуальность* [курсив мой - Л.Р.]» [35].

Концепция возникающей структуры в этой модели требует многоуровневого видения социокультурного пространства, новые свойства которого возникают на верхних уровнях. Структура может охватывать либо общество или культуру как системное целое, либо системные отношения на разных уровнях, или какой-то один общественный институт. Историки в своих конкретных исследованиях (в том числе чисто «казуальных»¹) могут описывать действия индивида или группы в социокультурных пространствах, выстраивающихся по ранжиру от макроструктур (например, группы государств или их экономических, социальных и культурных систем) до структур среднего уровня (политических институтов, корпораций, социальных организаций, региональных субкультур) и микроструктур «наверху», «внизу», «в центре» и на общественной периферии (олигархии, элитные клубы, маргинальные группы, семьи). Индивиды и группы имеют большую или меньшую действенную силу и определяют баланс причинности различными способами, нет никакой фиксированной формулы, определяющей взаимосвязи макро- и микроструктур: они могут быть организованы в различные схемы. Более того, структурные отношения изменяются разными темпами (иногда катастрофически) и возможности действующих субъектов предположительно меняются вместе с ними.

В соответствии с задачей исследовать, как проявляются социальные структуры, социальные процессы и культурные представления на всех уровнях исторического общества (от локального до национального), выстраивается и исследовательская стратегия. На первом этапе реконструируются отдельные аспекты

¹ См., например, одно из казуальных исследований подобного рода в эталонном исполнении Р. Каста: [36].

поведения индивида, которые формировали его предположительно нормативную, санкционированную обществом модель, включая широкий репертуар символических действий. На втором этапе исследователь обращается от идеала к реальности, к детализированному описанию и анализу (достичь желаемого уровня детализации как раз и позволяет казуальный подход) конкретного межличностного взаимодействия в изменчивых и всегда непредвиденных обстоятельствах, с целью выяснить наличие или отсутствие каких-либо сдерживающих, заданных обществом правил. Важной предпосылкой этого шага является кажущийся парадоксальным тезис о том, что сущностные характеристики социальной организации общества рельефнее всего проявляются в тех пунктах, где она кажется наиболее уязвимой и, таким образом, теоретически наименее эффективной. Рассмотрение казуса или эпизода во всех его живописных деталях, обнаруживает логику определенного поведенческого кода, разнообразных приемов демонстрации намерений, наконец, набор максимально допустимых и переходящих допустимые границы действий. Затем, возвратившись к обобщающим процедурам и опираясь на сравнительный анализ уже серии казусов аналогичного типа, исследователь приходит к выводу о характере большинства зафиксированных взаимодействий, скрытых мотивов, ожиданий и интенций, всего спектра коммуникативных практик.

Таким образом, отталкиваясь от микросоциального анализа атипичных, зачастую экстремальных случаев, историк ставит перед собой более масштабную задачу исследовать социокультурный контекст, проявляя границы его возможностей. При этом он постоянно меняет ракурс, в котором рассматривает свой объект: последний то разбухает, занимая все видимое поле (и даже не вмещааясь в него целиком), то «теряет лицо» в длинном строю «фактов» поглотившей его совокупности.

Один из наиболее интересных вариантов социокультурного исторического анализа был предложен немецким историком Мартином Дингесом, который не только использовал его в своих конкретных исследованиях, но и выступил с программной статьей на страницах альманаха «Одиссей» [37], где развернул исследовательскую программу «культурной истории повседневности»

(*Alltagskulturgeschichte*) на основе теории «стилей жизни» [37, с. 105–106]¹. «Стиль жизни» М. Дингес определяет как «сравнительно устоявшийся тип решений, принимаемых индивидами или группами, делающими выбор из предлагаемых им обществом вариантов поведения. «Стили жизни» понимаются как «структурированные во времени и пространстве модели образа жизни, которые зависят от ресурсов (материальных и культурных), от типа семьи и хозяйства, а также от ценностных установок»; причем последние «определяют главные жизненные цели, формируют ментальности и выражаются в специфическом хабитусе» [37, с. 106–107]. М. Дингес подчеркивает, что теория стилей жизни делает возможным подлинно комплексный анализ социальных структур, способный выявить «как структурообразующий эффект поведения индивидов и групп, так и обратное воздействие социальных структур на поведение людей». При этом важно, наряду с устойчивыми вариантами, не упускать из виду и изменяющиеся (в течение жизни или в зависимости от ситуации) формы поведения, «поскольку именно они зачастую представляют собой отправные точки последующих исторических перемен» [37, с. 107]².

Свои теоретико-методологические постулаты М. Дингес иллюстрирует на примере анализа случаев оскорбления и защиты чести и достоинства: он реконструирует стили поведения по материалам изученных им судебных казусов, которые имели место в Париже XVIII века. Действительно, конфликты подобного рода ставили участников в напряженную ситуацию выбора из структурно обусловленных возможностей (вызывающее поведение, оскорбительные слова, угрожающие жесты, рукоприкладство, эскалация насилия, вмешательство соседей, гражданский иск) и

¹ В социологии «стили жизни» рассматриваются как одна из характеристик образа жизни, как определенные типы поведения индивидов или групп, фиксирующие устойчиво воспроизводимые черты, манеры, привычки, вкусы, склонности. Стиль жизни акцентирует внимание на социально-психологических особенностях поведения и общения людей.

² «В то время как изучение стилей поведения может быть плодотворным при исследовании поведения конкретных исторических субъектов в конкретных ситуациях, анализ стилей жизни более непосредственно подводит к изучению социальных групп и целых обществ».

особенно стимулировали «индивидуальное стилеобразование». Для того чтобы продемонстрировать эффективность теории стилей поведения в «культурной истории повседневности», автор привлекает внимание читателя к тому обратному действию, которое оказывали выбираемые стратегии (стили поведения) на структуры распределения влияния в рамках общества. Так, отметив, что аристократы не так легко решались переходить от вербальных оскорблений к оскорблению действием, как представители других социальных групп, и зафиксировав меньшую склонность к применению насилия в конфликтах по поводу чести как стиль поведения высшего слоя общества, М. Дингес приписывает ему «дистинктивное значение» и влияние на образование классовых структур. Растущее число посягательств на честь лиц, занимающих более высокое общественное положение, оценивается аналогичным образом: как нарушения «межклассовых границ» и «зачаточная форма» расшатывания существующей иерархии. Результат, т.е. реальное изменение распределения экономических и политических ресурсов в данном обществе, «зависит от того, сколько индивидов переймут такой стиль поведения» [37, с. 112]. Применение более широкой аналитической категории «стилей жизни» (они обычно складываются из нескольких стилей поведения) позволяет обнаружить как механизмы социокультурной репродукции, так и процессы структурных перемен.

В итоге мы получаем модель, «до боли» напоминающую процесс структуризации А. Гидденса. Индивиды и группы действуют в условиях асимметричного распределения ресурсов и относительно свободного выбора тех или иных стилей жизни и поведения. «Закрепившийся выбор, осуществленный множеством действующих лиц, оказывает обратное воздействие на распределительные структуры общества... Изменившиеся структуры распределения гендерных ролей, экономических, социальных, политических и культурных ресурсов, в свою очередь, изменяют условия, в которых реализуются стили жизни и поведения» [37, с. 118].

Итак, аналитический инструментарий социологических теорий дает возможность исследовать роль индивидуального начала в повседневных социальных практиках. Однако, обращаясь к индивидуальному поведению, «другая социальная история» вовсе не

отказывается от изучения макропроцессов. Линия раздела, по существу, пролегает сегодня уже в иной плоскости – между двумя принципами осмысления исторического процесса: с одной стороны, посредством «наложения» априорных, универсальных концепций, и, с другой – вероятностными методами, позволяющими моделировать индивидуальные поведенческие практики и коллективные социальные действия, исходя из эмпирических данных. В последнем случае только и могут позитивно реализоваться эпистемологические ожидания, связанные с «другой социальной историей», которая предполагает обращение «от микроанализа к опыту» (вспомним подзаголовок сборника Ж. Ревеля) и к изучению структурных сдвигов, но уже на новой теоретической и мировоззренческой основе.

С этой теоретической платформы ведется сокрушительная критика ложной альтернативы социального и культурного детерминизма, который рисует индивидов как полностью формируемых социальными или культурными факторами. Во всем подчеркивается активность действующих лиц: индивиды не только естественно сопротивляются властям, которые обучают их правилам, ролям, ценностям, символам и интерпретативным схемам, они не только интерпретируют и преобразуют то, чему их научили, в соответствии со своими нуждами, желаниями и принуждением обстоятельств, но их рецепция культуры отражает причуды культурной трансмиссии. Процессы социализации и аккультурации не дают единообразных результатов, к тому же люди часто «ресоциализируются» и «рекультурируются» в разные моменты своей жизни и в различных социокультурных «локациях». Это плюралистическое и динамическое видение влечет за собой множество следствий: гораздо более богатое понятие социокультурной гетерогенности, чем предполагалось раньше, гораздо более сложную картину социокультурных изменений, больший простор для деятельности (как индивидуальной, так и коллективной) и для случайности.

Возведя в эвристический принцип непрерывную смену масштабов и переходя от людей к структурам и обратно, «другая социальная история» во всех ее версиях дает возможность реализовать в конкретно-историческом исследовании интегративный потенциал современного социокультурного анализа.

III

Происходившее в историографии конца XX – начала XXI столетия движение в направлении новой концептуализации социально-исторической реальности, опиралось главным образом на социологические теории 1980-х годов, которые были созданы в противовес концепциям постмодерна и анализировали организацию социальной жизни в комплексе взаимодействий ее локальных и интегральных составляющих. В рамках исследовательских моделей, построенных на этих теоретических основаниях, структурные свойства социальных систем рассматриваются одновременно как средства и как результаты практики, которую они организуют, повседневной социальной практики исторических акторов. В таком контексте культура того или иного социума выступает не как детерминирующая система символов и знаков, а как набор компетенций, инструментов или стратегий, посредством которых индивид использует эти символы и знаки в своей практической деятельности. Иначе говоря, знаковые системы «задают условия, но не управляют» этим процессом [38. Р. 44; 39. Р. 350].

Таким образом, именно практики, а не структуры, становятся отправным пунктом социально-исторического анализа, обогащенного «субъективной перспективой» действующих индивидов – анализом их ментальных актов и интерпретационных схем, акцентирующим расхождения между культурно заданными значениями и индивидуальным, исторически обусловленным их употреблением. В диалектическом понимании культуры как непрерывного взаимодействия между общественной системой и практикой социальной жизни происходит – на основе переопределения и усложнения самого понятия “социального” – реабилитация социальной истории, прошедшей горнило лингвистического и культурного поворотов. С одной стороны, «неофеноменологические» и «неогерменевтические» подходы, разместившиеся под зонтиком «праксеологических теорий», сохраняют наиболее важные достижения постструктурализма, а с другой, возвращают историографию к давно апробированным исследованиям социокультурных условий, процессов, изменений и трансформаций.

В настоящее время можно констатировать появление солидного корпуса работ, обсуждающих теоретические проблемы истории в новой интеллектуальной ситуации, как она сложилась к началу третьего тысячелетия¹. Речь в них, как правило, идет не о теории исторического процесса или о применении в историографии теорий социально-гуманитарных наук, а именно об «исторической теории», теории исторического знания².

В современной российской историографии также можно обнаружить разные взгляды на влияние постмодернизма на историческую науку и методологию истории и различные предложения теоретического характера. Важно, чтобы бросающееся в глаза терминологическое разнообразие не заслоняло их родовую концептуально-методологическую общность в контексте формирования «новой рациональности».

Как утверждает К.В. Хвостова, хотя историк, изучающий отдельные аспекты проблемы, конкретные явления в ограниченном пространственно-временном диапазоне, продолжает привычно пользоваться методами нахождения каузальных связей, факторов внешнего вынуждения и детерминации, строя «правдоподобные» выводы, соответствующие данным источников, все же историческая наука нуждается в рационалистической философии, способной преодолеть механицизм позитивизма и оправдывающей историческую истину не только на уровне исследований в рамках прагматизма и феноменологии [53], но и общефилософских рассуждений. В качестве «единого первичного основания» такой философии и теории истории К. В. Хвостова предлагает понятие *информации*, подчеркивая роль последней в формировании и развитии социума. Она подчеркивает, что «оперирование понятием “информация” в отличие от оперирования понятиями “язык” и “текст” обязательно предполагает всесторонний, в том числе и на уровне объяснения, а не только понимания, учет соотношения знака и реальности, что и свойственно подходу историка при осуществлении им конкретно-исторического исследования, а именно: необходимыми становятся рассуждения о

¹ Помимо многих уже упоминавшихся работ см.: [40 – 51] и др.

² Наиболее развернутый анализ этих проблем (с ответами на все острые вопросы, поставленные теоретиками постмодернизма) представлен в книге британского историка Мэри Фулбрук «Историческая теория» [52].

содержательных различиях передачи, переработки и хранения социальной информации в разные исторические эпохи» [54]. Тезис о понятии *исторической информации* как базовом постулате «новой рационалистической теории и философии истории», призванной «заменить ее крайне субъективистское постмодернистское понимание» развивается автором и в других работах [55].

Если К. В. Хвостова сожалеет о том, что в философии истории до сих пор четко не оформилось *неорационалистическое направление*, противостоящее крайнему релятивизму и субъективизму постмодернизма, то А. В. Лубский в своей книге «Альтернативные модели исторического исследования», отмечая, что влияние постмодернизма на историческую науку способствовало формированию особого стиля исторического мышления, а благодаря «лингвистическому повороту» в культурной истории, исследователи стали изучать не только культуру как набор ценностей и норм, но и то, как она «работает» и вписывается в социальный контекст, проявляет гораздо больший оптимизм и констатирует формирование *критико-реалистического направления* и *неоклассической модели* исторического исследования, «которая поставила задачу восстановления профессионального статуса исторической науки и ее социального престижа» [56, с. 86]. Действительно, новый стиль исторического мышления обнаруживается в уже весьма обширном корпусе исследований и определяется именно установкой на интеграцию анализа культуры «как набора ценностей и норм» и изучения механизмов ее «работы» в соответствующем социальном контексте, то есть на синтез двух подходов к исследованию исторической реальности, ранее противопоставляемых друг другу как взаимоисключающие¹.

Констатируя переход – в рамках интегральной *неоклассической* модели – «от одномерных интерпретаций истории к многомерным на основе синтеза “положительных” когнитивных установок классической и неклассической моделей исторического исследования» («с учетом всего того рационального, что содержится в постмодернизме»), преодоление антитезы социологического и антропологического подходов к изучению прошлого, выход

¹ Помимо рассмотренных выше работ см.: 57; 58.

«неоклассиков» на проблематику социокультурной истории («культурной истории социального») [56, с. 267, 271], А. В. Лубский обращается к ключевой проблеме научности исторического исследования, соотношения его эмпирической и теоретической составляющих. Речь идет о реактуализации процедуры рационально-научного объяснения (наряду с пониманием) в историческом познании, а следовательно, о необходимости разработки собственно исторических теорий – так называемых теорий среднего уровня, которые, не являясь простыми производными от общественно-научных теорий, «интерпретируют взаимосвязь между индивидуальными действиями и социальными структурами, включая в себя, с одной стороны, понимание индивидуальных действий, направленное на установление субъективно подразумеваемых их целей или ценностей, а с другой – социальное объяснение этих действий, связанное с определением их сущности, выявлением устойчивых взаимосвязей между ними, закономерностей функционирования и тенденций изменения» [56, с. 282]. Нельзя не согласиться и с резюме А. В. Лубского (вслед за Б. Г. Могильницким, Дж. Тошем и др.¹) о том, что историческая теория имеет инструментальное значение, вероятностный характер, акцентирует взаимосвязь объективного и субъективного в исторической реальности (это и обуславливает ее познавательную эффективность), не обладает универсальностью (т. е. эвристически ограничена), всегда предполагает наличие альтернативных теоретических интерпретаций.

Именно такая оценка когнитивного потенциала теорий среднего уровня и определила задачу создания целостной методологии исторического исследования, основанной на синтезе конкурирующих исследовательских стратегий. Оригинальная конструкция интегративной полидисциплинарной методологии анализа, разработанная «на базе методологически сопоставимых и комплементарных подходов, фокусирующихся вокруг проблемы бессознательного», и ориентированная на решение «проблемы изменчивости ментальных структур в их системной взаимосвязи с историческим контекстом» (исходя из «постулата социальности ментального мира»), была предложена и успешно апробирована в

¹ Автор ссылается, в частности, на работы: 59 и 60.

практике исследования крупномасштабных социальных трансформаций раннего Средневековья и начала Нового времени в монографии И. Ю. Николаевой [61]. При этом речь идет о полидисциплинарной технологии, дающей возможность верифицировать полученные с ее помощью результаты и проверить ее адекватность и эвристический потенциал на региональном конкретно-историческом материале. Особое значение имеет тот приоритет, который отдается в новой комбинированной исследовательской стратегии собственно историческим методам, и последовательно проведенная всесторонняя проверка совместимости избранного автором инструментария (и, соответственно, предлагаемой синтетической технологии) с макроисторическими теориями среднего уровня – теорией типологии генезиса феодализма и теорией типологии раннеевропейской модернизации. Здесь социально-психологический инструментарий и составляет «промежуточное звено» между эмпирикой конкретных ситуаций и «теориями среднего уровня», а точнее – задает палитру возможных концептуализаций первых и рамочные условия проверяемости последних.

И в связи с этим, возвращаясь к размышлениям А. В. Лубского, не могу согласиться с его выводом из критики «неоклассиками» односторонних принципов «неклассической модели», а именно о том, что они «считают, что субъективизм и релятивизм в исторической науке усугубились в связи с популярностью в ней социокультурной проблематики, приведшей по существу к отказу от объективно-каузального объяснения исторических событий» [56, с. 267]. Сторонники «прагматического поворота» и разнообразных версий «другой социальной истории» в современной мировой историографии, выдвигающие и реализующие теоретические подходы, тождественные тем, которыми А. В. Лубский характеризует «неоклассическую модель», не только относятся вполне лояльно к социокультурной проблематике, но и прямо идентифицируют свои исследования с *социокультурной историей*, педалируя при этом свои отнюдь не тематические, а именно методологические предпочтения – ориентацию на синтез социальной и культурной истории, макро- и микроанализа, объяснения и понимания, на адекватное воспроизведение диалектического взаимодействия объективных и субъективных компонентов деятельности исторических акторов.

При этом оказывается, что личностный, локальный и глобальный аспекты истории имеют нечто существенно общее в своих теоретических основаниях. Это, прежде всего, понимание социального контекста деятельности как ситуации, задающей не только условия, но вызовы и проблемы, которые требуют своего разрешения. Субъективность исторического актора (индивида или группы) во многом определяет результаты его деятельности, которая, в конечном счете, преобразует собственный контекст.

Здесь, однако, возникает трудноразрешимая методологическая проблема, которая была очень точно сформулирована в широко цитируемой редакционной статье «Анналов» 1988 года: «Как разграничить уровни наблюдения и определить модальности необходимого обобщения, поднимаясь от отдельного человека к группе и обществу в целом, от локального к глобальному? И если двигаться в другом направлении, как создать условия для совмещения и сравнения результатов?...» [62, с. 12-13].

В этой связи несомненный интерес представляет сетевая модель, предложенная и реализованная в исследовании глобальной истории интеллектуальных изменений американским социологом Рэндаллом Коллинзом. Для него локальная ситуация выступает как безусловно необходимая, отправная, но не конечная точка анализа: «Микроситуация... проникает сквозь индивидуальное, и ее последствия распространяются вовне через социальные сети к макросколько угодно большого масштаба... Никакая локальная ситуация не является одиночной; ситуации окружают друг друга во времени и пространстве. Макроуровень общества должен быть понят не как слой, расположенный вертикально над микро- (как если бы он находился в другом месте), но как развертывание спирали микроситуаций. Микроситуации встроены в макропаттерны, являющиеся именно теми способами, которые связывают ситуации друг с другом; причинность, – если угодно деятельность (agency) – проистекает извне вовнутрь так же, как и изнутри вовне. То, что случается здесь и теперь, зависит от того, что случилось там и тогда. Мы можем понимать макроструктуры, не реифицируя (не овеществляя) их, как если бы они были сами по себе существующими объектами, но рассматривая макро- как динамику сетей, объединение цепочек локальных столкновений...» [63, с. 67].

Остается, однако, неясным, как описать многомерную, лишенную доминантного вектора динамику социальной практики в традиционных формах исторического нарратива [64. Р. 25]. Ведь подобная динамика – со сложными переплетениями разномасштабных действий, явлений и процессов и с необходимой для их анализа «игрой масштабов» – не может быть адекватно описана в линейной нарративной логике последовательных событий. Отсюда – «очевидный крах той идеи, что всё прошлое может быть охвачено в рамках *одной*, официальной истории, так называемого «большого нарратива», под который могут быть подведены остальные, “более мелкие нарративы”» [65, с. 461]. Многообразие исследовательских перспектив приводит к многообразию создаваемых исторических нарративов. Результат может быть охарактеризован двояко: как «фрагментация» истории или как обогащение нашего понимания исторического прошлого. Очевидно одно – идеал исторической когерентности в виде «большого», всеобъемлющего нарратива потерял свою актуальность для современной исторической науки, и «надо отрешиться от поиска связности высшего порядка и попыток в угоду тем или иным подспудным тенденциям подчинять разнообразие реальности господству единомыслия или однонаправленности» [66, с. 97].

В этой *деятельностной* перспективе появляется шанс раздвинуть узкие шоры привычного ретроспективного видения, преодолеть линейное историографическое мышление, редуцирующее многообразие возможностей прошлых ситуаций (с их сложной динамикой и открытым, отнюдь не предопределенным будущим) к «реально состоявшемуся», а точнее – к выстроенному с презентистской позиции, историческому процессу.

-
1. Хвостова К. В. Современная эпистемологическая парадигма в исторической науке // Одиссей. Человек в истории 2000. М., 2000.
 2. <http://www.historians.org/perspectives/issues/1996/9604/9604PRO.CFM>.
 3. Агирре Рохас К. А. Критический подход к истории французских «Анналов». М., 2006.

4. Burke P. History and Social Theory. Second Edition. Cambridge, 2005.
5. Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна» / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2005.
6. What is History Now? // Ed. by D. Cannadine. Chippenham and Eastbourne, 2002.
7. Jordanova L. History in Practice. L., 2000. Ch. 3. P. 59-90.
8. История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005.
9. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1-2. СПб., 2003-2006.
10. Феномен прошлого / Под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. М., 2005.
11. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени // Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006.
12. Megill A. Are We Asking Too Much of History? // Historically Speaking. 2002. Vol. 3. N 4.
13. Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005.
14. Jenkins K. Why History? Ethics and Postmodernity. L.; N. Y., 1999.
15. Jenkins K. Rethinking History. L.; N. Y., 1992.
16. Jenkins K. On "What is History" From Carr and Elton to Rorty and White. L.; N. Y., 1995.
17. Интервью с Хейденом Уайтом // Диалог со временем. Вып. 14. М., 2005.
18. Domanska E. Encounters: Philosophy of History After Postmodernism. Charlottesville; L., 1998.
19. Репина Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. 1996. М. 1996. С. 25-38.
20. Вжозек В. Интерпретация человеческих действий. Между модернизмом и постмодернизмом // Проблемы исторического познания. Материалы международной конференции. Москва 19-21 мая 1996 г. / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 1999.
21. Ruesen J. Narrativity and Objectivity in Historical Studies // Symposium: History and the Limits of Interpretation. Rice University (USA). March 15-17. 1996. (Источник – http://cohesion.rice.edu/humanities/csc/conferences.cfm?doc_id=369).
22. Noiriel G. L'historien et l'objectivite // L'histoire aujourd'hui. Auxerre, 1999.

23. Harrison R., Jones A., Lambert P. 'Scientific' History and the Problem of Objectivity // *Making History. An Introduction to the history and practices of a discipline* / Eds. P. Lambert, Ph. Schofield. L.; N. Y., 2004. P. 26-37.
24. Revel J. L'institution et le social // *Les formes de l'expérience: Une autre histoire sociale* / Sous la dir. de Bernard Lepetit. Paris, 1995.
25. Biernacki R. Language and the Shift from Signs to Practice in Cultural Inquiry // *History and Theory*. 2000. Vol. 39. N 3.
26. Репина Л. П. Комбинационные возможности микро- и макроанализа: историографическая практика // *Диалог со временем*. Вып. 7. 2001. С. 61-88.
27. Ким С. Г. Историческая антропология в Германии: методологические искания и историографическая практика. Томск, 2002. С. 26-37.
28. Gaddis J. L. *The Landscape of History. How Historians Map the Past*. Oxford, 2004.
29. Topolski, Jerzy. Towards an Integrated Model of Historical Explanation // *History and Theory*. 1991. Vol. XXX. N 3. P. 324-338.
30. *Jeux d'échelles. La micro-analyse à l'expérience* / Textes rassemblés et présentés par J. Revel. P., 1996.
31. Cerutti S. *La Ville et les Métiers. Naissance d'un langage corporatif* (Turin, 17e–18e siècle). P., 1990.
32. Cerutti S. Normes et pratiques, ou de la légitimité de leur opposition // *Les formes de l'expérience...* P. 127–149.
33. Cerutti S. Processus et expérience: individus, groupes et identités à Turin, au XVIIe siècle // *Jeux d'échelles...* P. 161–186.
34. Черутти С. Социальный процесс и жизненный опыт: индивиды, группы и идентичности в Турине XVII века // *Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории*. СПб., 2003. С. 27-57.
35. Lloyd C. *The Structures of History*. Oxford, 1993.
36. Cust R. Honour and Politics in Early Stuart England: The Case of Beaumont v. Hastings // *Past & Present*. 1995. № 149. P. 57-92.
37. Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // *Одиссей-2000*. С. 96–124.
38. Sewell W. The Concept(s) of Culture // *Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture* / Eds. V. E. Bonnell, L. Hunt. Berkeley, 1999.

39. Lorenz C. Some Afterthoughts on Culture and Explanation in Historical Inquiry // History and Theory. 2000. Vol. 39. N 3.
40. Southgate B. History: What and Why? Ancient, Modern and Postmodern Perspectives. L., 1996.
41. Iggers G. Historiography in the Twentieth Century: From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge. Hanover, 1997.
42. Hobsbawm E. On History. L., 1997.
43. McCullogh C. B. The Truth of History. L., 1998.
44. Imagined Histories. American Historians Interpret the Past / Eds. A. Molho, G. Wood. Princeton, 1998.
45. History and Theory: Contemporary Readings / Eds. B. Fay, Ph. Pomper, R. T. Vann. Oxford, 1998.
46. Haskell Th. Objectivity is Not Neutrality: Explanatory Schemes in History. Baltimore; L., 1998.
47. Reading the Past / Ed. by T. Spargo. Basingstoke, 2000.
48. Southgate B. Why Bother with History? / Harlow, 2000.
49. Thompson W. What Happened to History? L., 2000.
50. Ashplant T. G., Smith G. Explorations in Cultural History. L., 2001.
51. The History and Narrative Reader / Ed. by G. Roberts. L., 2001.
52. Fulbrook M. Historical Theory. L.; N. Y., 2002.
53. Хвостова К. В., Финн В. К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997.
54. Хвостова К. В. Постмодернизм, синергетика и современная историческая наука // Новая и новейшая история. 2006. № 2.
55. Хвостова К. В. Диалог со временем и современная количественная история // Диалог со временем. Вып. 16. 2006. С. 134-146.
56. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005.
57. Topolski, Jerzy. Historical Sources and the Access of the Historian to the Historical Reality // Проблемы исторического познания... С. 24-30.
58. Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т. Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое – крупным планом... С. 7-26.
59. Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000.
60. Могильницкий Б.Г. Историческая теория как форма научного познания // Историческое знание и интеллектуальная культура.

- Материалы научной конференции. Москва 4-6 декабря 2001 г. М., 2001.
61. Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.
 62. «Анналы» на рубеже веков. Антология / Отв. ред. А. Я. Гуревич. М., 2002.
 63. Коллинз, Рэндалл. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
 64. Practicing History: New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn / Ed. by Gabrielle M. Spiegel. N. Y.; L., 2005. Introduction. P. 1-31.
 65. Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007.
 66. Эмар М. История и компаративизм // Новая и новейшая история. 1999. № 5. С. 90-97.

Репина Л.П. Теоретичні новації в сучасній історіографії

Резюме: Праця присвячена аналізу радикальних трансформацій, які відбулися в теоретичних основах, методології та концептуальному апараті історичної науки на межі ХХІ століття. Зміни дослідницьких стратегій новітньої історіографії розглядаються як результат плідної міждисциплінарної взаємодії у загальному просторі соціогуманітарного знання. Автор оцінює пізнавальний потенціал нових теоретичних моделей, які прагнуть відновити цілісність історичного бачення минулого.

Ключові слова: новітня історіографія, соціальні теорії, інтердисциплінарність, культурний поворот, пошуки синтезу.

Репина Л.П. Теоретические новации в современной историографии

Резюме: Работа посвящена анализу радикальных трансформаций, которые произошли в теоретических основаниях, методологии и концептуальном аппарате исторической науки на рубеже ХХІ века. Изменения исследовательских стратегий новейшей историографии рассматриваются как результат плодотворного междисциплинарного взаимодействия в общем пространстве социогуманитарного знания. Автор оценивает познавательный потенциал новых теоретических моделей, стремящихся восстановить целостность исторического видения прошлого.

Ключевые слова: новейшая историография, социальные теории, интердисциплинарность, культурный поворот, поиски синтеза

Repina L.P. Theoretical innovations in modern historiography

Summary: The paper analyses the radical transformations that took place in the theoretical foundations, methodology and conceptual models of historical science on the eve of the XXI century. The changes in research strategies of recent historiography are considered as an outcome of the fruitful interaction of different disciplines in the common space of social sciences and humanities. The author estimates the cognitive potential of new theoretical models aiming to restore the integrity of historical vision of the past.

Keywords: recent historiography, social theories, interdisciplinarity, cultural turn, search for synthesis)

ЗАПРЯНОВА А.

ТИПОЛОГИЯ ИСТОЧНИКОВ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Постоянно возрастающая роль научного знания в современной жизни обусловила непрерывное усиление интереса к нему, к закономерностям его развития, к его логике и методологии, к истории науки. А историографический анализ знания, как и любого другого социального феномена, основывается на точно установленных и проверенных фактах, зафиксированных тем или иным способом в документальных памятниках, оставшихся от прошлого.

Методологические предпосылки

Общезвестно, что в исторической науке эмпирическим материалом является исторический источник. Во-первых, это определяет специфику научного познания прошлого. Во-вторых, отсюда следует, что поиск, хранение, обработка, анализ и использование исторических источников и есть те объективные предпосылки, от которых зависит научность полученного нового исторического знания. В-третьих, специфика изучаемого объекта (античность, средневековье, новое и новейшее время) обуславливает и специфику эмпирической основы конкретного ретроспективного исследования. Понимание указанной специфики – необходимый элемент в организации научной работы историографа. Теоретическое объяснение этого вопроса непосредственно способствует преодолению некоторых методологических недостатков – схематизма изложения, субъективизма оценок, иллюстративно-потребительского подхода к источнику и др.

Возьмем определение историографии как науки, которая исследует процесс развитие исторического познания как системы, которая производит знания сообразно законам информационных процессов в этом производстве, возможностям его организационных

структур и профессионального потенциала; которая отражает и, до известной степени определяет, эволюцию целей научных исследований и функциональную определенность исторических знаний.

Или, говоря лаконичнее, история исторической науки исследует хронологическое развитие и конкретное историческое проявление диалектического единства информационной, организационной и функциональной определенности этой науки. И насколько познавательному процессу в истории имманентно присущ ряд специфических особенностей [1], вытекающих из субъект – объектных отношений в процессе познания, настолько историческое исследование исторической науки обладает своей спецификой. В нашем случае субъектом есть историк, а объектом – его творчество, однако оба «предмета» историографического исследования поставлены в контекст социального климата среды, определяющего развитие и общества, и науки. Ретроспективный анализ направлен к субъекту, с характерным для него микро- и макросоциальным климатом существования, с целью открытия его научной или... псевдонаучной мотивации, которая станет «морским маяком» при оценке и «измерении» его научной продукции.

Можно согласиться с утверждением, что «наука – это то, что публикуется в научных журналах, статьи, доклады и монографии» [2]. Наукометрия свидетельствует: исследование публикаций с информационной точки зрения дает возможность раскрыть закономерности развития науки [3]. И, тем не менее, науковедческие формулировки и наукометрические выводы – недостаточное основание для утверждения, что история исторической науки, как и любой другой науки, может опереться на метод «черного ящика» по отношению к генерирующему (учение) и транслирующему (образование, средства массовой информации) элементам механизма производства и функционирования научных знаний, принимая только научные публикации в качестве источника информации. Наука, как и любой другой определенный вид деятельности, включает в себя многообразие социальной действительности, в том числе и научную атмосферу, которая находит отражение и в научных сочинениях, и в жизни их творцов. Это формулирует первую методологическую предпосылку – привлечение разнообразных, желательно наиболее

комплексных, носителей исторической информации на эмпирическом этапе историографического анализа при обязательном условии – ясного и точного определения объекта исследования, для которого подбирается документальная база.

Люди, которые творят науку, занимаются не только определенной исследовательской деятельностью, но и придерживаются той или иной линии поведения. При этом, если научный труд, характерный для ученых, проявляется в действиях с определенной направленностью и целесообразностью, то поведение характеризует их как социальные существа, воплощающие в своих поступках определенные принципы общественных отношений в той социальной системе, к которой они принадлежат [4]. В таком случае история науки имманентно включает ретроспективное исследование бытия историков (как индивидов со свойственным именно для них познавательным процессом, т.е. своей «творческой лабораторией») и достигнутых научных результатов в конкретной социальной действительности. Это обуславливает богатство и многообразие источникового материала историографического исследования.

Еще один вопрос. Типологизация источникового материала основывается на логико-гносеологическом и научно-управленческом принципах и критериях. Заметим, что значение этих процедур определяется не только необходимостью историка ориентироваться в огромном количестве материала. В контексте быстрого развития современных знаний по научной организации научной работы можно утверждать, что вопросы типологии источниковой базы приобретают исключительное большое значение. Их необходимо рассматривать как весьма ответственную и всегда новую, актуальную задачу.

Понятие типологии источников – результат функциональной определенности. Типологию источников исторического исследования можно определить как метод источниковедческого характера для изучения и организации источниковой базы. Параметры такого метода определяются метаинформационно в зависимости от целей конкретного исторического исследования.

Каждый исследовательский объект обуславливает типологическую специфику источников для него. И насколько исторический источник воплощает в себе неразрывное единство истории как процесса и научного исторического познания, настолько

типология исторических источников отражает это единство в его конкретной исторической и хронологической форме.

Для «работающей» типологии определяющими являются принципы, исходящие из относительной автономности процессов, происходящих в ходе формирования, развития и функционирования общественного сознания, в частности научного сознания как его компонента. Это принципы относительной автономности структурных элементов общественного сознания; внутренней детерминации и саморегуляции всех его структурных элементов, в особенности научного сознания; взаимовлияния элементов общественного сознания, в том числе и научного, преемственности в развитии общественного сознания, когда имеет место некоторая детерминация современного состояния научного сознания предыдущим его состоянием.

Требование полноты, объективности и информационной надежности типологии ставит вопрос о выборе критериев изучения типов источников. Согласно отмеченным предпосылкам и методологическим принципам в качестве исходных могут быть определены информационный, функциональный и коммуникационный критерии.

Первый критерий разграничивает источники по информации, содержащейся в них. В этом смысле его можно было бы назвать еще и содержательным. Второй критерий ориентирует исследователя на выяснение функций источников, заложенных при их создании. А третий – коммуникационный критерий – дополняет первые два или скорее их интегрирует. Он способствует выяснению «движения» источника, осуществляющего свои функции во времени, в общественном пространстве, в системе научных коммуникаций, и последствий этого «движения».

И насколько исторический источник представляет собой совокупность множества определенностей, настолько критерии, взятые в совокупности, могут сыграть практическую роль. Более того, в каждом критерии заложена возможность рассматривать исторический источник как отражение диалектического единства формы и содержания, внешней формы и внутренней структуры, что является задачей, названной первыми теоретиками конца XIX ст. «внешней» и «внутренней» критикой исторического источника [5].

И все-таки методологические принципы и критерии не могут быть объективно отобраны, если не идентифицирована потребность в исторических источниках, типология которых создается, и не выявлены конкретные цели исследования. Введение понятия «идентификация потребностей» считаем уместным, поскольку оно лаконично отражает определенный этап подготовки научно-познавательного процесса, т. е. подготовки эмпирической базы исследования. Как несколько прямолинейно заметил один автор, только исследователь, знающий, чего хочет достичь, готов открывать и использовать источники [6]. А историограф знает, что должен раскрыть микромир своего героя (или институционализированной коллегии), который определял творческую лабораторию и научные результаты ученого, равно как и макроклимат, воздействующий тем или иным образом на научное бытие историка. Это определяет два основных типа источников историографического анализа.

Типология источников на микро- и макроуровне

Как принято считать, важным моментом каждой типологии есть классификация соответствующих явлений [7]. Примем за аксиому, что классификация социальных феноменов представляет собой адекватное отображение общества как динамично саморазвивающейся системы с множеством компонентов. В иерархической подчиненности и взаимной обусловленности они создают определенную целостность. Это означает, что наука, будучи компонентом данной системы, обладает внутренней, индивидуальной характеристикой динамичной системы. Но, развиваясь, она взаимодействует с остальными компонентами. Как любая другая отрасль духовной сферы, наука детерминирована потребностями духовной и материальной практики. Но как относительно самостоятельная отрасль, она по-своему влияет на остальные сферы общественной жизни. В таком же контексте следует понимать и историческую науку как неотъемлемый элемент научной сферы.

Такая точка зрения дает основание открыть явления, детерминирующие развитие исторической науки, и явления, раскрывающие само развитие науки и, соответственно, составляющих ее элементов. Конечно, эти явления следует рассматривать только в их диалектическом единстве, поскольку наука с ее социальной

обусловленностью является и фактором социального саморегулирования [8].

Из вышеназванных явлений первые могут быть условно охарактеризованы как макросреда науки, т. е. та совокупность социальных факторов, которая влияет на «производство» научных знаний, определяющая направленность научных поисков или научной стратегии, формирующая внутреннее убеждения ученых, а также их понимание социальных функций науки [9]. Вторые отражают микросреду развития науки в лице ее ученых как единство научной деятельности и научного знания [10].

Выстроенная таким образом спецификация обуславливает формирование трех типов источников: первые – источники о макросреде исторической науки, вторые – о ее микросреде, и третьи – источники, отражающие взаимную обусловленность макро- и микросред в развитии исторического знания. Дальнейшее дробление трех типов источников лишено смысла, разве что когда объектом является история исторической науки конкретного общества в конкретный период. Здесь мы лишь уточняем некоторые специфические черты трех типов источников.

Какие факторы и аргументы дают основание относить источники к первому типу? Во-первых, комплекс духовных мотивов деятельности людей вообще, и в частности исследователей, обусловлен объективными закономерностями общественной жизни. Это ориентирует на поиск некоей степени соответствия внутренней логики исторической науки с социальными заказами, которые общество ставит перед ней. Во-вторых, общество в зависимости от социально-политического строя, господства официальной идеологии или идеологического плюрализма, тоталитарной или демократической атмосферы в той или иной степени влияет на философию исторической науки, мировоззрение исследователей и их институционализацию. В-третьих, социальные потребности господствующего класса и его идеологии воздействуют на все формы общественного сознания и доминируют как общественное мнение в стране. Люди, в том числе и ученые, разделяющие эти взгляды, чаще всего полагают, что последние являются результатом их собственно разума и не зависят от общественной среды. Особенно интересно то, что направляющая роль официальной идеологии в тоталитарных

обществах «успешно» выступает не как внешняя принудительная сила, а как потребность их духовной эволюции, что отражается на познавательном процессе.

Можно говорить, что взаимозависимость «идеология – историческая наука» может быть раскрыта целостно лишь при анализе комплекса исторических источников, которые содержат информацию для трех взаимосвязанных уровней взаимодействия: уровне теоретико-концептуальной (тоталитарной или плюралистической) идеологии; уровне воздействия на сознание ученых; уровне непосредственных контактов различных социальных групп общества.

Что касается характера *историографических* источников, то, по нашему мнению, их можно группировать по двум основным типам. Первые – это источники, предоставляющие некоторые фрагменты ушедшей действительности, и вторые – неисторические источники, заключающие в себе определенного рода историческую информацию.

К первому типу могут быть отнесены источники согласно традиционному пониманию понятия «исторический источник» как документ (письменный, вещественный, устный, личного и официального происхождения), который несет на себе печать своего времени, выраженного через призму социально-экономических, политических, эстетических и других представлений людей, его создавших. Эту группу источников можно условно разделить на три подгруппы: научные работы, опубликованные материалы в средствах массовой информации и архивные материалы.

Второй тип источников составляют информационные объекты, зафиксировавшие ретроспективную информацию, полученную в результате исследования, проведенного на момент историографического познавательного процесса, но в рамках других научных дисциплин. Такую «помощь» могут оказать теория коммуникаций, теория и история пропаганды, наука социального управления, наукометрия и др.

Особое значение при историографическом анализе придается обнаружению и организации по возможности целостного комплекса источников, запечатлевших информацию о макросреде, в которой развивалась историческая наука. Это важно, поскольку исследование социальной детерминации исторической науки раскрывает основную тенденцию ее развития. Такой конкретный анализ может выявить

зависимость науки от потребностей развития духовного и материального производства. Но история науки требует еще и освещения теоретического и конкретно-исторического развития познания, его внутрилогического механизма, дополненного гносеологическим анализом феномена научного открытия, организационным и социально-психологическим анализом профессионального потенциала исторической науки и др.

Научное производство, как и любое другое производство, представляет собой своеобразную среду общения индивидов между собой, у него есть своя специфическая микросреда развития. В то же время историческая наука (как и любая другая наука) функционирует не только когда «производит» новое научное знание, но и когда использует уже существующие результаты в информационном фонде общества. Однако и как «производитель», и как «потребитель» она сосредоточивает в себе несколько моментов: историческая наука социально детерминирована; она рефлексирована на социальные потребности; историческое познание обладает своими внутренними потребностями; каждый этап развития исторической науки является преемником предыдущего; она обусловлена психофизически, ибо научная любознательность есть одним из мотивов научной деятельности.

Что это значит? Можно ответить, что исследование под историографическим углом зрения (бесспорно, в его исторической последовательности) базируется на двух моментах: первый - результаты научно-исследовательской деятельности и, второй - реальная жизненная среда исследователей. В первом случае основным типом источников является опубликованная и неопубликованная научная продукция, созданная в исследуемый период и в своей совокупности измеряемая количественными методами. Они дают ответ на вопросы: сколько, когда, где, кем, для кого и что исследовано и опубликовано. Наукометрическая фотография становится источником раскрытия закономерностей динамики научного творчества, экспоненциального развития, возрастной зависимости, продуктивности лидеров науки, соотношения научных и популярных работ, отечественных и переводных и пр. Дополненная качественным анализом, эта «фотография» обеспечивает реальную возможность обнаружить заложенные тенденции еще в прошлом исследуемого

периода и их последующую эволюцию, осуществленные и неосуществленные прогнозы в развитии исторической науки и ряд других характеристик, проявлений, состояний. Несомненно, эта возможность обусловлена комплексным использованием всей источниковой базы.

Структурных и количественных характеристик исторически созданного массива источников, однако, недостаточно для выяснения мировоззренческих, классово-партийных, методологических, организационных, функциональных и других аспектов исторической науки. Это приводит к обособлению второго основного типа источников – свидетельствующих о реальной жизненной среде, в которой происходила научно-производственная деятельность, в том числе микросреде ученых.

Индивидуальный духовный мир ученого не абсолютно детерминирован материальными и идеологическими отношениями в обществе, так называемой макросредой. Он обусловлен и непосредственными условиями жизни, системой ценностей, традициями и общественными нормами, прямыми контактами с близкими людьми, возможностями взаимоотношений с зарубежными учеными и т.д. Реальный микроклимат ученого раскрывается как в его неповторимой индивидуальной сфере жизнедеятельности, так и в научном коллективе, где он работает, в общепринятых отношениях, в существующей системе формальных и неформальных коммуникаций в науке. А результаты научной деятельности зависят не только и не столько от объекта, на который она направлена, а обусловлены психическим настроением и мировоззрением исследователя, его методологической культурой, принадлежностью к определенному философскому течению, степенью организованности источниковой базы, материальной и финансовой обеспеченностью исследований и пр. [11].

Типология и организация источников историографии сообразно микро- и макросреде исторической науки и их взаимной обусловленности представляют собой необходимую основу решения познавательных, теоретических и прикладных задач каждого историко-научного исследования. Значение этих проблем возрастает в современном мире, научный климат которого характеризуется междисциплинарным взаимодействием. Методологическая

интеграция – необходимая предпосылка историографического анализа с целью достижения такого его качества, которое бы отвечало нынешним повышенным требованиям к самой исторической науке.

(Перевод с болгарского А. Сайпановой, С. Страшнюка)

-
1. Marrou H.-I. Qu'est-ce que l'histoire? // L'Histoire et ses methodes. – Paris, 1971. – P. 1 – 35.
 2. Price D. The Science of Science // Bulletin of Atomic Scientist. – 1965. – Vol. XXI. – № 8. – P. 5.
 3. Налимов В., Мульченко З. Наукометрия. – М., 1969. – С. 11 – 19.
 4. Демин М. В. К вопросу о соотношении понятий «деятельность», «активность», «поведение» // Вестник Московского университета. Сер. Философия. – 1975. – № 5. – С. 16 – 19.
 5. Langlois Ch.-V., Seignobos Ch. Introduction aux etudes historiques. – Paris, 1898.
 6. Brooks Ph. C. Research in Archives. The Use of Unpublished Primary Sources // The University of Chicago Press. – 1969. – P. 19 – 20.
 7. Cysouw M. Quantitative methods in typology. – Berlin, 2005. – P. 10 – 15.
 8. Patrick A. The Conservatives: Ideas and Personalities Throughout American History. – New York, 2009. – P. 9 – 15.
 9. Косолапов В. В., Щербань А. Н. Оптимизация научно-исследовательской деятельности. – Киев, 1971. – С. 108.
 10. A Student's Guide to History. – New York, 2006. – P. 103 – 124.
 11. Патерински А., Тодорова (Запрянова) А. Комуникаците в науката // Наукознание и управление на научната дейност. – С., 1971. – С. 192 – 234.

Запрянова А. Типологія джерел історіографічного дослідження

Резюме: Об'єкт, який досліджується історією історичної науки, - хронологічний розвиток конкретно-історичних проявів внутрішньо єдиних інформаційної, організаційної та функціональної визначеностей науки про минуле. Це обумовлює необхідність організації оптимальної емпіричної бази, на основі якої можуть бути розкриті зазначені

аспекти. Елементом такої організації є типологія джерел для конкретного історіографічного дослідження. Параметри типології визначаються метаінформаційно, тобто в залежності від мети цього дослідження. Ретроспективне вивчення історичної науки пов'язано як із з'ясуванням внутрішнього розвитку (єдності наукової діяльності та наукових результатів), так і з розкриттям сукупності соціальних факторів, що впливають на цей розвиток. Це визначає основні типи історіографічних джерел: перший – про мікросередовище вченого, другий – про макросередовище і третій, який відображає діалектичний зв'язок між мікро- та макросередовищем

Ключові слова: типологія, історіографічні джерела, мікросередовище, макросередовище науки.

Запрянова А. Типология источников историографического исследования

Резюме: Объект, который исследует история исторической науки, - хронологическое развитие конкретно-исторических проявлений внутренне единых информационной, организационной и функциональной определенностей науки о прошлом. Это обуславливает необходимость организации оптимальной эмпирической базы, на основе которой могут быть раскрыты указанные аспекты. Элементом такой организации является типология источников для конкретного историографического исследования. Параметры типологии определяются метаинформационно, т.е. в зависимости от целей этого исследования. Ретроспективное изучение исторической науки связано как с выяснением внутреннего развития (единства научной деятельности и научных результатов), так и с раскрытием совокупности социальных факторов, воздействующих на это развитие. Это определяет основные типы историографических источников: первый - о микросреде ученого, второй - о макросреде и третий, отражающий диалектическую связь между микро- и макросредой.

Ключевые слова: типология, историографические источники, микросреда, макросреда науки.

Zapryanova A. Typology of the Sources for Historiographic Study

Summary: The object, which the history of the historical science investigates, is a chronological development of the particular historical manifestation of the internally inherent unity of the informational, organizational and functional definiteness of the science about the past. This determines the necessity for optimal organization of an empirical basis,

based on which the objective and reliable facts about each of these aspects will be reveal. An element of such organization is the typology of sources for specific historiographical knowledge. The typology parameters are meta-informational defined by the objectives of knowledge itself. The retrospective study of historical science is related to the clarification of the internal development - as a unity of scientific research and scientific results, as well as to the reveal of the social factors influencing such development. This defines the fundamental types of historical sources: the first one is for the microenvironment of the scientist, the second one - for the macroatmosphere of the scientists, the third one - which reflects the dialectical relationship between micro- and macroatmosphere, determining the development of science.

Keywords: typology, historiography source, microenvironment of the scientist, macroatmosphere of the scientists.

І.І. КОЛЕСНИК**ІСТОРІОГРАФІЯ У СУЧАСНОМУ
ПОНЯТТЄВОМУ ПРОСТОРІ**

Сучасний поняттєвий простір, себто мова науки, несе в собі ознаки часу. Як помітив Г.-Г. Гадамер, потужною тенденцією є інтелектуалізація сучасних мов. Мова науки підживлюється, поповнюється з арсеналу буденної мови, коли буденні слова начебто «коробляться» під тиском нових смислів, абстрактної думки. Наступна тенденція у розвитку поняттєвої свідомості пов'язана з виникненням нових понять, трансформацією змісту усталених категорій, що типово для ситуації епістемологічної кризи. Ще одна риса сучасного поняттєвого простору – руйнування предметної замкненості, дисциплінарних меж й утворення мультидисциплінарних полів дослідження. Динаміка змін, фільтрації, «калібрування» нових понять в наукових практиках створює певну розумову напругу між новим словом-поняттям та предметом, науковою думкою. Мова науки – це комунікативна система (Г.-Г. Гадамер), відтак смисл поняття корегується у процесі комунікації, стає доступним, конвенціональним, або навпаки зникає з обігу, як незручне, інтелектуально негнучке. Звісно, історіографія як наукова дисципліна і засіб пізнання обертається у пульсуючому поняттєвому просторі. Збагачення, доповнення, удосконалення категоріального апарату історіографії відбувається за рахунок когнітивного ресурсу як традиційних, так і новітніх предметних полів. Поступово до історіографічного вжитку входять такі поняття з психології, психолінгвістики, постнекласичного наукознавства, як: стереотип, НЛП, конфлікт. До речі, Г. Гадамер вбачав задачу історика понять у проясненні понять [2, с. 36, 42, 51, 53.]. Спробуємо вдатись до прояснення/пояснення оцих трьох понять.

«Стереотип» (від грецького stereos – твердий, typos – відбиток), введений до наукового вжитку американським публіцистом, соціологом, журналістом Волтером Ліппманом у роботі «Громадська

думка» (1920). Стереотип соціальний, на думку У. Ліппмана, – це спрощене, наперед прийняте уявлення про навколишній світ у його феноменах та процесах, що не впливає з власного досвіду. Це така собі «картинка у голові» [8; 9, с.125-141].

Традиція вивчення стереотипу існує в сучасній російській літературі, зокрема у роботах І.С. Кона, Ю.А. Сорокіна, І.Ю. Морковіної, В. Павловської, Н.В. Уфимцева тощо. Наприклад, Ю. Сорокін ідентифікує стереотип як процес і водночас результат спілкування (поведінки) відповідно семіотичним моделям. Стереотип виступає як загальне поняття, котре містить норму і стандарт. Стандарт сприймається як немовна соціально-психічна реальність, що на вербальному рівні виступає нормою. Словом, норма – це реалізація стандарту на мовному та психічному рівнях.

Потужна традиція теоретизації довкола проблеми стереотипу існує у Польщі завдяки попереднім напрацюванням та сучасному інтересу до стереотипу. У роботах польських авторів А. Шафа, А. Бондар, А. Барциковського, А. Колосковської, В. Вжосека домінують загальнотеоретичні підходи. Так, В. Вжосек розуміє стереотип як спрощене, поспіхом прийняте узагальнення. Стереотип постає як синтетичне уявлення, культурний феномен, що не піддається верифікації. Стереотип – це розумовий конструкт, семантика якого не підлягає стандартній верифікації. Стереотип виступає як систематизована складова мислення.

У колективній свідомості та науці, вважає В. Вжосек, семантика стереотипу виявляється в опозиції свій/чужий. Дослідник розрізняє два різновиди стереотипів: *підсвідомі* (історіографічні метафори, архетипи, парадигми) та *предметні* (стереотипи історіографії, методології, епістемології) як метафізичні спекуляції. У добу кризи, епістемологічної розгубленості та методологічного сум'яття, виникають нові стереотипи, відбувається їх усвідомлення як таких.

Стереотипи мислення історика мають свою структуру і містять: *глибинні* стереотипи як складову частину колективної історичної свідомості та *специфічні* стереотипи, котрі обумовлені культурними, національними лояльностями історика.

В. Вжосек наголошує власне на стереотипах історіографії. Національна історіографія є етноцентричною і сприймається як автобіографія свого народу, решта учасників історії виступає як фон,

звідси конфлікт з етноцентризмом, інші суб'єкти історичного процесу сприймаються у стереотипах свій/чужий, будь-то сусіди, вороги, колонізатори, чужинці, інші [4].

Ясна річ, стереотип – це специфічна форма сприйняття навколишнього світу. Інформацію про світ людина сприймає у формі стереотипів поведінки, мислення, культури. На наш погляд, стереотип – це модель спрощеного сприйняття навколишнього світу і людини у цьому світі. Ознаками такої моделі є:

1. узагальнення, стереотипи зводять явище до мінімуму, мислити стереотипами означає узагальнювати;

2. спрощення, однозначність, стереотипи фіксують відмінності одного явища від іншого, спрощуючи й гіпертрофуючи будь-яку одну рису;

3. схематизація означає винаходження певної схеми, що постає як низка уявлень, установок, думок, пов'язаних з-поміж собою, сукупність яких слугує для розпізнання об'єкту. В основі стереотипу знаходиться один з основних когнітивних процесів – процедура схематизації;

4. категоризація означає формулювання понять, необхідних для класифікації подій, ситуацій, об'єктів. Процедура категоризації виступає фундаментальним інструментом мови та мислєдїяльностї;

5. каузальна атрибуція – важлива когнітивна опція у процесі формулювання/витвору стереотипів, що допомагає встановленню зв'язку між новим і старим, упорядкуванню нової інформації у тілі стереотипу;

6. ригідність, негнучкість стереотипів означає некритичність, відсутність критики;

7. жорстка фіксованість – засаднича характеристика стереотипу. Стереотипи, як відомо, не піддаються модифікації, а відтак являють усталену формулу сприйняття об'єкту/дійсності/явища, котра (формула) передається від покоління до покоління. Жорстка фіксованість стереотипу означає його стійкість у будь-якій ситуації.

Таким чином, стереотип як усталена і спрощена формула об'єкту являє собою певний шаблон. Прикметно, що стереотип суттєво відрізняється від образу/іміджу. Імідж, зазвичай, наділяє об'єкт вигідними, позитивними характеристиками, стереотип же гіпертрофує одну з засадничих рис об'єкту, з відповідним емоційним

забарвленням, чи-то позитивним, чи негативним. Імідж/образ – більш гнучка структура аніж стереотип, імідж піддається кореляції, змінам, доповненням. На відміну від стереотипу імідж може модифікуватися і варіюватися.

Стереотипи як модель сприйняття дійсності/об'єкту мають свої форми репрезентації та принципи класифікації. За походженням стереотипи поділяються на автостереотипи та гетеростереотипи. *Автостереотипи* – це те, що люди думають самі про себе, це уявлення людей про самих себе. *Гетеростереотипи* – те, що люди думають про інших, тобто уявлення про інші народи, соціальні групи та класи. Через автостереотипи виникають, як правило, завищені оцінки, а гетеростереотипи – занижені індекси сприйняття.

За функціональним призначенням стереотипи поділяються на *стереотипи мислення* та *стереотипи поведінки* (спілкування, розуміння). Саме стереотипи поведінки містять багато чого спільного з міфами, ритуалами, звичаями. Люди сприймають стереотипи як зразки, яким потрібно відповідати. Соціальні стереотипи взагалі виступають регуляторами поведінки у групах та колективах. Стереотипи розуміння регулюють процес спілкування індивідуумів.

За принципом репрезентації (сфери виявлення) стереотипи поділяються на культурні, національні, етнокультурні та соціальні. *Культурні* стереотипи утворюються з норм, цінностей, мови у просторі рідної і чужої культур. Культурна картина світу сприймається крізь дихотомію Свій/Чужий. *Національні* стереотипи (етнічні забобони, національні образи) – уявлення (істинні чи хибні) про інші народи, а також про свій власний народ. Стереотипи виокремлюють своє на протигагу чужому/іншому і виступають формулою етноцентризму. *Етнокультурні* стереотипи узагальнюють уявлення про типові риси будь-якого народу (наприклад, пунктуальність німців, польська шляхетність, ввічливість японців, темперамент італійців, забарливість естонців, руський «авось», співучість українців). *Соціальні* стереотипи – це стереотипи мислення і поведінки особистості. Соціальні стереотипи формуються внаслідок когнітивних практик індивідуума та як результат його емоційних станів. Соціальні стереотипи утворюються під впливом соціальних практик, архетипів взаємодії, взаємовпливів та соціального пізнання. У свою чергу

соціальні стереотипи поділяються на менші групи: етнічні, гендерні та політичні стереотипи.

Історіографічні стереотипи – це усталені зразки історичного письма, штампи розуміння, спрощені уявлення про історію і засоби пізнання. Це шаблони культурного, соціального ідеологічного мислення.

Індивідуальні стереотипи – представляють схематизовані уявлення індивідуума про світ, себе самого, свою поведінку, регулятиви власної поведінки, спілкування. Життя людини постає як сукупність стереотипів мислення і поведінки.

У цілому розмаїття стереотипів утворює картину світу, світосприйняття.

Стереотип як усталена і незмінна формула об'єкту, явища, поведінки людей виконує різноманітні функції. По-перше, стереотипи мають когнітивну функцію, тобто орієнтації і пізнання людиною навколишнього світу. Світ у свідомості людини постає як сукупність стереотипів (спрощених уявлень) і зразків (норм) поведінки, яким індивідуум, група, народи мусять відповідати. Стереотипи здійснюють справжню селекцію інформації, виступають своєрідним фільтром інформації, потоків знання, відсорбовують те, що потрібно для розпізнання та ідентифікації об'єкту.

По-друге, стереотипи виконують комунікативну функцію у міжкультурній, міжособистісній комунікації. Стереотипи впливають на процес соціокультурної взаємодії, на взаємини між людьми всередині одного культурно-мовного простору.

Стереотипи створюють на індивідуальному рівні позитивні «Я-образ», та груповому рівні – «Ми-образ» (Г.Тежфел). Стереотипи виступають інструментом ідентифікації (створення позитивного образу конкретної людини чи-то соціальної групи, окремої спільноти, народу, культури).

По-третє, стереотипи виконують функції формування та збереження групової ідеології.

Стереотипізація означає процес утворення стереотипів. Джерелом формування стереотипів є індивідуальний досвід та соціальні практики спілкування і взаємодії людей. Механізм формування стереотипів базується на таких психологічних процесах,

як пам'ять, емоції, вибіркова увага, оціночний компонент (Д.Мацумото).

Стереотипи, по-перше, виникають, коли бракує інформації про предмет. Причинами браку інформації може слугувати цензура або нездатність зібрати й обробити потрібну інформацію та перевірити її. По-друге, сформований індивідуальним чи соціальним досвідом стереотип не підлягає модифікації, не піддається змінам. Корозія стереотипу можлива лише внаслідок жорсткого і регулярного зіткнення з реальністю. Врешті, зміна стереотипів відбувається у добу криз, глобальних змін, руйнації картини світу, архетипів світосприйняття.

Нейролінгвістичне програмування (НЛП) – відомий й доволі розкручений бренд, що використовується в системі комунікацій (політиці, бізнесі, ЗМІ). НЛП виникає на початку 1970-х рр. у США й первісно впроваджувалось у психотерапії як сукупність психотехнік для корекції особистих сценаріїв. Нині пік популярності НЛП на Заході минув, сучасні технології НЛП сприймаються як данина моді й використовуються у системі прискореного навчання, тренінгах ділового спілкування, психоемоційній корекції особистості.

В Україні технології НЛП успішно практикуються в політиці, а з другої половини 1990-х рр. найбільш активно варіюються у нескінченних виборчих кампаніях, парламентських бійках-спектаклях, піар-презентаціях провідних політиків, журналістів, рекламі, ЗМІ, самоменеджменті.

НЛП – це сукупність технологій впливу, про що свідчить і зміст даної абревіатури:

нейро - означає, що людина отримує інформацію, яка керує її поведінкою за допомогою п'яťох органів почуттів;

лінгво - вказує, що ми систематизуємо, зберігаємо, передаємо отриману інформацію, тобто кодуємо та структуруємо її через слово, мову;

програмування - це механізми і засоби організації думки та поведінки, спрямовані на здобуття певного результату.

Неетичне, безконтрольне використання НЛП в системі комунікацій перетворює його на засіб маніпулювання свідомістю – індивідуальною, корпоративно-груповою та масовою, суспільною. Безумовно, поняття «маніпулювання», «маніпуляція»,

«маніпуляційний підхід» мають негативні конотації. Дійсно, маніпулювання – це техніки прихованого примусу людей. У системі комунікацій маніпулювання виступає як програмування свідомості, певного психоемоційного стану та поведінки конкретної групи, соціуму. Маніпулювання свідомістю означає отримання передбачуваного результату, прогнозованих змін у психіці, поведінкових реакціях і діях людей.

Маніпулятивні техніки НЛП означають передусім позбавлення права вибору. Типовий приклад – рейтингові інформаційні проекти-клони «Свобода слова». Зразкові за високими технологіями, менеджментом, дизайном, професіоналізмом модератора, вони здійснюють прихований вплив на свідомість та поведінку аудиторії. Програмування відбувається не на момент натискання кнопки «так» чи «ні», а саме при формулюванні теми/проблеми дискусії, коли у свідомість людей імплантуються потрібні ідентифікаційні матриці.

«НЛП від науки» – відносно новий простір щодо використання психотехнік для маніпулювання корпоративною свідомістю. Негативний ресурс НЛП у комунікаційному просторі науки може виконувати різні функції. Наприклад, руйнувати професійну етику, стандарти наукової поведінки, стереотипи спілкування. Натомість монтуються квазінорми наукової комунікації, на очах відбувається легітимація таких форм девіантної (тобто з відхиленнями) поведінки в науковому середовищі, як прагнення домінації, монополії на істину, тенденційність, упередженість, гра без правил, брудні технології, інформаційні війни, шельмування, цькування «чужого».

НЛП у брудних руках перетворюється на засіб нищення наукових, культурних цінностей та національних традицій, наукових генеалогій і передусім засновників цих генеалогій. Генеалогія, у ніцшеанському розумінні, означає пошуки «предків». Генеалогія моральних практик, конкретних ідей, інституцій постійно змагається з іншими конкурентними культурними моделями і цінностями, примушуючи їх або зникнути, або пристосуватися до інших [3, с. 83-85]. Нищення етосу науки (професійної етики та наукових традицій) має за мету встановлення контролю над корпоративною свідомістю, психоемоційним станом та поведінкою наукового співтовариства. На «лініях розлому» масової наукової свідомості непомітно засновуються нові генеалогії, встановлюються інші стандарти праці, професійної

культури, наукові пріоритети. Контроль – це монополія на інформацію і канали інформації. Інформація – це влада, а не лише символічний капітал. Хто володіє інформацією та каналами інформації, у того і влада, у кого їх немає, той не існує «соціально».

В арсеналі технік та засобів НЛП, спрямованих на програмування відповідного способу мислення та поведінки «наукових мас», найефективнішими залишаються агресивні мовні стратегії. Широко використовується такий різновид вербальної агресії як *порушення мовного етикету*, тобто корпоративних стандартів мовної комунікації. Сутність мовної агресії – досягнення своєї мети за будь-яку ціну, що призводить до втрачання самоконтролю у виборі слів, висловів, до вживання різких випадів, реплік, навіть лайки.

Задля більш дошкульного впливу, удосконалення механізмів маніпулювання, зазвичай, надається перевага формам експліцитної мовної агресії, коли привалює лексика деструктиву. Різновидом вербальної агресії є *стратегія домінування*, сенс якої полягає в нав'язуванні інтелектуальному середовищу своїх моделей, ідей, інформаційних матриць. Менторський тон, безапеляційність, абсолютна впевненість у своїй правоті – усі ці ознаки репрезентують агресивну мовну стратегію домінування. Поряд зі стратегіями домінування та деструктиву найчастіше зустрічається *прийом іронії*, точніше прийом «вибивання з сідла», коли іронія переплавляється на уїдливий сарказм й звичайнісінький глум. Негативний психоемоційний настрій програмується за допомогою вільного вживання оціночно-наступально-образливої лексики, на зразок: «некомпетентний», «непродуктивний», «ненауковий».

Потужний руйнівний ресурс акумулює також *стратегія «уникання»* (Г. Вайт) або замовчування. Проблема презентації в науці – це не просто проблема виживання, захист «власної території». Проблема презентації напряду, школи, інституції, часопису, книги й, передусім, самопрезентації є боротьбою за пріоритет, лідерство в науці. Якщо одних авторів вбивають словом, то інших – його відсутністю, мовчанням. Стратегія уникання авторів, їх творів, утворених ними, дисциплінарних полів, наукових шкіл, їх учнів, переслідує одну ціль – збереження своєї власної «наукової території», тобто пріоритету, статусу, лідерства. Специфіка стратегії уникання полягає в тому, що відсутність слова, мови, мовлення, демонструє

позицію неприйняття, відторгнення, нерозуміння. Практика замовчування – не спонтанна, це свідомо стратегія власного самоствердження, лідерства, утворення нових «своїх» генеалогій в науковому просторі. У контексті стратегії уникання сприймається доля творчого доробку покійного професора Віталія Підгаєцького, засновника першого й найпотужнішого в Україні центру історичної кліометрики, лідера школи «системної методології». Замовчування спіткало його твори, ідеї, методи, праці його учнів-послідовників. Творчість В. Підгаєцького залишається не затребуваною, незрозумілою навіть на його «маленькій» інтелектуальній батьківщині – у Дніпропетровському університеті. На жаль, чи на щастя Автора, його ідеї, праці, думки випередили свій час і ще чекають на визнання. Парадокс, але його ім'я більш відомо в Росії, ніж в Україні, і не тільки серед колег-кліометристів, воно відомо, що особливо приємно, студентам-історикам, тим, хто має смак до методологічних чи квантитативних студій, які читають й знають його праці.

У цілому, варто з'ясувати мотивації агресивної мовної поведінки. Серед різних форм агресії, як відомо, Ерих Фром виокремлює: злоякісну (деструктивність, жорстокість), захисну (вітальні інтереси), ненавмисну (травматизм), ігрову (тренінги на майстерність, у спорті). Увагу привертає такий тип агресії, як агресія самоствердження, що, на думку Е.Фрома, найбільш поширена в політиці, спорті, мистецтві та сфері науки.

Джерелом агресії як самоствердження, за Е.Фромом, є нарцисизм, що «виявляється у відчутті власної досконалості». Людина-нарцис має подвійний стандарт світосприйняття: значущим для такої людини постає власне «Я», решта – не цікавить. Пікантність ситуації полягає в тому, що більшість людей, як стверджує Е.Фром, навіть «не здогадуються про свій нарцисизм» [10, с. 275-276]. Більш того, висока міра нарцисизму – це вже «професійна хвороба», ознаки якої – впевненість у своїй правоті, переконання у своїй абсолютній непогрішимості й безпомилковості, що ґрунтуються не стільки на власних досягненнях, скільки очікуваннях та визнанні публіки.

Історик-нарцис не може жити без підживлення свого нарцисизму, тому що його особистість, точніше, за Фромом, «ядро особистості: уподобання, віра, совість, любов», у нього недостатньо розвинені. Таке підживлення здійснюється у формах вербальної та невербальної

агресії, демонстрації непомірних амбіцій, упевненості у своїй непохибності, праві карати чи милувати «інших», нищенні чужих репутацій, традицій, цілих наукових генеалогій та їх засновників. Особистості з підвищеним рівнем нарцисизму, стверджує Е. Фром, «просто потребують слави, інакше вони можуть впасти у депресію чи збожеволіти».

До речі, поряд з індивідуальним існує й груповий нарцисизм, який надає комфортне відчуття задоволеності, особливо тим членам корпоративної групи, хто сам по собі нічого не вартий і не має жодних підстав пишатися власною персоною. Інтерпретуючи Фрома, можна припустити, що частина української інтелектуальної еліти уражена «комплексом хробака». Це означає, що навіть «сама маленька й пририта в душі людина», зараховуючи себе «до кращої в світі групи», завдяки приналежності до цієї групи, він/вона – «жалюгідний хробак» відчуватиме себе справжнім «велетнем» [10, с. 277-278].

Групова агресія, за Е.Фромом, має форму або фанатизму, або конформістської агресії. У контексті стану сучасної української історичної науки цікавим є феномен конформістської агресії, сутність якого полягає в тому, що нищівні дії здійснюються через небажання виявитися боягузом в очах свого оточення (кращої у світі групи). Близьке минуле та сучасність вітчизняної гуманітаристики демонструють безліч проявів конформістської агресії. Наприклад, жив такий собі «совєтський» історик, вчився «діямату» та «істмату», піддавав критиці «буржуазних фальсифікаторів», а згодом, опинившись у «кращій в світі групі», став роздавати на всі боки стусанів, тобто «хробак» відчув себе «велетнем». Втім, не варто і «хробакам», і «велетням» нехтувати зауваженням Е.Фрома: агресивні дії шкодять передусім не жертві, а агресору!

Для знищення опонента зазвичай мусять бути задіяні різні психотехніки НЛП, зокрема *заякорення*. Сутність техніки *заякорення* полягає у переносі певного емоційного стану (у даному випадку негативного) з однієї уявної ситуації на іншу за допомогою якоря. Таким якорем може стати слово, дотик, будь-яка дія. Певним словом-маркером якориться негативний емоційний стан чи то наукового співтовариства, чи то електорату. Слово з негативним маркуванням викликає у людини психологічний дискомфорт, поганий настрій, негативні емоції. При зустрічі з цим словом-якорем (будь-то «плагіат»,

«зек», «вона працює») у людини виникає негативна реакція на якір, в свідомості спливає такий образ, який не викликає симпатії. Психотехніка закорення широко використовуються в комунікаційному просторі та інформаційних війнах, що розгортаються в політиці, журналістиці, а також на полі історичної науки.

В арсеналі НЛП широко використовується техніки рефреймінгу, зокрема *рефреймінг змісту*. Сутність цієї техніки полягає в тому, що, коли перейменувати слово, подію, факт, то вони змінюють свій зміст. Родзинка виявляється в тому, що від перейменування змінюється реальність ... так-так саме суб'єктивна реальність людини. Мається на увазі зміна психоемоційного стану, настрою, ставлення до того, що відбувається/обговорюється. Людина постає перед вибором, як реагувати на зміну подій, обставин, смислів. Наприклад, «в Іспанії йдуть дощі», для туристів ця інформація має негативний контекст, для місцевих фермерів – протилежний.

Не випадково притаманне культурній свідомості Модерну протиставлення «автор-текст» провокувало скандали та гучні звинувачення, наприклад, О. Шпенглера у «шарлатанстві та плагіаті», А. Ейнштейна – у «науковій непорядності», що йому закидав Анрі Пуанкаре. Численні критики Шпенглера нараховували близько 50 авторів, роботи яких він використовував, але не посилався на них. Сам Шпенглер визнавав, що найвищим авторитетом і джерелом ідей та натхнення для нього були думки Гете і Ніцше.

У дискурсі постмодернізму, як відомо, зникають опозиції «автор-текст», «текст-читач». Базовим поняттям постмодерністських теорій виступає категорія «інтертекстуальність». Сам термін «інтертекстуальність» був запропонований у 1967 р. Юлією Крістєвою як результат деконструкції нею робіт Міхаїла Бахтіна. Показово, що цей термін доволі швидко увійшов до постмодерністських практик [5, с. 224]. Інтертекстуальність Ю.Крістєва розуміє як діалог між текстами. Справа в тім, що виключно авторського тексту не існує, кожний текст містить в собі впливи попередніх і сучасних текстів, будь-який текст виступає як результат колективної творчості. У постмодерністських теоріях текст ототожнювався із свідомістю суб'єкта, через що людина та історія читались як текст. Культура взагалі сприймалась постмодерністами як «великий інтертекст».

Класичне визначення інтертекстуальності й інтертексту знаходимо у Ролана Барта: «Кожний текст є інтертекстом; інші тексти присутні в ньому на різних рівнях та формах, які більш-менш можна впізнати: тексти попередньої культури і тексти культури, що оточує. Кожний текст – нова тканина, зіткана із старих цитат. Уривки культурних кодів, формул, ритмічних структур, фрагменти соціальних ідіом і т.п. – усі вони поглинені текстом і перемішані в ньому, оскільки завжди до тексту і навколо нього існує мова. Як необхідна попередня умова для будь-якого тексту інтертекстуальність не може бути зведена до проблеми джерел і впливів; вона є спільним полем анонімних формул, походження яких доволі рідко можна знайти, несвідомих чи автоматичних цитатій, що подаються без лапок» [12, с. 78].

У постмодерністському дискурсі поряд з інтертекстуальністю циркулює поняття «цитатна свідомість» читача, яка настільки нестабільна та невизначена, що даремно шукати будь-які джерела тих цитат, котрі містить ця свідомість [5, с.225].

Інтертекстуальність, як відомо, сприймається у двох вимірах. По-перше, у постструктуралістському розумінні вона постає як колективне несвідоме, що визначає діяльність творця, незалежно від його волі й бажання. По-друге, інтертекстуальність функціонує як літературний прийом, яким широко користуються письменники, літературознавці, сценаристи, журналісти та інші автори.

Інтертекстуальність, як прийом взаємодії текстів, має різноманітні форми, що піддаються численним класифікаціям, типологізаціям та систематизаціям. Серед конкретних форм літературної інтертекстуальності виділяють такі, як «запозичення та переробка тем, сюжетів, явна та прихована цитата, переклад, плагіат, алюзія, парафраза, наслідування, пародія, інсценізація, екранізація, використання епіграфів і т.п.» [5, с.228; 6, с. 171-172].

Ясна річ, обережне поводження зі словом є показником здоров'я інтелектуальної еліти та наукового середовища у цілому, що має повну свободу вибору щодо новітніх ідей, методів, концепцій. Єдиним критерієм такого вибору слугують рівень освіти, професіоналізму, смакова культура, стиль мислення сучасної еліти.

Свобода, вільний вибір як найвищі цінності буття і творчості означають можливість утворення власного культурного середовища, свого «символічного світу», в якому немає місця агресії, підступності,

непорядності, подвійним стандартам для «своїх» та «інших». Щирість і простота є запорукою нормального функціонування науки як системи цінностей і способу життя.

Культура конфлікту. Конфлікт, на думку Р. Коллінза, є енергетичним джерелом творчості [7, с.45]. Суперництво-конфлікт у корпоративному середовищі істориків може бути формальним и неформальним. Конфлікт у середовищі істориків буває міжпоколінний (одвічне протистояння батьків і дітей), ідеологічний або парадигмальний, а також плагіат-скандал. Конфлікт в науці має певні форми. Спір/суперечка, це коли обидві сторони залишаються на протилежних позиціях без жодної аргументації, нагадуючи тим самим «діалог глухих». Полеміка, як форма обговорення, інтелектуального протистояння, передбачає розгорнуту систему аргументації обох сторін щодо своєї власної позиції, при тому кожна із сторін залишається на своїх позиціях. Дискусія сприймається як найбільш толерантна форма наукового суперництва/протистояння, коли сторони, які дискутують, у процесі обговорення можуть дійти згоди, знайти спільну точку зору, або врешті розв'язати дискусійне питання.

Тема академічного конфлікту достатньо нова навіть с точки зору класичної моделі науки (як історії ідей та інституцій). Російські дослідники А. Антощенко та А. Свешніков вважають конфлікт складовою процесу інституалізації історичної науки. Конфлікт в університетському середовищі визначають як «конфлікт вчених-інтровертів» (А. Свешніков). Виникнення конфліктів пов'язують із психічними особливостями учених-інтровертів. Академічний конфлікт, на думку дослідників, – це боротьба людей, а не ідей. Через те мотиви конфлікту – здебільшого матеріальні, соціально-психологічні, побутові. Конфлікт в науці має свою структуру: предмет конфлікту / середовище / суб'єкт конфлікту. Конфлікт виконує певні функції та має внутрішню динаміку. Існують різні типи конфліктів у науковому середовищі: міжпоколінний; світоглядний конфлікт, що виникає між прибічниками різних парадигм, шкіл, теорій (наприклад, між істориками-традиціоналістами та модерністами в сучасній історичній науці). Мотиви конфлікту, який може перетворитися на академічний скандал, – це, як вважають дослідники, боротьба за переподіл інституціонального, символічного та економічного капіталу.

Суб'єкт конфлікту – постать «скандаліста», який своєю поведінкою провокує конфронтацію (як П. Мілюков для школи В. Ключевського, Л. Карсавін для школи І. Гревса, Б. Чичерін проти більшості університетської ради, С. Томашівський – для школи М.Грушевського). Інший тип суб'єкту конфлікту – це т.зв. «латентний скандаліст», той, хто приховує свої антипатії та злобу, хто не бажає конфліктувати «за правилами» і лише при нагоді, тобто виникненні зручної ситуації чи відповідної політичної кон'юнктури, вступає у боротьбу/конфронтацію (гоніння на «стару» професуру за радянських часів, наприклад, М. Рубач проти М. Грушевського). Втім, на думку російських авторів, постать «скандаліста», суб'єкта конфлікту, – це не сукупність якостей особистості, а «результат сприйняття» його у корпоративній свідомості, «це ставлення до людини, її поведінки». Скандал/конфлікт, вважають А. Антощенко та А. Свешніков – «яскравий вияв порушень норм поведінки» у професійному середовищі. Так, за незалежністю позиції Бориса Чичеріна стояло «барство»/шляхетність у позитивному сенсі слова, «Чичерін вносив поняття гідності у середовище доволі приниженої і різночинної за складом групи, якою були на той час професори університету» [1, с. 120, 121, 123, 126, 128-130].

Показово, що А. Антощенко та А. Свешніков воліють довести (напевно, самим собі та оточенню) епістемологічну значущість вивчення історії конфлікту в науковому середовищі. Вони цілком слушно спростовують закиди у тому, що це не етично, не продуктивно, мовляв, «мелкотемье», «скатывание в бытописание».

Проблему конфлікту в академічному середовищі можна розглядати не лише як повноцінну складову моделі науки, проте як мережу взаємопов'язаних елементів, між якими постійно відбувається обмін інформацією, а відтак спробувати розкрити механізм конфлікту. Існують певні конотації між поняттям «конфлікт» та «мережеві війни». Останні – це винахід американських воєнних аналітиків, утім «казус мережевої війни» можна інтерпретувати на матеріалі будь-якої конфліктної ситуації, скандалу, конфлікту, конфронтації в університетському чи академічному середовищі, або груп інтелектуалів.

Мережу комунікантів (учасників конфлікту) характеризує відсутність вертикальної ієрархії, а лише вузлові точки зв'язків між собою, центру управління мережею зазвичай немає. Відносини між членами мережі мають неформальний характер. Мережеві війни, а відтак конфлікти у науковому середовищі, розгортаються завдяки тактикам «роїння» (від слова «рій», «роїтися»), за аналогією із бджолиним роєм, в якому одна бджола сама по собі не є серйозною загрозою, однак об'єднанні у рій вони становлять смертельну небезпеку.

Роїння/юрмління стає домінуючою технологією війни/конфлікту. Роїння – це візуально аморфний, але добре структурований спосіб нанесення удару з усіх напрямків у визначену точку (якою є суб'єкт чи об'єкт конфлікту), а потім знову розсіятися, зберігаючи при тому готовність, у черговий раз ще об'єднатись для нового удару. Перебіг і результат будь-якого конфлікту чим більш дедалі «залежить від інформації та комунікацій». З огляду на це психологічне знищення стає такою ж самою реальністю, як і фізичне [11, с. 14]. Словом, вивчення проблеми конфлікту, «культури конфлікту», як традиційним способом, так і під кутом зору мережевого аналізу, є своєчасним та інтелектуально доречним.

Конфлікт у науковому середовищі часто реалізується у стратегіях замовчування, які контроверсійні власним PR-стратегіям самодостатнього інтелектуала (ефект Грушевського), або стратегіям репрезентації наукового продукту, завдяки підтримки певних корпоративних груп та утворенню корпоративних брендів.

Ясна річ, поняття «стереотип», НЛП, «культура конфлікту», запозичені з різних предметних полів, мають певну кореляцію. По-перше, вони створюють інтелектуальну напругу на розривах смислу даних слів-понять та можливістю їх використання в історіографічних практиках. По-друге, вони мають внутрішні конотації: стереотипи слугують підмурком конфліктів у науковому середовищі, психотехніки НЛП використовуються у конфліктах інтелектуальних еліт, які керуються певними стереотипами і т. д. Сьогодні сенс історико-поняттєвої свідомості становить дифузія понять у міждисциплінарному просторі.

1. Антощенко А.В., Свешников А.В. Конфликт без скандала. Internet chat on line или диалог в одном времени: переписка из двух очень далеких углов // Мир Клио. Сб. ст. в честь Лорины Петровны Репиной: В 2 тт. – М., 2007. – Т.2.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991.
3. Генеалогія (genealogy) // Енциклопедія постмодернізму /За ред. Чарлза Е. Вінквіста та Віктора Е. Тейлора. – К., 2003.
4. Вжосек В. Историография как носитель национальных / националистических идей // Из выступ. на Междун. науч. конф. «Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век». Москва, 12-14 ноября 2008 г.
5. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996.
6. Інтертекстуальність (intertextuality) // Енциклопедія постмодернізму /За ред. Чарлза Е. Вінквіста та Віктора Е. Тейлора. – К., 2003.
7. Коллинз Рэндалл. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н.С.Розова – Новосибирск, 2002.
8. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В.Барчунова, под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М., 2004.
9. Ослон А. Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение» // Социальная реальность. – 2006. – №4. – С.125-141.
10. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с нем. Э.Телятниковой. – М., 2004.
11. Шаракшанэ С. Сетевые войны // Эволюция. – 2008. – № 4.
12. Barthes R. Texte. //Encyclopaedia universalis. – P., 1973. – Vol.15. – P.78.

Колесник І.І. Історіографія у сучасному поняттєвому просторі

Резюме: У статті аналізується процес поповнення та оновлення категоріального апарату історіографії як дисципліни. Мова йде про три категорії: стереотип, нейролінгвістичне програмування, конфлікт/культура конфлікту, які запозичені відповідно з таких суміжних наук як психологія, психолінгвістика, наукознавство. Між

цими поняттями існують внутрішні конотації. Стереотип є основою конфліктів в науковій корпорації, академічному середовищі, психотехніки НЛП використовуються в конфліктах інтелектуальних еліт, які керуються певними стереотипами.

Ключові слова: Категоріальний апарат історіографії, стереотип, нейролінгвістичне програмування, конфлікт.

Колесник И.И. Историография в современном категориальном пространстве

Резюме: В статье анализируется процесс пополнения и обновления категориального аппарата историографии как дисциплины. Речь идет о трех категориях: стереотип, нейролингвистическое программирование, конфликт/культура конфликта, заимствованных соответственно из таких смежных областей, как психология, психолингвистика, науковедение. Между этими понятиями существуют внутренние коннотации. Стереотип является основой конфликтов в научной корпорации, академической среде, психотехники НЛП используются в конфликтах интеллектуальных элит, которые руководствуются определенными стереотипами.

Ключевые слова: Категориальный аппарат историографии, стереотип, нейролингвистическое программирование, конфликт.

Kolesnyk Iryna Historiography in Contemporary Conceptual Space

Summary: The article examines the process of additions and renewal categorical apparatus of historiography as a discipline. The question is about three categories: a stereotype, neurolinguistic programming, the conflict / culture conflict, which are borrowed from such related fields as psychology, psycho linguistics and science of science. Between these concepts have internal connotations. Stereotype is the basis of conflicts in the scientific corporations, academic environment, psycho techniques -NLP used in conflicts of intellectual elites, who are guided by certain stereotypes.

Keywords: Categorical apparatus of historiography, stereotype, neurolinguistic programming, conflict.

С.И. МАЛОВИЧКО

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПОИСК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ В ПЕРИОД ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Историческая наука может гордиться своим давним вниманием к собственному прошлому, которое в институциональном виде получило название «историография». Еще в «Лекциях по философии истории», выделяя виды истории, Г.В.Ф. Гегель обозначил в рамках рефлексивной историографии «различные подвиды», одним из которых назвал критическую историю («история истории»), в рамках которой «дается оценка исторических повествований и исследуется их истинность и достоверность» [1, с. 57-63]. Однако, если некогда перед историком исторической науки и ставилась задача – дать оценку, определить истинность и достоверность изложений того или иного историописателя, то сегодня можно услышать, что, в принципе, эта задача невыполнима. Парадокс заключается в том, что историография невозможна, так как не работают способы, призванные помочь историку понять свое дисциплинарное прошлое; историк может быть хронистом, но не в состоянии быть судьей [2, р. 181].

Конечно, это замечание, в большей степени, относится к традиционной историографии, которая, по мнению И.И. Колесник, была обращена к понятиям процессуальности и линейности, рассматривала формы развития, эволюции и прогресса исторической науки [3, с. 169]. С конца XX в. мы наблюдаем отклонение от интерналистского подхода к истории науки (рациональный, прагматически направленный на иерархизацию знания), следуя которому при освоении историографической проблематики трудно было обратиться к реальному полю исторической мысли, следуя давно предначертанным этапам, сменяющимся направлениям и школам.

Интерналистский подход отводил описательной историографии привилегированную роль в системе исторического знания и был

связан с общенаучной идеей «критического рационализма», получившего теоретическое обоснование в работах Карла Поппера, где центральное место всех рассуждений о науке составляет «идея роста знания, или, иначе говоря, идея приближения к истине» [4, с. 380-391]. Такой подход к истории науки подверг критике Томас Кун, справедливо заметивший, что мы пока не можем делать выводы о том, «что такое научный прогресс и, следовательно, не можем надеяться объяснить его» [5, с. 20-48]. Обращаясь к гуманитаристике, ученый подчеркивал, что если даже в точных науках «переходы к стадии зрелости редко бывают такими внезапными и такими явными», то в гуманитарной области, «где книга наряду со статьями или без них остается по-прежнему средством коммуникации между исследователями, пути профессионализации обрисовываются столь расплывчато, что любитель может льстить себя надеждой, будто он следит за прогрессом, читая подлинные сообщения ученых-исследователей» [6, с. 47].

В последние десятилетия проблема этапов профессионализации исторической науки вызывает определенную дисциплинарную рефлексию. В конце XX в. А.С. Мыльников предложил отказаться от признания резкой грани между «донаучным» и «научным» периодами существования исторической науки, заметив: «Кто собственно способен провести четкий водораздел между «научными» и «донаучными» представлениями..., если учесть, что каждая эпоха в истории познания имеет свои представления о мере и степени истины?» [7, с. 8]. Иной подход к определению уровней исторического знания предложил И.Н. Ионов. По его мнению, их различие определяется степенью зависимости от власти философии и способностью предлагать собственную методологию. Таким образом, «научное» знание XVI – XVIII вв. он назвал «додисциплинарным» и соответственно XIX – XX вв. «дисциплинарным» [8, с. 60-61, 81]. В последнем случае, присутствует снятие несколько одиозного концепта «ненаучность», но, как и в отношении «научное»/«донаучное», мы наблюдаем оппозицию понятий «додисциплинарный» / «дисциплинарный», которая не предполагает наличия определенного переходного периода в уровнях знания.

Можно заметить, что историки все чаще начинают оперировать понятиями «знание», «мышление» и «сознание», считая, что их

научная составляющая покоится в центре, представляя ядро широкого поля знания/сознания/мышления. В начале XX в. Бенедетто Кроче обратил на это внимание, написав, что «историческое мышление всегда адекватно своему времени и никогда – другому» [9, с. 121]. Актуализация интереса к «стилям мышления» помогла историкам не только снять оппозицию между «донаучным» / «научным», «допрофессиональным» / «профессиональным», но и обратить внимание на социокультурный контекст истории исторического письма, на историческую память, на модели сознания и их отношение к прошлому. Неслучайно, изучая историческую литературу Нового времени, Линда Орт заметила, что в Европе существовали не четко оформленные и иногда перетекающие друг в друга «допрофессиональный», «раннепрофессиональный» и затем уже и «профессиональный» уровни исторического знания или стили исторического мышления [10, р. 89-107].

“Канонами” назвала модели мышления Габриэлла М. Спигель. Так, например, по ее мнению, средневековый канон характеризуется господством провиденциальной исторической мысли и письма истории, а также системой взглядов, сформированных на библейских примерах. Этот канон в течение многих столетий формировал сознание и национальный характер [11, р. 638-639]. Сегодня Л.П. Репина (вслед за А.А. Ивиным [12, с. 134]), такие периоды называет “стилями мышления исторической эпохи”, которые последовательно сменяют друг друга соответственно главным этапам развития европейского общества: античный, средневековый, классический (стиль мышления Нового времени) и современный [13, с. 12-13].

Подходы современных ученых стали важным примером выхода исследования за дисциплинарные рамки «рациональной» историографии. Применение широкого надрационального подхода, соотносящего науку с современным ей обществом, с присущим ему сознанием и сосредоточивающего внимание не только на феномене внутридисциплинарных, но и внедисциплинарных интеллектуальных практик, стало индикатором изменения парадигмальной основы историографических исследований и ответом на вызов времени.

Для понимания ситуации, в которой оказалась историческая наука, много сделали философы и историки постмодерна. Однако они изучали историографические традиции не с целью реконструкции их

воображаемых концепций, а для того, чтобы деконструировать исторический дискурс и стратегии доминирования в этом дискурсе. Тем самым, они сорвали маску научной строгости с современной историографии, представив ее наивной относительно своих собственных концептуальных оснований. Мишель Фуко, например, интересуясь риторическими стратегиями, которые притязали на истину, пришел к выводу, что на самом деле они сводились к играм в истину [14]. При всем том, постмодернистская точка зрения также оказалась ограниченной, так как не смогла поддержать свое существование среди деконструированного исторического дискурса и институциональных форм дисциплины, превращенных в хаос. Обнажив слабость историографии, показав, что прошлое науки известное нам (являющееся риторическим конструктом настоящего) не одно, постмодерн не продумал рецепта укрепления её состояния.

На этом фоне увеличивающееся число исследовательских полей, изучающих «историю исторической науки», «историю историографии», «историю исторического знания», «историю историописания» и т.д. превратило прошлое исторического знания во множество миров. Только определенная семантическая инерция (находящаяся, в немалой степени, под влиянием массового исторического сознания) позволяет нам говорить о некоем общем дисциплинарном прошлом. Прошлое исторической дисциплины, в действительности, стало пуганицей, мульти-прошлым, зависимым от разных идеологических перспектив, интерпретируемое разным инструментарием, подгоняемое под разные шаблоны, выработанные несколькими десятками историографических школ. Все эти «прошлые» имеют свои собственные дисциплинарные генеалогии, «отцов-основателей», отношение к настоящему и т.д.

Можно винить само создавшееся положение, можно повторять за Питером Бёрком, что «мы должны выдержать эту ситуацию, она принесла надежду на синтез» [15, р. 20] и согласиться со словами Т.Н. Поповой: «‘Рефлексивное пространство’ современной науки сегодня – это ‘большая опера’, бесконечное многоголосье, в котором все-таки каждая из рефлексивных ветвей исполняет собственную партию, хотя иногда и на ‘территории партнера’. Перспективы развития историографической науки, на наш взгляд, не в дроблении целой дисциплины на фрагменты историографического знания и не в

слиянии ее с иными познавательными системами, но в определении ее смыслового ядра... в многообразии подходов к осуществлению историографического синтеза в ее 'эпистемологической и методологической открытости', но в то же время, и в обозначении ее профессиональной территории» [16, с. 58]. Солидарен с позицией Т.Н. Поповой Джонатан Герман, который в отличие от Хейдена Уайта (призывавшего в своей «Метаистории» избавиться от дисциплинарных соглашений [17]) считает, что историография имеет коллективистское измерение и историки должны говорить на одном языке и иметь общее представление о задачах дисциплины [18, р. 161].

Влияние посмодерна, лингвистический, культурологический и др. повороты, парадигмальное изменение в гуманитаристике оказали влияние на обращение историков к человеческой субъективности, а значит, усилили внимание к текстам не только историков, но и к таким, в которых отразилось влияние историографии на общественное сознание и наоборот. «Историческая наука по характеру своего объекта, подчеркивала О.М. Медушевская, может и должна быть наукой о человеческом мышлении» [19, с. 24]. Поэтому изучение исторической памяти, интеллектуальных моделей, идей, исторического сознания и т.д. не могло не затронуть поле истории исторической науки. Современная ситуация уже немыслима без сосуществования актуальных конкурирующих практик как исторического, так и историографического исследования. Поле историографии расширяется, в нем (со)существуют не только новые субдисциплины исследующие историографию, но происходит противоборство разных парадигмальных основ. Как отмечает М.Ф. Румянцева, в последнее время историографическая проблематика явно актуализируется и «дело не только и не столько в повышенном интересе историков к этой проблематике, сколько в существенной трансформации функции исторического знания в структуре знания исторического», которое «вступило в свой историографический возраст» [20, с. 15]. В этой ситуации считает С.И. Посохов «проблема историографических методов... стоит, как некогда остро, именно в совершенствовании методов – магистральный путь дальнейшего развития историографии» [21, с. 255].

В настоящее время смены парадигм уже можно со всей определенностью утверждать, что кризис постмодерна, его

трансформация в новую социокультурную ситуацию, именуемую пост-постмодерном, привели, в первую очередь, к трансформации функций исторического знания, что в значительной мере сказалось на занятиях историей исторической науки. Мы уже указывали, что ситуация пост-постмодерна характеризуется, во-первых, поиском новых путей интеграции социума, в том числе и на основе общей истории (правда, выступающей уже по преимуществу не как метанарратив, а как «места памяти»), и во-вторых, уже не просто расхождением, а непреодолимым разрывом между профессиональным знанием и массовым сознанием [22, с. 206-207].

Историки пост-постмодерна откликаясь на вызовы времени, приступили к поиску актуального коэкзистенциального целого человечества, пытаются изучать исторические связи между изменяющимися культурными пространствами. Социокультурная ситуация заставляет осмысливать мир в единстве его многообразия на основе компаративных подходов и делает необходимым поиск – глокального и глобального субъектов исторического действия. В связи с этим, важным становится обращение внимания не на диахроническую линейность развития историографии, которая выстраивает периоды ее профессионализации, а на синхронные процессы, происходившие в практике историописания (не только научного) в рамках того или иного стиля исторического мышления. Историкам необходимо смещать акценты «исследований с традиционного диахронического подхода, рассматривавшего явления во времени, на синхроническое исследование системных связей исторического настоящего», писала О.М. Медушевская [19, с. 25].

Современную науку уже не могут удовлетворить исследовательские практики, не учитывающие компаративизм и контекстуализм. По мнению Ю.Л. Троицкого, актуальной «становится разработка компаративного источниковедения, компаративистской историографии, как и компаративной эпистемологии». Сам компаратив – это такой вид повествования, который противоположен нарративу и обслуживающий обобщающие высказывания. «Можно утверждать, считает ученый, что нарратив тяготеет к описанию событийных исторических феноменов, а компаратив – процессуальных» [23, с. 32, 29]. Компаративная историография становится определённым жанром, обращающим внимание на

историографическую типологию; она помогает изучать теоретические вопросы историографии в пределах от общефилософского до частного и эмпирического [24, р. 25-32]. Как мне пришлось отмечать ранее - возможности компаративной историографии следует использовать как в изучении дискурсивных приёмов в рамках европейской историографической традиции, так и отдельных уровней исторического знания, а также типов исторического письма в национальной историографии [25, с. 5-31]. По мнению Троицкого, наиболее плодотворно компаративистика работает в том случае, когда исследователь соблюдает баланс предметной и инструментальной линий, осуществляет «челночное движение от эмпирического материала к модельному уровню (рефлексивная обработка данных с помощью теоретического инструментария) и обратно» [23, с. 28, 31].

Компаративную историографию сложно представить без практики широкого контекстуализма, учитывающую взаимосвязь окружающей культуры и текстов или, как это назвал Ллойд Крамер, взаимосвязь «внешнего» и «внутреннего» [26, р. 94-95]. Личностный и глобальный аспекты, по мнению Л.П. Репиной, «имеют нечто существенно общее в своих теоретических основаниях – это, прежде всего, понимание социокультурного контекста интеллектуальной деятельности как культурно-исторической ситуации, задающей не только условия, но вызовы и проблемы, которые требуют своего разрешения» [27, с. 10].

Историки привыкли рассуждать о прошлом, как о «чужой стране» [28]. Однако насколько приемлемо такое «отчуждение» для историков историографии, - спрашивает Джонатан Горман, - ведь историография для них «в значительной мере та же самая страна»? [18, 120] Этот вопрос не просто красивая фигура речи, а намек на определенную апорию. Дело в том, что «в идеале» исследовать историю истории можно в том случае, если предмет исследования является если и не абсолютно, то все же прозрачным для самой дисциплины. Неслучайно, Ф.Р. Анкерсмит замечает, что объяснение истории истории усложнено больше, чем, например, объяснение истории физики, так как в первом случае «мы имеем дело с одной и той же дисциплиной (историей) на двух уровнях... Точки зрения смешиваются с точками зрения на точки зрения, а точки зрения – на само прошлое с интерпретациями прошлого» [29, с. 367-368].

Рефлексия о методологическом инструментарии историографии позволяет понять, что интерпретационные процедуры работы с историческими текстами отнюдь не облегчаются, а напротив, становятся все более сложными и разнообразными. Современный исследователь признает, что, несмотря на большие достижения, сделанные в XX столетии в области историографии, все еще отсутствует приемлемый концептуальный и методологический подход к анализу письменных текстов [30, р. 333]. Подходы, конечно, есть, но высказываемая неудовлетворенность заставляет нас совершенствовать методику изучения историографии.

Мне представляется, что феноменологическая парадигма источниковедения, разрабатываемая кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ, дает возможность исследователю плодотворно работать и с историографическими текстами. Феноменологическая парадигма и антропологический подход позволили актуализировать принцип «признания чужой одушевленности», т.е. одушевленности автора источника. О.М. Медушевская подчеркивала, что признание «другого» не есть просто признание его как иного (так называемая «инаковость»), «но прежде всего как равновеликого и самодостаточного индивида, а, следовательно, носителя социальной информации. Человек лучше всего выражен в своем сознательно целенаправленном творчестве. Он создает произведения, служащие, в свою очередь, основным источником гуманитарного познания. Следовательно, в центре внимания оказывается не отношение субъект - объект, но триада: человек—произведение—человек» [31, с. 100-136].

Понимание автора того или иного произведения, может показаться манифестацией желаемого, но не достижимого. Ведь понять автора текста можно лишь при условии полного повторения его творческого процесса. Обнаружение источников его идей, отдельных сюжетов или примеров приближает нас к пониманию авторского замысла, помогает проникнуть в смысл той или иной нарративной операции и т.д., но не гарантирует преодоление чуждости «Другого».

М.М. Бахтин, внесший значительный вклад в методологию гуманитарных наук, предложил преодолеть «чуждость» автора изучаемого текста при помощи процесса диалогического общения. По

его мнению, объект познания в гуманитарных дисциплинах (личность автора) не менее активен, чем познающий субъект. Поэтому, последний не должен сводить акт познания к чисто логическим или предметным отношениям, а стремиться раскрыть «глубинный смысл» текста. Для этого необходимо «восполняющее понимание», направленное на выявление бессознательных мотивов творческого процесса и «преодоление чуждости чужого». Ученый указал, что исследователь не должен отказываться от своей современности, так как нахождение в настоящем времени дает возможность наблюдать объект интерпретации со стороны. Рефлексия о своей «современности» позволяет избежать такой серьезной опасности, как присвоение анализируемого текста [32, с. 381-393]. Именно бахтинский подход в исследовании исторического нарратива применяет Доминик Лакапра, указывающий, что метод диалога позволяет выделить в тексте то, о чём сам текст не говорит [33, р. 62]. Применение этого метода предполагает использование круга источников, которыми пользовался автор того или иного исторического текста, а также круга современной ему исторической литературы, дающих возможность понять культурный контекст эпохи. Бахтинскую модель взаимоотношения исследователя (в его современности) и объекта исследования (в его прошлом) сегодня дополняет Аллан Меджилл считающий, что мы «должны сохранять дистанцию между прошлой действительностью, которую историк описывает и миром настоящего» [34, р. 4].

«Лингвистическим поворот» в гуманитаристике, позволил обратить внимание исследователей на проблемы знака и его интерпретации, на исследование дискурсивных практик лингвистами, которые сумели выработать тонкие и сложные методики интерпретации текстов. Интерпретируя исторические нарративы, учёные начали работать с авторами текстов, благодаря чему им представилась «сама возможность исследовать мир, преломлённый в сознании («мой мир» автора)» [35, с. 20], различать множественность авторских его и т.д. Известно, что в практике историописания часто проявляется не совсем то, к чему стремился автор, т.е. текст говорит конкретному читателю то, о чём сам его создатель даже не рефлексировал. Метод нарративного разделения, позволяет выявлять метафорические и оценочные суждения, стереотипы исторического

мышления, которые функционируют на самом глубоком уровне мышления, идентифицировать ту область исторического нарратива, которая была привнесена как практическая, выразительная или парадигматическая конструкции и вступила с рациональным дискурсом в конфликт [36, с. 140]. Метод нарративного разделения помогает исследователю историографии обращать внимание на такой важный аспект историописания, как «дисциплинарная память», которая выражается в традиции изобретения мифической генеалогии («изобретенная традиция») той или иной школы историков, историографического направления и т.д. [37, р. 106]

Исторический нарратив или группу нарративов можно исследовать, (создавая условия для реконструкции творческого процесса) посредством вычленения этапов проводимой автором или авторами исследовательской операции. Однако вопрос о «позтапности» процесса работы историка сегодня остается открытым и я выделю несколько мнений. Леон Дж. Голстейн считает, что письмо истории это двухэтапный процесс (исследование и литературная обработка) [38, р. 119-129]. Горман полагает, что это единая сложная операция, в которой выбор историописателем той или иной составляющей исторического рассказа не может подчиняться какой-либо очередности, поэтому их невозможно вычленять [18, р. 172]. Мне импонирует третий подход, предложенный Полем Рикёром. По его мнению, работа историка над конкретным трудом («историографическая операция») состоит из трех фаз: документальная, фаза объяснения/понимания и литературная фаза [38, с. 29]. Позтапный разбор исторического сочинения, предполагающий привлечение круга источников и исторической литературы, использованных/не использованных автором, дает возможность познакомиться с мастерской историописателя и приблизиться к пониманию его интеллектуальной деятельности. Исследование историографической операции завершает рефлексия о возможности этого исторического дискурса [40, с. 401], предполагающая проведение компаративного анализа и создание социокультурного контекста, в который помещается изучаемая работа. Следует отметить, что подобный подход помог автору этих строк выявлять в историческом знании социально ориентированные и научно ориентированные исторические нарративы [41, с. 21-28].

Как можно заметить, я постарался привести лишь некоторые возможные подходы и методы современного историографического исследования. Остается добавить, что объекты нашего исследовательского интереса – историписатели прошлого жили в иное время и работали в иных парадигмах гуманитарного знания, поэтому, современная тенденция, получившая название «история интерпретаций», феноменологическая парадигма источниковедения и этическое отношение к «Другому» дают возможность иначе смотреть на их тексты и понимать, пожалуй, самое важное – никто не имеет патента на прошлое, так как к его познанию историки шли и сейчас идут разными путями.

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб., 1993.
2. Hoffer, Peter Charles. The Historians' Paradox: The Study of History in Our Time. – NY.: New York Univ. Pr., 2008.
3. Колесник І.І. Інтелектуальне співтовариство як засіб легітимації культурної історії України. ХІХ століття // Український історичний журнал. – 2008. – № 1.
4. Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983.
5. Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // Философия науки. – Вып. 3. Проблемы анализа знания. – М., 1997.
6. Кун Т. Структура научных революций. – М., 2001.
7. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы ХVI – начала ХVIII века. – СПб., 1996.
8. Ионов И.Н. Рождение теории локальных цивилизаций и смена научных парадигм // Образы историографии: Сборник статей. – М., 2001.
9. Кроче Б.. Теория и история историографии / Пер. с ит. И.М. Заславской. - М.: Языки русской культуры, 1998.
10. Orr L. Intimate Images: Subjectivity and History – Stael, Michelet and Tocqueville // A New Philosophy of History / ed. by F. Ankersmit, H. Kellner. – L., 1995.
11. Spiegel G. M. Medieval Canon Formation and the Rise of Royal Historiography in Old French Prose // MLN. – 1993. – Vol. 108. – No. 4.

12. Ивин А.А. Интеллектуальный консенсус исторической эпохи // *Познание в социальном контексте*. – М., 1994.
13. Репина Л.П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. – Вып. 22. – М.: ЛКИ, 2008.
14. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., 1996.
15. Burke P. Overture: the New History, its Past and its Future // *New Perspectives on Historical Writing* / ed. by Peter Burke. 2nd ed. – University Park, PA: Pennsylvania State Univer. Pr., 2001.
16. Попова Т.Н. Историография в поисках своего обновления // *Харківський історіографічний збірник*. – Вип. 9. – Харків: НУА, 2008.
17. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. – Екатеринбург, 2002.
18. Gorman J. Historical Judgement: The Limits of Historiographical Choice. – Montreal; Kingston; Ithaca: McGill-Queen's Univ. Pr., 2008.
19. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. – М.: РГГУ, 2008. – С. 24.
20. Румянцева М.Ф. Историография в историческом исследовании и в образовательной практике // *Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Материалы XXII междунар. науч. конф. Москва, 28-30 янв. 2010 г.* – М.: РГГУ, 2010.
21. Посохов С.И. Историография вчера, сегодня, завтра // *Харківський історіографічний збірник*. – Вип. 9.
22. Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Образовательные практики высшей школы: еще раз о краеведении и новой локальной истории // *Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия: Материалы всероссийской научной конференции*. – М.: ИВИ РАН, 2009.
23. Троицкий Ю.Л. Историческая компаративистика: эпистемология и дискурс // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. – Вып. 30. – М.: КРАСАНД, 2010.
24. Lorenz C. Comparative Historiography: Problems and Perspectives // *History and Theory*. – 1999. – Vol. 38. – No. 1.
25. Маловичко С.И. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении // *Ставропольский альманах Российского общества*

- интеллектуальной истории. – Вып. 7. – Ставрополь: ПГЛУ, 2005.
26. Kramer L. Intellectual History and Philosophy // *Modern Intellectual History*. – 2004. – Vol. 1. – No. 1.
27. Репина Л.П. От личностного до глобального: Еще раз о пространстве интеллектуальной истории // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. – Вып. 14. – М.: КомКнига, 2005.
28. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. – СПб.: Владимир Даль, 2004.
29. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. – М.: Канон+, 2009.
30. Menache S. Chronicles and Historiography: the Interrelationship of Fact and Fiction // *Journal of Medieval History*. – 2006. – Vol. 32. – No. 4.
31. Медушевская О.М. Феноменология культуры: концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // *Исторические записки*. – М., 1999. – № 2 (120).
32. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
33. LaCapra D. History and Reading: Tocqueville, Foucault, French Studies (Green College Lectures, Green College, University of British Columbia). – Buffalo, N.Y.: University of Toronto Pr. 2000.
34. Megill A. Historical Knowledge, Historical Error: A Contemporary Guide to Practice. – Chicago; London: Univ. of Chicago Pr., 2007.
35. Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. – М., 2003.
36. Маловичко С.И., Мохначева М.П. Литературные «штудии» в XVIII веке: историографический текст и исторический факт в сочинениях Екатерины II // XVIII век в истории России: Современные концепции истории России XVIII века и их музейная интерпретация: Труды ГИМ. – Вып. 148. – М.: ГИМ, 2005.
37. Herman P. How Historians Learn to Make Historical Judgments // *Journal of the Philosophy of History*. – 2009. – Vol. 3. – No. 1.
38. Goldstein L. J. The What and the Why of History: Philosophical Essays. – Leiden; New York; Köln: Brill, 1996.
39. Рикёр П. Историописание и репрезентация прошлого // *Анналы на рубеже веков – антология* / Отв. ред. А.Я. Гуревич. – М., 2002.

40. Рикёр П. Память, история, забвение. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
41. Маловичко С.И. Историописание: научно ориентированное vs социально ориентированное // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. – М.: РГГУ, 2010.

Маловичко С.И. Історія історичної науки: пошук методологічного інструментарія у період парадигмальних змін

Резюме: У статті йдеться про те, що з кінця ХХ ст. історія історичної науки відхилилася від інтерналістського підходу при вивченні дисциплінарного минулого. Широкий надраціональний підхід, який дозволяє зосередити увагу на феномені поза дисциплінарних інтелектуальних практик, стає індикатором змін парадигмальної основи історіографічних досліджень. Автор звертає увагу на практику компаративної історіографії, феноменологічну парадигму джерелознавства, методи діалогу і нарративного розділення.

Ключові слова: поза дисциплінарні інтелектуальні практики, компаративна історіографія, феноменологічний підхід.

Маловичко С.И. История исторической науки: поиск методологического инструментария в период парадигмальных изменений

Резюме: В статье говорится о том, что с конца ХХ в. история исторической науки отклонилась от интерналистского подхода в изучении дисциплинарного прошлого. Широкий надрациональный подход, позволяющий сосредотачивать внимание на феномене внедисциплинарных интеллектуальных практик, становится индикатором изменения парадигмальной основы историографических исследований. Автор обращает внимание на практику компаративной историографии, феноменологическую парадигму источниковедения, методы диалога и нарративного разделения.

Ключевые слова: внедисциплинарные интеллектуальные практики, компаративная историография, феноменологический подход.

Malovichko S. History of a historiography: search of methods during an epoch of the paradigmal transformations

Summary: In article it is said that from the end of XX century the history of a historiography has deviated from the internalist approach in

studying of the disciplinary past. Wide the over-rational approach, allowing to focus attention to a phenomenon of out-disciplinary intellectual practices, becomes the change indicator of the paradigmatic bases of historiographic researches. The author pays attention to practice of a comparative historiography, a phenomenological approach to the text, methods of dialogue and narrative division.

Keywords: out-disciplinary intellectual practices, comparative historiography, phenomenological approach.

И. Б. ОРЛОВ

**«НОВЫЕ ИСТОРИИ»:
ОТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ К
ПРЕТЕНЗИЯМ НА СТАТУС ПАРАДИГМЫ**

«Каждое поколение открывает для себя свои горизонты, заявляя об их «новизне» ... однако, эти перспективы могут быть расширены, а притязания на новизну умерены, если опереться на знания предшественников (или пренебречь ими)»

(Дональд Р. Келли, американский политолог)

«Впервые столкнувшись с ... новой историей, я думала, что понимаю, о чем идет речь. Сейчас у меня нет такой уверенности» (Гертруда Химмельфарб, американский историк)

Проблемы трансформации исторической науки тесно связаны с общим ходом развития научного знания вообще и гуманитаристики, в частности. Происходящие в науке процессы демонстрирует две противоположных, на первый взгляд, тенденции. С одной стороны, усиливается специализация различных дисциплин, а с другой стороны, очевидны отказ от дисциплинарной «чистоты» и стремление к научному синтезу. При этом каждое новое направление приходит под лозунгом «большей научности» в объяснении тех или иных явлений природы и общества.

История науки свидетельствует о том, что не существует единого для всех отраслей научного знания вектора развития. С одной стороны, их развитие подчиняется некой внутренней логике, а с другой, научные дисциплины по-разному реагируют на внешние вызовы. В этом плане показателен опыт исторической науки, когда

професіоналізація і укріплення дисциплінарного суверенітету супроводжались падінням суспільного престижу і, в силу цього, зниженням інтересу со сторони властей [1]. А ведь совсем недавно ни одно идейное направление или движение не обходились без «своей» истории [2].

Усиление в последние годы дробления исторических дисциплин объясняется, помимо постмодернистского влияния, результатом указанной професіоналізації [3]. Семейство «новых историй» [4] (политической, экономической, социальной и интеллектуальной) пополнилось за счет «новой культурной», «новой локальной», «новой культурно-интеллектуальной» и прочих исторических субдисциплин [5]. Звучат даже предложения обозначить сложившийся историографический феномен как «новую новую» или «новейшую историю» [6]. Но, одновременно, наметилась тенденция к объединению всех этих направлений, прежде всего, в рамках расширительно трактуемой «новой социальной истории» [7]. Тем самым актуализируется высказанная еще Люсьеном Февром мысль о том, что *«существует история как таковая во всей своей целостности»* [8]. Эпистемологические поиски способствовали формированию полидисциплинарной теории знания о Человеке, открывающей возможность выходить за пределы узко дисциплинарных дискурсов. В свою очередь, процессы интеграции и дезинтеграции исторического знания оказываются взаимосвязаны в силу того, что расширение интеграционного поля является следствием и итогом растущей научной специализации [9].

Но независимо от того, какими видятся пути развития исторического знания, современные приверженцы «новой истории» все чаще высказываются в пользу того, чтобы считать ее современный этап временем новой научной парадигмой. Какие же аргументы приводятся в пользу парадигмального сдвига, связанного с современным состоянием «новых историй»? Во-первых, наличие кризиса исторической науки, связанного с появлением целого ряда необъяснимых с позиций традиционного исторического знания фактов, и **формирование альтернативных теорий**. Во-вторых, формирование локальных научных сообществ и **появление признанных авторитетов**, выступающих движущей силой развития и

продвижения в научное сообщество новых идей. В-третьих, **наличие качественных изменений** в структуре научных знаний.

Напомним, что категория «парадигма» (от греческого *παράδειγμα* - пример, модель, образец) означает совокупность явных и неявных предпосылок, определяющих научные исследования и признанных на данном этапе развития науки. Во всех сложившихся научных дисциплинах существует свой «своеобразный эталон», который как трафарет накладывается на реальный объект [10]. Другими словами, парадигма - это то, что объединяет членов научного сообщества, которое, в свою очередь, состоит из людей, признающих определенную парадигму [11].

Посмотрим, так ли это? Ведь в начале XX в. переход от нарратива «старой» истории к интерпретационной парадигме исторического исследования уже расценивался как «коперниканский» переворот в историографии. Еще в 1912 г. американский историк Джеймсон Робинсон в книге «Новая история: этюды, иллюстрирующие перспективу в современной истории» манифестировал наступление эры «новой» истории, понимаемой им как история «обыденного человека» [12].

Но пионером «новой истории» и ее признанным лидером стала Франция, где предтечами нового направления выступили Анри Берр с его «Журналом исторического синтеза» (1900) и Марк Блок и Люсьен Февр с «Анналами экономической и социальной истории» (1929). Именно в рамках школы «Анналов» «новая история» оформилась институционально и получила свое эпистемологическое и методологическое выражение. Более того, исторические институты Франции стали признанными центрами междисциплинарного сотрудничества и перестройки структуры гуманитарного знания, как в стране, так и за ее пределами [13]. Сторонники «новой исторической науки» (или «новой социальной истории»), исходя из идеи единства гуманитарных и социальных наук, отводили истории особое положение аналитической дисциплины [14].

Французская «новая историческая наука» 1970-1980-х, при всей своей специфичности, как по своему происхождению, так и многими исследовательскими подходами связана со школой «Анналов». Характерный для анналистов междисциплинарный подход включал теперь не только социологию и психологию [15], но также

демографию, этнографию, антропологию и лингвистику. На первый план в исследованиях представителей школы «Анналов» третьей волны (Жак Ле Гофф, Жорж Дюби, Мишель Вовель), в противовес лишенной человека глобальной истории Фернана Броделя, выдвинулись «антропологическая история» и «история ментальности». Но с 1980-х гг. появилась новая плеяда историков во главе с Аленом Буро и Роже Шартье, ревизующих воззрения их предшественников. В частности, не отрицая роли изучения ментальности при разработке «тотальной» истории, Буро в качестве главной задачи новой «специальной истории ментальностей» выдвинул изучение того, как общие представления превращаются в индивидуальные. Впрочем, сам историк не претендует на лавры основателя нового исследовательского направления, считая, что основные идеи могут быть отнесены к творчеству Эрнста Кассирера и Мишеля Фуко. В свою очередь, Шартье для преодоления эпистемологических трудностей, предлагает анналистам отказываться от проекта глобальной истории. Он отказывает текстам в смысловой универсальности в силу множественности культурных дифференциаций и традиций чтения. В силу этого главным инструментом социально-культурного анализа становятся представления людей, рождаемые из потребности сделать это общество «менее непрозрачным» и более доступным для восприятия [16]. То есть представители школы «Анналов» четвертой волны не высказывают претензий не только на парадигмальный сдвиг, но даже на тотальность объяснительных конструкций, которая всегда была одним из основополагающих принципов историзма «новой истории», наряду с проблемностью и открытостью.

На рубеже 1970-80-х гг. в русле «новой истории» формируется новая исследовательская стратегия культурной истории и исторической антропологии, выдвинувшая на первый план изучение культурного механизма социального взаимодействия в разных областях жизни социума и способов репрезентации исторической реальности. В свою очередь, разграничение между реальностью и ее осмыслением стимулировало развитие такого направления как «интеллектуальная история» с ее интересом к социальным навыкам мышления и миру воображения [17]. Но в общих чертах данная методологическая ориентация присутствовала уже у основателей

школы «Анналов», в силу чего не может претендовать на статус новой историографической парадигмы.

Более того, сегодня «новая история», наряду с другими формами профессионального языка, снова апеллирует к историческому нарративу [18], хотя и на ином уровне аналитических возможностей и профессионального сознания. В частности, озвучиваются претензии на разработку нового варианта «исторического реализма», основанного на дискурсивной природе человеческой жизни. Например, «реабилитация» политической истории поставила в исследовательский фокус «человека в политике» и проблемы власти как таковой и, прежде всего, ее символики и знаковых систем. «Новые» политические историки считают, что политика, как лингвистически сконструированный феномен, может быть познана только через языковые формы. Да и в рамках «новой истории» в целом расширяется сфера политических исследований, интерпретируемых как социолого-политический, лингво-политический или семиотико-политический анализ общества [19]. А с середины 1990-х гг. отчетливо проступила еще одна тенденция, заключающаяся в отходе от радикальных лингвистических и культурологических позиций.

Возвращаясь к вопросу о том, имеем ли мы дело с формированием новой исторической парадигмы, отметим наличие широкого спектра альтернативных теорий, концепций и направлений (см. рис. 1).

Рис. 1. Основные направления «новой истории»

Но ни одно из них не выполняет той интегрирующей роли, на которую оказались способны в свое время французская школа «Анналов», американская «социальная научная история» или немецкая *Gesellschaftsgeschichte* (Билефельдская школа). Отчасти это вызвано сложностью научного языка (постмодернистского и деконструктивистского) «новых историй», частично - дроблением предмета истории. Чрезмерное разветвление исторических исследований («тоннельная история»), на практике ведет к тому, что некоторые темы и проблемы (например, история чихания или курения) выглядят как случайные. Все большая специализация исторического знания угрожает потерей связей между историками, работающими с различными эпохами и странами. Тем самым барьеры и расстояния между отдельными историческими субдисциплинами увеличиваются, а перспективы «тотальной истории» становятся все более туманными.

Кроме того, одно из главных методологических достоинств «новой истории» - установка на междисциплинарный синтез – делает ее объектом методологической «агрессии» других наук, что, в свою очередь, размывает границы профессиональной историографии и препятствует реализации собственного интеграционного потенциала. Специфично (хотя и объяснимо постмодернистским дискурсом) понимание «новой историей» междисциплинарного подхода как

артефакта культуры и характеристики состояния интеллекта, что лишает сам подход инструментальности. В итоге, в «новой исторической науке», по сей день, отсутствует общая теория исторического процесса.

И, наконец, нередко в новых концептах современных направлений исторического знания можно увидеть «давно забытое» (или даже не забытое) «старое». Например, активно пробивающая собственный путь на историческом поле «новая локальная история» ориентирована на снятие традиционного противопоставления между «главным» и «периферийным» в исторических исследованиях, когда историей становится буквально всё. При этом «исторический ландшафт» историк обязан выстроить сам [20]. Но изменение исследовательского масштаба (причем, не только размеров, но и формы, и содержания объекта исследования) является принципом и сущностной чертой микроистории. Именно микроисторики впервые обратились к поведенческой сфере, социальному опыту и групповым идентичностям. Также они изменили саму процедуру анализа: текст не помещался в некий глобальный контекст, а реконструировалось множество контекстов [21].

Таким образом, претензии «новых историй» на статус новой парадигмы далеко не всегда обоснованы. Очевидно, что сегодня отсутствует общий историографический проект, способный объединить значительное число историков из разных стран. Нет и фигур, подобных Леопольду фон Ранке или Фернану Броделю, способных возглавить новое историческое сообщество. Также вряд ли развитие «междисциплинарных исследований» само по себе приведет к созданию некой «междисциплинарной истории».

Однако следует признать, что современный этап развития исторической науки (и, прежде всего, «новых историй») демонстрирует ряд новых методологических установок. В частности, постепенно меняется прежняя установка историографии на приоритет текста: в центр историографической операции становится сам историк как субъект исторического познания [22]. Кроме того, при всей специфичности отдельных направлений «новой истории» (в территориальном и проблемном плане) выработались общие эпистемологические принципы:

во-первых, отрицание позитивистского историографического опыта с присущими ему представлениями об истории, пересказывающей содержание источников. «Истории-повествованию» противопоставлена «история-проблема», нацеленная на реконструкцию скрытых в источниках представлений, стереотипов поведения и социально-психологических установок;

во-вторых, акцент на «тотальности» истории, учитывающей все многообразие социальных практик, ставящей в центр исторической реконструкции «рядового» человека и манифестирующей мультикультурность мира;

в-третьих, конституирование нового принципа исторической хронологии, в основу которой положены открытие различных ритмов временных изменений и датировка исторических феноменов с точки зрения их продолжительности и эффективности функционирования;

в-четвертых, необходимость междисциплинарности в рамках наук о человеке при определяющей роли истории;

в-пятых, сохранившееся позитивистское убеждение в сходстве истории с социальными науками, всегда видевшими образец в естествознании, и уверенность в способности истории «предвидеть» будущее с помощью прогнозов и даже предсказаний [23].

Следует признать, что «новая историческая наука» сегодня стала влиятельным и в научном отношении многообещающим направлением. Все это, вместе взятое, позволяет говорить, что у «новой истории» есть серьезный потенциал (институциональный, организационный и интеллектуальный) для формирования общей системы подходов, принципов источниковедческого и историографического анализа, и исследовательского инструментария. Только в таком виде (а не в качестве собирательного наименования) все богатство представленных в ней направлений и центров способно объединить значительную часть исторического сообщества, рассыпанного на отдельные интеллектуальные группы, «варящиеся в собственном соку». Местом «сборки» может выступить именно историографическая «площадка», так как только непредвзятый историографический анализ сложившейся на историческом «рынке» ситуации позволит выявить наметившиеся точки соприкосновения и возможного субдисциплинарного диалога.

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Функции истории. – М., 2003. – С. 8-10.
2. Подробнее по этому вопросу см.: Орлов И.Б. Социогуманитарное знание на распутье: истина, власть или бизнес? // Российская гуманитарная наука: генезис и состояние. Материалы научного семинара. Вып. 2. – М., 2007. – С. 187-189.
3. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры: Пер. с англ. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 363.
4. С 1980-1990-х гг. все чаще для обозначения всех направлений, так или иначе оппозиционных позитивизму, используется собирательное понятие «новая история».
5. Так, экзистенциональные переживания отдельных людей, которые прежде находились в тени истории стали главным объектом изучения формирующейся «новой социокультурной истории».
6. Олабарри И. «Новая» новая история: структура большой длительности // Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. –Х., 2004. – Вып. 2. – С. 176, 183-184.
7. Наглядным примером может служить изменение в 1994 г. подзаголовка журнала «Анналы» с «Экономики. Общества. Цивилизации» на новый – «История - социальная наука», что издатели объясняют расширением проблематики за счет более основательного обращения к политике и проблемам современности.
8. Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 71.
9. Движение к «человеку» и «тотальность» подхода к его изучению в разных дисциплинах гуманитарного цикла во второй половине столетия привели к утверждению новых научных направлений (этологи, семиологии и др.), развитию междисциплинарности (историческая антропология, историческая психология, историческая социология и пр.) и обновлению на уровне проблематики традиционных наук («новые науки»).
10. Лефевр В.А. Рефлексия. – М.: «Когито-Центр», 2003. – С. 96.

11. При этом сам термин «парадигма» сохраняет свою многозначность. Так, в грамматике он обозначает «слово, служащее образцом склонения или спряжения», а в риторике - «пример, взятый из истории и приведенный с целью сравнения». В лингвистике Фердинанд де Соссюр обозначал этим понятием класс элементов, имеющих схожие свойства. В философии и социологии науки с конца 1960-х гг. в термин «парадигма» стали использовать для обозначения исходной концептуальной схемы, модели постановки и решения проблем, а также ведущей теории науки. В методологии науки парадигма трактуется как совокупность ценностей, методов, подходов, технических навыков и средств, принятых в научном сообществе в рамках устоявшейся научной традиции в определенный период времени. Томас Кун вообще предлагал рассматривать парадигму в качестве целого мировоззрения.
12. Ястребицкая А.Л. «Новая история» // Культурология. XX век. Энциклопедия в 2-х тт. Т. 2. – СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 92.
13. Но распространение «новой истории» во всех европейских странах и США не было простым копированием французской историографии. Не отрицая влияния «Школы Анналов» на национальные историографии, можно констатировать наличие собственных историографических традиций и даже школ. В качестве состоявшихся можно отметить Билефельдскую школу социальной истории, Кембриджскую группу по истории народонаселения и социальных структур, Институт истории Макса Планка в Гейдельберге и пр.
14. Ястребицкая А.Л. Указ. соч. – С. 91.
15. Если Л. Февр отдавал предпочтение психологии, то М. Блок опирался на социологическую традицию.
16. См.: Историческая наука второй половины XX века (1945 – середина 1990-х гг.) [Электронный ресурс] // История США в МГУ. URL: http://www.amstud.msu.ru/full_text/texts/dementyev/part2/part2_vv.htm
17. При этом исторический мир воссоздается с помощью воображения историка и, воссозданный, исследуется вновь как собственно историческая реальность.
18. Вспомним, что под влиянием постмодернистской эпистемологической революции 1970-х годов «новая» история отвергла как основной предмет «старой» истории

- (политические события), так и ее ведущий методологический прием – нарратив.
19. См.: Кукарцева М.А. Современная философия истории США. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 215 с. [Электронный ресурс] // ABUSS URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva/kukartzeva_2_3.htm
 20. Маловичко С.И. Новая локальная история в России: рефлексия о коммуникативной открытости // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна»: Материалы научной конференции 28-29 апреля 2005 г. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 132.
 21. Леви Д. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. – М.: ИВИ РАН, 1996. – С. 169,172,180-182; Ревель Ж. Микроанализ и конструирование социального // Там же. – С. 236,238,240-242,246-247,252.
 22. См.: Маловичко С.И., Орлов И.Б. «Новая локальная история»: познавательные и интеграционные возможности // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики: Материалы Всерос. научн. конф. Казань, 5-7 октября 2006 г. – М.: ИВИ РАН, 2006. – С. 46-50.
 23. Подробнее по этому вопросу см.: Олабарри И. Указ. соч. – С. 183; Ястребицкая А.Л. Указ. соч. – С. 92-94.

Орлов І.Б. «Нові історії»: від міждисциплінарності до претензій на статус парадигми

Резюме: У статті розглянуто проблеми трансформації історичної науки на межі ХХ – ХХІ ст. Відзначено дві тенденції розвитку історичного знання: дроблення історичних дисциплін і, навпаки, тенденція до їх об'єднання. Показано, що при всіх досягненнях «нової історичної науки» та наявності широкого спектру альтернативних напрямів, жодне із них не виконує сьогодні інтегруючої ролі. Але відсутність загального історіографічного проекту не заперечує наявності у «нової історії» потужного потенціалу для формування загальної системи підходів, принципів джерелознавчого та історіографічного аналізу, а також дослідницького інструментарію.

Ключові слова: «Нові історії», міждисциплінарність, парадигма, «історія-проблема».

Орлов И. Б. «Новые истории»: от междисциплинарности к претензиям на статус парадигмы

Резюме: В статье рассмотрены проблемы трансформации исторической науки на рубеже XX-XXI вв. Отмечены две тенденции развития исторического знания: дробление исторических дисциплин и, наоборот, тенденция к их объединению. Показано, что при всех достижениях «новой исторической науки» и наличия широкого спектра альтернативных направлений, ни одно из них не выполняет сегодня интегрирующей роли. Но отсутствие общего историографического проекта не отрицает наличия у «новой истории» серьезного потенциала для формирования общей системы подходов, принципов источниковедческого и историографического анализа, а также исследовательского инструментария.

Ключевые слова: «новые истории», междисциплинарность, парадигма, «история-проблема».

Orlov I. B. "Modern histories": from interdisciplinarity to claims for the status of paradigm

Summary: Paper addresses problems of historical science transformation at the turn of the XX – XXI centuries. Two tendencies of historical knowledge development are discussed: the first one is the fractionalization of historical disciplines, the other one is the tendency towards their integration. Despite the achievements of the “new historical science” and a wide range of alternative schools, there is no integrator among them. But the absence of a common historiographical project does not mean that the “new history” is incapable of forming a common system of approaches, principles of source and historiography studies and research toolkit.

Key words: “new histories”, interdisciplinarity, paradigm, “history as problem”

Розділ II

Історіографія та наукознавство

Від редакції: Обговорюючи тематику наступних «Астаховських читань» та основного розділу чергового випуску «Харківського історіографічного збірника», після деяких роздумів та дискусій, ми вирішили цього разу зосередитися на проблемі «історіографія та наукознавство». Звичайно, ми згадали, що першим, хто не лише так поставив питання, а й запропонував шляхи подальших наукових досліджень у цій площині, був одеський вчений Дмитро Павлович Урсу. Його стаття, яка вийшла друком у знаковому для історіографів виданні «История и историки», була, по суті, програмною. Через певний час ми намагалися звернути увагу науковців на перспективність такого підходу (див.: Посохов С.І., Пікалов В.Г. Історіографія як наукознавча дисципліна // Історична наука на порозі ХІХ ст.: підсумки та перспективи. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції (м. Харків, 15 – 17 листопада 1995 р.). – Х., 1995. – С. 72 – 76.), але й до сьогодні зроблено в цьому плані не багато. У зв'язку із цим виникла ідея запропонувати проф. Д.П. Урсу здійснити друге видання зазначеної статті у нашому збірнику. Дмитро Павлович погодився, більше того – надав свої вельми цікаві спогади про ті часи, коли ця стаття лише готувалася до публікації. Ми висловлюємо йому за це нашу щирі вдячність.

Декілька слів про автора: Дмитро Павлович Урсу (10.10.1936) – доктор історичних наук, професор кафедри нової та новітньої історії Одеського національного університету імені І.І. Мечнікова. Науковий доробок вченого на сьогодні сягає понад 300 праць, які були видані не лише в Україні, й у інших країнах світу. Значна частина його творчого спадку стосується проблем методології, історіографії та джерелознавства. Докладніше про життя на наукову діяльність автора див.: Дмитро Павлович Урсу: Біобібліографічний покажчик / упоряд.: Г.П. Бахчиванжи, В.В. Самодурова. – Одеса: Астропринт, 2006. – 72 с.

Д.П. УРСУ

ИСТОРИОГРАФИЯ КАК ТОЧНАЯ НАУКА

1. Воспоминания о будущем

Редакция «Харьковского историографического сборника», который я высоко ценю и регулярно читаю, хотя и не печатался в нем, обратилась ко мне с предложением перепечатать статью из ежегодника «История и историки 1981». Кроме того, меня просили этой публикации предпослать воспоминания об обстоятельствах, при которых моя статья появилась в столь авторитетном академическом издании, и о людях, причастных к этому событию. Я с благодарностью согласился и решил к воспоминаниям добавить небольшие комментарии по поводу применения количественных показателей в современных историографических работах.

30 лет назад в Москве состоялось заседание бюро Научного совета АН СССР «История исторической науки», на котором с докладом о применении количественных методов в историографии выпустил автор настоящих заметок. Прошу прощения у читателя, но в дальнейшем изложении мне придется использовать традиционное для воспоминаний слово «я». Так вот, это собрание историков лишь официально называлось «расширенным заседанием бюро»: на деле это была настоящая научная конференция, собравшая не только московских историков. Зал заседаний Института истории СССР в здании на улице Дмитрия Ульянова был заполнен. В президиуме сидели председатель Научного совета академик Милица Васильевна Нечкина, главный советский специалист в области клиометрии Иван Дмитриевич Ковальченко, вскоре ставший академиком, другие маститые ученые. Докладчиком был я, никому не известный доцент из Одессы, начинавший научный путь англоведом, а теперь – африканист, готовящий докторскую диссертацию по национальной африканской историографии.

В недавно увидевших свет дневниках Милицы Васильевны под датой 8 мая 1980 года можно прочесть такую лапидарную запись: «28 мая. 11 ч. Заседание бюро Научного совета, доклад Д.П. Урсу «Применение некоторых количественных методов в историографии». Была. Председательствовала. Прошло хорошо» [1, с. 127]. Она не записала, что после обсуждения моего выступления бюро рекомендовало его опубликовать в очередном ежегоднике Научного совета «История и историки». Правда, при подготовке к печати в окончательный текст вошла только часть доклада, по мнению рецензентов, наиболее актуальная и интересная. Эта часть опубликована под измененным названием «Историография и науковедение» [2, с. 88-99]. Моя статья открывает рубрику «Историография всеобщей истории», за нею следует работа такого известного ученого как А.Я. Гуревич о «новой исторической науке» во Франции.

Номер ежегодника за 1981 год так долго находился в печати (более четырех лет), что Милица Васильевна его увидела, как мне кажется, едва ли не на смертном одре: он был подписан в печать 25 марта, а она скончалась 16 мая 1985 года. К тому времени и в моей жизни произошли изменения — еще в январе я защитил в качестве докторской диссертации свою монографию «Современная историография стран Тропической Африки. 1960-1980», опубликованную издательством «Наука» в 1983 году.

Вернусь немного назад и поведаю, как готовился мой доклад на бюро Научного совета. Он имеет большую предысторию длиной в целый год. Обращение к этой тематике было побочным следствием занятий африканской историографией, начатых пятью годами ранее там, непосредственно на Черном континенте. Далее я позволю себе привести с небольшими изменениями отрывок из своих опубликованных воспоминаний, тем более, что вышли они мизерным тиражом и практически недоступны читателям [3, с. 273-281].

Обращение к науковедческой тематике было побочным следствием моих занятий африканской историографией. Я пришел к новым выводам о возможности повысить доказательность и адекватность некоторых теоретических положений с помощью методов науковедения. Я также стремился выполнить справедливое требование ВАК об апробации докторской диссертации, что означало

ознакомление широкой научной общественности с работой, ее содержанием, выводами и обобщениями. В Институте Африки АН СССР меня, как африканиста, и мои работы знали. Но я хотел большего – сказать новое слово в историографии вообще, безотносительно к конкретным географическим, хронологическим или тематическим координатам. Я узнал, что при Отделении истории Академии наук СССР под руководством академика М.В. Нечкиной регулярно проводятся «историографические среды», где обсуждаются разные актуальные и дискуссионные темы. Об этом я написал знакомому англоведу, профессору МГУ Н.А. Ерофееву, по-отечески опекавшего меня с первых моих шагов в науке. Он мне ответил 3 мая 1979 г.: «Относительно доклада на «историографической среде» академика Нечкиной поговорил с ее замом Е.Н. Городецким. Ваша статья его очень заинтересовала и он считает, что она должна быть предметом доклада на очередной среде. Нужна маленькая доделка, мелочь – указать на Нечкину как на первооткрывателя некоторых вопросов».

Перед этим я подробно описал Ерофееву основные положения своего доклада о применении количественных методов в историографических исследованиях. Он был в курсе подобной тематики, опубликовал новаторскую статью о контент-анализе в журнале «Народы Азии и Африки». Мне он тогда писал: «Все ваши идеи я полностью одобряю и думаю, что сейчас задача довести их до более широкой аудитории». Он советовал мне сделать доклад на «среде» у Нечкиной и дать статью в ежегодник «История и историки» (я все сделал, как он советовал). Далее Николай Александрович предупреждал меня от излишней эйфории: «Вы, вероятно, отдаете себе отчет, дорогой Дмитрий Павлович, что идеи, которые вы высказываете, и шаги, которые вы предлагаете, будут с большим сомнением приняты многими историками. И дело здесь не только в консерватизме; дело в том, что новые пути – объективного анализа – могут привести к неожиданным результатам, зачастую нежелательным». Пророческие слова, иллюстрирующие мысль Джойса о «кошмаре истории» - истину о прошлом далеко не все желают знать.

Конечно, было боязно, но я продолжал готовиться к «среде», отправил заблаговременно текст доклада с тем, чтобы желающие

выступить в прениях могли с ним ознакомиться. Накануне майских праздников следующего года, получаю из Москвы такое извещение: *«Дорогой товарищ! Научный совет по проблеме «История исторической науки» при Отделении истории АН СССР приглашает Вас принять участие в работе расширенного заседания Бюро научного совета. На нем будет поставлен и обсужден доклад заведующего кафедрой новой и новейшей истории Одесского государственного университета к.и.н. Д.П. Урсу «Применение некоторых количественных методов в историографических исследованиях». Заседание состоится 28 мая 1980 г. в 11 час. в конференц-зале Института истории СССР АН СССР. С текстом доклада можно ознакомиться в научном кабинете Института истории СССР».*

У меня сохранилась подробная запись обсуждения, сделанная в тот же вечер; таким образом, достоверность заметок, которыми я сейчас пользуюсь, весьма высока, но это, разумеется, не стенограмма. Да она в данном случае и не нужна. Предварительно скажу несколько слов: я в этот день волновался, но и был горд. Люди, заполнившие большой зал, имели высокую научную квалификацию. Но, как предвидел Ерофеев, были во внутренней оппозиции к любому внедрению статистики и математики в историческую науку. Совсем недавно американский историк К. Фогель получил Нобелевскую премию (не по истории, а по экономике) за 2-томный труд «Time on the Cross», где широко применил математические расчеты на ЭВМ. В советской печати его работа была жестоко раскритикована. Так что значительная часть аудитории заведомо относилась ко мне настороженно-враждебно и как к «клиометристу», и как к провинциалу, и, наконец, как чужаку, забредшему в чужой огород (я ведь был африканистом, а они историки-русисты). Но я был несказанно горд, что впервые мне выпала честь общаться со **светилом** исторической науки, прославленной ученицей академика М.Н. Покровского, издателем многотомного дела декабристов, академиком Милицей Васильевной Нечкиной. До этого дня я ее не видел, не слышал ее выступлений. Но написанная ею биография В.О. Ключевского у меня была, я ее прочитал и перечитывал с большим интересом. Это был выдающийся научный труд, написанный с литературным блеском как подлинное художественное произведение.

Он выделялся на фоне безликих и скучных научных книг и статей, читанных сотнями по профессиональному принуждению.

Хотя я пришел на заседание за полчаса до намеченного времени, Милица Васильевна была уже в своем кабинете. Рядом сидела пожилая камер-дама, ее бывшая аспирантка, не проронившая ни слова, и какой-то солидный пожилой мужчина. Нечкина – небольшого роста, грузная и в то же время моложавая: никак нельзя было ей дать 80 лет. Редкие волосы выкрашены в оранжевый цвет; в чем была одета – не записал (никогда не запоминал таких деталей). Продолжала разговор с известным мне проф. В.А. Дунаевским о темах, которые будут обсуждаться на следующих «средах». Потом обратилась ко мне и сообщила, что осенью будет поставлена проблема плагиата как историографического факта. Сначала выступит юрист ВАК, чтобы дать правовое определение того, что есть плагиат. Милица Васильевна вспоминала, как в первые послереволюционные годы под плагиатом понималось определенное число строк, заимствованных из чужой работы. Несколько раз удивленно восклицала: «Вы понимаете: вот 15 ворованных строк – еще не плагиат, а только с 16-ой – уже уголовное дело». Принялась рассказывать, как ходила к адвокату советоваться, когда ее соавтор по школьному учебнику Сидоров в 3-ем издании книгу разделил и ее выбросил из числа авторов, собиралась с ним судиться. Затем продолжала делиться своими планами: на будущей «среде» после юриста с основным докладом выступил профессор Троицкий из Саратова, который собрал большой материал о плагиате в трудах историков разных эпох.

Говорила Милица Васильевна вполне внятно, сочным литературным языком культурного человека, но уже по-старчески многословно, повторяясь и вновь возвращаясь к понравившемуся выражению. Из Высшей комсомольской школы тогдашний проректор Юрий Афанасьев, впоследствии видный деятель перестройки, принес ее брошюру с методическими советами «Как подготовиться к докладу», сказала: «Никому дарить не буду, еще сама не читала». Однако после заседания подарила мне, задумалась на последней букве моей фамилии, спросила: «Изменяется ли ваша фамилия и что она значит?». Я решил пошутить и сказал, что это страшный зверь и что, узнав об этом, она тотчас убежит. Улыбнулась, заинтригованная, затем вспомнила гимназическую латынь и с полувопросом: «Медведь?

Какая это национальность?» Я ей сказал, она удивилась: «Давно не видела молдаван. Хорошо, что вы из Одессы».

Мой доклад, как мне показалось, аудитория слушала невнимательно, так как с его текстом те, кто собирался выступить, давно познакомились. Теперь они рвались к трибуне высказать собственную точку зрения. Первым взял слово ведущий в СССР специалист по математизации исторического знания член-корр. И.Д. Ковальченко, вскоре избранный в действительные члены академии. Говорил он много и абстрактно, вообще, задавая мне и себе риторические вопросы, на которые ответа не ожидал. Но заключил он вполне резонно: «Мы присутствуем при интересном начинании. Применение количественных методов в историографии возможно и необходимо, но мы стоим в самом начале пути. Следует приветствовать смелость автора, взявшегося за неразработанную тему».

После него выступили маститые ученые, широко известные своими трудами: О.М. Медушевская, специалист в области источниковедения; Е.Н. Городецкий, видный советолог, «птенец гнезда И.И. Минца»; М.А. Барг, знаток Английской революции, Кромвеля и методологии истории. Свое выступление Городецкий начал оригинально – напугал присутствующих счетчиком Гейгера: «В этом зале, когда стали обсуждать вопросы математизации истории, повысился уровень радиоактивности и счетчик заработал» (какое ужасное предвидение, это говорилось за 6 лет до Чернобыля). Что же так взволновало почтенного знатока биографии Ленина и апологета Советской системы? А вот что: опасность абсолютизации новых подходов и приемов, хотя в моем докладе ни о какой *абсолютизации* речь не шла. Вскоре он, однако, сделал зигзаг: «Постановка проблемы Д.П. Урсу интересна, и работа заслуживает внимания. Я знаю его доклад на разных этапах подготовки, читал первый и второй варианты, автор развивал и уточнял свои идеи».

Довольно путанным оказалось выступление М.А. Барга: «Скажу, что докладчик поступил органично (*sic!*), когда перенес некоторые методики других наук на изучение историографии. Он поступил логично. Но проблема – не поставлена... То, чем занимался Д.П. Урсу, нельзя называть количественным методом. Нельзя историю исторической науки называть историографией, историограф – это не

историк исторической науки (прямой выпад против Нечкиной). Автор должен был начать с выяснения вопроса, в чем специфика данной науки». В этом месте мне стало ясно, что Барг текста доклада не читал, а на выступление, скорей всего, опоздал, потому что именно с этого вопроса я начал свое выступление. Затем мой оппонент решил позабавить слушателей: «Нельзя ставить в прямую зависимость авторитет в науке и частоту цитирования – вот аспиранты цитируют меня очень часто. Проходит время – все реже и реже. Что же, мой авторитет упал? (Смех в зале, кто-то громко подтвердил: «Упал»)... Нельзя механически переносить закономерности других наук на историю... Но Д.П. Урсу прав: есть много общего между литературной критикой и историей исторической науки... В целом автору надо поработать в этом направлении».

Наиболее резко против моих тезисов выступили как раз те, кто абсолютизировали роль статистико-математических методов и, говоря прямо, имели весьма смутное понятие о том, что такое историография. Они всю жизнь занимались конкретикой, группируя и подсчитывая массовые факты, огромный цифровой материал. Первой меня атаковала с каким-то личным озлоблением, хотя я ее видел в первый и последний раз, К.В. Хвостова, дочь академика, соавтора известной «Истории дипломатии», дважды лауреата Сталинской премии. Не знаю, право, чем я ей так не понравился: «Проблема, избранная ДПУ, решена слишком общо и упрощенно. Неверно, что в науковедческом плане история то же самое, что и физика, химия; возникают специфические проблемы... В докладе нет проблем, это всем ясно». Все остальные говорили другое, зачем берет на себя смелость расписываться за всех? Закончила свою речь совсем негативно: «Контент-анализ можно проводить, цитаты можно считать, но это не проблема применения количественных методов в историографии».

Полным диссонансом «академической девицы» (Ксения оставалась старой девой, это было известно, отсюда и злость) прозвучала речь О.М. Медушевской: «Доклад ДПУ чрезвычайно интересен, от него зарождаются новые мысли... Контент-анализ и цитат-анализ дают интересные выводы, позволяют новые подходы. Это уже новый уровень в историографии». Правда, закончила она вопросительным знаком: «То, о чем говорил Д.П. Урсу дает ответ на вопрос, как и когда возникло то или иное направление, но нет ответа –

почему?» Последним, 9-ым по счету, выступил зав. лабораторией применения математических методов и ЭВМ в исторических последованиях Института истории СССР В.К. Трусов. Он продолжил линию Хвостовой на полную негацию моего труда и решил сокрушить меня окончательно: «Как историка, меня удивила терминология ДПУ: Что это за деление на вузовскую и академическую науку? Такие вольные выражения недопустимы». Помилуйте, это не вольные выражения, а общеупотребительные термины, широко встречающиеся в юридической лексике, в документах высших органов власти. Далее мой обличитель продолжал: «как математик, я остался неудовлетворен докладом. Докладчик должен был ответить на вопросы...». Далее он формулирует шесть вопросов; на некоторые я дал развернутый ответ, другие не имели касательства к моей теме.

Заключительное слово, мудрое, взвешенное, как и подобает «патриарху» (не знаю, как сказать в женском роде) произнесла Милица Васильевна. Говорила свободно, живо, логично, не в пример более молодым, но косноязычным профессорам. Выразилась доброжелательно и даже критические замечания – с тактом. Главное – ее слова не убивали желание заниматься этим сюжетом, а звали к дальнейшей работе, звучали оптимистично. Я процитирую дословно то, что она говорила: «Количественные подсчеты, о которых так убежденно и интересно рассказывал наш гость из Одессы, – это важный подсобный метод, но не главный в историографических исследованиях. Когда автор заявляет, что вывод неоспорим, это меня раздражает. В действительности, его метод ведет к нахождению новых историографических фактов, но не выводов. Эти факты требуют историографического анализа, который не есть выражение этого метода. Но полученные факты очень интересны и важны. Цифра – это очень ценно; когда ДПУ говорит: столько-то ученых из Москвы, из Томска опубликовали в «Вопросах истории» статьи. Но из этого нельзя сделать никакого вывода. Выводов из факта метод не дает. Нужно изучать корни явления, причины, окружающую среду. Приветствуем метод, но, применяя его, останемся историками, которыми мы стали без него. Да здравствует новый метод!». Завершение, как говорится, достойное великого человека.

Далее Милица Васильевна подытожила работу «среды»: «Резолюций и решений принимать не будем, еще очень рано. Будем

работать. Благодарим докладчика и пожелаем ему дальнейших успехов. Советуем только исключить тезис о том, что метод дает вывод; это – только факт». Я, помнится, не утверждал так прямолинейно, что метод дает вывод, но, видимо, выражался недостаточно внятно, раз меня поняли превратно. Я благодарен М.В. Нечкиной не только за возможность апробировать свои научные идеи на таком высоком форуме, но также за ее нравственные уроки. Она рекомендовала опубликовать в престижном ежегоднике «История и историки» доработанный фрагмент обсужденного доклада. В сборнике за 1981 г. (вышел в свет в 1985 г.) напечатана моя статья под названием «Историография и науковедение».

После моего выступления на «историографической среде» у академика М.В. Нечкиной прошло 30 лет. С тех пор многое изменилось в мире, в исторической науке и в моей жизни. У меня появились новые увлечения, темы, я стал заниматься другими сюжетами и мотивами, а историографические изыскания отошли на задний план. Сейчас я мало слежу за новой литературой по этой проблематике, но уверен: задача превращения историографии в точную науку, как и прежде, остается актуальной. Историографические обобщения и оценки надо освободить от субъективизма и произвола познающего субъекта, от бесплодной теоретической схоластики и «игры в метафоры». Путь, как мне кажется, один: повысить доказательность выводов путем применения наукометрических, в том числе библиометрических приемов и методов. Ведь математизация гуманитарных наук не есть «пройденный этап», напротив, за минувшие три десятилетия значительно ускорилась.

Применение количественных методов дает чрезвычайно ценный фактический материал для их дальнейшего логического анализа, сопоставления и извлечения важных уроков не только о прошлой эволюции исторического знания, но и позволяет прогнозировать его изменения на ближайшую перспективу. В качестве примера приведу книгу самарского ученого М.В. Астахова [4]: в ней сначала приведена библиография публикаций по методологии истории за 1980-2000 годы, всего 1996 позиций, а затем проведен библиометрический анализ этого корпуса данных. Выводы автора представлены в 20 таблицах и 4 диаграммах. К работе могут быть некоторые претензии: есть пропуски

в библиографии, например, монография Э. Лоне «Современная философия истории» и автореферат его же докторской диссертации, не учтена моя статья «Методология истории вчера и сегодня» из журнала «Клио». Кроме того, автор недостаточно внятно объясняет критерий классификации (рубрикации) библиографического материала по группам. Но главный упрек М.В. Астахову лежит в плоскости нарушения элементарных понятий научной этики: он не упомянул ни одним словом своих предшественников, хотя мою статью в «Истории и историках» он знает.

В связи со сказанным выше о приоритете в науке и неукоснительном соблюдении научной этики, хочу обратить внимание читателя на такой момент. К исполнению своего доклада, сделанного в Москве 30 лет назад, я привлекал трех студентов-дипломников: после соответствующего инструктажа они мне помогали готовить первичный фактический материал (картотеку, подсчеты). Я их публично поблагодарил за помощь (см. стр. 91 статьи). Хочу добавить с гордостью, что первый из указанных в списке, Коля Станков, сегодня трудится профессором Волгоградского университета. Это – к вопросу об этике ученого.

В заключение хочу указать молодым историографам на огромный массив информации о развитии исторической науки и исторического знания, который до сих пор, насколько мне известно, не изучался методами наукометрии. Я имею в виду бюллетени ВАК, союзного и украинского. Объявления о предстоящих защитах содержат ценные унифицированные данные об авторах, темах, изучаемых регионах (странах), хронологических периодах, об оппонентах. Дополнительные сведения можно извлечь из опубликованных авторефератов, из текущего архива ВАК. Работа по этим источникам позволит сделать важные, объективные выводы о кадровом пополнении науки, увидеть тенденции ее развития, нащупать узкие места.

Признаюсь, что не все мои предложения 1980 года оправдались. В частности, не нашли развития некоторые мысли о применении контент-анализа и цитат-анализа. Может быть, я их слабо аргументировал. Здесь есть поле для размышлений. Что же касается библиометрии, то этот метод выдержал испытания временем. В этом читатель может легко убедиться, ознакомившись с приводимым

текстом из ежегодника «История и историки» 30-летней давности и с упомянутой выше книгой М.В. Астахова.

1. Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. – 2006. - № 7.
2. Урсу Д.П. Историография и науковедение // История и историки: Историографический ежегодник 1981 / Ответ. редактор М.В. Нечкина. – М., 1985. – С. 88-99.
3. Урсу Д.П. Факультет: Воспоминания, разыскания, размышления – Одесса, 2006.
4. Астахов М.В. Методология исторической науки: историко-библио-графическое исследование отечественной литературы 80-х-90-х гг. XX в. В 3-х т. Т.1: Библиография. Историография. Общая и специальная методология исторической науки. – Самара, 2006.

2. Историография и науковедение

Возрастающая роль историографии на современном этапе развития исторической науки, настоятельная необходимость повышения эффективности и качества историографических трудов выдвигают среди прочих задачу усовершенствования исследовательского арсенала ученых-историографов. В этом направлении представляются перспективными такие подходы, как науковедческий, сравнительно-типологический, системный, применение различных точных методов количественного анализа, в том числе науко-метрических.

Разнообразные количественные методы находят все более широкое применение в конкретно-исторических работах, в особенности по социально-экономическим проблемам, где анализу подвергаются массовые источники, содержащие обширный цифровой материал.

Общеизвестны достижения советских ученых в изучении аграрной истории России (И.Д. Ковальченко, Ю.Ю. Кахк, Л.В. Милов) и рабочего класса советского периода (Ю.А. Поляков, В.З. Дробижев, О.И. Шкаратан, В.А. Устинов). Количественные методы находят успешное применение в исследованиях по средневековой (К.В.

Хвостова) и востоковедной тематике (Д.В. Деопик), этнографии, археологии [1].

При помощи математико-статистических методов ученые-историки пришли к некоторым важным теоретическим обобщениям. Следует заметить, что разного рода измерения и подсчеты всегда имели место в исторической науке. Как на непревзойденный образец оперирования численными данными при анализе глубинных социальных процессов можно указать на труды В.И. Ленина, в которых широко применялись различные статистические методы [2]. Поэтому нельзя считать верным мнение буржуазных историков-клиометристов о том, что прежде в истории применялись неформальные, импрессионистские приемы, ныне же используются формализованные, строго научные приемы количественного анализа [3].

Что же касается историографических работ, то здесь математико-статистические методы исследования пока не применяются. Безраздельно господствует традиционная техника. Отсутствие точности и строгости может стать (и часто становится) основой для субъективистских выводов. Для характеристики развития исторической науки в целом или отдельных ее сторон нередко применяются такие не наполняемые конкретным содержанием понятия, как «много», «мало», «больше», «меньше», «раньше», «позже», «значительно возросло», «резко сократилось» и т.п. Зачастую из огромного потока научной литературы произвольно выхватываются отдельные работы некоторых авторов, причем иногда в историографических работах главным аргументом для выводов и обобщений служит цитата, вырванная из общего контекста.

В повышении доказательности и точности историографических исследований, в преодолении элементов субъективизма определенную роль может сыграть применение некоторых количественных методов (главным образом статистических), которые уже широко используются в науковедении, поскольку саму историографию следует рассматривать как особую отрасль науковедения, изучающую одну из частных наук – историческую науку. На эту сторону историографии впервые обратила внимание акад. М.В. Нечкина в статье «История истории» [4]. Во вступительном слове на Всесоюзной конференции преподавателей историографии в Смоленске она подробно остановилась на вопросе о взаимоотношении историографии

и науковедения. «Ясно для всех, – сказала М.В. Нечкина, – что история науки, о какой бы ее отрасли мы ни говорили, органически входит в состав проблематики науки о науке. И наша история исторической науки находит тут свое место. Без истории науки нельзя понять ни сложение ее состава, ни проблем ее развития и возникновения сменяющих друг друга научных задач, ни роли в науке ученого-исследователя и работы коллектива»[5]. Эти мысли были затем развиты и конкретизированы в статье Е.Н. Городецкого, в которой показаны некоторые направления повышения научного уровня историографических исследований [6].

Интегрирующая функция историографии, призванной упорядочивать и систематизировать конкретно-исторические исследования, обеспечивает существование исторической науки как целостной системы. Историография не только подводит итоги изучения той или другой проблемы, но в свою очередь определяет наиболее перспективные направления новых конкретных исследований.

Историография имеет своим объектом изучение развития исторического знания и исторической науки во времени и в пространстве, качественно-количественные изменения проблематики исследований, а также инфра-структуры исторической науки как в прошлом, так и, главным образом, в настоящем и в обозримом будущем. Некоторые характеристики названных сторон исторической науки могут быть выявлены при помощи науко-метрических методов [7]. Кроме того, в историографических работах можно использовать отдельные приемы конкретно-исторических и социологических исследований, литературоведения, искусствоведения и других гуманитарных наук. Сложность объектов, изучаемых историографией, не только не исключает, а, наоборот, предполагает применение разнообразных точных методов [8].

Статистические методы изучения научных трудов исторического профиля требуют от историографа чрезвычайно трудоемкой работы. Здесь ученого подстерегает опасность увлечения цифрами, превращения квантификации в самоцель, а историографии – в простую бухгалтерию. Операциям со статистическими данными должна предшествовать большая подготовительная работа методологического и методического плана, и прежде всего разработка

четкой программы исследования. Полученные в ходе расчетов цифровые данные могут служить познанию историографических процессов лишь на эмпирическом уровне. Как и в любом научном исследовании, в изучении истории исторической науки главным направлением является качественно-содержательный анализ научных концепций, ценностная интерпретация исторических сочинений.

Процесс развития исторической науки характеризуется, в частности, и целым рядом количественных признаков, которые могут быть сгруппированы, подсчитаны, обобщены; то же самое касается истории изучения отдельных научных проблем.

Возможности и границы применения некоторых наукометрических, а, точнее, статистических методов в историографических целях мы попытаемся показать на конкретном примере анализа публикаций ведущего исторического журнала «Вопросы истории» за пятнадцать лет (с 1964 по 1978 г.).

Известно, что периодические научные издания более оперативно реагируют на те или иные изменения в исторической науке. Кроме того, журналы являются одним из важнейших элементов инфраструктуры науки, организующим информационные потоки научных исследований. Поэтому количественный анализ проблемно-тематической структуры публикаций ведущих исторических журналов позволяет дать весьма полное представление о состоянии всей исторической науки в изучаемый период.

Для такого анализа пригоден метод предметизации произведений печати, целью которого является установление количественных параметров предмета исследования [9] (тема, проблема). Указанный метод позволяет произвести вертикальный (хронологический) и горизонтальный (синхронистический) срезы тематики исторических публикаций, рассматриваемых как упорядоченная система, составные части которой имеют точные параметры.

Классификация всего комплекса публикаций журнала «Вопросы истории» по отраслям и последующий подсчет для определения удельного веса каждой отрасли (или проблемы) – основные этапы работы историографа. Самым ответственным моментом здесь является выбор принципа классификации. В мировом науковедении существует более десяти различных классификаторов наук.

В нашей стране наиболее распространены универсальная десятичная классификация (УДК), рубрикатор библиографических указателей, издаваемых Институтом научной информации по общественным наукам и номенклатура специальностей научных работников Высшей аттестационной комиссии. Последняя классификация делит исторические науки на четырнадцать подразделений (дисциплин) и в силу своей узости не может быть использована в историографических исследованиях. УДК нас также не может устроить, ибо «она слабо отражает структуру самой пауки, в ней произвольно и без научного обоснования представлен основной классификационный ряд. Принцип десятичности не позволяет увеличить число основных разделов, а логическая структура УДК не совпадает с логикой развития пауки» [10].

Наиболее перспективной для использования в историографических работах представляется тематическая разбивка (рубрикатор), даваемая в библиографических указателях ИНИОНа: она соответствует основной структуре исторической науки как в проблемном, так и в хронологическом отношении; наличие многочисленных рубрик дает возможность с достаточной полнотой охватить все проблемно-тематическое многообразие исторических публикаций различного жанра.

В соответствии с указанной классификацией нами были проанализированы по ряду параметров статьи по истории СССР и всеобщей истории, напечатанные, как уже указывалось, в журнале «Вопросы истории» за пятнадцать лет (1964-1978 гг.)¹. Прежде чем привести конкретные данные расчетов и комментарии к ним, следует объяснить, почему выбран именно этот временной отрезок и рассмотрение ограничено только данным типом публикации.

Период в пятнадцать лет представляется, с одной стороны, вполне достаточным для определения основных тенденций эволюции тематики журнала. С другой стороны, в рассматриваемый период основная структура журнала оставалась в основном стабильной, что обеспечивает сопоставимость статистических расчетов по отдельным

¹ В этой работе приняли участие студенты исторического факультета Одесского университета Н. Станков, С. Журба, К. Фокина, которым автор приносит свою благодарность.

годам. Статья является основным типом публикации. Именно научные статьи несут на себе основную научно-теоретическую и информационную нагрузку. По их содержанию и тематике можно обоснованно судить о направлении и уровне развития науки. Этот тип публикации «является удобным способом фиксации новых знаний, проверенным средством распространения идей, надежным методом внедрения научных достижений в производственную практику»[11].

Ниже приводятся данные проблемно-тематической структуры статей журнала «Вопросы истории» за 1964-1978 гг. по пятилетиям (табл. 1).

Анализ данных табл. 1 свидетельствует о том, что публикации по советскому периоду решительно преобладают над статьями по другим разделам истории СССР: из общего числа статей (608) истории социалистического общества посвящено 322 (53%). Если проследить динамику по годам, то можно установить, что в общем массиве статей по отечественной истории проблемы социалистического общества стали составлять более половины, начиная с 1975 г.

Среди различных разделов истории советского общества на первый план выступают два наиболее значимых в политическом и научном плане: Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие социалистического общества. Великому Октябрю, включая и предысторию революции (март – октябрь 1917 г.), посвящены 29% статей истории советского периода.

В публикациях журнала по этой проблеме можно заметить два пика: 1967-1968 гг. и 1976-1977 гг., что, видимо, связано с празднованием 50-летнего и 60-летнего юбилеев Великого Октября.

Таблица 1

Проблемно-тематическая структура статей

Раздел истории СССР	1964-1968 гг.	1969-1973 гг.	1974-1978 гг.	Всего
Методология исторической науки	15	11	7	33
Вспомогательные исторические дисциплины	15	17	16	48
История СССР в целом	13	22	10	45

Первобытное рабовладельческое общество на территории СССР	2	2	2	6
Период феодализма	23	40	34	97
Период капитализма	24	13	20	57
Социалистическое общество (по периоду в целом)	34	33	14	81
Великая Октябрьская социалистическая революция. Гражданская война и иностранная интервенция	38	22	33	93
Строительство социализма в СССР	28	23	7	58
Великая Отечественная война	8	11	13	32
Дальнейшее развит. и упрочение социализма в СССР	7	2	4	13
СССР в период упрочения развитого социализма	—	15	30	45
Всего статей:	207	211	190	608

Устойчивую тенденцию к постоянному росту имеют статьи по истории и историографии развитого социализма. Пионером в разработке проблем этого периода выступил С.Л. Сеньявский со статьей «Рабочий класс СССР в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму» (Вопр. истории, 1969, № 2)¹, хотя сам термин «развитой социализм» в статье не упоминается.

Констатируя внимание редколлегии журнала к освещению наиболее актуальных и значимых тем советской истории, нельзя не отметить и отдельные недостатки в формировании тематики публикаций по этому периоду. Так, Великой Отечественной войне за 15 лет было посвящено 32 статьи, распределялись они весьма неравномерно: в юбилейные 1965 и 1975 годы было опубликовано 13 статей, в отдельные годы – ни одной. Весьма редко печатались статьи, исследующие период послевоенного развития.

Попытаемся теперь не в хронологическом, а в проблемно-тематическом плане еще раз проанализировать те 608 статей, которые публиковали «Вопросы истории» за последние 15 лет. Жизнь и деятельность В.И. Ленина, ленинский этап в развитии исторической

¹ В дальнейшем все ссылки на журнал «Вопросы истории» даются в тексте статьи.

науки, претворение в жизнь ленинских идей – все эти темы занимали достойное место на страницах журнала.

Статьи о В.И. Ленине, разнесенные в табл.1 по разным хронологическим рубрикам, охватывают значительный период в истории нашей страны как дореволюционного, так и советского периода; всего их насчитывается 50. Много внимания в публикациях уделяется методологическим вопросам исторической науки (33 статьи), хотя нельзя не отметить тенденцию к постоянному сокращению количества статей по этому важнейшему разделу (см. табл. 1).

Весьма любопытны данные об историографических статьях по различным проблемам и периодам, а также по теории и источниковедению историографии:

Ленинский этап в историографии	7
Русская историческая наука, отдельные ее представители	10
Советская историография (общие проблемы)	21
Советская историография отдельных проблем истории СССР	24
Критика современной буржуазной историографии истории СССР	23
Исторические взгляды русских и советских писателей	6
Всего статей –	91

Большой научный интерес представляют статьи о ленинском этапе в развитии исторической науки, которые принадлежат перу академика М. Нечкиной, Е.Н. Городецкого, В.Г. Сарбея, В.В. Мавродина, М.Е. Найденова и др. Был опубликован цикл статей об исторических взглядах ряда выдающихся писателей (Л.Толстой, А. Блок, Н. Гоголь, Ю. Тынянов, О. Форш). Нужно также иметь в виду, что в «Вопросах истории», начиная с 1966 г., регулярно печатаются обзоры новейшей литературы по самым разнообразным вопросам истории СССР. Уступая историографическим статьям по уровню теоретического обобщения исследуемого материала, да и по объему, эти обзоры тем не менее дают широкую историографическую панораму научной литературы и тем самым выполняют важную информационную работу.

По разделу всеобщей истории, в соответствии с рубрикацией статей, даваемой журналом в последнем номере годового комплекта,

за 15 лет было опубликовано 533 статьи. В это число включены также 8 статей исчезнувшей рубрики «История и современность».

При детальном знакомстве с табл.2 прежде всего замечаем явное преобладание статей по новейшей истории над статьями по остальным периодам всеобщей истории (55%), причем это соотношение выдерживается с удивительным постоянством и все три пятилетия.

Таблица 2

Тематическая структура статей по всеобщей истории

Раздел всеобщей истории	1964-1968 гг.	1969-1973 гг.	1974-1978 гг.	Всего
Методология всеобщей истории	24	9	7	40
Источниковедение всеобщей истории	4	1	1	6
Всеобщая история (в целом)	7	17	16	0
Древняя история	3	7	8	18
Средневековая история	14	8	15	37
Новая история	23	35	36	94
Новейшая история (по периоду в целом)	15	21	13	49
Мир между двумя мировыми войнами (1918-1939)	24	20	18	62
Вторая мировая война (1939-1945 гг.)	15	10	5	30
Современный мир (после 1945 г.)	38	51	63	152
Археология и этнография зарубежных стран	4	—	1	5
Всего статей:	171	179	183	533

В разделах новейшей истории более половины статей посвящены современной эпохе, к тому же с тенденцией дальнейшего роста. Можно отметить также уравновешенность между другими разделами всеобщей истории: в общем массиве статей древняя история занимает 3%, средние века – 7%, новая история – чуть больше 17%.

Вместе с тем нельзя не отметить резкое сокращение (более чем в 3 раза) публикации статей по методологии и такое же сокращение статей по истории второй мировой войны в 1974-1978 гг. по сравнению с 1964-1968 гг. Можно, правда, найти некоторое объяснение такому явлению: видимо, публикация многотомной

«Истории второй мировой войны» потребовала максимального сосредоточения всех специалистов на монографических исследованиях.

Что же касается проблем методологии всеобщей истории, то в 1977- 1978 гг. не вышло ни одной статьи.

Нам представляется, что установившаяся стабильная доля статей по новейшему периоду (54-55%) является оптимальной и в будущем, возможно, некоторое перераспределение только внутри этой рубрики.

Попытаемся теперь рассмотреть статьи раздела всеобщей истории под иным углом зрения – насколько полно отражены в нем важнейшие проблемы всеобщей истории безотносительно к хронологическому периоду. Историографические сюжеты трактуются в 104 статьях (почти 20% от общего числа), причем следует особо отметить тематическое многообразие этих статей, их боевой, наступательный дух. 17 статей посвящены деятельности основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса, 12 – международным аспектам деятельности В.И. Ленина и ленинизму.

Значительное место в публикациях журнала «Вопросы истории» отводится изучению истории формирования и развития мировой социалистической системы (11 статей) и международного рабочего и коммунистического движения (15 статей). Журнал оперативно и квалифицированно откликнулся на все важнейшие события международной жизни.

Рассмотрим, наконец, публикации по всеобщей истории в региональном аспекте.

Странам Европы посвящены 242 статьи, Азии – 63 (в том числе КНР – 25), Северной Америке (США и Канада) – 58, Латинской Америке – 21 и Африке – 17. Некоторый «европоцентризм» заметен сразу. Разумеется, особый интерес к истории современности европейских стран имеет серьезные объективные основания.

Небезынтересно распределение статей по истории отдельных европейских стран: на первом месте идет Англия (32 статьи), затем Франция (26 статей), Италия (19 статей); различным сюжетам немецкой истории посвящена 31 статья, в том числе периоду до 1945 г. – 19 статей, истории ФРГ – 11, ГДР – всего одна статья. Напротив, история Польши представлена в журнале очень хорошо – 27 статей. Этому способствовал специальный номер журнала (1977, № 12), целиком составленный из статей польских авторов.

Учитывая отсутствие в Советском Союзе популярного исторического журнала для массового читателя, редакция «Вопросов истории» поступила разумно, введя с 1966 г. рубрику «Документальные очерки», которая с 1969 г. стала называться «Исторические очерки». Всего за 13 лет было опубликовано 246 очерков, к которым следует добавить 18 очерков по истории отечественной культуры, 19 очерков о героическом прошлом нашей страны. С 1974 г. введен еще один интересный раздел под рубрикой – «Летопись трудовых побед социализма и коммунизма». Таким образом, всего было напечатано 373 очерка, которые существенно обогатили жанровую и тематическую палитру журнала. В целом они являются удачным дополнением к ведущему научному жанру – статьям.

Проблема «журнал и авторы» может быть рассмотрена в двух аспектах: научная продуктивность авторов, а также детальное знакомство с коллективным, «обобщенным» автором (квалификация, место работы, место жительства). Вторая задача облегчается тем, что журнал на последней странице знакомит своих читателей с авторами статей, очерков, воспоминаний и некоторых других материалов.

Статьи, написанные одним автором, по разделу истории СССР составляют 88%; по всеобщей истории – 92%. Вместе с тем в журнале были опубликованы 7 статей, подписанные 4 авторами; 18 статей – тремя авторами и 89 статей – двумя авторами; следует заметить, что соавторство более распространено при публикации статей по отечественной истории, чем по зарубежной.

Что же касается частоты публикаций отдельных авторов в журнале, то подавляющее их число (около 90%) напечатали в журнале всего лишь по одной статье. Остальные распределяются следующим образом (см. табл. 3).

Таблиця 3

Продуктивность авторов статей

Количество авторов, опубликовавших	История СССР	Всеобщая история	Всего	Количество авторов, опубликовавших	История СССР	Всеобщая история	Всего
Две статьи	82	51	133	Пять статей	8	3	11
Три статьи	23	25	48	Шесть статей	3	4	7
Четыре статьи	5	6	11	Всего:	121	89	210

Среди авторов, опубликовавших в «Вопросах истории» наибольшее число статей, – видные ученые, обогатившие трудами советскую историческую науку: по 6 статей опубликовали по истории СССР акад. Л.В. Черепнин, чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто, А.Г. Кузьмин, по 5 статей – акад. М.П. Ким, акад. М.Н. Нечкина, чл.-кор. АН СССР Ю.А. Поляков, В.З. Дробижев, М.А. Вылцан, Л.С. Гапоненко, И.Н. Демочкин, А.Н. Сахаров; по разделу всеобщей истории по 6 статей опубликовали М.А. Барг, В.Н. Виноградов, И.И. Жигалов, А.Н. Чистозвонов, по 5 статей – С.Л. Тихвинский, Е.В. Гутнова, А.Я. Шевеленко, по 4 статьи – А.З. Манфред, А.С. Гроссман, Ю.А. Писарев и др.

Дополнительные сведения об авторах мы получим, сведя в таблицу данные, приводимые в каждом номере журнала. Здесь надо иметь в виду, что эти сведения иногда дублируются; кроме того, за ряд лет (1967, 1968, 1970, 1973) сведения об авторах приводились не во всех номерах, а за 1969 г. – вовсе отсутствовали. Тем не менее, имеющийся материал дает возможность составить довольно полную картину авторского коллектива и сделать некоторые выводы. Научная квалификация авторов публикаций представлена в таблице 4.

Таблица 4

Научная квалификация авторов журнала

Период	Академики, чл.-кор. АН	Доктора наук	Канд. наук	Аспиранты	Другие	Всего
1964-1968 гг.	37	140	258	6	56	497
1970-1973 гг.	21	133	181	9	59	403
1974-1978 гг.	40	197	221	18	76	552

Как видно из табл. 4, наиболее многочисленной группой авторов журнала являлись кандидаты наук, однако их процент в общей массе авторов постепенно падал за счет роста крайних категорий, в особенности – докторов наук. Эта тенденция резко усилилась в 1974-1977 гг. (166 докторов и 166 кандидатов) и только в 1978 г. количество кандидатов вновь превысило докторов (55 против 31).

Отрадно отметить, что среди авторов растет число аспирантов (они ежегодно печатают 3-4 крупных материала). Наконец, ежегодно 12-15% публикаций журнала принадлежит непрофессиональным историкам, представителям других наук, журналистам, ветеранам труда и войны, передовикам производства. Эта «открытость» страниц журнала для всего интересного, актуального, общественно значимого в немалой степени способствует повышению авторитета журнала и его популярности.

Рассмотрим, как распределяется печатная площадь между историками, работающими в академических институтах и в высших учебных заведениях. В 1964-1968 гг. журнал поместил 225 статей и очерков академических ученых и 224 – вузовских историков. В 1970-1973 гг. баланс изменялся в сторону академической науки: 185 против 161. И наконец, в 1974-1978 гг. было опубликовано 275 статей сотрудников академических учреждений против 191 статьи, написанной преподавателями вузов.

Экстраполируя наметившуюся тенденцию на ближайшее будущее, можно ожидать сокращения числа авторов, преподающих на исторических факультетах университетов и педагогических институтов. Уменьшение доли публикаций, авторами которых

являются представители «вузовской науки», в центральном органе советских историков, по нашему мнению, тревожный симптом. Он свидетельствует либо о том, что качество представляемых публикаций понижается и потому они не могут быть опубликованы в центральных изданиях, либо о снижении исследовательской активности преподавателей вузов, либо, наконец, о появлении неких препятствий, мешающих публикации работ этого многочисленного отряда историков-исследователей.

Для выяснения причин отмеченной тенденции необходимо дополнительное исследование. Однако ясно, что редколлегия журнала необходимо более активно привлекать к сотрудничеству преподавателей вузов, тщательней работать с их рукописями.

Наблюдается усиливающаяся неравномерность распределения публикаций и по региональному принципу. Распределение тех же 1452 статей по местожительству авторов показывает, что авторы 1145 из них (79%) проживают в столице, 72 (5%) в Ленинграде и только 235 (около 16%) – в остальных городах СССР и за рубежом. Доля периферийных авторов в 1970-е годы не только не росла, но продолжала падать. Так, в 1978 г. москвичами было напечатано 91 статья и очерк (86%), ленинградцами – 7, жителями других городов – 17 и 2 материала – зарубежными авторами.

Приведем перечень городов, авторы которых наиболее представлены в публикациях журнала: Киев – 22 автора, Кишинев – 9, Пермь – 8, Саратов – 7, Вильнюс – 7, Алма-Ата – 7, Горький – 6, Таллин – 6, Минск – 6, Душанбе – 6, Калинин – 6, Харьков – 6, Ульяновск – 6, Баку – 5 авторов.

Эта неравномерность, видимо, объясняется отчасти тем, что в столицах союзных республик имеются определенные возможности для обнародования итогов научной работы, в других же городах просто исторические исследования не ведутся на таком уровне, который бы позволил выйти в столь авторитетный и престижный журнал.

Весьма показательным фактом, свидетельствующим о большом международном престиже «Вопросов истории», является регулярная публикация на его страницах статей, очерков и воспоминаний иностранных авторов. Совершенно естественно, что среди них преобладают историки стран социалистического содружества.

Систематически печатались также материалы, присланные из многих стран мира.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о тематическом богатстве и разнообразии публикаций, актуальности поднимаемых проблем, серьезной работе редколлегии с авторским составом.

Вместе с тем статистический анализ позволил обнаружить отдельные «узкие места» и тревожные симптомы, устранение которых может повысить научный уровень издания.

В заключение хотелось бы отметить, что высказанные выше соображения о взаимоотношении историографии и науковедения, разумеется, не исчерпывают всего многообразия связей между ними. Нам хотелось бы лишь поставить проблему, имеющую важное значение для повышения научной эффективности историографических работ, наметить некоторые пути ее решения. Все эти вопросы, конечно, требуют дальнейшего изучения и экспериментальной проверки. Одно несомненно – науковедческий подход к историографии весьма перспективен и, отнюдь не заменяя прежние, испытанные методы, открывает новые возможности для более глубокого изучения истории исторической науки.

-
1. Из новейших публикаций см.: Кахк Ю.Ю. Математические методы в исторических исследованиях // *Обществ. науки.* – 1978. – № 2; Славко Т.И. Применение математики при изучении массовых исторических источников // *Вопр. истории.* – 1978. – № 6; Хвостова К.В. Количественный подход к средневековой социально-экономической истории. – М., 1980; Schweizer T. Gesetze und statistischs Argumentation in der Ethnologie // *Antropos* – 1978. – N 3/4; Hodder I.R., Orton C.R. *Spatial Analysis inArheology.* – Cambridge, 1977.
 2. Подробнее см.: Буганов В.И. Методы работы В.И. Ленина над статистическими источниками // *Вопр. истории.* – 1960. – № 7; Литвак В.Т. О ленинской методике статистического анализа политических явлений // *Источниковедение отеч. Истории.* – М., 1973. – Вып. 1; Козлов Т.И. В.И. Ленин о значении статистики и методологии анализа ее данных // *Вестн. Статистики.* – 1980. – № 4.
 3. *History and Theory.* – 1977. – Vol. 16, N 2. – p. 137.

4. Нечкина М.В. История истории: Некоторые методологические вопросы истории исторической науки // История и историки: Историография истории СССР. – М., 1965.
5. Вопросы историографии в высшей школе. – Смоленск, 1975. – с. 10.
6. Городецкий Е.И. Историография как специальная отрасль исторической науки // История СССР. – 1974. – № 4. – С. 108-111. Вопрос о месте историографии в системе историко-научных дисциплин специально рассматривался на заседании Научного совета по проблеме «История исторической науки» (апрель 1984 г.). Наряду с историографами в дискуссии приняли участие представители других наук (философы, науковеды, филологи и т. д.). – Прим. ред.
7. Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия: Изучение развития науки как информационной системы. – М., 1969; Добров Г.М. Наука о науке. 2-е изд. – К., 1970; Козачков Л.С. Системы потоков научной информации. – К., 1973; Хохлова Н.В. Некоторые вопросы изучения документальных информационных потоков // Вопросы библиографоведения и библиотековедения: Межведомственный сб. – Минск, 1980.
8. Рузавин Г.В. Математизация научного знания // Обществ. Науки. – 1978. – № 2. – С. 31; См. также: Зворыкин А.А., Жирицкая И.Г. Системный подход к изучению науки // Социологические проблемы научной деятельности. – М., 1978. – С. 105.
9. Кругликова В.П. Предметизация произведений печати. – М., 1967. О применении этого метода в историографической работе см.: Цветков П.Ю. Проблематика исторических исследований в ДРВ // Народы Азии и Африки. – 1976. – № 2.
10. Добров Г.М., Коренной А.А. Наука: информация и управление. – М., 1977, с. 87-90.
11. Благинин В.С., Щербаков А.И. Документальные источники информации и труд ученого // Науковедение и информатика. – К., 1975. – Вып. 13. – С. 93.

Урсу Д.П. Історіографія як точна наука

Резюме: Публікація включає перевидання статті Д.П. Урсу «Історіографія та наукознавство», а також спогади автора про виступ із доповіддю по цій проблемі на засіданні бюро Наукової ради АН СРСР «Історія історичної науки» у травні 1980 р.

Ключові слова: Історіографія, наукознавство, кількісні методи в історіографії, історія історіографії.

Урсу Д.П. Историография как точная наука

Резюме: Публикация включает переиздание статьи Д.П. Урсу «Историография и науковедение», а также воспоминания автора о выступлении с докладом по данной проблеме на заседании бюро Научного совета АН СССР «История исторической науки» в мае 1980 г.

Ключевые слова: Историография, науковедение, количественные методы в историографии, история историографии.

Ursu D.P. A historiography as an exact science

Summary: The publication includes reprinting of the article by D.P. Ursu "Historiography and science of science", as well as memoirs of the author on the speech with the report on the given problem at the session of Scientific council AN USSR bureau "History of historical science" in May, 1980.

Keywords: historiography, science of science, quantitative methods in historiography, history of historiography.

А.Г. БОЛЕБРУХ

ИСТОРИОГРАФИЯ В РАКУРСЕ ИСТОРИИ НАУКИ

Современное состояние исторической науки можно обозначить отзывом Л. Толстого о пореформенной эпохе: «У нас все переверотилось и только начинает укладываться». Вообще говоря, развитие науки – процесс объективный, смена взглядов и концепций неизбежны и, более того, полезны, ибо свидетельствуют об исследовательском здоровье. С. Аверинцев был убежден в том, что «всякое научное представление, поставленное под огонь требований верификации в новоевропейском смысле – это представление, которое не просто фактически меняется, но обязано меняться. Оно ненаучно, если держится слишком долго» [1, с. 336].

Но дело в том, что укладывается все у нас крайне медленно, с частыми отступлениями назад, зигзагами, перепалками, а то и просто с нежеланием согласиться с наведением порядка на основе определенной парадигмы. Создается впечатление, что порядок никому не выгоден, если только он не утверждается на «нашей» (т.е. «единственно верной») позиции. В такой обстановке любые аргументы – слабое средство, потому что, как говорится, есть две точки зрения – моя и неправильная.

Запальчивость и непримиримость берут свое начало во второй половине 1980-х годов, когда затрещали социально-экономические и политические основы социалистического строя, а вместе с ними подвергся острейшей критике и образ этого строя в исторической литературе. Дальше – больше: сформировалось скептическое отношение ко всем наработкам советской историографии с 1917 г., независимо от того, какой период или сюжет прошлого изучался. За критикой выводов, вполне логично, последовало отрицание самих теоретико-методологических принципов существовавшей 70 лет исторической науки СССР.

Начавшиеся поиски новых эпистемологических принципов естественно обратили взор немалого количества историков, особенно молодых, к популярным теориям западноевропейской и американской науки. Однако порожденное отечественной ситуацией неверие в возможность получения достоверного исторического знания сфокусировало внимание на соответствующих этим убеждениям зарубежных разработках. Поэтому новейшие течения, зарождавшиеся тогда у нас, ориентировались на идеи Ж.Ф. Лиотара, М. Фуко, Ж. Деррида, Р. Барта, Х. Уайта и других представителей, которых объединяли в нашей литературе – возможно, не совсем обосновано – под термином «постмодернисты». Тем не менее для них всех общей чертой была уверенность в том, что в имеющихся источниках не содержится объективное знание о прошлом, во всяком случае в доступном для современной методики виде. А потому в предлагавшихся ими «исследовательских программах» (как назвал бы их И. Лакатос [10]) почти не просматриваются попытки избрать критерием истины соответствие источникового знания реальным процессам, явлениям или фактам.

Вследствие этого во многих нынешних российских и украинских монографиях и диссертациях можно встретить становящееся почти стереотипным выражение о том, что историк не получает достоверную информацию из источника, а «конструирует» ее на основе собственной рефлексии, вызванной знакомством с актом или нарративом [11, с.81]. И это не случайно, не произвол ученого, утверждают постмодернисты, поскольку создатель источника в свою очередь «конструировал» свое свидетельство, руководствуясь субъективным восприятием виденного или услышанного. Получалась, поистине, роковая цепочка: субъективизм источника усугублялся субъективизмом исследователя, а заканчивался не менее субъективным восприятием читателя.

Такие «деконструкции» основ исторического познания, безусловно, и вызвали отторжение у профессионального сообщества историков. Дело здесь не в амбициях, а в более принципиальных вещах, ведь в подобных теоретических поисках безнадежно утрачивалась история как наука [14]. Но было бы грубой ошибкой одномерно оценивать теоретические и методические эксперименты на почве разнообразных зарубежных подходов. Они имели также и

положительное значение для разработки более совершенных инструментов анализа источников. Приобретения заметны в философии и методологии, теории и методике источниковедения, интерпретации факторов творческого труда историков. Да и вообще, фактическое раскрепощение интеллектуальных способностей и инициативы исследователей-историков, несомненно, со временем принесет свои плоды.

Произойдет это, однако, при соблюдении некоторых условий, внимание к которым до сих пор остается слабым и рассеянным. Приглушенный интерес к ним обусловлен неразборчиво-критическим отношением к доставшемуся научному наследию, что является трудно объяснимым заблуждением, о чем уже не раз писали А. Гуревич, Д. Лихачев, П. Толочко, П. Тронько, А. Ястребицкая и многие другие известные своей принципиальностью ученые.

Теперь об условиях. Первое из них относится к гносеологии и касается необоснованных сомнений в возможности нашего сознания адекватно отражать окружающий мир и продуцировать истинное знание. Знания со времени появления *homo sapiens* имели (в самых различных вариациях) практический характер, служили насущным потребностям людей. Естественно, и первые научные представления (Эвклид, Гераклит, Аристотель), и последующие образы науки вплоть до нашего времени сущностной чертой имели и имеют достоверность знания, соответствие реальной действительности. Электронная энциклопедия «Wikipedia» зафиксировала такое понятие о науке: «Наука – обычно: сфера человеческой деятельности, имеющая своей целью сбор, накопление, классификацию, анализ, обобщение, передачу и использование достоверных сведений, построение и улучшение существующих теорий, позволяющих адекватно описывать природные (естественные науки) или общественные (гуманитарные науки) процессы и прогнозировать их развитие» [15]. Можно, конечно, в чем-то не соглашаться с приведенной формулировкой, но в ней недвусмысленно постулировано доверие к нашей способности видеть мир таким, каким он - в принципе - есть. Проблема для науки не в этом, а в том, чтобы при тщательном анализе свидетельств источников, несущих в себе большую или меньшую долю ошибочности, отсеять последнюю и извлечь достоверную

информацию. Следовательно, все дело в совершенстве методики, а не в природе восприятия.

Второе условие предполагает необходимость изживать распространявшееся до недавнего времени утверждение о том, что научный исторический труд – всего лишь плод словесных построений автора. В некоторых кругах поклонников экстравагантных методик считается, что ученый, во-первых, лишен достоверных данных о прошлом, а во-вторых – сам, при всем своем желании, не в состоянии отрешиться от господствующего в его эпоху мировоззрения, общих и собственных идеалов и ценностей, социально-культурных и научных представлений. В итоге на субъективизм источника наслаивается субъективизм исследователя и на основе этой образовавшейся смеси узнать правду о реальном прошлом – дело безнадежное, по логике адептов данных течений. Согласиться с такой точкой зрения, значит отказать истории в статусе науки.

Наконец, третье условие – признание ответственной социальной миссии исторической науки, призванной помочь обществу лучше познать настоящее свое состояние, поскольку оно является во многом следствием прошлого, развитием зародившихся тогда процессов и явлений.

Сейчас нередко повторяется (как, впрочем, и ранее) безусловно ошибочная мысль о том, что история якобы никогда, никого и ничему не научила. При этом ссылаются то на Гегеля, то на В. Ключевского, забывая (или просто не зная), что Ключевский непременно прибавлял, что история всегда *проучивает* за незнание своих уроков. Видный русский ученый, очевидно, опирался на высказанную Гегелем в «Философии истории» идею: «... опыты и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее. В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния. В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненной свободой настоящего» [6, с. 61-62]. Если внимательно вчитаться в гегелевский отрывок, то

нужно признать, что немецкий философ отнюдь не отрицал опыт истории, – он говорил о примитивных попытках использовать готовые схемы решений из прошлого.

Тогда в чем же Гегель видел значение опыта истории? Философское осмысление уроков прошлого, по Гегелю, вооружает нас знанием содержания и специфики национального исторического пути, его причин и следствий: «Однако история всегда имеет большое значение для народа, так как благодаря ей он сознает ход развития своего духа, выражающегося в законах, обычаях и деяниях. Законы, как и обычаи и учреждения, вообще отличаются прочностью. Но история дает народу его изображение в таком состоянии, которое благодаря этому становится для него объективным. Без истории его наличное бытие во времени является лишь слепой и повторяющейся игрой произвола в разнообразных формах. История фиксирует эту случайность, вносит в нее постоянство, придает ей форму всеобщности, и именно благодаря этому устанавливает правило для нее и против нее. Она имеет существенное значение в развитии и определении конституции, то есть разумного политического состояния, потому что оно является эмпирическим способом выражения всеобщего, так как она устанавливает нечто длительное для представления» [6, с. 201].

Таким образом, Гегель полагал, что изучение истории значительно расширяет интеллектуальный кругозор, придает осмысленность земному существованию, наделяет нас универсальными средствами эффективного анализа сложнейших жизненных коллизий и, наконец, дает возможность обрести заветный «ключ мудрости».

Выполнить достойно свою социальную функцию истории должен помочь такой важный элемент ее дисциплинарной структуры, как историография (история исторической науки). Современное представление о предмете и задачах историографии трудно сформулировать: оно расплывчато и варьируется от статьи к статье. А если к этому еще добавить мнение некоторых ученых об архаичности дисциплинарного членения научного знания, то историография превращается в запутанный клубок нитей, выдернутых из самых различных исторических (и не только исторических) дисциплин: философии истории, теории и методологии исторического познания,

источниковедения, культурологии, науковедения, психологии творчества, структурной лингвистики и проч.

Неоправданность отказа от дисциплинарной структуры знания начинает ныне осознаваться незаангажированными исследователями. Так, в одной из новейших публикаций Т. Попова, со многими оговорками и уточнениями, подчеркнула: «Дисциплинарная же организация науки – как арьергард, «жесткое ядро» – выступает в качестве канала, обеспечивающего социализацию достигнутых на когнитивном уровне результатов, превращая их в «культурно-исторические образцы» [12, с. 60]. Выходит, что дисциплинарная система науки – это что-то вроде элементов обслуживающей инфраструктуры исследователя. В то время как правильное, на наш взгляд, считать дисциплину средством классификации научного знания, а классификация, как известно, это один из методов познания.

Не вступая вновь в дискуссию о предметном статусе историографии (тем более, что мне уже приходилось об этом писать [2;3]) , остановимся на таком неотъемлемом разделе любой научной отрасли, как ее история. Этот раздел призван осветить состояние отрасли на различных этапах ее развития, эволюцию (или революцию, по Т. Куну) достижений в познании объекта ее изучения. Историографии не стоит подменять другие исторические дисциплины, а следует сосредоточиться на собственных задачах, в первом приближении установленных 30-40 лет назад.

Не подлежит сомнению, что и предмет, и задачи, и методы историографии на современном этапе нуждаются в серьезном обновлении, но отнимать у нее законное место в структуре исторической науки неразумно. Очень сложно содействовать прогрессу в познании прошлого, не зная истории самой исторической науки, степени изученности отечественных и всемирных проблем минувших эпох, способов и методов их изучения.

Формирование нового образа историографии потребует, без сомнения, изучения взглядов известных ученых разных специальностей на призвание истории науки. Кстати, в некоторых новейших публикациях предлагается обновить историографию за счет использования науковедческой методологии. Думаю, что здесь мы имеем дело снова-таки со смешением границ разных отраслей знания. В уже цитировавшейся «Wikipedia» читаем: «Науковедение – изучает

закономерности функционирования и развития науки, структуру и динамику научной деятельности, взаимодействие науки с другими сферами материальной и духовной жизни общества, Зародилась в 30-х гг. 20 в.; в 60-х гг. оформилась в самостоятельную отрасль исследований» [15]. То есть науковедение занимается теоретическими вопросами науки вообще как сферы человеческой деятельности вне зависимости от конкретных научных дисциплин.

Названная нами тема чрезвычайно обширна, поэтому мы ограничимся только эскизным ее изложением. Например, В. Вернадский еще в 30-х годах прошлого века в работе «Из истории идей» отстаивал мысль об истории науки как факторе прогресса в познании окружающего мира. Он писал: «... история науки не может являться безразличной для всякого исследователя. Натуралист и математик всегда должен знать прошлое своей науки, чтобы понимать ее настоящее. Только этим путем возможна правильная и полная оценка того, что добывается современной наукой, что выставляется ею как важное, истинное или нужное» [5, с. 178]. По мнению В. Вернадского, существует два критерия оценки научной концепции (открытия): во-первых, «философская критика», связанная с теорией познания, иными словами – методологический аспект; во-вторых – «путь исторической критики, связанный с историей науки», то есть сопоставление полученного современного результата с историческим багажом данной отрасли знания. Отдавая первенство первому критерию, В. Вернадский полагал, что второй критерий, правильно примененный, в состоянии помочь разобраться в дискуссионных теоретических вопросах.

Доклад М. Вебера в Мюнхенском университете «Наука как призвание и профессия» (1918) содержал ряд глубоких наблюдений над смыслом научной деятельности. Сравнив произведение искусства с трудом ученого, он обратил внимание слушателей на отличия между ними: совершенное художественное творение остается духовной ценностью навсегда и его не могут превзойти последующие не менее совершенные сочинения, а открытия математика или биолога устаревают через 10, 20, 40 лет, уступая место новым открытиям; в этом, по сути, и состоит прогресс в науке. Исходя из этого, М. Вебер писал: «Научный прогресс является частью, и притом важнейшей частью, того процесса интеллектуализации, который происходит с

нами на протяжении тысячелетий» [4]; интеллектуализация же, по М. Веберу, это вера людей в возможность познать причинно-следственные связи всего, что происходит с нами и вокруг нас («мир расколдован»). Характеризуя ход развития научной мысли и ее социальной значимости (практической ценности), М. Вебер не делал различий между естественными и гуманитарными науками. Одинаково значима для них и их собственная история.

Известный специалист в области истории естествознания и техники В. Горохов, обобщая изученный им материал, писал: «Современному ученому нет необходимости самому доказывать все свои рассуждения, он всегда опирается на опыт предшественников – без этого эффективное развитие науки было бы просто невозможно». Отметил В. Горохов и другой немаловажный аспект историко-научной проблемы: «Только изучение конкретного историко-научного материала позволит проследить и зафиксировать сложное взаимодействие коммуникационной системы связей в науке и системы научных связей с ее организационной и рефлексивной системами» [7, с. 7,157]. Как видим, автор «развел» историю науки и науковедение, показав их «сложное взаимодействие».

Тесную взаимосвязь философии науки и истории науки проанализировала Н.Кузнецова и пришла к следующему, схожему выводу: «... история науки является эмпирической базой для любых исследований, анализирующих научное познание, и без проверки фактами никакая конструкция в области философии науки не может претендовать на сколько-нибудь серьезное значение и влияние. Так что вопрос о судьбе историко-научных исследований не может считаться «посторонним» для комплекса когнитологических дисциплин» [9, с. 57-58]. Н.Кузнецова в своем исследовании опиралась на некоторые идеи В. Вернадского, К. Поппера, И. Лакатоса и др.

К. Поппер, видный британский философ и социолог XX в., разработал теорию роста научного знания на основе концепции «критического рационализма» и эволюционного учения Ч. Дарвина. Полагая критерием научности существовавших и существующих теорий принцип «фальсифицируемости» (то есть критической проверки при помощи эксперимента), К. Поппер, тем не менее, оставался идеалистом по философскому мировоззрению. Приращение знаний ему представлялось в виде смены устаревшей теории более

современной, однако механизм их преемственности он оставлял в тени [13, с. 236-237, 307; 7, с. 46-49]. Диалектические законы перерастания количественных изменений в качественные, отрицания отрицания, которые могли бы многое прояснить в процессе роста науки, автором не использовались.

Парадигматическую модель развития науки предложил научному сообществу также британский ученый Т. Кун. Характеризуя его схему, В. Горохов отметил такие ее особенности: «Модель внешнего (революционного) развития, по Куну, состоит из следующих фаз: предпарадигматический период – нормальная наука – экстраординарная наука (научная революция) – снова фаза нормальной науки и т.д.». Суть построения Т. Куна заключается в создании схемы функционирования науки в обычном состоянии, в предкризисное (невозможность прежними методами разрешать новые задачи) и кризисное (болезненный процесс смены парадигм, т.е. революция в научных представлениях) время. Противоборство старой и новой парадигм заканчивается победой новой и бесследного вытеснения прежней [7, с. 65-69]. Следовательно, проблема преемственности научных идей Т.Куном также не рассматривалась, во всяком случае, специально.

Т. Кун так объяснял два значения термина «парадигма»: «1) полная совокупность верований, ценностей, фактов, которых придерживаются члены данного научного сообщества (социологический смысл);

2) образцовый пример прошлых достижений науки, заменяющих собой правила решения задач в нормальной науке (методологический смысл)» [7, с. 65].

Тезис К. Поппера об эволюционном изменении научного знания развил его соотечественник С. Тулмин, который «рассматривал науку как исторически развивающееся рациональное предприятие». Движущей силой прогресса в науке он считал адаптированную к умственной сфере теории естественного отбора. «В этом случае, – писал В. Горохов, – историческое развитие интеллектуальной дисциплины (т.е. научной дисциплины, выбираемой им в качестве единицы методологического анализа как исторически развивающегося интеллектуального предприятия) будет представлять собой популяционный процесс, но не в специфически биологическом

смысле, а в виде общей формы развития посредством инноваций и отбора» [7, с. 69].

К. Поппер, Т. Кун, С. Тулмин занимались далеко не всем спектром вопросов истории науки, а скорее формами смены одних научных теорий другими, более прогрессивными, Проще говоря, их труды относятся к науковедению, а не к истории конкретных научных дисциплин.

Безусловно, мысли рассмотренных ученых вполне могут быть использованы и в истории исторической науки для ее модернизации, поскольку в советской историографии передовые концепции, как правило, объяснялись прогрессивной классовой позицией исследователя и неоправданно меньше внимания уделялось внутринаучной конкуренции идей.

Подытожим. История исторической науки (как и истории других отраслей знания) способна оказать немаловажное влияние на развитие нашей науки о прошлом в ранге «нормальной», по Т. Куну, науки.

А. Гуревич так обрисовал насущные задачи историографии: «Внимательно и критически рассмотреть и оценить тот арсенал исследовательских принципов и методов, который унаследован от предшествующей стадии развития исторической науки, взвешать в его гносеологические предпосылки и основы, которые историки далеко не всегда ясно осознают, – жизненно необходимая, настоятельная потребность современного исторического знания. С этим неразрывно связана другая не менее неотложная задача: выявить ведущие тенденции историографии нашего времени, те новые проблемы, которые перед ней возникли, присмотреться к новым, нетривиальным приемам обращения с источниками, – короче говоря, ориентироваться в перестраивающемся исследовательском поле истории» [8, с. 12]. Сказанное А.Гуревичем, бесспорно, относится не к науковедению, не к философии истории и методологии или социокультурным аспектам познания прошлого, а непосредственно к истории науки, чем и должна стать историография.

-
1. Аверинцев С.С. Два рождения европейского рационализма и простейшие реальности литературы // Человек в системе наук. – М., 1989.

2. Болебрух А.Г. Приобрела ли историография новый образ? // Харківський історіографічний збірник. – Х., 2006. – Вип.8.
3. Болебрух А.Г. История истории: муки повторной самоидентификации// Там же. – Х.,2008. – Вип. 9.
4. Вебер М. Наука как призвание и профессия // http://www.gumer.info/bibliotek_buks/culture/veber/_nauka_proff
5. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. – М.,1981.
6. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб.,1993.
7. Горохов В.Г. Концепции современного естествознания и техники. – М., 2000.
8. Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. Человек в истории.1996. – М., 1996.
9. Кузнецова Н.И. Философия науки и история науки // Философия науки. – М., 1998. – Вип. 4.
10. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки: Из Болонских исследований по философии науки. – М., 1978.
11. Музыка О.А. Ценностно-оценочный фактор в контексте социосинергетической парадигмы. – Ростов-на-Дону, 2006.
12. Попова Т.Н. Историография сегодня: три штриха с резюме к проблеме институционального кризиса // Історіографічні дослідження в Україні. – 2008. – Вип.19.
13. Современная западная философия : словарь. - М., 1991.
14. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. – Томск, 1998.
15. Википедия//[http:// ru.wikipedia.org/wiki/% DO/](http://ru.wikipedia.org/wiki/%DO/).

Болебрух А.Г. Историография в ракурсе истории науки

Резюме: У статті йдеться про труднощі, які спостерігаються в процесі пошуку істориками нових епістемологічних принципів. Розглядається можливість застосування до історіографії методологічних підходів історії науки. Робиться висновок про те, що історіографії не варто підміняти інші історичні дисципліни, а слід зосередитися на власних завданнях. Звертається увага на те, що наукознавство займається теоретичними питаннями науки як сфери людської діяльності незалежно від конкретних наукових дисциплін.

Ключові слова: історія науки, предмет історіографії, завдання історичної науки, наукознавство.

Болебрух А.Г. Історіографія в ракурсі історії науки

Резюме: В статье идет речь о трудностях, которые наблюдаются в процессе поиска историками новых эпистемологических принципов. Рассматривается возможность применения к историографии методологических подходов истории науки. Делается вывод о том, что историографии не стоит подменять другие исторические дисциплины, а следует сосредоточиться на собственных задачах. Обращается внимание на то, что науковедение занимается теоретическими вопросами науки как сферы человеческой деятельности вне зависимости от конкретных научных дисциплин.

Ключевые слова: история науки, предмет историографии, задачи исторической науки, науковедение.

Bolebrukh A.G. A historiography in a foreshortening of history of science

Summary: The difficulties that are observed by historians during the search of new epistemologic principles are shown in the article. The possibility to use the methodological aspects of the history of science in historiography studies is considered.

It is concluded that historiography does not need to substitute other historical disciplines, but it is necessary to concentrate on its own problems. It is mentioned that science studies prosecutes theoretical subjects of a science as a sphere of human activity without dependence from concrete scientific disciplines.

Keywords: history of science, the subject of historiography, tasks of historical science, science studies.

И.М. ГАРСКОВА

АНАЛИЗ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАТИКИ КАК НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

В данной работе на основе анализа отечественной историографии освещается развитие исторической информатики как сложившегося междисциплинарного научного направления [1]. Рассматривается становление и институционализация исторической информатики, ее взаимодействие с количественной историей, дискуссии о ее предмете и методах, анализируются перспективы развития. Предлагается периодизация развития исторической информатики, связанная со сменой приоритетов в тематике исследований, методических и технологических подходах, формированием научных центров и научных школ в рамках исторической информатики.

В работе дается краткий историографический очерк развития направления, которое сложилось в нашей стране в 1980-е – 1990-е годы и в настоящее время вышло на новый виток осмысления накопленного опыта и оценки перспектив развития в быстро меняющейся информационной среде XXI века.

Исследование включает некоторые результаты количественного анализа полной тематической библиографии работ, опубликованных под эгидой отечественной Ассоциации "История и компьютер" (АИК), которая объединяет специалистов в области исторической информатики в России и странах СНГ. Основой для такого анализа является созданная автором информационная система, включающая библиографическую базу данных публикаций АИК и полнотекстовый массив статей и материалов докладов и сообщений на научных конференциях ¹.

¹ Основными историографическими источниками являются: периодическое издание "Информационный бюллетень АИК" (выходит с 1991 г.), серия сборников "Круг идей" (выходит с 1994 г.), а также ряд журналов и сборников

Историография развития исторической информатики

Одним из проявлений интеграции научного познания в конце 60-х – 70-х гг. XX века явилась тенденция "математизации гуманитарного знания", обусловленная, с одной стороны, внутренними закономерностями развития науки, а с другой стороны – сильным влиянием на все отрасли знания информационных и компьютерных технологий [2. – С. 310-315.]. Такая тенденция проявилась и в исторических исследованиях, стимулируя обращение историков к новым методам обработки и анализа источников, особенно массовых источников, к изучению методологического и методического опыта других социально-гуманитарных наук, использованию системного подхода. В эти годы складывались ведущие национальные школы квантитативной истории¹, к числу которых принадлежала и отечественная школа, возглавлявшаяся И.Д. Ковальченко [3].

К числу теоретических достижений отечественной школы относятся разработка информационных аспектов источниковедения, концепций и методов анализа массовых источников; Анализ теоретико-методологических принципов квантитативной истории в отечественной историографии посвящен целый ряд публикаций, начиная с 1960-х – 1970-х гг. [4] и заканчивая обзорными работами конца 1990-х – 2000-х гг. [5]

В методическом плане отечественная школа отличалась использованием сложных методов математической статистики и анализа данных. Важно, что новые методы позволили не только по-иному подойти к решению уже известных проблем, но также поставить и решить принципиально новые, крупные задачи, в первую

статей, в том числе издающихся при участии Ассоциации "История и компьютер" в Алтайском госуниверситете и в СО РАН (Новосибирск). Наряду со специализированными изданиями по этому направлению, учитывались статьи по исторической информатике, опубликованные в ведущих исторических журналах и сборниках научных статей и материалов научных конференций по другим направлениям исторических исследований.

¹ Квантитативная (количественная) история (в отечественной историографии 1960-х – 1990-х – использовался термин "количественные методы в исторических исследованиях") – междисциплинарное направление, представляющее собой совокупность концепций и средств формализации и анализа информации исторических источников с помощью математических методов. См.: Ковальченко И.Д. Указ соч. С. 330.

очередь в области аграрной истории России на рубеже XIX – XX веков [6]. Эти работы стали классическими не только с точки зрения значимости поставленных в них проблем, но и с точки зрения уровня работы с методами и данными.

Процесс формирования направления количественной истории в отечественной исторической науке завершился к середине 1980-х гг.: сформировалось профессиональное сообщество историков-квантификаторов, на историческом факультете МГУ успешно работал Всесоюзный семинар "Количественные методы в исторических исследованиях" (1979–1994 гг.), для студентов и аспирантов регулярно проводились Школы молодых ученых, в программы научных конференций включались секции по междисциплинарным методам и подходам, регулярно публиковались сборники статей по проблематике применения количественных и математических методов в исторических исследованиях [7]. Курс по количественным методам был включен в учебные планы исторических факультетов, в 1984 г. был издан вузовский учебник.

К этому периоду относятся историографические публикации обобщающего характера, анализирующие общие тенденции и результаты формирования национальных школ количественной истории [8], и фундаментальная монография И.Д. Ковальченко "Методы исторического исследования" [9].

С развитием количественной истории круг используемых методов и технологий расширился. Помимо статистических методов более активно стали применяться информационные методы и подходы: в исторической демографии – методика восстановления истории семей (технологии связывания записей церковных книг и других демографических данных), в исторической текстологии – методы и технологии автоматизированного контент-анализа, в изучении динамики исторических явлений и процессов – методы математического моделирования.

Особое место в 1980-е гг. заняли методы и технологии создания архивов машиночитаемых данных, а затем – баз и банков данных. Именно создание баз данных стало главной особенностью этого периода, когда в рамках количественной истории начало формироваться новое междисциплинарное направление – историческая информатика в 1980-е годы.

Важной частью исследований в области квантитативной истории становилось извлечение информации из исторических источников и перевод ее в машиночитаемый (электронный) вид [10]. Электронные данные являлись не только информационной базой исследования, но и одним из его результатов, поэтому университеты, исследовательские центры, а затем и специализированные архивы на Западе и в СССР стали коллекционировать их.

Уже на рубеже 1970-х – 1980-х гг. в зарубежной, а затем и в отечественной историографии появились первые работы об архивах машиночитаемых данных [11]; с наступлением эпохи микрокомпьютеров, в 1990-е гг. происходит перенос акцентов с архивов машиночитаемых данных на базы и банки данных, а затем появляется понятие "electronic information resources" (информационные ресурсы) [12].

* * *

Таким образом, основными предпосылками формирования исторической информатики как нового междисциплинарного направления явились использование сложных методов анализа числовой и текстовой информации, применение которых невозможно без использования компьютеров, и наметившаяся тенденция к созданию в процессе исследования информационных ресурсов (в современном понимании) с возможностью их вторичного многоаспектного использования.

В конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. в большинстве стран Западной, а затем – и в ряде стран Восточной Европы историческая информатика оформилась как самостоятельное направление в исторических исследованиях и образовании. В 1986 году была создана международная Ассоциация "History and Computing" (АНС). Ассоциация "История и компьютер" (АИК), объединившая специалистов из России и стран СНГ, появилась в 1992 г., а в целом формирование этого направления завершилось к середине 1990-х гг. [13].

Период становления исторической информатики характеризовался острыми дискуссиями по теоретическим основаниям и методологическим концепциям, которые были связаны с осмыслением ее места в исторической науке и ее связи с наукой информационной [14]. В результате к концу XX века сложились две

основные линии развития этого направления, которые можно назвать аналитической и информационной (или источниковой).

Тематика отечественных публикаций, отражающих основные тенденции развития аналитической компоненты исторической информатики, включает, прежде всего, историко-демографические исследования, экономическую историю, ряд направлений социальной и политической истории. Здесь наблюдается явная преемственность исторической информатики и количественной истории¹.

По сравнению с зарубежной, в отечественной историографии менее широко представлено направление, связанное с экономической историей, и более широко – направление, связанное с исследованиями на основе массовых источников по исторической демографии, причем заметно расширяется межуниверситетское сотрудничество ряда исследовательских групп из Барнаула, С.-Петербурга, Петрозаводска, Тамбова, Тулы и Москвы, которые участвовали в ряде международных историко-демографических проектов.

Методическое обеспечение аналитических исследований к концу XX века, помимо стандартного набора статистических методов, ставшего уже "классическим", включало и более сложные инструментальные средства нелинейного анализа динамики, теории динамического хаоса, компьютерного моделирования.

Значительно более быстрыми темпами развивалась в конце XX века информационная компонента исторической информатики, осваивая новые предметные области и выходя на решение новых содержательных задач, например, создания электронных аналогов архивов, музеев и библиотек как общеисторических научно-образовательных ресурсов и обеспечения доступа к ним (в первую

¹ На наш взгляд, менее заметная доля "количественных" публикаций в зарубежных изданиях по исторической информатике объясняется тем, что на Западе существуют специализированные журналы "количественной ориентации", такие, как "Historical Methods" (США), "Histoire et Mesure" (Франция) и особенно "Historische Sozialforschung / Historical Social Research" (ФРГ). Кроме того, за рубежом работы этого направления активно публикуются и в специализированных исторических журналах, таких, как "Journal of Economic History", "Economic History Review", "European Review of Economic History", "Social Science History" и др. В отечественной историографии много работ историков-квантификаторов публикуется в специализированных изданиях по исторической информатике.

очередь посредством глобальной сети Интернет) или пространственного анализа исторических явлений и процессов¹.

С самого начала становления исторической информатики в центре ее внимания были технологии, связанные с созданием и анализом баз данных и коллекций электронных текстов. Затем начинается интеграция этих технологий и освоение мультимедийных подходов к работе с электронными ресурсами, куда включаются базы данных, тексты, компьютерные карты, изображения и другая аудиовизуальная информация. Особенно востребованными мультимедийные ресурсы становятся в связи с расширяющимся использованием информационных технологий в историческом образовании.

Основные направления исследований и тенденции в развитии исторической информатики в нашей стране и за рубежом, сложившиеся в предшествующий период и направленные на расширение методического и технологического обеспечения исторических исследований, сохраняются и в начале XXI века. Эти тенденции диктуются потребностью профессионального сообщества в создании новой информационной среды исторической науки в условиях формирования информационного общества [16].

Вместе с тем развитие исторической информатики в последнее десятилетие демонстрирует процесс дифференциации исследовательских интересов, расширение круга исследовательских задач и формирования новых методических и технологических направлений "внутри" исторической информатики². Например, с

¹ На рубеже XX – XXI вв. был опубликован ряд работ историографического и библиографического характера по истории исторической информатики в России [См.: 15]

² Этот процесс дифференциации направлений внутри исторической информатики напоминает ситуацию в квантитативной истории 15–20 годами раньше. Теперь уже среди специалистов в области исторической информатики формируются группы "по интересам": разработчики баз данных, Интернет-ресурсов, мультимедийных продуктов образовательного характера, исследователи, работающие с географическими информационными системами, с информационными библиотечными или архивными системами, со статистическими пакетами программ, с изображениями, текстами и т.д.

развитием сетевых технологий¹ происходит определенное сближение подходов в работе с табличными и полнотекстовыми базами данных, поскольку особую важность приобретает обеспечение совместимости при обмене данными между разными информационными системами, особенно при передаче таких данных через Интернет. В исторической информатике этот подход открывает новые перспективы при создании тематических электронных ресурсов, представляющих собой, как правило, обширные коллекции поливидовых данных. Такие коллекции являются объектами исследований, связанных с созданием цифровых форматов хранения документов историко-культурного наследия и разновидностей электронных публикаций (электронных факсимиле, электронных изданий, электронных архивов и библиотек).

Перспективным направлением становится работа с изобразительными источниками: роль изображений в исторических работах больше не сводится только к иллюстрации – резко повышается интерес к изображениям как историческим источникам, быстрыми темпами растет число архивов оцифрованных изображений, графическая информация становится востребованной наряду с текстовыми и числовыми данными. Разрабатываются методологические принципы работы с электронными изображениями, стандартов их описания, методов визуального анализа и интерпретации, создания метаданных, позволяющих описывать содержание изображений и проводить эффективный поиск графической информации. Аналогичные вопросы ставятся и при работе с историческими электронными картами, что повышает интерес к использованию технологий географических информационных систем (ГИС) в исторических исследованиях².

¹ В 2000-е годы в Интернете активно используется новый язык гипертекстовой разметки – *XML* (*eXtensible Markup Language*), описывающий целый класс данных, называемых XML-документами. XML позволяет осуществлять контроль за корректностью данных, хранящихся в документах, и устанавливать единый стандарт на структуру документов, содержимым которых могут быть самые различные данные. Поэтому очевидным достоинством XML является возможность использования его в качестве универсального языка запросов к хранилищам информации.

² Подробный анализ использования ГИС в исторических исследованиях дан в работе В.Н. Владимирова «Историческая геоинформатика:

На рубеже XX – XXI вв. особенно актуальными стали задачи формирования новой информационной среды исторической науки и образования на основе использования сетевых технологий. В этих задачах основное внимание уделялось созданию и использованию исторических научно-образовательных (тематических) ресурсов. Началось активное обсуждение проблем, которые возникают при электронной публикации исторических источников, особенно архивных документов, в Интернете или на компакт-дисках; достоинства и недостатки таких публикаций, обмен опытом с коллегами, применяющими информационные и коммуникационные технологии в других гуманитарных науках, а также с архивистами, работниками музеев и библиотек.

О том, насколько интенсивно в отечественной историографии обсуждалась проблематика, связанная с возможностями использования ресурсов глобальной сети Интернет в профессиональной работе историка, свидетельствуют несколько конференций и "круглых столов", проведенных в конце 1990-х – начале 2000-х годов по инициативе Ассоциации "История и компьютер": конференция "Интернет – новая информационная среда исторической науки" (1998 г.)¹, телеконференция "Что в имени твоём, Интернет?" (1998 г.)², "круглый стол" по проблеме "Историк, источник и Интернет" (2000 г.)³.

В центре дискуссий были концептуальные и методические вопросы применения интернет-технологий в исторических исследованиях и образовании, их возможности и ограничения, перспективы электронных публикаций исторических документов в глобальной сети, необходимость разработки стандартов таких публикаций, их юридические аспекты, проблемы качества ресурсов,

геоинформационные системы в исторических исследованиях» (Барнаул: АлтГУ, 2005).

¹ Интернет – новая информационная среда исторической науки. Барнаул: АлтГУ, 1998.

² Материалы конференции опубликованы в Информационном бюллетене Ассоциации "История и компьютер" (1998, №22).

³ Материалы опубликованы в Информационном бюллетене Ассоциации "История и компьютер" (2000, №26/27), а также в журнале "Новая и новейшая история" (2001, №2).

цитирования электронных документов и др. Упомянутая серия дискуссий завершила сравнительно недолгий период сомнений научного сообщества относительно эффективности и правомерности использования глобальной сети в профессиональной деятельности историков¹. Интернет получил признание научного сообщества, а интерес к специфическим источниковедческим проблемам исторической информатики приобрел новое наполнение: разработка общепрофессиональных информационных ресурсов потребовала осмысления на новом уровне проблем, связанных с созданием тематических сайтов, обсуждением стандартов электронных публикаций и разработкой археографических принципов представления исторических источников в сетевом информационном пространстве [17].

* * *

Начало XXI века обнаружило заметные различия в развитии отдельных национальных ветвей исторической информатики. Так, для европейской школы исторической информатики – это годы подведения некоторых итогов и анализа комплекса нерешенных проблем методологического, технологического и организационного характера². Обсуждение накопившихся проблем в основном шло в

¹ Следует отметить, что в зарубежной историографии перспективы использования возможностей Интернета в работе историка обсуждались несколькими годами раньше, что объясняется более ранним внедрением сетевых технологий в западную науку и образование (См.: Доорн П. Электронный лабиринт: возможности и "ловушки" компьютерной системы Internet для историков // Круг идей: развитие исторической информатики. – М., 1995). При этом общая оценка возможностей Интернет-технологий в зарубежной историографии не была связана с такими опасениями, как в отечественной историографии. Это можно объяснить более высоким качеством Интернет-ресурсов, к созданию которых на Западе с самого начала подключились университеты и другие академические организации, поддерживающие высокие стандарты электронных изданий.

² Особое место здесь занимает книга ведущих голландских специалистов в области исторической информатики о прошлом, настоящем и будущем исторической информатики (Boonstra O., Breure L., Doorn P. Past, Present and Future of Historical Information Science. Amsterdam: NIWI-KNAW, 2004). Отметим, что в этой обобщающей публикации дается аналитический и историографический обзор всего периода существования исторической информатики, причем ей предшествовал ряд других заметных работ

рамках тех европейских национальных ассоциаций, которые прошли наиболее долгий путь развития и в начале XXI вв. столкнулись с необходимостью осмысления пройденного пути и пересмотра не только методических и технологических подходов, но и методологических концепций. В меньшей степени эти тенденции проявились в тех национальных ассоциациях, которые, подобно АИК, сформировались позже и продолжали в этот период динамично развиваться (это относится, например, и к американской Ассоциации "History and Computing" – ААНС).

Среди поставленных проблем были: недостаточная активность междисциплинарных контактов со специалистами в области общей информатики и с коллегами, развивающими информационные технологии и компьютерные методы в других социально-гуманитарных науках; дисбаланс между информационно-технологической и методически-аналитической компонентами исторической информатики, приводящий к тому, что при значительном росте оцифрованных исторических ресурсов часть из них остается невостребованной, а масштаб решения содержательных исторических проблем – локальным; дефицит оригинальных методических и технологических разработок для обеспечения исторических исследований. Кроме того, остаются актуальными задачи подготовки специалистов в области исторической информатики, спрос на которых растет во всех странах, а также совершенствование теории и методологии исторической информатики.

Обсуждение поставленных проблем проходило не только на международном уровне, но и на конференциях национальных ветвей международной Ассоциации. Специалисты по исторической информатике в России и странах СНГ весьма активно обсуждали и обсуждают эти проблемы, что находит отражение в отечественной историографии.

Большое внимание уделяется разработке специализированного исследовательского инструментария. Так, предложен новый подход к разработке методологии исторической информатики, учитывающей в

историографического характера. К сожалению, в отечественной историографии исторической информатики пока отсутствуют работы этого жанра.

первую очередь специфические потребности исторических исследований и образования и отражающий специфику их методик; для обозначения этого подхода был предложен термин "историко-ориентированный" [18]. Накопленный опыт создания оригинальных алгоритмов, программ и технологий, позволяет выделить перспективные направления разработки историко-ориентированных подходов и соответствующих оригинальных программно-алгоритмических разработок: специализированные системы управления базами данных (СУБД) и информационно-поисковые системы; программно-алгоритмическое обеспечение задач анализа данных исторических источников; компьютерное моделирование исторических процессов; информационные технологии в источниковедении и вспомогательных исторических дисциплинах; информационные технологии в археологии; информационные технологии в историческом образовании [19. – С. 8]. Сюда следует отнести и направление, связанное с созданием и использованием общеисторических научно-образовательных (тематических) ресурсов¹.

Интересной перспективой развития исторической информатики является расширение и углубление контактов между исторической наукой и наукой информационной в русле концепции *e-Humanities* (где *e* означает *electronic*), в которой ведущую роль играют распределенные информационные и вычислительные ресурсы, доступные пользователям через глобальные компьютерные сети [21]. Такая линия развития должна опираться как на специфику предметной области и характер используемых информационных ресурсов, так и на специализированные информационные технологии, разработка которых невозможна без тесных контактов со специалистами в области общей информатики. Возможности сетевого доступа к большим массивам баз данных, текстов, оцифрованных книг, журналов, изобразительных материалов, исторических карт и т.д., соединенные с возможностями использования самых современных методов и технологий обработки изображений, текстов, баз данных,

¹ В этой сфере очень важно учитывать специфику исторических ресурсов, в частности, решать источниковедческие и археографические проблемы электронных публикаций исторических документов [См.:20]

компьютерного моделирования исторических процессов, трехмерной реконструкции исторических объектов, ГИС, создают широкие перспективы междисциплинарного сотрудничества. Работы в этом направлении уже ведутся в Великобритании, Голландии, Германии, а также в рамках общеевропейских проектов. Это направление представляет собой выход на новый, более глобальный уровень в решении задач создания общеисторических ресурсов. Наряду с этим, активно продолжается разработка тематических сайтов, ориентированных на отдельные исследовательские проблемы, региональную историю или конкретные хронологические периоды¹.

Специалисты по исторической информатике из России и стран СНГ активно обсуждают и вопросы повышения уровня университетского образования историков в области современных методов и технологий исследования, в частности, совершенствование учебного плана специализации по исторической информатике. Так, На XI конференции АИК в 2008 г., наряду с традиционными секциями по теоретическим проблемам исторической информатики, концепциям и технологиям создания научно-образовательных ресурсов, использованию информационных ресурсов в архивах, музеях и библиотеках, компьютерному моделированию исторических процессов, технологиям пространственного анализа, методам и технологиям работы с массовыми статистическими источниками, текстами, базами данных, информационными системами работали и секции, связанные с использованием информационных технологий в историческом образовании, в частности, обсуждались модели специализации и магистерские программы по профилю "историческая информатика".

¹ На наш взгляд, на современном этапе развития исторической информатики разработка порталов, посвященных концепциям, ресурсам, методам и технологиям исторической или, шире, гуманитарной направленности, на Западе ведется более активно, чем в России и странах СНГ. Однако в перспективе можно прогнозировать и в российском сегменте Интернета активизацию создания профессиональных общеисторических порталов на базе больших проектов с участием университетов, исследовательских институтов, архивов и библиотек, а также информационных центров для обеспечения высокого уровня информационных услуг и сервисов для широкого круга пользователей таких ресурсов.

Развитием этой тематики стал Международный научно-методический семинар, организованный АИК и кафедрой исторической информатики исторического факультета МГУ в январе 2010 г. и посвященный опыту специализации по исторической информатике, проблемам и перспективам ее развития.

Таким образом, в рамках отечественной школы исторической информатики на протяжении двух десятилетий выделяются разные этапы, связанные со сменой приоритетов развития, концепций, методов и технологий. Так, первая половина 1990-х годов связана со становлением исторической информатики в России и странах СНГ, освоением базовых информационных технологий и активным обсуждением вопросов теоретических оснований нового направления; вторая половина этого десятилетия является этапом заметного расширения методического и технологического инструментария исследований, вовлечением большого числа новых исследователей; первая половина 2000-х гг. прошла "под знаком" сетевых технологий и разработки научно-образовательных ресурсов; а "точка бифуркации" в развитии исторической информатики, как в ряде публикаций была названа середина первого десятилетия XXI века, характеризуется поворотом к историко-ориентированным подходам, методам и технологиям [22].

На всех этапах развития исторической информатики активно взаимодействуют ее информационная и аналитическая составляющие. Разработка общеисторических информационных ресурсов требует не только информационного обеспечения, но и включения исторического контекста на всех этапах создания, поиска и презентации электронных ресурсов. Историография, библиография, а также результаты конкретно-исторических исследований как вторичные источники также становятся важной составной частью профессиональных ресурсов, расширяя исторический контекст за счет нового знания.

Развитие аналитической компоненты исторической информатики стимулирует разработку общеисторических ресурсов, и, в свою очередь, получает новые импульсы со стороны "ресурсной" компоненты, предлагающей не только оцифрованные материалы источников, электронные библиотеки, но и программные средства и вычислительные ресурсы, предоставляемые новейшими информационными технологиями.

Возможности количественного анализа историографии исторической информатики

Анализ историографии АИК в данной работе проводится как традиционными, так и наукометрическими методами. В основе последних лежит представление о науке как самоорганизующейся системе, развитие которой является информационным процессом и управляется ее информационными потоками [23].

Документальным отражением развития научного направления является тематическая библиография – коллекция монографий, научных статей, отчетов и т.п. – совокупность публикаций, объединенных единой тематикой и формальной системой ссылок между ними. Основным формальным каналом научной коммуникации являются периодические и повторяющиеся издания, а единицей семантической информации – научная статья, представляющая новые научные результаты в их связи с предшествующими публикациями по аналогичной тематике [24]. Тематическая библиография с момента зарождения нового научного направления представляет собой информационный объект, развивающийся в соответствии с закономерностями процессов в мировой системе научной коммуникации.

В наукометрии, занимающейся статистическими исследованиями структуры и динамики научной информации, используются различные методы анализа научных публикаций: статистические и лингвистические методы, методы построения индексов цитирования, контент-анализа и др. Для статистического анализа чаще всего в качестве индикатора берется число публикаций (книг, статей, отчеты и т.п.), в качестве индикаторов используются также число авторов, количество и объем изданий (журналов) и др. Индексы цитирования строятся на числе цитат или ссылок (примером является SCI – индекс Гарфилда; существуют также РИНЦ – "Российский индекс научного цитирования", индекс Google Scholar). Метод контент-анализа и лингвистические методы основаны на статистическом (частотном) анализе определенных лексических единиц.

Существуют разные виды тематических библиографий: тематические обзоры в научной периодике; библиографии в первых монографиях по определенному научному направлению;

библиографии, создаваемые научными библиотеками и информационными центрами, списки трудов выдающихся ученых и полные тематические библиографии [25].

В данном исследовании используется историографическая информационная система, включающая полнотекстовую коллекцию и библиографическую базу данных публикаций по исторической информатике, выходивших в основном в периодических и повторяющихся изданиях Ассоциации "История и компьютер". Эта база данных представляет собой полную библиографию научного направления, которая дважды публиковалась (в 2000 и 2005 гг.) [26].

Применение технологий баз данных в исторических исследованиях насчитывает уже десятки работ и проанализировано в ряде обобщающих публикаций ¹. Однако работ, в которых этот подход применяется к изучению историографии с помощью создания и анализа историографических информационных систем и баз данных, пока немного [27].

При анализе базы данных изучалась динамика числа научных публикаций, числа изданий, числа авторов, числа новых авторов (т.е. опубликовавших на данный момент свою первую статью по исторической информатике). На основании информации о соавторстве исследовалось формирование научных школ ("незримых научных коллективов" ²). Контент-анализ был использован при построении индекса цитирования и частотного распределения публикаций по основным тематическим рубрикам.

Полная библиография научных трудов по исторической информатике, вышедших с 1990 по 2008 гг. включает, помимо ряда монографии и учебников, 73 выпуска периодических и

¹ Подробная библиография работ, связанных с первым этапом применения баз данных в исторических исследованиях, дана в монографии: Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. Геттинген, 1994.

² См. Евстигнеев В.А. Научометрические исследования в информатике // Новосибирская школа программирования. Переключки времен. – Новосибирск, 2004. "Незримым авторским коллективом" автор называет группу ученых, связанную отношением "быть соавтором". Такая группа может быть представлена с помощью графа, вершинами которого являются авторы, а ребра, соединяющие эти вершины, представляют количество работ, написанных в соавторстве. Поскольку известен год публикации каждой статьи, то можно рассматривать динамику формирования таких групп.

повторяющихся изданий, а также 16 сборников статей по этому направлению. Кроме того, еще в нескольких десятках научных сборников, журналов (в том числе – ведущих исторических журналов), изданий материалов научных конференций по другим направлениям исторических исследований имеются статьи по исторической информатике. Таким образом, всего учтены 3048 работ 1259 авторов.

Основу этой библиографии составляют издания 73 выпуска периодических и повторяющихся изданий по исторической информатике, выходящих под эгидой Ассоциации "История и компьютер", в которых опубликованы 2480 работ 1053 авторов. Основу этой библиографии составляют работы, опубликованные в Информационном бюллетене Ассоциации "История и компьютер" (35 выпусков), сборниках серии "Круг идей" (10 выпусков), а также в ряде тематических сборников, изданных в Москве, Барнауле, Минске, Новосибирске и Геттингене.

В круг этих публикаций вошли, очевидно, работы не только членов Ассоциации "История и компьютер", но и других авторов, которые хотя бы однажды опубликовались в сборниках, бюллетенях и других изданиях АИК. Сопоставляя список авторов публикаций со списком членов Ассоциации (из базы данных АИК), можно отметить, что число авторов значительно больше числа членов Ассоциации, однако с учетом частоты публикаций в изданиях под эгидой АИК соотношение между авторами, входящими и не входящими в Ассоциацию, меняется в пользу первых.

На рис. 1 и 2 представлена динамика числа статей и числа авторов, показывающая устойчивый рост обоих показателей. Видно также, что характер динамики несколько различается для четырех выделенных нами периодов.

Рис. 1

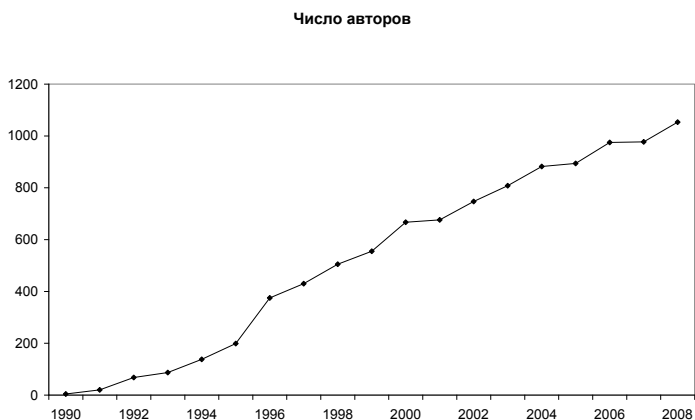

Рис. 2

Интересна статистика научной продуктивности авторов, т.е. распределение авторов по числу опубликованных статей за определенный промежуток времени. Эмпирический закон такого распределения, впервые описанный А. Лоткой и подтвержденный на большом числе информационных массивов по различным научным направлениям, выражается зависимостью вида: $N_k = N_1/k^{(\alpha+1)}$, где N_k – число авторов, опубликовавших по k статей, α – параметр распределения.

Распределение α . Лотки отражает различия в активности ученых и является одной из фундаментальных закономерностей целенаправленной деятельности научного сообщества. Значения $\alpha > 1.0$ соответствуют случаю, когда в множестве авторов преобладают группы авторов с небольшим числом статей, т.е. большая часть авторов опубликовала по одной – две статьи по данной проблематике. Значения $0 < \alpha < 1.0$ соответствуют случаю, когда большую часть статей написали наиболее продуктивные авторы. Значение $\alpha \approx 1.0$ наиболее типично и соответствует распределению публикаций в сложившихся научных сообществах (типично для различных областей естественных наук).

В данном случае получено следующее частотное распределение авторов по продуктивности: по одной публикации имеют 733 автора, по две – 207, по три – 88, по 4 – 47 и т.д. Двенадцать авторов имеют более 30 работ каждый, максимальное число работ у одного автора равно 197. Это распределение показывает, что распределение авторов по числу опубликованных работ далеко не равномерно: 5 человек ($\approx 0,5\%$ всех авторов) написали около 10% всех работ; 10 человек ($\approx 1\%$ авторов) написали около 16% работ, 20 человек ($\approx 2\%$ авторов) – 25% работ, 40 человек ($\approx 4\%$ авторов) – 35% работ, а 103 человека ($\approx 10\%$ авторов) – чуть более половины всех работ.

Имеющемуся распределению соответствует значение $\alpha = 0.49$, показывающее, что в данной научной области преобладают активные ученые. Динамика параметра α показывает, что его значение выросло с начала 1990-х годов примерно в 2,5 раза. Наиболее быстрый рост наблюдался в 1990-е годы, затем он замедлился (так, в 2000 г. $\alpha = 0,43$, в 2005 г. – 0,45).

Изучение тематики публикаций потребовало анализа содержания статей и позволил выявить следующие категории или рубрики, в соответствии с центральной темой каждой публикации:

I. Конкретно-историческая проблематика (статьи с акцентом на содержательной проблеме, которая решается с помощью количественных методов и / или информационных технологий).

II. Информационные системы и базы данных (статьи, посвященные опыту создания ИС и БД на материалах исторических источников).

III. Методы и модели (статьи, где в центре внимания – методические аспекты работы с различными видами информации исторических источников: числовой, текстовой, графической и т.д.).

IV. Информационные технологии и программное обеспечение (в центре внимания – проблемы применения информационных технологий и разработки специализированного программного обеспечения в исторических исследованиях).

V. Методология, историография и источниковедение (статьи по теоретическим и историографическим проблемам исторической информатики).

VI. Компьютерные сети и информационные ресурсы (статьи, посвященные использованию сетевых технологий в создании и использовании научно-образовательных информационных ресурсов).

VII. Технологии ГИС и мультимедиа (в центре внимания – наиболее "продвинутые" технологии, которые начали использоваться в арсенале исторической информатики с конца 1990-х гг.).

VIII. Архивы, музеи и библиотеки (статьи по проблемам информатизации архивного, музейного и библиотечного дела, использованию ИТ в решении задач сохранения историко-культурного наследия).

IX. Информационные технологии в образовании (статьи по проблемам использования ИТ в историческом образовании, а также формирования специализации по исторической информатике).

На рис. 3, 4 и 5 показаны основные модели динамики, соответствующие различным тематическим "линиям" в историографии (обозначения А, В, С, и D на горизонтальной оси соответствуют периодам 1990–1995, 1996–2000, 2001–2005, 2006–2008). Так, на рис. 3 показана динамика тематических рубрик I, VII и IX, которая характеризуется ростом доли ("веса" в общем числе публикаций) таких работ в начале изучаемого периода и снижением – в конце этого периода. На рис. 4 – противоположная по характеру динамика, отражающая долю рубрик II, IV, V и VIII, т.е. показывающая сначала падение, а затем – рост доли соответствующих работ. Характерно, что эта модель динамики демонстрирует усиление междисциплинарности исторической информатики: рубрики II и IV (влияние информационной науки) и рубрики V и VIII (влияние

исторической науки) показывают в последнее десятилетие синхронный рост.

Наконец, на рис. 5 показаны две тематические рубрики, III и IV, доля которых постоянно росла: это методы анализа, сетевые технологии и информационные ресурсы, соответствующие двум основным компонентам исторической информатики.

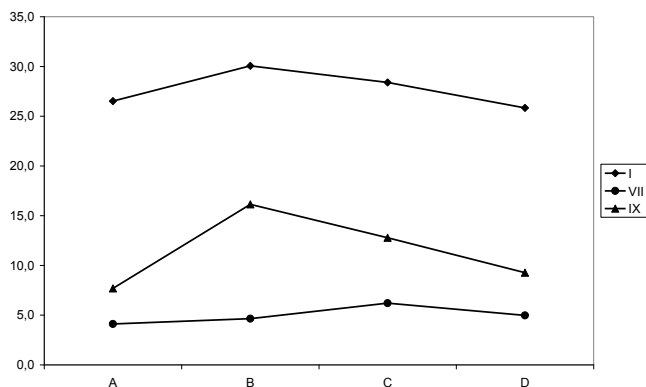

Рис. 3

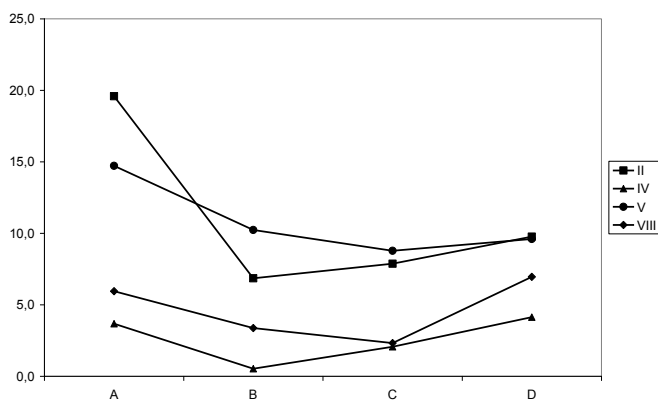

Рис. 4

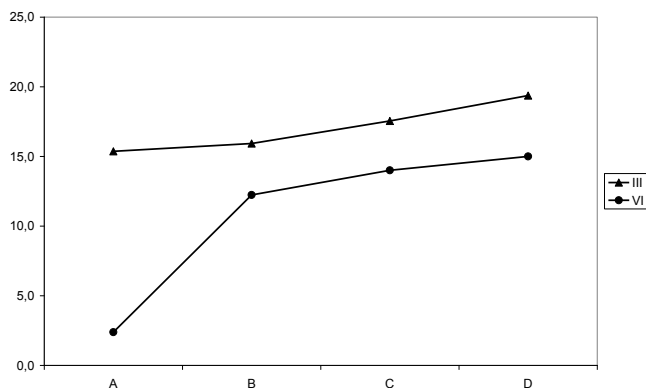

Рис. 5

В заключение приведем несколько графов¹, отражающих связи между авторами в форме "незримых научных коллективов". Эти графы строятся на основе таблиц сопряженности между авторами по количеству совместно написанных работ². По существу, эти графы показывают отдельные региональные центры и школы исторической информатики. Так, на рис. 6 показана локальная региональная сеть, в которую входят в основном сотрудники института археологии и этнографии СО РАН (42 человека). Эта сеть отличается очень высоким процентом работ в соавторстве. Центральными фигурами здесь являются Ю.П. Холюшкин и В.Т. Воронин.

Сеть, представленная на рис. 7, представляет собой результат трансформации исходной (полной) сети, включавшей всех авторов, которые имеют работы, написанные в соавторстве. Трансформация заключалась в выявлении всех замкнутых локальных групп (подобных новосибирской группе, представленной на рис. 6) и пошаговом удалении этих групп из исходного графа. В частности, четко выделяются школы, сформировавшиеся в С.-Петербурге (тематика –

¹ При построении графов использовалась программа NetDraw, позволяющая визуализировать связи, представленные в виде таблиц, задающих количество работ, написанных в соавторстве, или количество ссылок одних авторов на работы других (включая и собственные работы).

² Аналогичные графы строятся по таблицам сопряженности, содержащим сведения о количестве ссылок друг на друга для каждой пары авторов.

информационные технологии в образовании), Саранске (исследования в области исторической демографии и экономической истории России XVIII – XIX вв.); научные центры в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле и Ижевске, активно работающие с технологиями баз данных и информационных систем при изучении советской политической истории (истории репрессий), пространственного анализа и реконструкции памятников историко-культурного наследия. Еще одна научная школа в Ижевске (лидер – В.А. Баранов) известна своими исследованиями в области электронного издания древнерусских рукописных памятников в формате полнотекстовых баз данных, таких, как разработанная информационно–поисковая система "Манускрипт".

Группа исследователей из Петрозаводского университета разрабатывает методы и алгоритмы работы со средневековыми документами на основе XML-технологий; по этой тематике группа ведет совместные исследовательские проекты с Даугавпилским университетом в Латвии. Активно работает в области политической истории России XIX – начала XX вв. научный центр в Пермском университете, занимающийся созданием и анализом полнотекстовых информационных систем по таким массовым источникам, как газеты, журналы земских собраний и др.

Трехмерные реконструкции архитектурных памятников и других объектов культурного наследия, использование информационных технологий в музейном деле находятся в центре внимания группы сотрудников Сибирского федерального университета. Группы исследователей из Казахстана и Киргизии ведут многоплановую работу по внедрению методов и технологий исторической информатики в практику научных исследований в своих республиках.

Выше перечислены не все, но наиболее крупные региональные научные центры, своеобразные "точки роста" исторической информатики. Помимо них, существует значительное число мелких групп (2–5 соавторов), которые опубликовали по 1–2 работы в тематических изданиях и составляют периферию данного научного направления.

После удаления из исходного графа всех замкнутых групп, остается ядро – сеть, включающая 207 авторов. В этой сети представлены несколько наиболее крупных центров и, соответственно, школ исторической информатики (барнаульская, московская, минская,

тамбовская). Несмотря на значительное уменьшение масштаба сети, ее визуализация даже при таком числе авторов (узлов сети) весьма затруднительна, поэтому далее рассмотрены некоторые фрагменты сети.

На рис. 8 представлены две связанные между собой группы авторов из Алтайского и Тамбовского университетов. Тесные связи между ними объясняются сходством их специализации (историческая демография и социальная история) и наличием совместных научных проектов. Центральными фигурами в Барнаульской и Тамбовской подгруппах являются, соответственно, В.Н. Владимиров и В.В. Канищев.

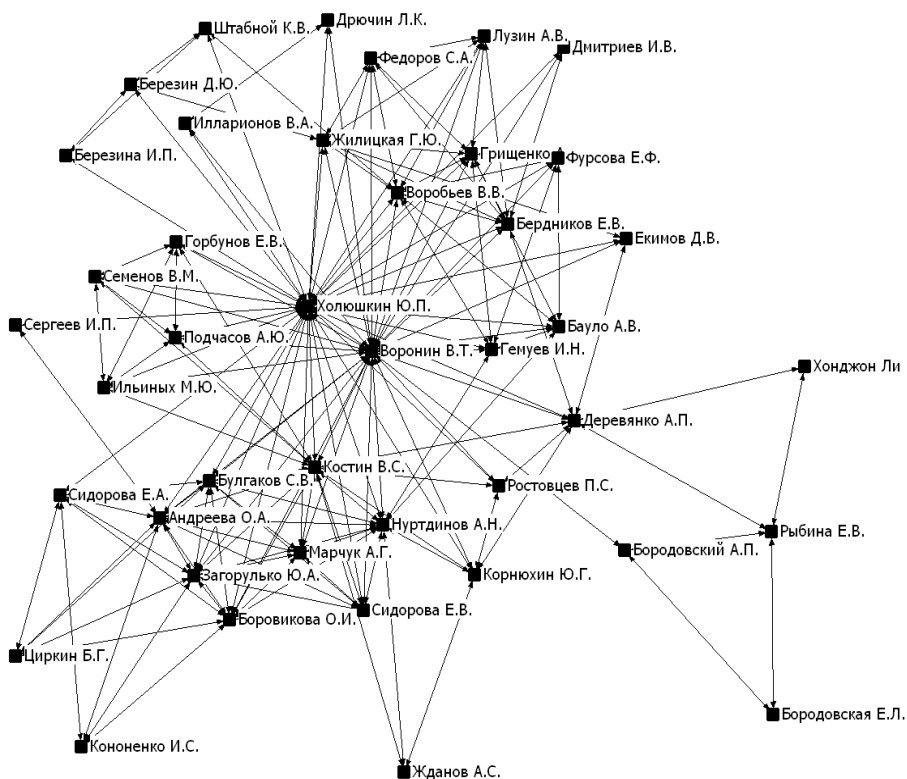

Рис. 6

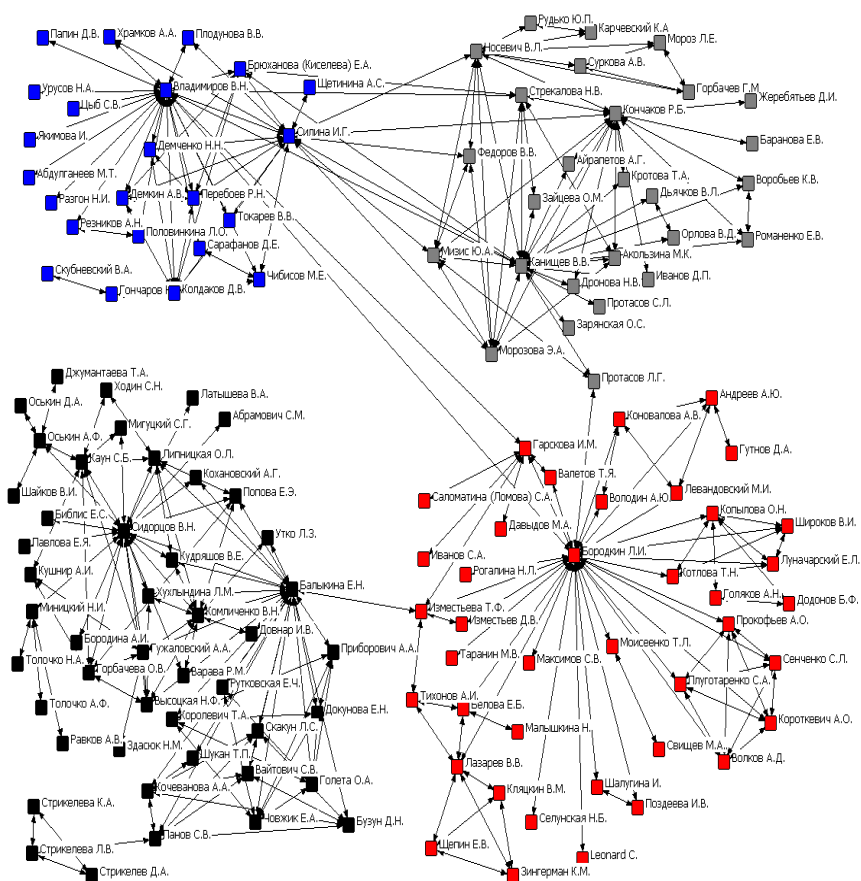

Рис. 7

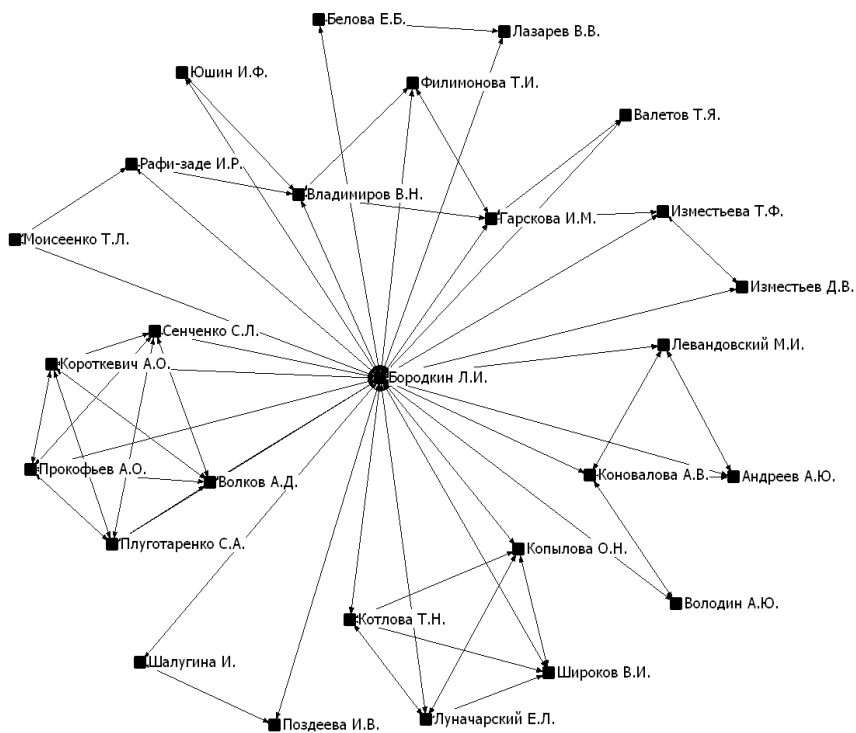

Рис. 9

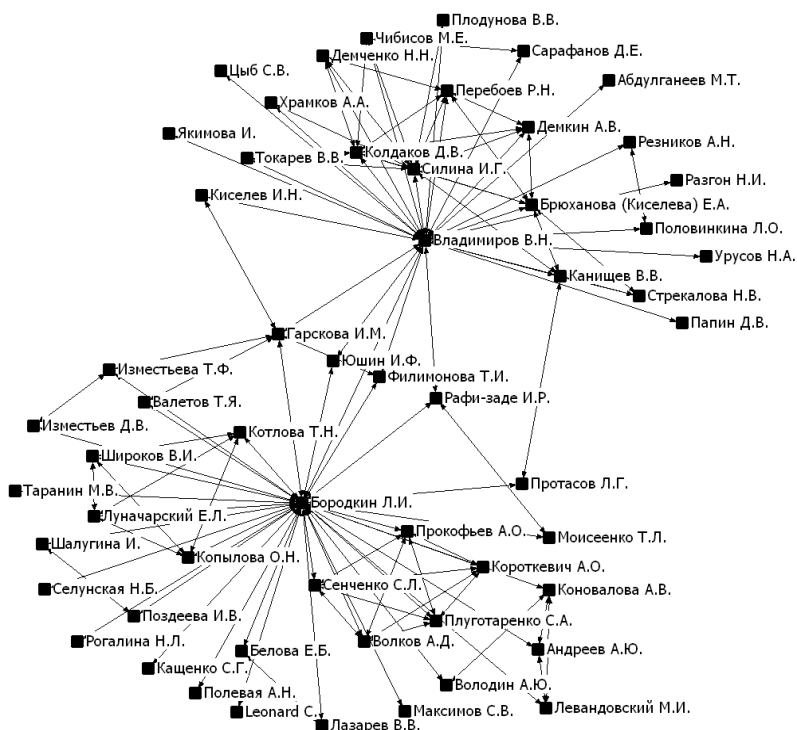

Рис. 10

На рис. 9 и 10 показана возможность построения т.н. "эго-сети", т.е. сети связей одного автора со своими соавторами, а также связей между соавторами этого автора. На рис. 9 показана сеть соавторов Л.И. Бородкина, на рис. 10 к ней добавлена сеть соавторов В.Н. Владимиров. Надо отметить, что в персональную сеть Л.И. Бородкина включены представители не только московской школы (специализация в области социально-экономической истории, технологии баз данных, количественных методов анализа и компьютерного моделирования), но также барнаульской и тамбовской, а на рис. 10 можно увидеть не только центральные фигуры каждого блока, но и тех авторов, которые связывают эти блоки между собой.

* * *

Проведенный библиометрический анализ подтверждает основные закономерности, полученные с помощью традиционного анализа историографии исторической информатики. Анализ динамики числа публикаций позволяет обосновать периодизацию развития научного направления, а изучение распределения тематики публикаций по выявленным периодам показывает специфику каждого периода в аспекте смены приоритетов в содержательной проблематике, методике и технологиях исследований, взаимодействие информационной и аналитической компонент исторической информатики.

Перспективным представляется и изучение научных связей между исследователями, работающими в русле одного направления, с помощью методов и технологий сетевого анализа. Этот подход позволяет изучать формирование как формальных, так и "виртуальных" научных коллективов: на основе сведений о соавторстве и индексов цитирования можно проследить процесс появления научных центров и школ. Такие коллективы можно представлять графически в виде подгрупп на графах научных сетей, изучать их динамику, концентрацию, центральные фигуры, вокруг которых формируются эти группы. Связывая информацию о группах с тематическими рубриками публикуемых работ, можно выявлять специфику научных интересов, сходство и различия научных течений и школ.

Таким образом, предложенная методика, основанная на сочетании традиционных и наукометрических методов исследования, представляется достаточно перспективной для анализа историографии научного направления.

-
1. Бородкин Л.И., Гарскова И.М. Историческая информатика: Учеб. пособие. – М., 1996. – С. 31.
 2. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / Изд. 2-е. – М.: Наука, 2003. – С. 310–315.
 3. Бородкин Л.И. И.Д. Ковальченко и отечественная школа квантитативной истории // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. – М.: МГУ, 1997; Он же. Квантитативная история в системе координат модернизма и

- постмодернизма // Новая и новейшая история. – 1998. – №5 и др.
4. Ковальченко И.Д. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. – М., Наука, 1969; Бессмертный Ю.Л. Некоторые вопросы применения математических методов в исследованиях советских историков // Математические методы в исторических исследованиях. – М.: Наука, 1972; Кахк Ю.Ю., Ковальченко И.Д. Методологические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях // История СССР. – 1974. – №5 и др.
 5. Бородин Л.И. Квантитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма...; Круглый стол "Методологические проблемы исторической информатики и квантитативной истории" // Новая и новейшая история. – 1997. – №3, 5; Гарскова И.М. Историческая информатика и квантитативная история: преемственность и взаимодействие // Анализ и моделирование социально-исторических процессов. – М.: КомКнига, 2006; Хвостова К.В. Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории // Новая и новейшая история. – 2007. – №3; Она же. Проблемы соотношения исторического и естественно-научного знаний // Новая и новейшая история. – 2009. – №1.
 6. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX века: Опыт количественного анализа. – М.: Наука, 1974; Ковальченко И.Д., Бородин Л.И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX – XX вв.: (Опыт многомерного количественного анализа) // История СССР. – 1979. – №1; Ковальченко И.Д., Бородин Л.И. Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX – XX вв. // История СССР. – 1981. – №1; Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. – М.: Наука, 1982; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма (источники и методы исследования). – М.: МГУ, 1988.

7. Количественные методы в гуманитарных науках. – М.: МГУ, 1981; Количественные методы в изучении истории стран Востока. Сб. ст. – М.: Наука, 1986; Количественные методы в исследованиях по истории рабочего класса и крестьянства. – Свердловск: УРО АН СССР, 1991; Количественные методы в советской и американской историографии. – М.: Наука, 1983; Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. – М.: Наука, 1975; Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. – М.: Наука, 1977; Математические методы в исторических исследованиях. – М.: Наука, 1972; Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. – М.: Наука, 1981; Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. – М.: Наука, 1989; Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. – М.: Наука, 1985; Математические методы изучения массовых источников. Сборник научных трудов. – М.: ИИ СССР АН СССР, 1989; ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях. – М.: ИРИ РАН, 1993; ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях. – М.: ИРИ РАН, 1994.
8. Ковальченко И.Д., Тишков В.А. Итоги и перспективы применения количественных методов в советской и американской историографии // Количественные методы в советской и американской историографии. – М.: Наука, 1983; Рабб Т.К. Развитие квантификации в историческом исследовании // Там же.
9. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987.
10. Гарскова И.М. Базы данных и квантитативная история // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. – М. 1997. – С. 114–116; Она же. Историческая информатика и квантитативная история... – С. 52.
11. Reinke H. Archiving Machine-Readable Historical Data: Data Services of the Center for Historical Social Research // Historical Social Research. – 1979. – Vol 4. – No.4; Austin E.W. The Historical Data Resources of the Inter-University Consortium for Political and Social Research // History and Computing. – 1979. – No. 12; Dollar Ch. Problems and Procedures for Preservation and Dissemination of Computer-Readable Data // Historical Social

- Research. The Use of Historical and Process-Produced Data. – Stuttgart, 1980; Бородкин Л.И., Ковальченко И.Д., Соколов А.К. Массовые исторические источники и проблемы создания архивов машиночитаемых данных // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. – М., 1983; Моисеенко Т.Л. Об использовании банков машиночитаемых данных по истории в новейшей; Моисеенко Т.Л. Об использовании банков машиночитаемых данных по истории в новейшей зарубежной историографии // История СССР. – 1985. – №5.
12. Databases in the Humanities and Social Sciences: Proceedings of the International Conference on Databases in the Humanities and Social Sciences. Medford. – NJ: Learned Information Inc., 1989; Doorn P. Data is Sacred, Opinion is Free. The Netherlands Historical Data Archive // Data, Computer and the Past. Cahier VGI. – 1992. – No. 5; Electronic Information Resources and Historians: European Perspectives. – Goettingen, 1993; Гарскова И.М. Некоторые тенденции и проблемы технологии баз данных в исторических исследованиях // Круг идей: развитие исторической информатики. Труды II Конференции Ассоциации "История и компьютер". – М., 1995; Гарскова И.М. Современный опыт создания банков информации в историко-социальных науках // Россия и США на рубеже XIX – XX столетий (Математические методы в исторических исследованиях). – М.: Наука, 1992.
 13. Бородкин Л.И. Историческая информатика в СССР/России: ретроспектива, состояние, перспективы // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. – Goettingen, 1993; Таллер М. Что такое "источнико-ориентированная обработка данных"; что такое "историческая информатика" // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. – Геттинген, 1993.
 14. Бородкин Л.И. Историческая информатика: этапы развития // Новая и новейшая история. – 1997. – №1; Он же. Квантитативная история на пороге XXI века: фазовый переход? // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер". – 2000. – №24; Гарскова И.М. Историческая информатика и квантитативная история....

15. Бородкин Л.И. Квантитативная история на пороге XXI века...; Гарскова И.М. *Ex libris АИК* (1992–1999 гг.) // Информационный бюллетень АИК – 2000. – №25; Она же. Библиография АИК (1999–2005 гг.) // Информационный бюллетень АИК. – 2006. – №33; Она же. Библиографический анализ развития исторической информатики в начале XXI века // Информационный бюллетень АИК. – 2006. – №34; Гарскова И.М., Иванов С.А. Библиографический анализ исторической информатики как научного направления // Информационный бюллетень АИК. – 2002. – №30; Юмашева Ю.Ю. Историческая информатика в зеркале периодического издания // Отечественная история. – 2001. – №1. Она же. Круг идей: новые издания по исторической информатике // Вопросы истории. – 1999. – №9.
16. Бородкин Л.И., Владимиров В.Н., Гарскова И.М. Новые тенденции развития исторической информатики. По материалам XV международной конференции "История и компьютер" // Новая и новейшая история. – 2003. – №1.
17. Гарскова И.М. Некоторые источниковедческие проблемы создания тематических электронных ресурсов // Проблемы методологии и источниковедения. Материалы III научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. – М.: МГУ, 2006.
18. Бородкин Л.И. Историческая информатика начала XXI века, или историки на пути в информационное общество // Технотронные архивы в современном обществе: наука, образование, наследие. Материалы научно-практической конференции. – М., 2004.
19. Бородкин Л.И. Историческая информатика в точке бифуркации: движение к Historical Information Science // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики. – М.; Барнаул, 2005. – С. 8.
20. Бородкин Л.И., Владимиров В.Н., Гарскова И.М. Указ соч.; Боброва Е.В. Анализ археографического уровня подготовки документальных публикаций в российском сегменте Интернет // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер". – 2002. – №30; Бородкин Л.И. Историко-ориентированные тематические сайты: источниковедческие аспекты разработки контента // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер". – 2006. – №34.
21. Бородкин Л.И. Приоритеты современной исторической информатики: технологии *e-Science* // Круг идей:

- междисциплинарные подходы в исторической информатике. – М.: МГУ, 2008.
22. Владимиров В.Н., Гарскова И.М. IX конференция АИК – точка бифуркации? // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер". – 2006. – №33.
 23. Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия. Изучение науки как информационного процесса. – М.: Наука, 1969.
 24. Иванов С.А. Исторические аспекты анализа полных библиографий научных документов // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер". – 2001. – №28.
 25. Иванов С.А. Статистические фракталы в информатике. – М., 2003.
 26. Гарскова И.М. Ex libris АИК // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер". – 2000. – №25; Она же. Библиография ИАК (1999–2005 гг.) // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер". – 2006. – №33.
 27. Баканов С.А. Постсоветская историография советской истории. Опыт создания базы данных по диссертационным исследованиям за 1992–2002 гг. // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер". – 2004. – №32; Шевченко Е.И. Вариант построения и анализа базы данных по историографии голодомора 1932-1933 гг. // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер". – 1996. – №17; Худобко Е.В. Николай II в отечественной историографии XX века (опыт создания и анализа библиографической базы данных) // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер". – 2004. – №32; Она же. Библиографическая база данных "Николай II в отечественной историографии XX века (книжные и журнальные публикации)" // Круг идей: Алгоритмы и технологии исторической информатики: Труды IX конференции Ассоциации "История и компьютер". – М., Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005.

Гарскова І.М. Аналіз історіографії історичної інформатики як наукового напрямку

Резюме: У статті аналізується процес формування та розвитку історичної інформатики – міждисциплінарного наукового напрямку в історичних дослідженнях – у Росії та країнах СНД наприкінці XX – на

початку ХХІ ст. Вивчення історіографії наукового напрямку дозволяє розглянути етапи його розвитку, їх теоретичні, методичні, технологічні та інституціональні аспекти, формування структури наукового співтовариства. Поряд із традиційними, у роботі застосовуються наукометричні методи кількісного аналізу повної тематичної бібліографії праць з історичної інформатики.

Ключові слова: історіографія, бібліографія, історична інформатика, міждисциплінарність, наукометрія.

Гарскова И.М. Анализ историографии исторической информатики как научного направления

Резюме: В данной статье анализируется процесс формирования и развития исторической информатики – междисциплинарного научного направления в исторических исследованиях – в России и странах СНГ в конце XX – начале XXI вв. Изучение историографии научного направления позволяет рассмотреть этапы его развития, их теоретические, методические, технологические и институциональные аспекты, формирование структуры научного сообщества. Наряду с традиционными, в работе используются наукометрические методы количественного анализа полной тематической библиографии работ по исторической информатике.

Ключевые слова: историография, библиография, историческая информатика, междисциплинарность, наукометрия.

Garskova I.M. The analysis of the historiography of historical computer science as a scientific area

Summary: The article is devoted to the analysis of the process of formation and development of historical information science – an interdisciplinary area in historical research – in Russia and the CIS countries in the end of XX – the beginning of XXI centuries. Studying of a historiography of a scientific area allows to consider periods of the development process, its theoretical, methodological, technological and institutional aspects, the structure of academic community. Along with traditional methods, we used scientometric approaches to analyse the complete thematic bibliography of historical information science.

Keywords: historiography, bibliography, historical information science, interdisciplinary, scientometric.

Т. В. ПОРТНОВА, Е. А. ЧЕРНОВ

КУНОВСКАЯ ИСТОРИЯ НАУКИ: «МИР ПРИРОДЫ», ИЛИ «МИР ИСТОРИИ»?

Предлагаемые размышления затрагивают, как нам представляется, некоторые «болевые точки» такой актуальной темы как «науковедение и история исторической науки». Однако, не рассчитывая на возможность в рамках данной статьи достигнуть цельности изложения, мы сочли уместным прибегнуть к столь популярной в современной научно-статейной литературе микроочерковой жанрово-композиционной структуре.

О возвращении долгов, или долг платежом даже историков красит

Слова, вынесенные в заголовок, могут навести на мысль, что авторы, как и другие, оказавшиеся в ситуации современного мирового кризиса (надеюсь, только финансового), находятся под таким его сильным влиянием, что оно затронуло в них и сферу научного интеллекта¹. Однако, памятуя и признавая поэтическую формулировку: «но говорим словами теми, что нам продиктовало время» [И. Эренбург], – считаем необходимым здесь отмежеваться от «современности» с финансовым кризисом и вместе с тем заявить об ощущении-осознании своей современности с более длительным кризисом, проявляющемся в дисгармонии отношений между историей исторического познания и общим науковедением, с такой его значимой составляющей частью как историография(история) науки.

¹ Представителям цеха днепропетровских историков несложно себе представить, как при определенных исследовательских подходах использование выражения «возвращение долгов» может быть с легкостью интерпретировано как проявление подсознания, в данном случае имеющего признаки не только личного, но и коллективного.

* * *

До определенного момента (70-х – начала 80-х годов XX ст.) в историографических исследованиях как в особой отрасли познания в сфере истории (по крайней мере, в формате советской исторической науки) проявлялась нечувствительность по отношению к методологическим идеям, разрабатываемым в науковедческих дисциплинарных структурах, в частности, историографии науки. Тому есть множество объяснений, лежащих на поверхности, хотя само состояние истории исторического познания указанного времени требует специального глубокого изучения. Из предполагаемого «множества» отметим влияние идеологических факторов, выполняющих в стиле мышления (не только того времени) методологическую функцию. Науковедческие интерпретации истории науки (даже выстраиваемые под флагом официозного марксизма), уже включали в себя осмысление концепций А. Койре, Р. Мертона, К. Поппера, И. Лакатоса, Т. Куна, С. Тулмина, П. Фейерабенда и др., которые на тот момент не могли быть актуально востребованы профессиональными историками и по неидеологическим соображениям. Такая «нечувствительность» может быть объяснена как неспособностью, или же неготовностью принимать и осваивать эти идеи, так и наличием значительного потенциала разноуровневых проблем, порожденных самим ходом изучения «истории истории», решение которых представлялось возможным еще на путях кумулятивистского видения логики научного познания с экстенсивным наращиванием конкретного историографического материала. И до тех пор, пока эти кумулятивистские подходы в истории исторического познания не вызывали сомнений и отвечали поставленным целям и задачам, авангардная для того времени методология, обсуждаемая в науковедческих кругах, не обладала достаточной степенью актуальности для находящихся «при деле» историографов от истории¹.

¹ Считаю уместным отметить, что ситуация, в которой в советской истории исторической науки с конца 70-х годов начинают на теоретико-методологическом уровне ставиться под сомнение концептуальные основы представлений о логике развития исторического познания как неуклонного (пусть и диалектического) процесса накопления и роста знаний, сама по себе

Граница этого «до тех пор» на теоретическом уровне начинает преодолеваться уже с 70-х годов. И конкретно-историографическим подтверждением этого преодоления является цикл теоретических статей А. М. Сахарова, в которых один из ведущих специалистов того времени в истории исторического познания уже демонстрирует готовность к восприятию современных науковедческих концепций [4], тем самым (в том числе и через авторитет своего имени) способствуя повороту советской историографии в сторону их освоения.

Таким образом, в 80-е годы, по крайней мере в советском интеллектуальном пространстве, относительно теории и методологии истории науки сложились как минимум два дисциплинарно-отраслевых дискурса¹, между которыми возникла односторонняя связь, продолжающаяся, с нашей точки зрения, по настоящее время. Подобного рода отношения на номенклатурно-бюрократическом языке ВАКовского научного социума принято определять эвфемизмом «междисциплинарные связи», за которым в данном случае демонстрируется способность и готовность историков наполнять свой теоретический багаж терминами, понятийно-категориальным аппаратом, заимствованным из разнообразных областей знания. Справедливости ради, подчеркнем, что «заимствования» историками из науковедческого арсенала теории и истории науки преимущественно не носит искусственно-наносной характер, а обусловлено уже упомянутой «конгениальностью», иначе говоря, совпадением имманентных логик развития истории естественных наук с историей исторического познания (sic!). Именно поэтому, те, кто подвизался на изучении историографии², с 80-х годов испытывали потребность полными пригоршнями черпать из науковедческой

представляется весьма показательной, и в пору ее (ситуацию) описывать как конгениальную логику развития науковедческой историографической мысли. В этой же связи напомним, что вышеуказанное сомнение способствовало и коррозии представлений о главной смысловой направленности историко-научных исследований, в частности представления о том, что они призваны отражать процесс развития науки.

¹ Первый – история науки в концептах естественных и точных наук, второй – справедливо было бы определить как социогуманитарных, но в рамках нашего видения – исторических.

² В дисциплинарных образах, сложившихся в отечественной традиции.

литературы идеи, концепции, термины etc. (как из «первоисточников», так и из «водопроводных сетей»), не отказывая себе в её удовлетворении. Но, несмотря на «совпадение логик», во «внеисторической» истории науки не прослеживается выход в пределы информационного пространства истории исторического познания (хотя бы на уровне библиографических ссылок)¹. Отсюда и звучащее инвективно определение: «односторонние связи». Однако, если даже в нем и есть доля инвективности, то у неё – два адреса: один – внутренний, к нам в узком и широком смыслах – цеху историков; второй – внешний, к ним.

Правда, «они», как уже было отмечено, «нас» не читают. Поэтому второй вектор не заслуживает внимания (тем более в контексте постановки «возвращения долгов»), а более уместно сосредоточиться на первом.

В этой односторонности, с нашей точки зрения, есть еще и глубокая внутренняя подоплёка. Мы односторонни не только потому, что не наблюдается обратной связи извне, но и возможно потому, что, за редким исключением, эксплуатируем эти интеллектуальные источники хищническим способом. По отношению к ним (источникам) мы, даже если и научились культурно брать, не ориентированы на рекультивацию. Когда речь идет о культуре «брать», то имеется в виду погружение в интеллектуальные смыслы и контексты «взятого», что для микроцеха историков исторического познания в целом представляется характерным. В то же время, относительно «рекультивации», этот же социум не формирует интеллектуальное поле, в которое могла быть втянута общая науковедческая проблематика, то есть не способствует осознанному пополнению науковедения из опыта истории исторического познания. Именно в этой связи и был поставлен вопрос о «возвращении долгов»². Долги человечеству переносятся гораздо легче и

¹ По всей видимости, такого уровня междисциплинарные связи не входят в систему ценностей в этой области знания. Исключение составляют «ренегаты», переквалифицировавшиеся в профессиональные историки или же нашедшие постоянную публикационную жилу для себя в научно-исторических изданиях.

² Сама по себе эта ситуация заслуживает особого анализа. Здесь же ограничимся только лишь намёками. Склонные к психоаналитической

соответственно менее ощутимы, нежели долги человеку с конкретным именем и фамилией, даже при отсутствии у него самосознания о наличии этого долга и юридических документов, его подтверждающих. Поэтому «возвращение долгов» приобретает особенную остроту при указании личных имен кредиторов, а не обезличенного «науковедения». Применительно к тематике, рассматриваемой нами, во всем немалом списке кредиторов на наш взгляд особенно выделяется Томас Кун, с «банковского счета» которого, функционирующего под кодом «Структура научных революций», были сняты и пущены в многократный оборот ряд ключевых категорий. Среди них, например, термин «парадигма» по частоте использования и, что особенно симптоматично, по множественности смыслов, может наверно конкурировать со словом «снег» у некоторых коренных народов Севера¹.

Долги такого масштаба в принципе в некотором смысле освобождают от возвращения, и должникам остается только лишь в лучшем случае каяться перед кредиторами.

Однако, в сценарий «возвращения» нами закладывается не реституционный смысл, а убеждение, что прошло то время, когда «они», сами того возможно не ведая, работали на «нас», и есть основание полагать, что «мы» осознанно имеем возможность-

метафорике имели бы основание считать, что здесь проявляется врожденный «комплекс неполноценности» истории как науки и историков как ученых. Те же, кто сознательно не признают дискурс истории как научный, вполне последовательно не испытывают потребности вписываться в науковедение, тем более своей «art-когнитивностью» его пополнять. Акты же потребления рассматриваются как форма тропики. И все же, главным представляется вполне комфортное пребывание в ситуации вторичности по отношению к естественным и точным наукам, что совершенно необязательно рассматривать как проявление комплексов.

¹ Здесь уместно привести казусный пример: один из авторов этой публикации в начале 90-х годов умудрился в тезисах к докладу объемом менее одной страницы 8 (!) раз употребить слово «парадигма», при этом проявив редкую «авторскую глухоту», не заметив столь высоких достижений в стилистике научных текстов. Излишним педантизмом считаем здесь библиографическую ссылку, а вот необходимым – указание на то, что это «достижение» было зафиксировано и вербально «поощрено» доцентом Н.Д. Мартыновым.

обязанность работать на «нас-их». Под этой местоименной формулой скрывается обновленное обще-интеллектуальное поле науковедения.

«Возвращение», применительно к Куну, это попытка найти для его методологии истории науки подлинную, если можно так выразиться, эпистемолого-онтологическую почву.

О разбегании галактик во вселенной познания

Признаемся откровенно, что с трудом удержались от соблазна назвать предлагаемую часть размышлений «Разделились беспощадно мы на женщин и мужчин» (А. Дольский). И хотя в этой краткой бардовской формуле содержится значительный эпиграфический смысл, вынуждены были отказаться от неё, так как осознали, что безнадежно завязнем в трясине дискуссий по поводу распределения гендерных ролей между эпистемологическими «мирами» природы и истории¹.

* * *

«Разбегание галактик...» (если продолжать оставаться в пределах предложенных метафор) есть исходная точка для последующих рассуждений, так как размежевание между областями познавательной деятельности, направленными на «мир природы» и «мир истории», есть факт, который не без удовольствия многократно обоюдно констатировался. И если еще в позитивистско-ориентированных идеологиях науки такого рода размежевание не получает полной легитимации, то иные или же разделяют их на типологических уровнях, или же на универсально-методологических, оставляя при этом под общим именем науки. Правда, в течении XX столетия неоднократно звучали призывы, суть которых кратко можно было бы свести: «К ойкуменической науке».

Антропологический поворот, охвативший в той или иной степени все основные области жизнедеятельности в системе западного ценностного мира, мог/может рассматриваться как движение в этом направлении. Но даже если бы в настоящий момент сложилась, с когнитивной точки зрения, абсолютно благоприятная возможность

¹ Дарим эту проблему коллегам, интеллектуально чутким к сквозной проблематике «инь-янь» в версии «кто кого»...

взаимных «межгалактических контактов», то на их пути оставались бы непреодолимые социальные (институциональные)¹ заторы.

Не вдаваясь в дискуссии по поводу «научности/ненаучности» исторических наук, зададимся только двумя довольно старыми вопросами: является ли история наук(и) наукой? и, в свою очередь, – история наук(и) – историей? Несложные упражнения в силлогистике дают при попытках системно отвечать на эти вопросы достаточно забавные картинки для погружающихся в указанную дискуссию². Но эвристическая ценность этих картинок для нас заключается в репрезентации через них имени «особой галактики» во «вселенной познания» – история науки/познания.

Очевидно, что с таким «астрофизическим открытием» вряд ли будет перспективным обращение в Комитет Нобелевской премии по науке, а в Комитет Нобелевской премии мира (то есть не в Стокгольм, а в Осло), кажется, есть определенные основания для претензий. И в разъяснительной записке³ было бы необходимым отметить, что речь идет не об открытии самой «галактики» под таким именем, а – ее миротворческих функций в системе «межгалактических отношений...».

И уже без иронии, и даже не без пафоса подчеркнем, что действительно история науки – та область, через которую создаются условия для равновесного науковедческого диалога между «физиками» и «лириками».

Маловероятно, что историки науки «с той галактики» с готовностью примут «ненаучный» статус. Но уже Т. Кун в

¹ Говоря о «социальном/институциональном», следует учитывать, что в них латентно (а может быть и не очень) заложены (присутствуют) в качестве структурно-влияющих факторы когнитивного, по своему происхождению, характера. В терминах М. Фуко, это можно описывать как «власть знания», в более же актуальных для данного контекста терминах Т. Куна – парадигма, особенно в интерпретациях его «Дополнения 1969 года» [1, с. 224-268]

² И все же профессиональная этика историка с ее представлениями о такте историка заставляет нас вспомнить, что приговор/поощрение (?) истории как «ненауке» связан в нашем сознании с именами таких корифеев мысли и не последними именами в истории логики как Аристотель и Декарт.

³ Пусть простят нас за возможные документоведческие неточности. Пока не имеем опыта.

саморефлексиях по поводу движения собственных интеллектуальных интересов от прагматическо-интерпретируемой истории физики к пониманию сущности логики научного познания средствами истории дает основание полагать, что подвергался в этом движении профессиональному дрейфу к философии/истории [1, с. 13–20]. И хотя нам, к сожалению, неизвестен весь корпус его историко- и теоретико-научных текстов, а также эго-материалов, связанных с его именем, но и в доступном для нас информационном поле через Томаса Куна наглядно демонстрируется сложность (межумочность) историко-научного дисциплинарного пространства. А сам Т. Кун как теоретик-историк науки и методолог историко-научного познания собственным опытом наметил пути сближения «разбегающихся галактик».

Так как отмеченная информационная ограниченность не позволяет нам с претензиями на обоснование раскрывать последний тезис психобиографическими средствами, то попытаемся аргументировать его через осмысление куновских конструкций исторической логики развития науки. Понятийно-категориальный аппарат (не только предложенный, но и примененный Т. Куном в историко-научной практике) и сконструированная им модель общего хода развития науки, с одной стороны, обладают привлекательными чертами для исследователей (в том числе, возможно, и по причинам их «высокоэкономичности»); с другой, вызывали и продолжают вызывать методологические, психологические сомнения в их адекватности объекту, смыслу и цели познания. Относительно последнего, небезынтересным представляется зависимость его определения от дисциплинарной оптики: для неисторика, изучающего историю науки, объектом является наука, а для историка – история науки. Т. Кун же, избрав для себя «историческое» как главный метод в познании логики науки, попал в дисциплинарные сети истории. В результате, он обнаружил, по собственному признанию, все большее дистанцирование между бытующими в самой социальной среде науки и разделяемыми им до этого представлениями о сущности и логики процесса научного познания, и той картиной-образом, формирующимся как результат системно-организованных историко-

научных штудий [1, с. 13]¹. Подобное различие не вызвало бы особого удивления у исследователя с профессиональной подготовкой и опытом историка, так как историк постигает множественность логик не по У. Куайну и другим. Особая логика истории раскрывается для него, как «диалектика» для В. Маяковского и его лирических героев.

В своих историко-научных построениях Т. Кун возможно как никто из негуманитариев-историков (в рамках нашей эрудиции) переоткрывает для себя сущность исторического не в утилитарно-прагматическом его толковании. Но, как нам кажется, Т. Кун «Структуры научных революций» – конструктивист в методологическом отношении, претендующий (осознанно или нет (?)) на историческую реконструкцию.

Это противоречие между методологическими парадигмами и идеалами научности, особенно характерно для сциентистски-ориентированного исторического познания в его осознанных непозитивистских ответвлениях, хотя, по всей видимости, не имеет такой остроты в естественно-научных областях знания.

Приведенные наблюдения осуществлены не с методологических позиций «куноцентризма». Их исходная методологическая позиция - вышеупомянутая «особая галактика во вселенной познания», «открытие» которой связано с поиском центростремительной силы, уравнивающей действие сил, приводящих к «разбеганию галактик». И в качестве тезисного результирующего итога этих наблюдений предлагается утверждение, что история науки а la Кун и «на входе», и «на выходе» в профессионально-дисциплинарном отношении есть не больше и не меньше, чем история.

История науки как «трамвай желания» «будущей весны эпистемологии»?!

Последовательные адепты известного постмодерного извещения о «смерти Автора» могут не без удовлетворения рассматривать

¹ Характерно, что когда Т. Кун и другие неисторики, занимающиеся историей науки, вышли на построение мета-исторических моделей её изучения, на генерализирующую историю науки, в этот же период в сфере собственно исторического познания будет наблюдаться поворот в совершенно противоположном направлении, за исключением истории исторического познания, что служит иллюстрацией на тему вышеотмеченной нами «конгениальности логик».

формулировку этого заголовка как свидетельство, что смерть Его имеет не только внешние (Читательские), причины, но и внутренние – суицидные («авторское» в данном случае демонстрирует очевидные «суицидальные» признаки – при мало-мальском сохранении «воли к жизни» после «галактической темы», не мог бы появиться «трамвай»). Но при всей случайности и кажущейся стилистической неуместности, его вторжение в текст обусловлено не действием стихии письма, вышедшей из-под Авторской власти, а в некотором смысле властью над нами метафоры, примененной в одной из публикаций Н. С. Розова [3¹], властвование которой обусловлено не её яркостью, а близостью замысла (читай, «желания»), после чего «трамвай» уже был неизбежен².

* * *

Таким образом, подходя к завершающей части размышлений (в терминах «замысел/желание») мы подходим к основной идее, которая служит для нас главным оправданием предложенной темы. При этом, вербальная формула «желание» представляется более отвечающей нашим идейным посылам, нежели – «замысел». Суть этого желания – способствовать преодолению разрывов между отдельными областями/отраслями познания/знания. Выделение слова «преодоление» служит подчеркиванию его концептуальности. Именно через преодоление, опираясь на существующие сложные и разветвленные познавательные системы, видится путь к ликвидации или же хотя бы минимизации разрывов. Но тогда с очевидностью, мыслящие в подобных категориях переоткрывают для себя универсальную роль исторического компонента в познании. История как религия, как связующее вещество...

О. Шпенглер в свойственном для него профетическом тоне, на наш взгляд, высказался, почти век тому назад, на эту тему наиболее ярко и ёмко: «Мир-как-история, понятый, увиденный, оформленный

¹ Пользуемся случаем поблагодарить профессора Анатолия Григорьевича Болебуху за информационную поддержку нашей работы.

² Но если на Н. С. Розова читатель имеет определенные основания возложить определенную долю вины, то Тенниси Уильямс только лишь жертва. И все же, «трамвай» вполне представляется уместным, как межгалактическое транспортное средство во «вселенной познания».

из своей противоположности, мира-как-природы,— вот новый аспект человеческого бытия на этой планете, выяснение которого во всем его огромном практическом и теоретическом значении осталось до сегодняшнего дня неосознанной, возможно, смутно ощущаемой, часто лишь угадываемой и никогда еще не осуществленной задачей со всеми вытекающими из нее последствиями» [5, с. 131]. Одним из неуказанных О. Шпенглером последствий есть то, что «мир-как-природа» может быть понят через «мир-как-история». Не претендуя на профетизм, тем более шпенглеровского масштаба, не беремся утверждать, что это «новый аспект человеческого бытия...», но рискуем развить собственное предположение, что наука, сущность которой пытались и пытаются постигнуть историческими средствами через историю науки, требует постижения самой истории науки как истории.

Может сложится впечатление, что в этом предположении авторы «ломаются в открытую дверь» и впору указать им, что с этим никто и не спорит ввиду отсутствия предмета спора...

И все же, если более внимательно начать вчитываться в историко-научный дискурс, то обнаруживается по этому вопросу, даже без сверх-поисковых усилий, проблемное предметное поле, проявляющееся еще с середины прошлого столетия, например, в теоретических обоснованиях и историко-научной практике Дж. Сартона с его ориентацией на историзацию (в дисциплинарном смысле) истории науки и дискуссиями с такого рода подходами. Характерно, что один из таких строгих аналитиков сартоновских подходов к истории науки как Т. Кун, критика которого носила по отношению к ним антикумулятивистскую, антиописательную направленность, не отвергал саму идею историзации (гуманизации), а только лишь — адекватность для истории науки определенного типа мышления [2, с. 141–142]. Сам же Т. Кун в своих историко-научных построениях вышел на уровень социологического, проблемного научно-исторического стиля мышления. По крайней мере, свидетельством проблемности для Т. Куна соотношения истории науки и истории является его статья «The Relations between History and

History of Science», опубликованная в 1971 г.¹ В такой проблемной постановке Т. Кун интересен нам демонстрацией, что мир истории науки для него только лишь пунктирно связан с миром истории. Объективности ради, отметим, что тем самым он вписывается в субдискурсивное поле, общее для историков науки – неисториков. Очевидно, что в этом «поле» доминирует представление о «ненаучности» истории как особой области знания. Как уже было отмечено, мы не склонны здесь вести прямую дискуссию по этому вопросу (в том числе и по причинам профессиональной скромности, не позволяющей льстить собственной профессии, что она «ненаука»), заметим только, что история науки в предметно-методологической плоскости тождественна по степени научности/ненаучности истории исторического познания. И в том, и в другом случае рассматриваются процессы, связанные с генезисом, становлением, развитием познающей мысли, направленной на различные объекты познания, с идентичными целями. Особенно эта тождественность проявляется в тех моделях историко-научного познания, которые исходят из представлений о взаимосвязанности собственно когнитивного с социокультурным в феномене науки, научной деятельности. А именно такое понимание и выводил Т. Кун в своих историко-научных изысканиях, позволивших ему претендовать на раскрытие общей логики развития науки.

Для историка исторического познания стремление оставаться в пределах «филиации чистых идей», во-первых, является с очевидностью методологической утопией, во-вторых, не воспроизводит интеллектуальную ситуацию дисциплинарно-«неисторического», что, кстати, вполне может распространяться и на имманентно-интерналистские подходы к истории науки вообще.

В завершении, считаем необходимым подчеркнуть, что, на наш взгляд, «абберация зрения» тех историков науки, которые рассматривают эту сферу познавательной деятельности как «мир природы», связана с особенностями понимания сущности исторического как прошедшего, как ставшего, а не ставшего-становящегося. На философском уровне те историки науки, которые

¹ К сожалению, оригинальный текст статьи для нас остался недоступным и представление о ней черпаем из «вторых рук» [2]

не стоят на принципиально попперианских позициях (например, Т. Кун), конечно, признают эту специфику исторического времени. Однако, сформировавшиеся в естественно-научном стиле мышления, они находятся в плену (не скажем «стереотипа») парадигмы, в которой история (признаваемая и историками как метафора прошлого), воспринимается ими по преимуществу как ушедшее. Выражаясь дидактическим языком, перед историками исторического познания и стоит задача проложить интеллектуальные коммуникации к нашим контрагентам по изучению истории познания через дисциплинарное поле науковедения, с помощью которых позволим им приобрести совместную с нами профессиональную идентичность.

1. Кун Т. Структура научных революций. – М., 2002.
2. Маркова Л.А. Наука: история и историография XIX – XX вв. – М., 1987.
3. Розов Н.С. «Осень» и будущая «весна» эпистемологии: перспективы номологического синтеза в социальных науках // <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001100/index.shtml>
4. Сахаров А.М. Методология истории и историографии. Статьи и выступления. – М., 1981.
5. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – Т. 1. – М., 1993.

Портнова Т.В., Чернов Є.А. Кунівська історія науки: «світ природи», чи «світ історії»?

Резюме: В статті обґрунтовується предметно-дисциплінарна тотожність загальної історіографії науки та історії історичного пізнання. Історія природничих наук в моделі Т. Куна інтерпретується як історична дисципліна. Стверджується назріла актуальність поповнення теоретичних конструкцій наукознавства досвідом історії історичного пізнання.

Ключові слова: наукознавство, історія науки, історія історичного пізнання, Томас Кун, «Структура наукових революцій»

Портнова Т.В., Чернов Е.А. Куновская история науки: «мир природы», или «мир истории»?

Резюме: В статье обосновывается предметно-дисциплинарная тождественность общей историографии науки и истории

исторического познания. История естественных наук в модели Т. Куна интерпретируется как историческая дисциплина. Утверждается назревшая актуальность пополнения теоретических конструкций науковедения опытом истории исторического познания.

Ключевые слова: науковедение, история науки, история исторического познания, Томас Кун, «Структура научных революций»

Portnova T.V., Chernov E.A. Kunovsky' history of science: «The world of nature», or «The world of history»?

Summary: The disciplinary identity of the general historiography of science and the history of historical studies is argued. The history of natural science in T.Kuhn's model is interpreted as the historical discipline. The importance of the replenishment of the science studies' theory with the experience of the history of historical study is stressed.

Key words: sociology of science, history of science, historiography Thomas Kuhn, «The Structure of Scientific Revolutions».

М.Ф. РУМЯНЦЕВА

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие *парадигма* уже практически в течение полувека, с момента выхода в 1962 г. знаковой работы Т. Куна «Структура научных революций» [4], является базовым при рассмотрении истории любой науки. Правда, с течением времени наметилась тенденция перехода от строгого понимания парадигмы как базовой теории к расширительному ее толкованию как в лучшем случае системы, а чаще — набора исследовательских методов, установок и прочего. Анализ трансформаций понятия *парадигма* не входит здесь в нашу задачу, отмечу лишь то, что, на мой взгляд, размывание этого понятия происходит, в первую очередь, при его применении к анализу процессов в сфере гуманитарного знания, и особенно истории.

В качестве отправной точки для дальнейших размышлений выберем анализ парадигмальной ситуации в историческом знании, проведенный О.М. Медушевской в рамках разработки концепции когнитивной истории [6]. Отмечая, что «наличие парадигмы является признаком сформировавшейся современной науки», О.М. Медушевская акцентирует внимание на специфике смены парадигм в науке истории: «Что касается истории, то здесь смена парадигм выступает как длительный процесс, проявляющий себя в целом спектре переходных состояний» [6. — С. 293, 294]. Эта мысль представляется мне чрезвычайно важной и заставляющей специально обратиться к парадигмальной структуре современного исторического знания, во многом как раз и страдающего парадигмальной неопределенностью. Эту парадигмальную неопределенность некоторые исследователи пытаются прикрыть рассуждениями о действии принципа дополнительности Н. Бора в теории исторического познания. Но ни в коей мере не покушаясь на принцип

дополнительности, все же рискну напомнить слова непопулярного ныне классика о том, что «для того, чтобы объединиться, надо сначала решительно размежеваться». Так вот: чтобы понять, как действует принцип дополнительности в методологии исторического познания, и действует ли он на парадигмальном уровне вообще, нужно эксплицировать парадигмальную структуру современного знания.

Один из аспектов такой экспликации — целеполагание в историографическом исследовании — и является предметом данной статьи. Почему целеполагание? Потому что, на мой взгляд, именно целеполагание — осознанное или неосознанное — важнейший фактор во всех явлениях и процессах истории и культуры. А обращение к сфере историографии связано с изменением функций этой отрасли исторического знания в структуре современной гуманитаристики.

История исторического знания традиционно входила в круг профессиональных интересов историков. В последнее время историографическая проблематика явно актуализируется, что связано, в том числе, и со становлением проблемного поля интеллектуальной истории в рамках процесса трансформации исторического знания при переходе от постмодерна к постпостмодерну на рубеже XX-XXI вв. Если в условиях постмодернистской раздробленности знаковую функцию выполняла микроистория, то в новой ситуации востребована история осознанного и целостного освоения человеком пространства культуры, один из значимых аспектов которого и изучает история исторического знания.

Но, на мой взгляд, дело не только и не столько в повышенном интересе историков к этой проблематике, сколько в существенной трансформации функции историографического знания в структуре знания исторического. Можно вполне согласиться с П. Нора, который еще в конце прошлого века писал, что историческая наука «вступила в свой историографический возраст» [7. – С. 23]. Пьер Нора, размышляя над актуальной проблемой исторической памяти, пишет о том, что историография «непочтительно стремится завладеть вещами, которые составляют традицию <...>, чтобы вскрыть их механизм и воссоздать как можно точнее условия их изготовления». И далее: «Это значит — заронить сомнение в самое сердце, ввести клинок критики между стволом памяти и корой истории» [7. – С. 22].

И действительно, если мы изучаем историю исторической науки не как историю постоянного «приращения» знания о прошлом человечества, а как историю создания историками, каждый из которых обладал своей неповторимой индивидуальностью и своим индивидуальным экзистенциальным опытом, трудов и концепций, отвечающих к тому же профессиональным нормативам и социальным запросам определенной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации, то мы не можем утверждать, что коллективными усилиями поколений ученых-историков мы приближаемся к «истинной» картине прошлого.

Существенную роль в размышлении о природе научного исторического знания призвана сыграть концепция «герменевтического круга», как она сформулирована Г.-Г. Гадамером [1]. Поскольку критерием «правильности понимания» служит «взаимосогласие отдельного и целого», постольку постоянное изменение исторического «целого» неизбежно ведет к постоянному же переосмыслению его исторических «частей», что, в свою очередь, задает надежный критерий, в числе прочих, для осмысления историографического опыта. Примечательно, что тонкий интерпретатор концепции Г.-Г. Гадамера П. Хаттон, размышляя о роли традиции / предвзятости в восприятии прошлого, заметил: «Исследование Гадамера знаменует собой переход современных философов от исторических проблем к проблемам историографии» [10. – С. 380].

Очевидна принципиально разная парадигмальность двух обозначенных выше подходов. С тем, чтобы четче очертить поле дальнейшего исследования, обратимся еще раз к размышлениям О.М. Медушевской о специфике парадигмальности современного исторического знания: «Профессиональное сообщество историков находится в ситуации смены парадигм <...> По отношению к философии исторического познания следует говорить не столько о смене, сколько о сосуществовании и противоборстве двух взаимоисключающих парадигм. Одна из них, неотделимая от массового повседневного исторического сознания, опирается на многовековую традицию и в новейшее время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания, исключаящего перспективу поиска закономерности и видящего

организующий момент такого знания лишь в ценностном выборе историка <...> Другая парадигма истории как строгой науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания, не общепризнанна и представлена исключениями» [6. – С. 15-16]. Согласившись с О.М. Медушевской, акцентируем внимание на том, что речь идет не о привычном нам соотношении научного / профессионального знания и массового / обыденного исторического сознания. Речь идет о сосуществовании двух принципиально разных парадигм внутри актуального исторического знания. По-видимому, и целеполагание историографического исследования в каждой из этих парадигм будет различаться.

Но начать анализ целеполагания историографического исследования в разных парадигмах придется все-таки с неоднократно проводимого мной в контексте исследований истории исторического знания и его современного состояния терминологического различия между понятиями *современный* и *актуальный*. Если обе описанные О.М. Медушевской парадигмы можно, на мой взгляд, признать *актуальными*, т.е. отвечающими, хотя и по-разному, потребностям современного социума, то в понятие *современного* входит не только здесь и сейчас актуальное, но и просто существующее в нашей современности, хотя уже мало удовлетворяющее современные потребности, или совсем не удовлетворяющее их историческое знание.

В современном историческом знании явно сохраняют свои позиции, а иногда и стремятся их расширить (в качестве примера достаточно привести методологический уровень многих «дискуссий» в прессе в связи с созданием в мае 2009 г. Комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России) так называемые «позитивистские» подходы, которые историки, вопреки эпистемологии собственно позитивизма, сводят обычно к накоплению достоверных, то есть полученных путем так называемой *критики* исторических источников, фактов [См. напр.: 3. – С. 122-123], из которых, предположительно, можно будет получить «достоверную» же картину истории.

Такой подход полностью соответствует явно устаревшему представлению о кумулятивном характере знания, когда предполагается, что знание развивается путем накопления от менее

точного к более точному, и от менее полного к более полному. В самом конце XIX в. Э. Дюркгейм дал весьма емкое описание такого способа познавательных действий, правда, применительно к социологии, но, на мой взгляд, это описание носит универсальный характер: «Вместо того чтобы предаваться метафизическим размышлениям по поводу социальных явлений, социолог должен взять объектом своих изысканий ясно очерченные группы фактов <...> Если при таком методе работы можно чего-либо опасаться, так это только того, что при всей добросовестности социолога данные, добытые социологом, не будут исчерпывать изученного им материала <...> Но не надо, конечно, придавать этому преувеличенного значения. Раз социолог пойдет указанным нами путем, то даже в том случае, если фактический инвентарь его будет не полон, а формулы слишком узки, работа его будет, бесспорно, полезна — и будущее поколение продолжит ее <...> Благодаря этому в научной работе создается возможность известной преемственности, а в этой непрерывности лежит залог прогресса» [2. – С.4-5].

Заметим, что Э. Дюркгейм не только весьма точно описал кумулятивный механизм, но и отчасти вскрыл причину устойчивости этого, как минимум полвека тому назад — со времени публикации упомянутой выше работы Т. Куна «Структура научных революций» — устаревшего, подхода. Продолжив размышления о причинах, заметим, что, по-видимому, историку приятно думать, что если он добыл «новое знание», т.е. «ввел в научный оборот» ранее не известный документ, либо «установил новый факт», то он тем самым «прирастил» научное знание. Еще в середине XX в. А. Тойнби критиковал такой подход как наследие духа индустриализма XIX в.: «Индустриализация исторического мышления зашла столь далеко, что в некоторых своих проявлениях стала достигать патологических форм гипертрофии индустриального духа. Широко известно, что те индивиды и коллективы, усилия которых полностью сосредоточены на превращении сырья в свет, тепло, движение и различные предметы потребления, склонны думать, что открытие и эксплуатация природных ресурсов — деятельность, ценная сама по себе, независимо от того, насколько ценны для человечества результаты этих процессов» [9. – С. 16]. И действительно: так же, как шахтеры в недавние времена требовали, чтобы не закрывали шахты, потому что

работа по добыче угля значима сама по себе, вне зависимости от современной потребности в этом виде топлива, так и историк занят добычей исторических фактов, независимо от потребности исторической науки в таком их обилии.

Такому способу мышления обычно соответствует стереотипная формулировка новизны исторического исследования: «новизна исследования состоит в том, что автор восполнил пробелы / заполнил лакуны...». А также — определенное целеполагание исследования историографического.

Кроме имманентного убеждения в кумулятивном характере знания, дискурс «восполнения пробелов» выдает также характер мировоззрения, типологически соответствующий новому времени и эксплицированный в нововременной философии от Бэкона и Декарта до Гегеля. Очевидно, что подобный дискурс свидетельствует о представлении об инвариантности, неизменности так называемой исторической реальности. В этом случае задача историка — собрать как можно больше фактов, которые позволят ликвидировать «пробелы» в наших знаниях о прошлом и создать историю «без белых пятен».

При выяснении целеполагания историографического исследования в рамках так называемой **позитивистской парадигмы** можно получить «ученический» ответ: надо изучать историографию для того, чтобы не повторять уже сделанную работу... Естественно, что при таком подходе мы получим так называемую *проблемную историографию*, то есть историю изучения отдельных тем и проблем.

Но вряд ли, — если воспользоваться приемом «доведения до абсурда», — кто-нибудь всерьез полагает, что если он не проштудирует труд С.Ф. Платонова о Смуте, то, обратившись к этой проблематике в новых условиях, воспроизведет концепцию предшественника, хотя бы в основных ее чертах... Второй, аналогичный, но более логичный, вариант ответа: для того, чтобы выявить достигнутый уровень изучения определенной проблемы, с тем, чтобы можно было продолжить исследование как бы с того момента, на котором остановилась предшествующая историография. Если этот вариант дополняется еще и рассуждениями о том, почему, пребывая в иных социокультурных ситуациях, предшественники не акцентировали внимание на тех аспектах проблемы, которые должен

изучить современный исследователь, то, на мой взгляд, такой ответ можно признать приближающимся к профессиональным требованиям современной исторической науки, а именно той ее части, которая существует в рамках нарративистской логики.

Более современный вариант ответа на вопрос о целеполагании историографического исследования мы можем получить в *нарративистской парадигме*. В его основе — признание необходимости переосмысления истории в связи с изменением социокультурной ситуации, хотя бы потому, что историческое целое с течением времени меняется, а концепция «герменевтического круга» предполагает осмысливать часть, которой является любое историческое событие и любой исторический период по отношению к мировому целому, во взаимодействии с меняющимся целым. В этом случае анализ историографии предполагает выяснение не того, что не сделали предшественники, а того, что — и главное — почему так, а не иначе они сделали. При таком подходе, по преимуществу, задействуется механизм сравнения, а не дополнения: современный исследователь нацелен не на восполнение пробелов, а на сопоставление своего подхода с подходами предшественников.

В рамках *феноменологической парадигмы* цель историографического исследования этим не исчерпывается. Не углубляясь в философский контекст рубежа XIX-XX вв., когда зародился феноменологический подход, когда формируется усилиями А.С. Лаппо-Данилевского феноменологическая источниковедческая парадигма исторического познания, отмечу лишь, что в это время приходит осознание того, что познавательный процесс осуществляется не в «чистом разуме» (И. Кант), не каким-то абстрактным «субъектом познания», а человеком, обладающим «историческим разумом» (В. Дильтей) и личным экзистенциальным опытом. Обратим внимание также на то, что в структуре философии в этот период на первый план выдвигается психология, которая именно тогда выделяется из философии в самостоятельную науку.

Философы и методологи этого периода в разных вариантах подчеркивают одну и ту же мысль: научное познание — продолжение обыденного мышления, оно в сознании познающего субъекта не отделено «китайской стеной» от опыта обыденного восприятия.

Г. Риккерт предваряет обоснование деления наук на номотетические и идиографические следующим наблюдением: «Что существуют два принципиально различных вида понимания действительности, это, пожалуй, лучше всего можно видеть на примере тех донаучных знаний, которые мы составляем себе о той или иной части окружающего нас мира. Ошибочно было бы утверждать, что знания эти являются отображением действительности такой, какова она есть на самом деле. Еще до того, как наука приступает к своей работе, уже повсюду находит она само собой возникшее до нее образование понятий, а продукты этого донаучного образования понятий, а не свободная от всякого понимания действительность являются собственно материалом науки» [8. – С. 140]. А.С. Лаппо-Данилевский формулирует мысль более сложно, но не менее точно: «При выяснении понятия об объекте исторического познания я буду исходить из представления о действительности, содержание которого каждый из нас строит из эмпирических данных. В том случае, когда я высказываю ассерторическое экзистенциальное суждение о построенном мною из таких данных содержании моего представления, я и рассуждаю о действительности <...> поскольку я испытываю свое представление, я, конечно, всегда имею основание утверждать его существование в моем познании. Но отсюда до утверждения действительного существования того, что именно я себе представляю, т.е. до утверждения действительного существования содержания моего представления еще далеко: лишь обоснование такого утверждения ведет к правильному пониманию о действительности» [5. – С. 294]. И далее: «Следовательно, мое знание о действительности есть прежде всего обоснованное экзистенциальное суждение о содержании моего представления, т.е. о том именно, что в нем содержится» [5. –С. 295].

Таким образом, анализ историографии при таком подходе позволяет провести деконструкцию современных представлений об историческом процессе в целом и об отдельных его составляющих и тем самым провести «феноменологическую редукцию», если рассуждать в понятиях философии Э. Гуссерля.

Таково, на мой взгляд, различие целеполагания историографического исследования в трех разных парадигмах, сосуществующих в современном историческом знании.

1. Гадамер Г.-Г. О круге понимания // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991. – С. 72-82.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. – М., 1994.
3. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М., 1980.
4. Кун Т. Структура научных революций. – М., 2002..
5. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. 1-2.
6. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. – М., 2008.
7. Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Франция-память/ П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб., 1999.
8. Риккерт Г. Философия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М., 1998.
9. Тойнби А. Постигание истории. – М., 1991.
10. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. – СПб., 2003.

Румянцева М.Ф. Парадигмальні механізми сучасного історіографічного дослідження

Резюме: Предмет статті – парадигмальна різниця методів історіографічних досліджень у сучасній пізнавальній ситуації. Розглядається визначення мети історіографічного дослідження в позитивізмі, у межах наративістської логіки, яка пов'язана із неокантіанством, та у парадигмі когнітивної історії, яка теоретично була оформлена О.М. Медушевською.

Ключові слова: парадигма, історіографічне дослідження, наративістська логіка, неокантіанство. Когнітивна історія.

Румянцева М.Ф. Парадигмальные механизмы современного историографического исследования

Резюме: Предмет статьи – парадигмальные различия методов историографических исследований в современной познавательной ситуации. Рассматривается целеполагание историографического исследования в позитивизме, в восходящей к неокантианству наративистской логике и в парадигме когнитивной истории, теоретически оформленной О.М. Медушевской.

Ключевые слова: парадигма, историографическое исследование, позитивизм, нарративистская логика, неокантианство, когнитивная история.

Roumiantseva Marina F. About paradigms of actual historiographical studies

Summary: The subject of this article is the difference of the methods of historiographical studies at the actual cognitive situation. It is described the three methods – the method of positivizm, the narrative method of neo-kantianism and the method of the cognitive history, formalized by O.M. Medushevskaya

Keywords: paradigm, historiographical study, method of positivizm, narrative method, neo-kantianism, cognitive history.

Розділ III

Історія історії

О. М. БОГДАШИНА

СОЦІОКУЛЬТУРНІ ФАКТОРИ РОЗВИТКУ ІСТОРИЧНОЇ НАУКИ НА УКРАЇНСЬКИХ ЗЕМЛЯХ У ДРУГІЙ ПОЛОВИНІ ХІХ – НА ПОЧАТКУ ХХ СТ.

Сучасними дослідниками неодноразово пікреслювалася важливість соціокультурних факторів розвитку історичної науки, але зроблено у цьому напрямку не так багато [15, 19-21, 5-7]. Ряд аспектів цієї проблеми залишається поза увагою науковців. Завдання цієї розвідки полягає у вивченні малодосліджених соціокультурних чинників історіографічного процесу на українських землях у другій половині ХІХ – на початку ХХ ст.

Суспільні та культурно-наукові традиції справили досить великий вплив на сприйняття ідей позитивізму більшістю науковців досліджуваного періоду. Інтелігенція намагалася знайти у позитивізмі відповідь на нагальні проблеми суспільного розвитку. Об'єктивно соціологічні ідеї приводили читачів до висновків, які теоретично обґрунтовували необхідність реформ [23, с. 182]. Дослідження далекого минулого ставало актуальним та затребуваним пореформорменими реаліями¹. Випускник Харківського університету М.М.Ковалевський підкреслював великий інтерес студентської молоді 60 – 70-х років ХІХ ст. до соціологічних проблем: «Ми...цікавилися виключно суспільними питаннями, не виходячи при цьому... із середовища чистої теорії» [17, с. 66]. Серед проблем історичної та інших суспільних наук, важливість яких збільшувалася завдяки

¹ Так, М.І.Кареев у спогадах окремо наголосив на зв'язку між політичною ситуацією у Росії та творчістю М.М.Ковалевського: «Було б неправильно думати, що і насправді він був об'єктивістом найчистішої води...Сам вибір їм питань, якими він особливо багато займався, показує, що їм керувала не одна вчена задавленість..., а спонукав ним також інтерес до суспільного життя, що відбувалося навкруги нас. Ковалевський був істориком-політиком, якщо під політиком розуміти бажання до впливу на суспільне життя в ім'я певних ідеалів» [14, с. 173].

реаліям пореформеної дійсності, були еволюційна теорія, концепція безупинного лінійного прогресу, марксова теорія чинників суспільного розвитку, проблема нових форм державного управління та інші. На думку учня І.В.Лучицького Д.М.Петрушевського суспільні ідеї у таких умовах обов'язково мали набувати громадського звучання: «юридична, політична та будь-яка інша суспільна ідея лише в тих випадках може опинитися реальною суспільною силою, коли вона є живою формулою чи символом фактичних відносин, що вже склалися в тій чи іншій мірі; у протилежному випадку вона представляє собою мертвий капітал книжної вченості» [29, с. 97-98].

У 1860-х – 1890-х роках ідеї позитивізму сприймалися як останнє слово науки і стали «символом віри» для освічених кіл суспільства. Проте процес сприйняття та поширення позитивізму в історичній науці не був однолінійним та однозначним. Спостерігається існування старих наукових традицій романтизму та гегельянства, а також наявність антипозитивістської течії у самій історичній науці як у 1860 – 1880-тих роках, так і у більш пізні часи. В університетах, а особливо у духовних академіях, працювало чимало професурів з іншими поглядами на історичний процес. Викладачі духовних академій та богословських кафедр класичних університетів, які вважали себе «хранителями...чистоти християнської істини» [28, с. 141], перш за все, стали тим організованим форпостом боротьби проти «крамольних», на їх думку, соціологічних ідей.

У вузівських містах України (Київ, Харків, Ніжин, Одеса, Львів, Чернівці) проживала переважна більшість науковців досліджуваного часу. Саме у конкретному міському соціально-культурному просторі (з університетами, науковими товариствами, видавництвами, архівами, музеями), головним чином у середовищі, насамперед університетської, інтелігенції відбувалося становлення позитивістської історіографії.

Соціально-культурний простір був окреслений адміністративними рамками та державними кордонами і надавав певну географічну цілісність науковим співтовариствам. На західноукраїнських землях серед головних польських наукових інституцій слід назвати університет імені Франца І (у 1918 – 1939 роках імені Яна-Казімежа) та Історичне товариство у Львові, серед українських – Ставропігійський інститут та Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. Окрім того, з 1875 р. розпочав роботу

австрійський (після 1918 року – румунський) Чернівецький університет, в якому українські історики-викладачі становили малий відсоток. У підросійській Україні діяли російськомовні Київський університет св. Володимира та Історичне товариство Нестор-літописця при ньому, а також Харківський і Новоросійський університети, Ніжинський історико-філологічний інститут та історико-філологічні товариства при них. У всіх цих установах працювали представники різних течій національних історіографій.

Зауважимо, що університетські викладачі були чиновниками Російської чи Австро-Угорської імперій, вже це визначало межі їх творчої діяльності. У Російській імперії у зв'язку з відомими заборонами публічного використання української мови та у дружі до 1905 року переважна більшість праць істориків підросійської України була написана та надрукована російською. Для частини російських та польських вчених українських земель була неприйнятною певна тематика з історії України¹, в тому числі через неписані корпоративні правила імператорських університетських колективів в обох імперіях. С.О.Єфремов так оцінював політику російського уряду і відповідно університетських корпорацій у поширенні українознавчих знань: «університети в Україні просто гребували наукою про рідний край, справляючи ту саму місію, якій все слугувало в централізованій Росії» [12, с. 4]. Подібна ситуація спостерігалася, наприклад, й у підавстрійській Буковині. Як згадував О.Г.Барвінський, Черновецький університет та інші «наукові інституції... не могли виховати свідомої української інтелігенції, що полюбила би свій край і народ, і подбала про його культурний розвиток» [4, с. 107]. Науковці активно друкувалися у столичних часописах та видавництвах, разом працювали у різних загальноімперських наукових та навчальних інституціях, брали участь у різних наукових заходах (археологічні

¹ З цього приводу М.С.Грушевський так характеризував історіографічну ситуацію кінця XIX – початку XX ст.: «Сучасні польські учені трактують Україну-Русь, Білорусь, Литву як домени польської науки, що ех офіціо мусять входити в круг польських досліджень, так само як учені всеросійського напрямку втягують тіж самі предмети в круг російської науки, як її інтегральні складники» [9, с. 16].

з'їзди у Росії, з'їзди польських істориків в Австро-Угорщині¹, з 1900 року міжнародні конгреси істориків [32; 36]). Значна частина науковців українського походження Галичини, Волині, Буковини, Закарпаття здобули польсько-австрійську освіту, а близько половини істориків підросійської України – в університетах поза її межами (головним чином у Санкт-Петербурзькому та Московському).

Багатонаціональне соціокультурне середовище Східної Галичини сприяло тому, що не лише у польській суспільній думці була популярною теорія «органічної праці». Так, В.Панейко, висловлюючи загальний настрій західноукраїнської інтелігенції, закликав до «щоденної, дрібної, органічної праці», яка має стати основою стабільного поступу Галичини, зокрема національної культурної традиції [27, с. 448].

Польські позитивісти розробляли основи соціальної (національної за формою) педагогіки [25, с. 41; 42, с. 408-409, 523], публічно пропагували рівні умови виховання та освіти для всіх, найбільш послідовно дотримувалися принципу необхідності освіти (зокрема вищої) для всіх станів та обох статей [10, с. 103]. По-новому польські публіцисти та громадські діячі підходили і до жіночого питання, підтримуючи Дж.Ст.Мілля щодо розширення участі жінок у суспільному житті [40, с. 190].

Науковці-позитивісти підросійської України також визнавали важливість жіночої освіти та підтримували ідею рівноправності жінок та чоловіків. Так, історики-позитивісти В.С.Іконніков і Ф.Я.Фортинський брали активну участь у створенні та роботі Вищих жіночих курсів у Києві, Д.І.Багалій – у Харкові [16, с. 31; 7, с. 97]. Активна участь В.Б.Антоновича, Д.І.Багалія, В.С.Іконнікова та інших представників ліберальної професури у становленні та функціонуванні вищої жіночої освіти є також цілком прогнозованим видом їх діяльності. Загальновідома велика роль університетської професури українських земель у створенні та роботі товариств грамотності, громадських бібліотек, архівів та музеїв.

¹ Зі 153 учасників другого з'їзду польських істориків у Львові 76 були зі Східної Галичини. У роботі брали участь й українські історики: І.Я.Франко та І.І.Шараневич [44, с. I-VIII].

Характерною ознакою інтелектуальної поведінки переважної більшості науковців-позитивістів того часу була активна участь у суспільно-політичному русі («Київська» та інші громади, «Кіш», «Просвіта» та різні культурницькі організації, земства, міські думи, центристські та ліві партії тощо).

Введена Статутом 1863 року широка університетська автономія та відновлення закордонних наукових стажувань сприяли більш відкритій пропаганді ідей позитивізму, українофільства та лібералізму серед студентства. Перспективні випускники університетів направлялися Міністерством народної освіти Російської імперії (серед них П.М.Ардашев, О.Г.Брікнер, М.Ф.Владимирський-Буданов, М.П.Драгоманов, М.І.Зібер, М.М.Ковалевський, І.В.Лучицький, В.К.Піскорський, Ф.Я.Фортинський та ін.) на стажування до європейських університетів (як правило – Німеччини та Франції) [30, с. 280-294; 34-35; 26, с. 28]. Це сприяло встановленню плідних творчих зв'язків. Так, під час тривалого перебування М.М.Ковалевського за кордоном вчений подружився з багатьма відомими мислителями, в т.ч. К.Марксом (навіть називав себе його учнем [17, с. 67]), Ф.Енгельсом, Г.Спенсером, Е.Дюркгеймом, В.С.Соловйовим, М.І.Карєєвим, В.О.Ключевським, І.І.Мечніковим, П.М.Мілюковим, С.А.Муромцевим, К.А.Тімірязєвим, П.Б.Струве [11, с. 377], що сприяло його зростанню, як науковця. Крім того, таке широке коло наукових контактів М.М.Ковалевського зумовлювало енциклопедичність та глибину його праць.

Соціологія почала викладатися як необов'язковий спецкурс лише в трьох містах Російської імперії (університет та Політехнічний інститут у Санкт-Петербурзі, Харківський та Варшавський університети) на початку XX ст. [33, с. 22]. Раніше позитивістські ідеї пропагувалися на приватних курсах з методології історії, антропології, історіографії та історії політико-економічних учень. Так, І.В.Лучицький першим з учених Росії у 1877 р. прочитав вдома курс про О.Конта та Г.Спенсера студентам Київського університету [29, с. 181]. Соціологія майже не була представлена спеціалізованими науковими організаціями. І лише за кордоном групі науковців з Російської імперії на чолі з І.І.Мечніковим та М.М.Ковалевським вдалося у Парижі створити інституцію, в якій викладалася соціологія, – Руську вищу школу суспільних наук [18, с. 57-62].

В Австрії, зокрема у Львівському університеті, становище з викладанням нової дисципліни було кращим. У Львівському університеті соціологія викладалася як окремий великий курс (В.Пілат, В.Ласота) [45]. Невеличкий спецкурс з методології історії Я.Пташнік [3, грс. № 7337/1], а також приватні лекції з методології історії Т.Войцеховського [47] містили розгорнуту характеристику соціологічних ідей.

Для другої половини ХІХ – початку ХХ ст.. характерно зростання кількості соціологічних публікацій російських, українських та польських авторів. Поява значної кількості перекладів, оглядів, рецензій, два щорічника С.І.Гальперіна, збірки статей за редакцією М.М.Ковалевського «Новые идеи в социологии» сприяла утвердженню статусу соціології як метанауки і серед науковців, й у суспільній свідомості. На сторінках різноманітних наукових (видань університетів та наукових товариств) та науково-популярних часописів розгорнулася гостра полеміка між прихильниками та противниками позитивізму. Публіцисти та науковці демонстрували широкий діапазон оцінок позитивістської доктрини – від повної та огульної критики до сильного вихваляння. Особливою рисою досліджуваного періоду є значний вплив на розвиток гуманітарних наук публіцистики та прогресивної літератури [37, с. 35-36; 48, s. 136-137]. Вона пропагувала думку про високе суспільне призначення історії та істориків, критикувала офіційну історіографію [23, с. 182]. Аналіз різних соціальних проблем, пропаганда нових ідей ліберальною та демократичною пресою безумовно сприяли формуванню позитивістського світогляду. Поява нових книг та нових номерів прогресивних суспільно-політичних часописів¹ швидко ставала надбанням освічених кіл суспільства. В.П.Бузескул згадував про час своєї студентської молоді 1870-х років, коли студенти Харківського університету «вважали обов'язковим прочитати Бокля,

¹ Самі редакції часописів часом займалися поширенням новітньої літератури. Так, керівництво журналу «Przegląd Tygodniowy» у своїй типографії видавало книги Дж.Ст.Мілля, Г.Спенсера, Ч.Дарвіна та інших авторів. При цьому редакція пропонувала передплатникам журналу ці книги за зниженою ціною. Див., наприклад, оголошення редакції, в якому пропонувалася книга Ч.Дарвіна «Pochodzenie szlōwieka i dobōr p̓ciowy» за 5 рос. рублів (та за пересилку 50 коп.), а не за встановлену ціну 7 рос. рублів [46, s. 1].

Д.Мілля, Спенсера» [8, с. 13]. Польськомовна література пропагувала ідеї позитивізму та дарвінізму, а також матеріалізму у бюхнеровській трактовці. У 1860-х рр. у Львові були надруковані у польському перекладі твори: «Historya cywilizacyi w Anglii» («Історія цивілізації в Англії») Г.Т.Бокля, «O wolności» («Про свободу») та «Utilitariazm» («Утилітаризм») Дж.Ст.Мілля, «Siła i materija» («Матерія і сила») Л.Бюхнера. Г.Шмидт у листі до К.Лібельта зі Львова від 9 лютого 1871 року писав про прочитання праць Г.Т.Бокля, Ч.Дарвіна, Я.Мошотта, К.Фохта, Л.Бюхнера [2, rkps. № 6004/II, к. 210]. Характерним для кінця 1860-х років є зізнання перекладача та видавця Л.Мікульського, який у передмові до книги Л.Бюхнера писав про мету видання: «якщо ця книга зуміла хоч би невелику кількість членів польського суспільства вирвати з країни заспокоєння та мрій і встати під прапор справжньої позитивної філософії» [43, s. VIII]. Водночас високу оцінку здобуває еволюційна теорія Ч.Дарвіна серед українських публіцистів Галичини (окрім І.Франка позитивно оцінював дарвінізм, наприклад, І.Раковський [31, с. 140]).

Фактично кількість опублікованих (російськомовних та польськомовних) перекладів праць Г.Спенсера та Дж.Ст.Мілля була більшою, ніж перекладів праць О.Конта. На наше переконання ідеї Г.Спенсера, Дж.Ст.Мілля, Г.Т.Бокля сприймалися науковцями та читаючою публікою, як правило, краще, ніж О.Конта, бо останні на час їх поширення в обох імперіях сприймалися, як вже дещо застарілі. Складний текст «Курсу» О.Конта був переобтяжений математичними та біологічними прикладами. Окрім того, у Російській імперії заборонявся друк (до 1897 р.) праць О.Конта. Попри цензурні обмеження, праці О.Конта навіть потрапляли до бібліотек (так, студент другого курсу історико-філологічного факультету Київського університету І.В.Лучицький у 1863 р. випадково знайшов «Cours de philosophie positive» О.Конта в університетській бібліотеці [39, с. 48]). Характерно, що молоді поляки Російської імперії частіше читали праці Г.Спенсера, Дж.Ст. Мілля та інших позитивістів у російському, ніж у польському перекладі, а тим більше в оригіналі [41, s. 110].

Історики-позитивісти України були добре ознайомлені з новою соціологічною літературою як у перекладі, так і в оригіналі¹. Разом з об'єктивними (цензурними) обставинами швидкість поширення ідей вищеназваних науковців була нерівномірною в історичній науці України. До 1881 року був заборонений ввіз до Російської імперії французького соціологічного журналу «La philosophie positive» [22, с. 10], що видавався у 1867 – 1883 роках. Між тим в Австро-Угорській імперії не було таких обмежень щодо друку чи ввозу із-за кордону праць позитивістів.

Опосередкований вплив ідей фундаторів першого позитивізму відбувався через засвоєння позитивістської доктрини шляхом читання рецензій на роботи О.Конта, Г.Спенсера та Дж.Ст.Мілля, а також наукових та публіцистичних праць західноєвропейських (особливо Г.Т.Бокля, І.Тена, Г.фон Зібеля, Е.Бернгейма, Ш.-В.Ланглуа та Ш.Сеньобоса² та ін.), російських (П.Л.Лаврова, М.К.Михайловського) та польських (М.Бобжинського, Т.Войцеховського, Т.Корзона, А.Павінського, С.Смольки, Л.Гумпловича) вчених-позитивістів. Великий вплив на розвиток польської позитивістської історіографії, зокрема, мали праці польських соціологів, у першу чергу Л.Гумпловича, та особисте спілкування з ними. Так, Л.Гумплович у листах з Відня до професора Львівського університету Т.Войцеховського детально роз'яснював свої погляди [2, rkps. № 6444/VIII, к. 52-64]. Не випадково, що учень Ш.Ашкеназі по Львівському університету В.Дзвонкевський, підкреслюючи вплив професора Віденського університету на польську інтелектуальну еліту, називав серед засновників соціології поряд з О.Контом і Г.Спенсером Л.Гумпловича [1, III-7, rkps. № 85, к. 3].

¹ Див., наприклад, характеристику друга та колеги М.І.Карєєва про І.В.Лучицького: «До Західної Європи їздив часто, відвідував різні країни, був добре знайомий завжди з сучасністю...Із західних культурних впливів він більш усього відбив на себе французькі з деяким навіть застереженням до німецького» [13, с.166]. Не випадково Б.Г.Могилиничий підкреслював ґрунтовне знання М.М.Ковалевським та І.В.Лучицьким «сучасної європейської історико-філософської, соціологічної та економічної літератури. Вони вільно оперують десятками теорій, сотнями імен» [24, с. 106]

² Висока оцінка посібника французьких викладачів міститься, наприклад, у рецензії С.В.Тарле на російськомовне видання [38].

Позитивізм у другій половині XIX ст., завдяки соціокультурним чинникам, став не лише провідним науковим напрямом, а й важливим суспільним явищем на українських землях. Популярності позитивізму сприяла відмова частини суспільства від традиційних поглядів, орієнтація на нові інтелектуальні стандарти, прагнення до модернізації суспільства. При цьому подібні соціокультурні та наукові явища спостерігалися як на підросійських, так і підавстрійських українських землях. Непересічною стала роль преси та публіцистики у поширенні ідей позитивізму, важливе значення для сприйняття, особливо молоддю, доктрини позитивізму мало читання відповідних спецкурсів в університетах (з соціології чи історичних курсів з соціологічним ухилом). Всі ці чинники у своїй сукупності зумовили активне поширення позитивізму на українських землях у другій половині XIX – на початку XX ст.

-
1. Archivum Polskiej Akademii nauk.
 2. Oddział rękopisów Biblioteki Jagiellońskiej.
 3. Oddział rękopisów Biblioteki Zakładu narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu.
 4. Барвінський О. Історія української літератури. – Ч.2: Третя (народна) доба письменства. – Львів, 1921.
 5. Богдашина О. М. Поширення позитивізму в історичній науці і публіцистиці на польських та українських землях другої половини XIX ст.: порівняльна характеристика // Південний край. – 2007. – Вип. 25.
 6. Богдашина О.М. Особливості сприйняття ідей позитивізму українськими істориками у другій половині XIX ст. // Історія та географія: зб. наук. пр. ХНПУ. – 2008. – Вип. 33.
 7. Богдашина О.М. Слобідський літописець історії України Д.І.Багалій // Укр. іст. журн. – 2008. – №1.
 8. Бузескул В. Из истории Харьковского университета второй половины 70-х годов прошлого века // Наук. зап. наук.-досл. кафедри історії укр. культури. – 1927. – №6.
 9. Грушевський М. [Рецензія] / М. Грушевський // Зап. наук. т-ва ім. Шевченка. – 1902. – Т. 50. – Кн. 6. – Рец. на кн.: Statutum lituanicum aeternius editiones (1566). – Kraków: Archiwum komisji prawniczej, 1900. – 70, 568 s.

10. Душенко К. В. Из истории польской буржуазной общественной мысли. Варшавский позитивизм в 1866 – 1886 гг. - Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1977.
11. Енциклопедія історії України. – К., 2007. – Т.4.
12. Сфремов С. Українознавство: Показчик потрібнішої для самоосвіти літератури. – К., 1920.
13. Кареев Н. И. Памяти двух историков (В. И. Герье и И. В. Лучицкий) // Анналы: Журнал всеобщей истории. – 1922. – №1.
14. Кареев Н. И. М.М.Ковалевский как историк и социолог // М.М.Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. – Пг., 1917.
15. Кертман Л. Е. Историографическая ситуация / Л. Е. Кертман // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки: межвуз. тем. сб. – Калинин, 1980.
16. Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX века до 1917 года. – М., 1983.
17. Ковалевский М. М. Мое научное и литературное скитальчество // Рус. мысль. – 1895. – янв [№1].
18. Ковалевский М. М. Задачи Русской школы общественных наук в Париже // Вестн. знания. – 1905.
19. Колесник І. І. Історіографія як тип культури (український інваріант) // Півд. архів. Іст. науки. – 1999. – Вип. 2.
20. Колесник І. І. Українська культура та історіографія: історія ментальностей // Укр. іст. журн. – 2002. – №1.
21. Колесник І. І. Інтелектуальне співтовариство як засіб легітимації культурної історії України XIX століття // Укр. іст. журн. – 2008. – №1.
22. Кукушкина Е. И. Русская социология XIX – начало XX века. – М., 1993.
23. Могильницкий Б. Г. У истоков социально-экономического направления в русской буржуазно-либеральной медиевистике // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск, 1965. – Вып. 3.
24. Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX – начала 1900-годов. – Томск, 1969.
25. Общественное движение на польских землях: Основные идейные и политические партии. 1864 – 1914 гг. – М., 1988.

26. Одеські історики. – Т. 1 (початок XIX – середина XX ст.). – О., 2009.
27. Панейко В. Постійність в ході культури / В.Панейко // Літ-наук. вісн. – 1909. – Т. 47. – Кн. 9.
28. Певницкий В. Ф. Речь о судьбах богословской науки в нашем отечестве / В. Ф. Певницкий // Тр. Киев. духовной академии. – 1869. – ноябрь-декабрь.
29. Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства. Введение. Задачи и методы всеобщей истории / Д. М. Петрушевский // Науч. слово. – 1904. – Кн. 3.
30. Погодин С. Н. Иван Васильевич Лучицкий (1845 – 1918) // Новая и новейшая история. – 2000. – № 6.
31. Потульницький В. А. Україна і всесвітня історія: Історіософія світової та української культури XVII – XX століть. – К., 2002.
32. Раковський І. Ювілей ідеї розвою // Літ-наук. вісн. – 1909. – Т. 46. – Кн. 4.
33. Слонимский А.Г. Участие российских учёных в международных конгрессах историков // Вопр. истории. – 1970. – №7.
34. Социологическая мысль в России: Очерки по истории немарксистской социологии последней трети XIX– начала XX века. – Л., 1978.
35. Стельмах С. Вчені Київського університету в німецьких університетах (XIX – початок XX ст.) //Етнічна історія народів Європи. – Вип. 16: Німці в етнокультурному просторі України. – 2004.
36. Стельмах С.П. Професорська корпорація Київського університету в XIX – на початку XX століття // Вісн. Київ. нац. ун-ту. Сер. Історія. – 2000. – Вип. 46.
37. Стельмах С. Участь істориків України в міжнародній методологічній дискусії наприкінці XIX – на початку XX століття // Укр. іст. збірник-2000. – К., 2000.
38. Тарле Е. В. Из истории общественного воззрения в России (Социологические воззрения Н.К.Михайловского) // Литературное дело: сб. ст. – СПб., 1902.
39. Тарле Е.В. [Рецензия] // Рус. богатство. – 1902. – №8. – С.32-33. – Рец. – на кн.: Сеньобос Ш. Исторический метод в применении к социальным наукам. – М., 1902.
40. Тарле Е. В. И. Лучицкий. К 50-летию его научно-литературной деятельности. 1863 – 1913 // Голос минувшего. – 1914. – №1.

41. Kalicki B. O pomysłach emancypacji kobiet w Polsce XVI i XVII wieku // Przegląd Polski. – 1873. – sierpień.
42. Kieniewicz J. Wpływ zaboru rosyjskiego na świadomość społeczeństwa polskiego // Dzieje Najnowsze. – R. IX. – 1977. – N. 4.
43. Markiewicz H. Pozytywizm. – Warszawa, 2004.
44. Mulski L. [Mikulski L.] Kilka słów od tłumacza i wydawcy // Buchner L. Siła i materija. Filozoficzne studia na polu doświadczeń przyrodniczych. – Lwów, 1869.
45. Pamiętnik drugiego zjazdu historyków polskich we Lwowie. – T. 2: Obrady i uchwały. – Lwów, 1891.
46. Pilat W. O nowoczesnej socyologii. Śześć wykładów / W.Pilat, W.Lasota. – Lwów, 1903.
47. Przegląd Tygodniowy. – 1881. – Nr. 11.
48. Wojciechowski T. Co to jest historia i po co się jest uczymy? Wykłady wstępne historii polskiej na Wszechnicy Lwowskiej w kwietniu i maju 1883. – Lwów, 1883.
49. Zarys dziejów filozofii polskiej. 1815 – 1918. – Warszawa, 1983

Богдашина О.М. Соціокультурні фактори розвитку історичної науки на українських землях у другій половині XIX – на початку XX ст.

Резюме: У статті характеризуються соціокультурні фактори розвитку історичної науки на українських землях у другій половині XIX – на початку XX ст. Зокрема, розглядається вплив соціокультурних чинників на поширення позитивізму. Робиться висновок про подібність соціокультурних та наукових явищ як на підросійських, так і підавстрійських українських землях.

Ключові слова: позитивізм, соціокультурні фактори, історіографічний процес на українських землях.

Богдашина Е.Н. Социокультурные факторы развития исторической науки на украинских землях во второй половине XIX – начале XX ст.

Резюме: В статье характеризуются социокультурные факторы развития исторической науки на украинских землях во второй половине XIX – начале XX ст. В частности, рассматривается влияние социокультурных факторов на распространение позитивизма. Делается вывод о похожести социокультурных и научных явлений как на подросийских, так и на подавстрийских украинских землях.

Ключевые слова: позитивистская парадигма, социокультурные факторы, историографический процесс на украинских землях.

Bogdashina E.N. Sociocultural factors of the development of historical science on the Ukrainian lands in the second half of the 19th – early 20th centuries

Summary: In the article are characterized sociocultural factors of development of historical science on the Ukrainian lands in the second half of XIX – beginning of XX century. In particular, the influence of socio-cultural factors on the spread of positivism examines. Come to the conclusion of the similarity of socio-cultural and scientific phenomena on Ukrainian lands of the Russian and Austrian-Hungarian Empires.

Keywords: positivistic paradigm, sociocultural factors, historiographical process on Ukrainian lands.

В. В. ЛЕВЧЕНКО

**ІСТОРИЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ ПРОФЕСОРСЬКО-
ВИКЛАДАЦЬКОГО СКЛАДУ ОДЕСЬКОГО
ІНСТИТУТУ НАРОДНОЇ ОСВІТИ (1920 – 1930 РР.):
НАПРЯМИ І ТРАДИЦІЇ**

20-ті роки ХХ ст. – один з найбільш складних, динамічних й суперечливих періодів в новітній історії України. Це були роки відлуння краху Російської імперії, час здобутків української революції, непу, культурного відродження українського народу, певної автономії УСРР. Водночас діяли несприятливі та навіть згубні складові соціально-політичних стандартів, наслідком яких стало посилення радянського бюрократичного централізму і тоталітарного режиму, політизації та ідеологізації всіх сфер життя. Співвідношення соціально-політичних тенденцій суттєво вплинуло і на пріоритети розвитку науки, життя і діяльність науковців, напрями і методи їх досліджень та визначило подальше становище науки, ознакою генезису якої став партійно-державний контроль, «що набував з часом все жорсткішого характеру і повністю витіснив об'єктивні суспільні потреби» [1, с. 12].

Зміну ціннісних орієнтирів у розвитку науки радянське керівництво розпочало в системі вищої освіти. У середині 1920 р. були реорганізовані вищі навчальні заклади та створені нові, серед яких впродовж десяти років провідна роль належала інститутам народної освіти. У результаті трансформації вищої школи Одеси центром педагогічної діяльності багатьох вчених-гуманітаріїв став Одеський інститут народної освіти (ОІНО), працюючи в якому вони продовжували наукові дослідження, зокрема у галузі історичної науки.

Доцільність дослідження даної проблематики зумовлена необхідністю виявити науковий здобуток істориків професорсько-викладацького складу ОІНО, встановити провідні тенденції розвитку

та напрями їх науково-дослідної роботи. Відповідно з цим значна увага приділена з'ясуванню персонального внеску вчених у розвиток історичної науки.

У науковій літературі вивчення напрямів історичних досліджень викладачами ОІНО, ще не було предметом спеціальних наукових розробок. Хоча питання творчого доробку окремих вчених, педагогічна діяльність яких у 1920-ті рр. була пов'язана з ОІНО, потрапляло до уваги дослідників. Особливий інтерес в цьому аспекті викликають праці присвячені історії Одеського національного університету [2], які цінні наявністю фактологічного матеріалу. Важливі також праці [3], що характеризують розвиток різних профілів історичної науки в зазначений період, в яких як складова частина розглядається наукова діяльність вчених ОІНО. Серед досліджень останнього півтора десятиріччя особливо цікавими для задекларованої теми є роботи, в яких напрацьовано аналіз поступу історичної науки того часу з виділенням наукових течій [4]. Практичний інтерес також викликають праці, що присвячені життєписам та науковій спадщині викладачів ОІНО [5–6].

Усі вищезгадані дослідження мають наукову цінність з огляду накопичення, систематизації та первинної інтерпретації значного фактичного матеріалу з проблеми. Виявлений в архівах Києва і Одеси комплекс матеріалів, тогочасні наукові періодичні видання, опубліковані праці вчених дозволяють визначити напрями історичних досліджень викладачів ОІНО.

До середини 1920 р. в Одесі історична наука була зосереджена в Імператорському Новоросійському університеті (ІНУ), Історико-археологічному музеї та Товаристві історії і старожитностей. Провідна роль у науково-дослідній діяльності з історії належала ІНУ, після реорганізації якого наукова робота викладачів була відокремлена від навчальної та переведена до новостворених науково-дослідних установ (НДУ) [7, с. 1]. Організаційна форма цих установ, що не обов'язково виникали при вищій школі, була різноманітна – товариства, комісії, науково-дослідні кафедри (НДК) з секціями і підсекціями [8, с. 33]. У зв'язку з тим, що при ОІНО до 1926 р. НДУ історичного профілю не існувало, його вчені згуртували свою діяльність в різних наукових установах, як місцевих, так і центральних (дванадцять вчених-істориків ОІНО працювали в структурних

підрозділах Всеукраїнської академії наук (ВУАН) [9]). В Одесі дослідницька робота істориків ОІНО була зосереджена в різноманітних за формою, структурою, тематикою та методикою досліджень НДУ. Серед них Одеська комісія краєзнавства при ВУАН (ОКК при ВУАН) [10], Одеське наукове товариство при УАН (ОНТ при УАН) [11, с. 339–343], Українське бібліографічне товариство [12], Одеське відділення Русько-Візантійської історико-словникової комісії РАН [13, с. 165], Одеська філія Всеукраїнської наукової асоціації сходознавства [14], Одеський державний історико-археологічний музей [15], Центральна наукова бібліотека [16], Комісія по концентрації і вивченню історико-революційних матеріалів та історії партії (Істпарт) [17]. Згідно постанові Колегії НКО від 9 лютого 1925 р. НДУ могли видавати власні наукові видання – бюлетені, збірки, записки та окремі відбитки праць своїх співробітників [18, с. 76]. Тому кожна з вище перелічених установ мала свій друкований орган, де видавалися результати наукової роботи їх представників: ОКК при ВУАН видавала «Вісник ОКК при ВУАН», ОНТ при УАН – «Записки Одеського наукового при Українській Академії наук товариства», Українське бібліографічне товариство – «Записки Українського бібліографічного товариства в Одесі», Одеська філія Всеукраїнської наукової асоціації сходознавства – «Східний світ», Центральна наукова бібліотека – «Праці Одеської центральної наукової бібліотеки».

При ОІНО перша з двох НДУ історичного профілю з'явилась лише 1926 р. – це Одеська секція Харківської НДК історії української культури на чолі з М. Є. Слабченком. Спроби створити при інституті подібну установу, були зроблені вченим раніше, але через низку проблем, однією з яких була нестача коштів [19, с. 48], реалізація цієї події відкладалась. Поява першої історичної НДУ при ОІНО встановила дві особливості у науковому середовищі: по-перше, вона була першою самостійною структурною одиницею історичного профілю при ОІНО, по-друге, вона стала організаційною основою розвитку нового історичного напрямку в Одесі – україністики. Знання й навички цієї школи під керівництвом академіка М. Є. Слабченка отримали чотирнадцять випускників ОІНО, серед яких сім стали кандидатами наук, а двоє – докторами наук [6, с. 137–139].

26 вересня 1928 р., при ОІНО розпочала свою діяльність друга НДУ історичного напрямку – секція НДК єврейської культури ВУАН на чолі з Я. Є. Мерзоном. Секція складалась з чотирьох комісій: історична, соціально-економічна, педагогічна, літературно-лінгвістична. На середину 1929 р. за планом установи було прочитано п'ять наукових доповідей [20]. 1 серпня 1930 р. секцію ліквідували, а більшість її співробітників була переведена до складу Київського інституту єврейської культури [21]. Діяльність секції була нетривалою і ледь жевріла.

Не дивлячись на соціальні, політичні, економічні та особисті обставини, кадрова ситуація, яка складалася на базі місцевих наукових традицій, плюс взаємовідносини з фахівцями інших міст, привели до трансформації інфраструктури наукового центру та визначили широкий спектр дослідних напрямків вчених-істориків ОІНО.

Ще з часів Російської імперії Одеса завжди була провідним центром археологічних досліджень та вивчення історії стародавнього світу. Органічним продовженням цієї роботи стали дослідження викладачів ОІНО, серед яких античники-археологи М. Ф. Болтенко, Б. В. Варнеке, С. С. Дложевський, Є. П. Трифільєв та фахівець з вивчення історії і культури античності на основі письмових джерел – М. І. Мандес. М. Ф. Болтенко і М. І. Мандес були учнями школи археологів-античників, яка була створена на початку ХХ ст. в ІНУ Е. фон Штерном. Педагогічний досвід М. Ф. Болтенко в інституті був короткочасним (1921–1923), що було пов'язано з прийняттям рішення сконцентрувати наукову роботу з археології в історико-археологічному музеї [22], в якому він і продовжив науково-педагогічну діяльність. М. І. Мандес, не дивлячись на довготривалий час роботи в ОІНО (1920–1930), не зміг вести продуктивну наукову працю й 1 січня 1930 р. був звільнений від читання курсів на всіх факультетах з резолюцією, що «...своїм не марксистським викладанням не задовольняє студентства й сучасності» [23, с. 154]. Спадкоємцем наукових традицій ІНУ в ОІНО був єдиний в Україні та один із небагатьох у СРСР глибокий знавець історії грецької та римської культури Б. В. Варнеке. Головною та найулюбленішою його темою була історія театру, якій 1929 р. він присвятив монографію «Античний театр». 14 травня 1930 р. його було звільнено з посади професора ОІНО [24]. Однією з центральних фігур серед археологів в

ОІНО був професор С. С. Дложевський. Викладаючи в інституті українську мову та її історію, він також вважався спеціалістом з історії античної археології, музеєзнавства, епіграфіки, історії Давнього Риму, але основною темою його досліджень у той час була історія Ольвії, експедиції до якої впродовж п'яти років він очолював (з 20 липня 1925 р. в якості уповноваженого від Українській академії наук; з 1 серпня 1926 уповноважений від НКО УСРР; з 1 серпня 1927 р. – заступник голови експедиції; з 4 серпня 1928 р. – голова-керівник; з 9 серпня 1929 р. – керівник) [25]. Паралельно з викладанням в ОІНО історії України і Росії участь у проведенні археологічних розкопок брав Є. П. Трифілієв. За його участі 1923 р. поблизу Одеси були знайдені зразки поховань кочовиків [26].

У галузі загальної історії викладачі ОІНО за своїми науковими інтересами були фахівцями з нової історії. Ця частина історії, як наукова і навчальна дисципліна, тільки на початку ХХ ст. почала набувати статусу самостійності в ІНУ, тому історики інституту у 1920-ті рр. здійснили свій внесок у її становлення. Наявність в ОІНО молодих істориків – Й. Л. Вайнштейна і К. П. Добролюбського (учні Є. М. Щепкіна, П. М. Біцилли й В. Е. Крусмана), які ще викладали в ІНУ в останні роки його існування, дозволила зберегти традиції та спадкоємність у розвитку загальної історії. Зокрема, продовжувались дослідження з історії Франції – економічні, соціальні та політичні аспекти. Новим явищем у дослідницькій діяльності Й. Л. Вайнштейна, через відсутність закордонних відряджень, стало використання численних і цінних джерел з історії Франції із Воронцовського фонду наукової бібліотеки, на основі яких він вивчав соціально-економічну історію Франції напередодні й у період Французької революції. Й. Л. Вайнштейн вперше за матеріалами цього фонду надрукував «Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой французской революции» [27]. Діапазон його інтересів також охоплював історію Західної Європи. К. П. Добролюбський працював над історією класової, політичної та ідеологічної боротьби у передреволюційній і революційній Франції. 1930 р. підсумком його роботи стала монографія «Экономическая политика термидорианской реакции» – перша у СРСР з даної проблематики [28].

Як уже зазначалося, в ОІНО у науковій роботі головна увага приділялась становленню і розвитку досліджень з історії України.

Вивчення провідної дисципліни – історії України в інституті, на відміну від ІНУ, характеризувалося не регіональним підходом [29, с. 45], а комплексними дослідженнями від історії слов'ян до сучасності. Регіональні методи вивчення історії України були характерні для «київської школи» В. Б. Антоновича, яку в ІНУ продовжував його учень – І. А. Линниченко. Не дивлячись на зміну методів дослідження вчених ОІНО, деякі з них зберігали традиції «київської школи», які знайшли відображення у працях учнів І. А. Линниченка – А. В. Флоровського, Є. О. Загоровського, М. Є. Слабченка. За проблематикою провідними напрямками у дослідженнях учених ОІНО були вивчення історії аграрного і трудового права, історії селянства і робітничого класу, суспільний лад, революційні рухи, підготовка і проведення реформи 1861 р. та інші.

Професор ОІНО А. В. Флоровський вивчав проблеми кріпосного права, аграрних відносин, історії представницьких закладів та колонізації Південної України на основі аналізу місцевих матеріалів [30]. Його діяльність в Одесі була призупинена 1922 р., коли разом із багатьма іншими він був примусово висланий з країни. Професор Є. О. Загоровський 1922 р. видав «Очерки истории Северного Причерноморья» [31]. Це було перше на той час систематичне вивчення історії півдня України. Дивлячись на те, що він був «человек начитанный, но не умевший организовать около себя какую-либо научную работу» [32, с. 94], йому не вдалося створити наукову школу. 1930-ті рр. стали трагічними для вченого. Після арештів у 1931 і 1937 рр., у лютому 1938 р. його було розстріляно. Будучи викладачем ОІНО, активні наукові розвідки проводив М. Л. Рубінштейн. У своїх працях [33], він ставив питання про періодизацію феодальних відносин у Київській Русі. У той же час він не підтримував прагнення деяких вчених перенести в часи первісного суспільства етнічні розбіжності українців та росіян. Не закінчивши аспірантуру під керівництвом М. Є. Слабченка, 1928 р. він виїхав з Одеси у пошуках «більш авторитетного місця і керівника». М. Є. Слабченко з обуренням зустрів, як цю інформацію, так і ту, що завідуючий Харківської науково-дослідної кафедри Д. І. Багалій запросив М. Л. Рубінштейна взяти участь в їх науковій збірці (а М. Є. Слабченка ні) та хоче зробити його науковим співробітником своєї кафедри: «Нарешті Рубінштейн соціально чужий радянській науці елемент. У нього є апломб й

виправка, непогані манери, але українська історична наука для нього настільки чужа, що я не міг його обороняти, ...ніхто й з професури не висловився в користь Рубінштейна» [6, с. 114].

Особлива роль у дослідженнях з історії України в ОІНО належала М. Є. Слабченку. Діапазон його наукових досліджень був надзвичайно широким, охоплюючи історію України від слов'янських племен до історії революційного руху ХХ ст. включно. Однією з важливих заслуг М. Є. Слабченка перед українською наукою було створення з його ініціативи та під його керівництвом у 1926 р. в ОІНО першого центру українознавства академічного типу – Одеської секції Харківської НДК історії української культури. За десять років роботи в ОІНО М. Слабченко на базі історичного кабінету, семінару підвищеного типу з історії України і вище згаданої секції сформував наукову школу україністики, основними напрямками досліджень якої стали історія аграрного і трудового права, суспільний лад, революційні рухи, історія робітничого класу та історія української літератури. Відчувши на початку кар'єри науковий вплив І. А. Линниченка, вже у другій половині 1920-х рр. він створив власну наукову школу, яка дала нову генерацію істориків України. З його учнів в ОІНО працювали та продовжували дослідження з історії України С. М. Ковбасюк і М. Л. Рубінштейн [34].

Одним з нових наукових напрямів у царині історії стала єврейська тематика – історія євреїв у Росії в ХІХ–ХХ ст., яку розробляв викладач А. Й. Бужевич. Із встановленням радянської влади доступ до архівних матеріалів з цієї проблематики став відкритим та з'явилась можливість їх дослідження. Однією з небагатьох праць вченого була невелика стаття про єврейські землеробські колонії, які створювались на Одещині у другій половині ХІХ ст. [35].

Відмінною рисою наукової творчості більшості викладачів ОІНО був її краєзнавчий характер. Це обумовлювалося вже сформованою традицією краєзнавчих досліджень південного регіону в Одеському товаристві історії і старожитностей. Згодом ця традиція закріпилася й в ІНУ, перед яким при його заснуванні висувалися завдання широкомасштабних краєзнавчих досліджень. Північне Причорномор'я – цей чітко локалізований об'єкт дослідження був у центрі уваги наукових інтересів багатьох вчених-гуманітаріїв ОІНО, які основні дослідження з цього питання проводили в Одеській комісії

краєзнавства й Історико-археологічному музеї. Багатий краєзнавчий матеріал було представлено вченими на сторінках «Вісника ОКК при ВУАН» [9].

Одним із напрямів, що органічно розвивався у контексті загальних наукових досліджень викладачів ОІНО, було вивчення теоретико-методологічних та історіографічних питань історичної науки. Методологічні та історіографічні проблеми: предмет та задачі історичної науки, історичні методи, історія становлення окремих галузей історичного знання, допоміжні історичні дисципліни та інші розглядались у працях Й.Л. Вайнштейна («Научно-исследовательская работа по истории Западной Европы в советских вузах в 1924–1926 гг. по их публикациям»), М.І. Гордієвського («Література з історії педагогіки за 10 років революції»), А.Г. Готалова-Готліба («Сучасний філософсько-педагогічний рух Заходу»), К.О. Копержинського («Бібліографічний огляд. Українське літературознавство і критика», «Науково-дослідчий і науково-видавничий рух Радянської України в 1928 році. Бібліографічний огляд»), П.О. Потапова («З матеріалів візантійсько-слов'янської історіографії»), С.Л. Рубінштейна («Бібліографічна комісія Української АН та планування бібліографічної роботи в УРСР»), В.І. Селінова («Краеведческая библиография») і М.Є. Слабченка («До методології історії робітничого класу») [36].

Серед історіографічних публікацій значну частину складали біоісторіографічні дослідження. Це були біографічні нариси, ювілейні статті, некрологи, спогади (часом з бібліографічними додатками), в яких давався аналіз історіографічної спадщини, історичної концепції, внеску у науку окремих вчених. Так, М.І. Гордієвський і С.Л. Рубінштейн присвятили статті пам'яті свого вчителя – видатного психолога М.М. Ланге, а С.С. Дложевский засновнику археологічної школи в ІНУ Е. фон Штерну. Є.О. Загоровський підготував некрологи про Є.П. Трифільєва і О.Я. Шпакова та присвятив доповіді на честь професорів ІНУ О.О. Кочубинського і В.І. Григоровича. В.Ф. Лазурський описав життя та діяльність (зокрема архів) М.Ф. Комарова. М.Л. Рубінштейн присвятив статтю історику зовнішньої політики М.М. Покровському. А.В. Флоровський та І.А. Хмельницький опублікували статті, які були присвячені пам'яті професора, реформатора вищої школи в Одесі Є.М. Щепкіна [37].

Історико-правова проблематика, вивчення в різних аспектах актового матеріалу, законодавчих пам'яток на базі архівних справ була властива для багатьох викладачів ОІНО – Й.Л. Вайнштейна, К.П. Добролюбовського, Є.О. Загоровського, М.Л. Рубінштейна, В.І. Селінова, М.Є. Слабченка і Є.П. Трифільєва. На основі дослідженого матеріалу готувалися доповіді, статті, монографії, які ставали органічним продовженням лекцій і мали логічне завершення у вигляді друкованих праць. Розробка загальноісторичної проблематики йшла в річищі з дослідженнями в області спеціальних та допоміжних дисциплін: історіографії (Й.Л. Вайнштейн, П.О. Потапов), історичної географії (Ф.Є. Петрунь), етнографії (Р.М. Волков, К.О. Копержинський), епіграфіки (С.С. Дложевський), соціології (І.І. Капович, С.Й. Лозинський), суспільствознавства (В.І. Селінов) [38].

Радянська епоха визначила й нову проблематику історичних досліджень. Основні зусилля науковців спрямовувались на вивчення питань визвольного руху та революційної боротьби народних мас у XIX – на початку XX ст., дослідження історії революцій XX ст. і громадянської війни. Історичні дослідження з цієї проблематики були відображені викладачами ОІНО у розробках з історії класової боротьби – О.Ф. Малєєв, В.В. Стратен; історії революційного руху – В.Л. Єлін, Г.І. Лур'є, О.Ф. Малєєв, М.М. Петринський; історії партії – Д.І. Кардашев, Т. М. Хаїт [39].

У 1920–1930 рр. деякі історичні наукові напрями були закриті для досліджень вчених у зв'язку з політикою уряду та специфікою контролю з боку радянської влади за їх розробкою. Багато вчених були змушені відмовитись від роботи над деякими питаннями історії Росії (у контексті князівської та царської влади), історії міжнародних відносин, історії буржуазних країн (окрім як з точки зору марксистсько-ленінської теорії) та інших. Така напружена атмосфера не давала можливості історикам проводити науково-дослідну діяльність у багатьох напрямках історичної науки. Але для широкого діапазону наукової проблематики вчених ОІНО було характерно вивчення питань з історії, не тільки у контексті спеціально історичних, але і літературознавчих, правових, суспільних, соціологічних, філософських вишукувань. Специфіка вироблення нових, сучасних, оригінальних методів історичного дослідження в основному була обумовлена втручанням політичної системи радянської влади. Зібрані

в ОІНО викладачі місцевої вищої школи та навчальних закладів Росії і Європи, не тільки зберігали особливості своєї наукової підготовки, але й привносили в інститут традиції тих наукових центрів, в яких вони одержували професійну освіту й вели наукові дослідження. У таких умовах в Одесі продовжувалась розробка традиційних тем історичної науки та одночасно народжувалися нові історичні наукові напрями і формувалися самобутні історичні наукові школи.

1. Водотика С. Г. Історична наука УСРР 1920-х років: соціополітичні, науково-організаційні та концептуальні основи функціонування: Автореф. дис. ... док. іст. наук. – К., 2001.
2. Одесский университет за 75 лет (1865–1940). – Одесса, 1940; Історія Одеського університету за 100 років (1865–1965). – К., 1968 та ін.
3. Мигаль К. Г. Археологічні дослідження Одеського державного університету (1917–1957 рр.) // Праці ОДУ. Серія іст. наук. – 1959. – Т. 149, вип. 7, ч. 1; Чухрій П. Г. Розвиток історичних досліджень в Одеському державному університеті за роки радянської влади // УІЖ. – 1965. – № 7; Попова Т. Н., Станко В. Н. Исторические исследования в Одесском университете: традиции и современность // Вестник ОГУ. – 1995. – Вып. 1 та ін.
4. Очерки развития науки в Одессе. – Одесса, 1995; Професори Одеського (Новоросійського) університету: Біограф. слов. – В 4-х т. – Одеса, 2000 та ін.
5. Академік М. Є. Слабченко: наукова спадщина і життєвий шлях. – Одеса, 1995; Березин С. Е., Избаш Т. А. М. И. Мандес: историк, филолог, искусствовед // ЗІФ. – Одеса, 1998. – Вип. 7; Водотика С. Г. Академік Михайло Єлисейович Слабченко. Нарис життя та творчості. – К.-Херсон, 1998; Попова Т. Н. Из истории Новороссийского университета: Е. П. Трифильев. К 140-летию со дня рождения (биоисториографический контур) // Проблемы славяноведения. – Брянск, 2007. – Вып. 9; Музичко О. Одеський історик Є. О. Загоровський в українському історіографічному процесі першої половини ХХ ст. // Чорноморська минувшина. – Одеса, 2008. – Вип. 3 та ін.
6. Заруба В. М. Історик держави і права України академік М. Є. Слабченко (1882–1952). – Дніпропетровськ, 2004.

7. Бюлетень офіційних розпоряджень і повідомлень НКО. – 1921. – Ч. 7–8.
8. Комаренко Н. В. Утворення та діяльність історичних кафедр на Україні в 20-х роках // Історіографічні дослідження в Українській РСР. – К., 1971. – Вип. 4.
9. Див. детальніше: Левченко В. В. Організаційно-дослідницька діяльність вчених Одеси в наукових установах ВУАН // ЗІФ. – Одеса, 2007. – Вип. 18.
10. Вісник ОКК при ВУАН. – Одеса, 1924–1930.
11. Історія НАН України. 1924–1928. – К., 1998.
12. Записки Українського бібліографічного товариства в Одесі. – Одеса, 1928–1930.
13. Бенешевич В. Русско-Византийская историко-словарная комиссия в 1926–1927 годах // Византийский временник. – 1928. – Т. 25.
14. Всеукраїнська наукова Асоціація Сходознавства. Одеська філія. 1926–1930. – Одеса, 1930.
15. Відчит про діяльність Одеського державного історично-археологічного музею за 1927 та 1928 рр. – Одеса, 1929.
16. Праці Одеської Центральної наукової бібліотеки. – Одеса, 1927. – Вип. I.
17. Попова Т. Н., Станко В. Н. Вказ. праця. – С. 44.
18. Бюлетень НКО УСРР. – 1925. – Ч. 4.
19. Богдашина О. М. Діяльність Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури (1921–1934 рр.). – Х., 1994.
20. Державний архів Одеської області (ДАОО). – Ф. Р-39. – Оп. 1. – Спр. 76. – Арк. 9–10.
21. Бюлетень НКО УСРР. – 1930. – № 35. – Ст. 556. – С. 12–13.
22. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України. – Ф. 166. – Оп. 2. – Спр. 465. – Арк. 74–75, 79.
23. Березин С. Е., Избаш Т. А. Вказ. праця.
24. ДАОО. – Ф. Р-1593. – Оп. 1. – Спр. 658. – Арк. 42; Спр. 724. – Арк. 117.
25. ДАОО. – Ф. Р – 1593. – Оп. 1. – Спр. 126. – Арк. 5, 8, 50–54.
26. ДАОО. – Ф. Р – 1593. – Оп. 1. – Спр. 338. – Арк. 1–12.
27. Вайнштейн О. Л. Очерки по истории французской эмиграции в эпоху великой революции (1789–1796). – Харьков, 1924.
28. Добролюбский К. П. Экономическая политика термидорианской реакции. – М.-Л., 1930.

29. Попова Т. Н. Проблемно-дисциплинарная структура исторических исследований в Новороссийском университете // Российские университеты в XVIII–XX веках. – Воронеж, 2004. – Вып. 7.
30. Флоровский А. В. Освобождение крестьян по проектам губернских комитетов Новороссийского края // Ученые записки Высшей Школы г. Одессы. – 1921. – Т. 1. Вып. 1.
31. Загоровский Е. А. Очерк истории Северного Причерноморья. – Одесса, 1922.
32. Рубинштейн Н. Л. О путях исторического исследования // История СССР. – 1962. – № 6 (ноябрь–декабрь).
33. Рубинштейн Н. Л. Западные пути торговли Украины – Руси // Вісник ОКК при ВУАН. – 1925. – Ч. 2–3; Він же. До історії соціальних відносин у Київській Русі XI–XII ст. // Наукові записки НДК історії української культури. – 1927. – № 6.
34. ДАОО. – Ф. Р-39. – Оп. 1. – Спр. 87. – Арк. 38–43; Ф. Р-1593. – Оп. 1. – Спр. 404. – Арк. 11, 22–23.
35. Вісник ОКК при ВУАН. Секція соціально-історична. – 1929. – Ч. 4–5.
36. Див.: Историк-марксист. – 1926. – Т. III; Записки Українського бібліографічного товариства в Одесі. – 1928. – Ч. 1; 1929. – Ч. 2–3; Записки Одеського наукового при ВУАН товариства. – 1930. – № 1; Україна. – 1928. – Кн. 28; Ювілейний збірник на пошану академіка Д. І. Багалія. – К., 1927. – Т. 1; Вісник ОКК при ВУАН. – 1925. – Ч. 2–3; Червоний шлях. – 1927. – № 5.
37. Див.: Записки Одеського наукового при ВУАН товариства. – 1930. – № 1; Вісник ОКК при ВУАН. – 1925. – Ч. 2–3; Господарство та право. – 1928. – Т. 1; Записки Українського бібліографічного товариства в Одесі. – 1929. – Ч. 2–3; Историк-марксист. – 1928. – Т. 9; Народное просвещение. – 1922. – № 6–10; Советское строительство. – 1920. – № 7–8; Новый путь. – 1923. – № 1.
38. Наука и научные работники СССР. – Ленинград, 1928.
39. ДАОО. – Ф. Р-1593. – Оп. 1. – Спр. 14. – Арк. 129–131; Спр. 15. – Арк. 33–38, 164–165; Спр. 17. – Арк. 134–136; Спр. 32. – Арк. 3 зв.–17, 47 зв.–51.

Левченко В.В. Історичні дослідження професорсько-викладацького складу Одеського інституту народної освіти (1920 – 1930 рр.): напрями і традиції

Резюме: У статті аналізуються напрями історичних досліджень професорсько-викладацького складу Одеському інституті народної освіти (1920–1930). Представлені головні напрями і форми роботи вчених та їхні зв'язки з провідними науковими установами Одеси. Зазначено, що історична тематика посідала помітне місце у доробку вчених інституту.

Ключові слова: Одеський інститут народної освіти, науково-дослідні установи, історичні дослідження.

Левченко В. В. Исторические исследования профессорско-преподавательского состава Одесского института народного образования (1920–1930 гг.): направления и традиции

Резюме: В статье анализируется направления исторических исследований профессорско-преподавательского состава Одесского института народного образования (1920–1930). Представлены основные направления и формы работы учёных и их связи с ведущими научными учреждениями Одессы. Отмечается, что историческая тематика занимала ведущее место в исследованиях учёных института.

Ключевые слова: Одесский институт народного образования, научно-исследовательские учреждения, исторические исследования.

Levchenko Valeriy Historic studies of lecturers' staff of Odessa Institute of Public Education (1920–1930): mainstreams and traditions

Summary: The process of development a historic studies lecturers' staff in the Odessa Institute of Public Education (1920–1930). Mainstreams and forms of work scientist and their communications with leading scientific institutions of Odessa are presentation. Historical themes played a leading role in the research of scientists of the institute.

Key words: Odessa Institute of Public Education, scientific-research institutions, historic studies.

Л.Ю. ПОСОХОВА

ПРАВОСЛАВНІ КОЛЕГІУМИ УКРАЇНИ XVIII СТ.: ДИСКУСІЇ ПРО ОЗНАКИ МОДЕЛІ

Дефініція «православний колегіум» одразу налаштовує дослідника на необхідність врахування суперечливого характеру цієї освітянської моделі, оскільки в ній присутнє нагромадження змістів, зафіксований синтез/зіткнення культурних традицій Західної та Східної Європи. Православні колегіуми України, які виникли на перехресті культур, традицій (культурно-освітніх та церковно-історичних), епох, вмістили в собі глобальні проблеми «короткого XVIII століття». Необхідно враховувати, що саме в цей період європейські освітні інституції переживали певну кризу, й одночасно процеси трансформації, які призвели до виникнення так званої класичної моделі університету, й паралельно утворювалася модель класичної гімназії.

Дослідники історії колегіумів України (Чернігівського, Харківського, Переяславського) так чи інакше намагалися «вписати» колегіуми у освітній контекст Гетьманщини та Слобідської України, Російської імперії, співвіднести їх з європейськими освітніми рухами та інституціями. Відповідно, у науковій літературі поступово виявлялася «модель» православного колегіуму, називалися певні його риси (параметри). Спостереження за історіографічним процесом навколо православних колегіумів, на нашу думку, дозволяє не лише визначити дискусійні аспекти історіографії православних колегіумів, а й виводить на проблеми, які стосуються більш загальних питань історії освіти в Україні у XVIII – на початку XIX ст.

Якщо звернутися до праць та довідників, виданих у XX ст., можна розгубитися в оцінках, які надають дослідники православним колегіумам XVIII ст. На початку XXI століття діапазон оцінок зовсім не зменшився. В узагальнюючих працях з історії освіти, культури, історії педагогіки можна прочитати про «десятки типів шкіл», які

виникли в Україні у XVII-XVIII столітті [17, с. 16-17; 32, с. 34]. При значній «амплітуді» коливань із визначеннями (майже завжди без зазначення критеріїв, які лежать в основі характеристик колегіумів), насправді важко аналізувати й порівнювати освітні та культурні рухи в Європі та Україні. Проблема «типології» шкіл вочевидь потребує дослідження, й, зокрема, аналізу моделі православних колегіумів.

Навколо ж яких ознак моделі православних колегіумів спостерігаємо розбіжності у поглядах?

1. Намагання визначити місце православних колегіумів у «системі освіти» України XVIII століття призводило до оцінок рівня освітньої програми колегіумів у категоріях «середній» або «вищий».

Спроби вибудувати таку «систему» почалися у XIX ст. Історики освіти обережно ставилися до проблеми статусу колегіумів, визначаючи їх особливості у порівнянні із духовними семінаріями (П.В. Знаменський, Б.В. Титлінов) [11, с. 157, 213; 35, с. 5]. Втім, були дослідники які визначали рівень освітньої програми колегіумів як «середній» (В. Пархоменко [21, с. 242]), так і «вищий» (С. В. Рождественський, Д.І. Багалій [3, с. 193; 31, с. 68]).

У працях істориків радянської доби думки також розділилися: зустрічалися визначення колегіумів України XVIII століття як «вищих навчальних закладів» (О. Грушевський, М. Возняк, П. Попов, О. Боголюбов, Н. Шип) [4, с. 92; 5, с. 14; 7, с. 83; 28, с. 58; 39, с. 9], «середніх навчальних закладів» (А. Слюсарський) [33, с. 203-204], так й «закладів підвищеного типу» (Є. Мединський) [18, с. 86].

У сучасних дослідженнях з історії освіти в Україні XVII –XVIII ст., при визнанні відсутності системи та спадкоємності типів шкіл, нерідко у тих самих працях, послідовно проводиться лінія від початкової ланки освіти, через середню (колегіуми) до вищої [12, с. 432]. Виокремлення «ступенів освіти» у дослідженнях можуть дещо відрізнятися [32, с. 208], при цьому колегіуми відносять як до вищого рівня освітньої програми (А. Михашенко та ін.) [14, с. 135; 20, с. 78; 37, с. 187; 12, с. 692], так і середнього (В. Микитась, М. Попович) [19, с. 138; 29, с. 247], або ж до «середньо-вищого» (В. Дем'янчук) [8, с. 371].

Коли дослідники, маючи на увазі православні колегіуми, пишуть про «багато шкіл, що створювалися за зразком Києво-Могилянської академії», які були «головними освітніми центрами» своїх регіонів (М. Євтух) [9, с. 27], а також про «престижні навчальні заклади», центри

науково-педагогічної думки [17, с. 63, 64], складається враження, що в Україні існувала мережа колегій-академій-університетів. Дехто йде ще далі. М. Андрущенко пише, що у системі «загальнонаціональної системи освіти» колегіями були школами нового типу – «училищними (дочірніми) колоніями Київської академії» [2, с. 130, 153].

Однак сучасні історики вже зробили висновок, що заклади «існували відокремлено, не пов'язані із офіційним органом управління» [12, с. 432].

2. Другий вимір дискусії про модель колегіуму, пов'язаний із дихотомією «становий – позастановий» заклад. В історичній літературі радянської доби паралельно існували характеристики колегіумів, як «церковних станових закладів» так й «всестанових навчальних закладів». Сьогодні більшість дослідників називають колегіями «всестановими центрами просвіти» [16, с. 255], хоча у спеціальних розвідках можна прочитати й таке: «позастановий духовний заклад» [2, с. 158].

Продовженням цієї ж дискусії є встановлення спрямованості навчання колегіумів за критерієм «прогресивний – архаїчний». Зрозуміло, що радянські дослідники були одностайні у оцінці колегіумів як архаїчних закладів. Хоча й нещодавно Л.П.Лаптева характеризувала Харківський колегіум як такий що був «як за спрямованістю, так й за структурою навчальним закладом архаїчного типу» [13, с. 17]. У науковій літературі ознака «архаїчний» виникає тоді, коли православні колегіуми порівнюють із моделлю класичного університету, риси якої починають формуватися у другій половині XVIII століття. Але реально епоха «класичного» (модерного) університету розпочнеться на межі XVIII-XIX століть. Тому православні колегіуми слід би порівнювати із відповідною «до класичною» стадією європейського університету і відповідними середньовічними та ранньомодерними формами європейських навчальних закладів.

3. На визначення моделі православних колегіумів впливає відповідь дослідників на питання, яке також виникло не сьогодні: модель колегіуму є запозиченою чи своєю? Від відповіді на це питання залежить розуміння наведених вище аспектів дискусії.

У XIX ст. історики колегіумів фіксуючи «зразок Києво-Могилянської академії» у моделі колегіуму, визначали спільні риси

цих навчальних закладів із єзуїтськими колегіумами (організаційні засади, структура навчального плану, шкільні порядки тощо). Переважно це втілювалося у висновку, що слідом за Києво-Могилянською академією колегіуми сприйняли від неї саму модель, й західноєвропейський освітні традиції (М. Петров, П. Солнцев [23, с. 29, 50; 34, с. 1]). Саме при такому підході було вперше поставлено питання про наповнення терміну «колегіум». Тоді ж спостерігалось прагнення встановити основні риси колегіуму (в тому числі через порівняння із єзуїтськими та іншими школами (слідом за М. Петровим [24, с. 65])). Дослідники не завжди чітко це формулювали, однак складові моделі єзуїтських та православних колегіумів фактично розглядалися як явища одного порядку. Визначаючи своєрідність, місцевий колорит колегіумів, був запропонований й цікавий термін «місцевий університет» [6, с. 323].

У сучасній українській історіографії широко розповсюдилися думки, що основними тенденціями розвитку українського шкільництва було формування «українського типу освіти» [22, с. 461], «становлення національної школи вищого типу» [12, с. 431]. Серед визначальних рис моделі такої школи (в тому числі колегіуму) перш за все називається «демократизм», «демократичний дух» [10, с. 273] («демократичну форму» православних колегіумів автори вбачають у тому, що у колегіумах не вели обліку учнів, як пишуть деякі історики, до 1774 р. [12, с. 467] Насправді, облік учнів почали вести раніше, а «демократичність» форми цим фактором не визначається).

Втім, ще наприкінці 1980-х - на початку 1990-х років пролунали важливі спостереження українських та канадських істориків про латинське шкільництво і шкільний гуманізм в Україні (Н. Яковенко, Н. Пилип'юк), які повертали українські колегіуми у річище загальноєвропейських студій, орієнтували дослідження на порівняння і співставлення результатів вивчення історії православних колегіумів із висновками досліджень європейської гуманістичної школи і університету [27; 40].

Сьогодні можемо назвати дослідження, автори яких «вписують» православні колегіуми у загальноєвропейський освітній контекст. Дослідники історії православних колегіумів зробили висновки про зіставність програм колегіумів і програм єзуїтських колегіумів вищих типів, підготовчих (артистичних) факультетів західноєвропейських і

Московського університетів (В. Лоха, Л. Посохова [15, с. 72; 30, с. 91]). При цьому, варто враховувати визначення університетів ранньомодерного часу, яке надається сучасними істориками університетської освіти. Ці заклади (університети або ж академії) трактуються як установи, що були засновані владою певної території та видавали дипломи, які визнавалися з боку церковної та світської влади [41, р. 80]. Втім, у Російській імперії склалися такі умови для розвитку освітніх інституцій, що, за спостереженнями дослідників-медієвістів, навіть Московський університет у XVIII столітті так й набув усіх елементів середньовічного університету, добре знайомих західній культурі [36, с. 214]. Університет не мав навіть основ автономії (університетського самоуправління), влада не надала йому права присвоювати вчені ступені, у ньому не сформувалася професорська корпорація [25, с. 101]. Існували й інші, суттєві відмінності від європейської середньовічної моделі. Ф. Петров підкреслює, що європейські університети виникали як вільні корпорації професорів та учнів, тоді як у Росії роль держави одразу була визначальною [26, с. 152, 153].

Як відомо, «латинські» школи, середньовічні та ранньомодерні (докласичні університети) Європи не мали «національної» забарвленості [див.: 1]. Регіоналізація посилюється по мірі конфесіоналізації освіти в епоху Реформації та після неї. А суто національні моделі – це вже явище XIX ст. Але, враховуючи, що модель православного колегіуму була розповсюдженою лише на українських землях, то умовно можемо називати православні колегіуми українськими.

Підсумовуючи, вважаємо, що визначити ознаки моделі можна тільки шляхом дослідження трансферу гуманістичної школи та університетської ідеї у Східній Європі на тлі європейського освітнього процесу. Проблеми культурного трансферу і адаптації у контексті історичних зв'язків між різними культурами та субкультурами набули останнім часом неабиякої актуальності. Сучасні підходи до їх вирішення, спрямовані, на думку багатьох європейських істориків, на подолання настанов та схем, що мають вроджені вади, на кшталт «зразок і копія», «модель і імітація», «транслятор і сприймаючий», «першість і відсталість» та ін. [38, с. 14]. Рецепцію явищ культури все більше розуміють вже не тільки як пасивне сприйняття та засвоєння

певних культурних форм, але й як активний процес, коли адаптація супроводжується відбором, внесенням змін, різноманітними доповненнями, а часто й іншим тлумаченням змісту цих форм, аби з часом вони могли називатися «своїми». Відповідно, до програм досліджень культурного трансферу мають включатися завдання не тільки виявлення того, що переносилося до іншого культурного середовища, але й тих трансформацій, що неодмінно відбувалися під час такого «переносу». Представники цього дослідницького напрямку підкреслюють пріоритет «того контексту, в якому приживаються та інтегруються елементи інших культур, перед впливом та дифузією» [див про це: 38, с. 14].

Для визначення особливостей адаптації латинської школи в Україні варто умовно розділити трансфер форми та змістовної складової. Якщо зосередитися на формі, побачимо, що модель єзуїтського колегіуму прижилася і укорінилася, зміни були мінімальними аж до реформ початку XIX ст. Внутрішній устрій колегіумів максимально наближався до єзуїтських учбових корпорацій. Відповідно, повернення до дослідження правового статусу колегіумів теж не безперспективне. Скажімо, порівняння грамоти Харківського колегіуму (1731) із жалуваною грамотою Києво-могилянському колегіуму (11 січня 1694 р.) дає змогу казати про близькість правових конструкцій, у яких були зафіксовані привілеї, а також послідовність їх викладення.

Щодо змісту навчальної програми православних колегіумів – фіксуємо не тільки послідовність проходження класів за програмою «Ratio studiorum», але й більш глибокі зв'язки – наповнення, основні елементи курсів, підручники, які використовувалися в єзуїтських та православних колегіумах, ті самі методи і прийоми навчання (включаючи диспути, спектаклі шкільного театру). Змістове наповнення моделі не так швидко змінилося, як іноді про це пишуть.

Православні колегіуми несли в собі потенційну можливість створення університету. Західноєвропейський університет «докласичного» типу у порівнянні із православним колегіумом не виглядає принципово іншим явищем, а тією формою, до якої, подолавши свій історичний шлях, у середині XVIII століття впритул наблизилися православні колегіуми України. У цей час колегіуми ще не переродилися на духовні семінарії, а зберігали основні параметри

моделі аж до початку XIX ст. Православні колегіуми уособлювали південно-східний вектор руху західноєвропейських освітніх форм. Модерний університет у Росії орієнтувався на німецький протестантський університет, й представляв північно-східний вектор. Очевидно, що наприкінці XVIII ст. модель колегіуму не отримала подальшого розвитку й необхідних трансформацій, втім, вона займає важливе місце в історії освіти, а дискусії демонструють необхідність її подальшого дослідження.

Приклад дискусії про ознаки моделі православного колегіуму свідчить про кризу того типу підходів, розповсюджених в історіографії, в основі яких були намагання визначати параметри моделі навчального закладу, орієнтуючись на дуальні семантико-структурні та семантико-аксіологічні опозиції типу схід-захід, свій-чужий, прогресивний-архаїчний. Подолання жорстких лінійних опозицій, переорієнтація дослідження на взаємопроникнення та руйнацію протистояння *vis-à-vis*, надасть можливість не лише краще з'ясувати особливості моделі навчального закладу (у даному випадку колегіуму), зіставити їх з ознаками європейських освітніх інституцій, а й простежити прояви трансферу і адаптації європейських культурно-освітніх форм.

-
1. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. – М., 2009.
 2. Андрущенко М.В. Парнас віршотворний: Києво-Могилянська академія та український літературний процес XVIII ст. – К., 1999.
 3. Багалій Д.І. Історія Слобідської України. – Харків, 1990.
 4. Боголюбов А.Н. Российская наука XVIII века // Вопросы истории. – 1980. - № 4..
 5. Возняк М.С. Історія української літератури. Т. 3. Віки XVI-XVIII. Ч. 1-2. – Львів, 1921-1924.
 6. Войтков А.Н. Иов Базилевич, епископ Переяславский, и участие его в церковно-политической жизни Польской Украины (1771-1776) // Труды Киевской Духовной Академии. – 1903. - № 6.

7. Грушевський О. Зміни шкільної системи на Лівобережжі в XVIII в. // Україна. – 1924. – Кн. 1-2.
8. Дем'янчук В.М. З історії Переяславського колегіуму // Сковорода Григорій. Дослідження, розвідки, матеріали. – К., 1992
9. Євтух М.Б. Розвиток освіти і педагогічної думки в Україні (кінець XVIII – перша половина XIX ст.). - Дис... докт. пед. наук. – К., 1996.
10. Жуковский А. Київська Академія – місце формування Сковороди // Сковорода Григорій. Дослідження, розвідки, матеріали: Зб. наук. праць. – К., 1992.
11. Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. – Казань, 1881.
12. Історія української культури: В 5 т. Т.3. Українська культури другої половини XVII-XVIII ст. – К., 2003.
13. Лаптева Л.П. История Российских университетов XVIII – начала XX века в новейшей отечественной литературе (1985-1999 годы) // Российские университеты в XVIII-XX веках: Сб.науч. статей.- Воронеж, 2000.-Вып.5.
14. Лейбфрейд А.Ю., Полякова Ю.Ю. Харьков. От крепости до столицы. – Харьков, 1998.
15. Лоха В.А. Духовенство, церкви та колегіум міста Переяслава середини XVII-XIX ст. – К., 2006.
16. Любжин А.И. Харьковский коллегиум в XVIII – начале XIX в. // Вопросы образования. – 2008. - № 3.
17. Мазур П. Отчі світильники. Сторінки з історії школи і педагогічної думки в Україні епохи Відродження (XV ст. – поч. XVIII ст.): Навч. посібник. – Донецьк, 1998.
18. Мединский Е.Н. Школа и педагогика в России в первой половине XVIII в. // Очерки по истории педагогики. – М., 1952.
19. Микитсь В. Давньоукраїнські студенти і професори. – К., 1994.
20. Михашенко А.Л. Духовное образование в Российской империи: Учеб. пособие для студентов. – Курган, 2005.
21. Пархоменко В. К истории образования на Украине // Киевская старина. – 1905. – № 9.
22. Пахльовська О. Києво-Могилянська академія як фактор формування національної самобутності української культури // Україна: Культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип.5: Prosphonema: історичні та філологічні

- розвідки, присв. 60-річчю академіка Я.Ісаєвича : Зб.наук. праць. - Львів, 1998 .
23. Петров Н.И. Значение Киевской Академии в развитии духовных школ в России с учреждения Св. Синода в 1721 году и до половины XVIII века. – К., 1904.
24. Петров Н.И. Киевская академия во второй половине XVII века. – К., 1895.
25. Петров Ф.А. Зарождение системы университетского образования в России // Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия / под. ред.. В.В. Пономаревой и Л.Б. Хорошиловой. – М., 1997.
26. Петров Ф.А. Система российского университетского образования // Университет для России. Т.2. Московский университет в александровскую эпоху. – М., 2001.
27. Пилип'юк Н. Педагогічна теорія і українська література XVII-XVIII ст. // Українське барокко. Матеріали I конгресу Міжнародної асоціації українців. – К., 1993.
28. Попов П.М. З листування Г.С.Сковороди // Радянське літературознавство. – 1955. - № 18.
29. Попович М. Нарис історії культури України. – К., 2001
30. Посохова Л.Ю. Харківський колегіум (XVIII – перша половина XIX ст.) / Л.Ю. Посохова. – Харків, 1999.
31. Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII и XIX веках. Т.1. – СПб., 1912.
32. Руденко Ю.Д., Губко О.Т. Українська козацька педагогіка: витоки, духовні цінності, сучасність. – К., 2007.
33. Слюсарський А.Г. Слобідська Україна. Історичний нарис XVIII-XVIII ст. – Харків, 1954
34. Солнцев П. Очерк истории Харьковского коллегиума. - Харьков, 1881.
35. Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. – Вильна, 1908.- Вып.1
36. Уваров П.Ю. Университеты Российской империи глазами медиевиста (в защиту «идола истоков») // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып.7. – М., 2001.
37. Хасанова С.И. Правительственная политика в области высшего образования и интеллигенции в России (60-90-е годы XIX в.). – Дис... канд. ист. наук. – Казань, 1981.
38. Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения //

- «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. – М., 2008.
39. Шип Н.А. Русско-украинское культурное сотрудничество в XVIII – первой половине XIX в. – К., 1988.
40. Яковенко Н. Латинське шкільництво і «шкільний гуманізм» в Україні кінця XVI - середини XVII ст. // Київська старовина. – 1997. - № 1/2.
41. A History of the University in Europe. Vol. 2. Universities in Early Modern Europe (1500-1800) / Ed. by H. Ridder-Symoens. - Cambridge, 1996.

Посохова Л.Ю. Православні колегіуми України XVIII ст.: дискусії про ознаки моделі

Резюме: У статті аналізуються дискусії про ознаки моделі православного колегіуму. Показано кризу підходів історіографії, в основі яких були намагання визначати параметри моделі навчального закладу, орієнтуючись на дуальні опозиції (схід-захід, свій-чужий, прогресивний-архаїчний). Подолання жорстких лінійних опозицій, переорієнтація дослідження на взаємопроникнення та руйнацію протистояння vis-à-vis, надасть можливість з'ясувати особливості моделі навчального закладу (у даному випадку колегіуму), зіставити їх з ознаками європейських освітніх інституцій, й тим самим простежити процес трансферу і адаптації європейських культурно-освітніх форм.

Ключові слова: історія освіти, православні колегіуми, докласичний університет.

Посохова Л.Ю. Православные коллегии Украины XVIII в.: дискуссии о признаках модели

Резюме: В статье анализируются дискуссии о признаках модели православного коллегиума. Показан кризис подходов историографии, в основе которых было стремление определить параметры модели учебного заведения, ориентируясь на дуальные оппозиции (восток-запад, свой-чужой, прогрессивный-архаичный). Преодоление жестких линейных оппозиций, переориентация исследования на взаимопроникновение и разрушение противостояния vis-à-vis, даст возможность определить особенности модели учебного заведения (в данном случае коллегиума), сопоставить их с признаками европейских образовательных учреждений, тем самым проследить процесс трансфера и адаптации европейских культурно-образовательных форм.

Ключевые слова: история образования, православные коллегии, доклассический университет.

Posokhova L.Yu. Orthodox collegia in the 18th century Ukraine: discussions about model signs

Summary: The discussions about signs of orthodox collegia model are analyzed in the article. The crisis of approaches in historiography because of an aspiration to define the parameters of model of an educational institution, with guidance on dual oppositions (East-West, one's-another's, progressive-archaic) is shown. Overcoming tough linear oppositions, reorientation of research to interpenetration and destruction of an opposition vis-à-vis, will give a chance to define features of model of an educational institution (collegia in our case) to compare them with signs of European educational institutions, thereby to track the process of transfer and adaptation of European cultural-educational forms.

Keywords: history of education, orthodox collegia, pre-classic university.

Н.В. РОСТИСЛАВЛЕВА

**Ф. К. ДАЛЬМАН И ИЕРАРХИЯ ЦЕННОСТЕЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СИТУАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ПЕРЕМЕН**

Германия – одно из немногих государств Европы, на долю которого на протяжении двух последних веков его истории пришлось довольно много перемен как политического, так и социокультурного порядка. В XIX в., когда Германия искала пути к созданию единого государства и его утверждению в европейском и мировом масштабе, иерархия приоритетов исторического знания не поддается линейному описанию. Палитра немецкой исторической науки XIX в. разнообразна: она включает в себя деятельность школ Шлоссера и Ранке, критику трудов Лампрехта сообществом немецких историков-ортодоксов, наследие И.Г. Дройзена, Т. Моммзена, Г. Трейчке и др.

Безусловно, национальные ориентиры были главной частью исторического сознания, и именно они определяли подходы к репрезентации прошлого, не последнюю роль в выстраивании системы ценностей играл классический немецкий университет (университет Гумбольдта). Необходимо иметь в виду еще одну особенность развития исторического знания Германии XIX в.: это было время формирования, утверждения и победного шествия критического метода, когда королем немецкого исторического знания стал Л. фон Ранке. Попробуем на конкретных примерах разобраться в сути самого механизма выстраивания иерархии ценностей.

Ф.К. Дальман (1785-1860) – известный историк, политик, которого современные немецкие исследователи Блек, Люлфинг называли первым политическим историком [7 – 15], сделал политику фактором познания прошлого. Достаточно назвать такие его произведения как «История Французской революции», «История

Английской революции», «Политика» [см. подробнее 6], но он также являлся автором работ, написанных на основе принципов критического метода.

В 1822 г. Дальман опубликовал первый том сочинения «Исследования в сфере истории». В следующем году вышел в свет второй том. В этом издании были опубликованы работы, которые отличает обширная источниковая база и использование филологического метода критики исторических документов. Дальман познакомился с этим методом благодаря своему учителю Фридриху Августу Вольфу, дружившему с его родоначальником Бартольдом Георгом Нибуром, а также при личных встречах с последним. Дальман начал осваивать принципы критики источников на античном материале. Первый опыт такого исследования – работа «О Кимоновом мире» [10]. Другое сочинение Дальмана в этом издании также посвящено древнегреческой тематике: оно было названо «Геродот. Из книги его жизни» [11] и с точки зрения использования критического метода является еще более ценным. Историк подверг сомнению даты жизни Геродота, которые он обнаружил в литературе. Дальман полагал, что его жизнь прошла между 484 г. до н.э. и 408 г. до н.э., а не между 490 г. до н.э. и 425 г. до н.э., поскольку вряд ли он создавал все свои произведения, будучи старцем, скорее всего он делал это на протяжении жизни.

Научные заслуги античного историка Дальман не оспаривал, а просто на примере отдельного факта показал действие метода исторической критики. Творчество Геродота он рассматривал на фоне общего обзора истории того времени и объяснял стремления автора, опираясь на глубокое изучение его творений. Важным достоинством этого сочинения является привлечение сравнительного метода: Геродот оценивался в сопоставлении с Фукидидом. Дальман объявил отца истории далеким от тщеславия непревзойденным мастером эпического повествования, стремящимся всегда соответствовать правде. Именно этим он объяснял успех его сочинений. Серьезным аргументом правдивости сочинений Геродота немецкий историк считал его многочисленные путешествия. Одна из крупных глав его работы так и называлась «Геродот как путешественник». Дальман подчеркивал, что исторические сочинения Геродота – это не просто описания странствий, но благодаря им, тот обрел глубокие и серьезные

познания земли и людей, а также нашел новые интересные источники. Немецкий историк называл Геродота народным писателем и недоумевал, почему его произведения не столь часто цитируют, как, например, поэзию Гомера [11. – S. 101-136, 174, 214-220, 222, 227, 232]. Следует заметить, что не всем современным Дальману историкам понравилось такое отношение к Геродоту. Так, Шлоссер критиковал его за неумеренное восхваление античного историка [14. – S. 187]. В этом произведении Дальман остался верен себе и попытался рассмотреть творчество Геродота также сквозь призму потребностей современности, обнаружив параллели с освободительными войнами против Наполеона и борьбой греков за независимость [11. – S. 170].

Очень много для характеристики личности Дальмана и ценностных ориентиров ученого дает посмертная публикация каталога его библиотеки. Он умер 5 декабря 1860 г., а уже к началу февраля 1862 г. был опубликован каталог книг его библиотеки, которые выставлялись на продажу с аукциона. Отмечалось, что это не вся библиотека ученого [9]. На продажу было выставлено 3106 книг. В каталоге все книги были распределены по областям знания, в него также были включены собрания листовок и брошюр. Количественная характеристика разделов каталога как раз очень хорошо иллюстрирует научные и политические приоритеты Дальмана и помогает выстроить иерархию ценностей его творчества.

В каталоге выделено 23 раздела. Больше всего разделов (12 – из 23) посвящено периодам всеобщей истории и истории отдельных регионов и государств. Самый крупный раздел каталога «Германская история» - 399 наименований. Литература по истории регионов также была в поле зрения Дальмана, но бесспорным лидером по числу книг в региональных разделах, конечно, был перечень литературы по истории Шлезвига и Гольштейна, что доказывает особую значимость для ученого национальных ценностей. В каталоге библиотеки Дальмана в разделе по истории Америки, России и других малых европейских государств, в том числе и отдельных немецких государств, мы обнаруживаем 59 наименований книг, тогда как перечень литературы по истории Шлезвига и Гольштейна состоит из 156 пунктов [9. – S. 45-50].

Книги античных авторов включены в 14-й раздел каталога «Классическая филология». Интересно отметить, что книг

древнегреческих авторов намного больше (208 единиц), чем римских (131 единицы). В подразделе «История литературы, античность, грамматика» сочинений, посвященных Древнему Риму, все-таки больше, и в 3-м разделе, который содержит литературу по Древней истории, также преобладают книги по римской истории [9. – S. 12-18; 56-72]. Но это, на наш взгляд, характеризует не отношение Дальмана к истории Древнего Рима, а скорее исследовательскую ситуацию в Германии, где были созданы классические работы по римской истории, и, например, Нибур, оттачивал детали критического метода на материале античного Рима. Но Дальмана как политического историка, на наш взгляд, больше интересовала Древняя Греция. С одной стороны, в силу того, что именно пример успешной борьбы современной ему Греции за независимость «подпитывал» его стремления воплотить национальное единство на немецкой почве, что находило особый отклик после завершения освободительных войн с Наполеоном, с другой, – он разделял распространенную среди либералов идею В. фон Гумбольдта, что именно изучение греческого мира поможет немцам в познании собственной истории [15].

Из современных Дальману историков мы обнаруживаем в разделе каталога «Всеобщая история» работы Ф. Шлоссера, Б.Г. Нибура, Л. Ранке, несколько книг Г. Гервинуса, Г. Гегевича, Т. Карлейля [9. – S.12-14], а в разделе «Древняя история» – книги Э. Гиббона, Т. Моммзена, 5 работ Б.Г. Нибура [9. – S. 14-18]. В перечень книг по истории Средневековья включено много опубликованных архивных документов (памятники германской истории, работы Штенцеля, Вайтца). Что касается истории Германии 20-30-х гг. XIX в., то преобладают книги по истории Пруссии (например, работа Дройзена по истории освободительных войн и истории прусской политики) и сочинения таких немецких философов как Фихте, Шлейермахер, Кант. Причем именно Фихте предлагал начать обучение в гимназии с освоения греческого языка, а не латыни. Отцом современного антиковедения стал немецкий историк – специалист по Древнему Риму – Б.Г. Нибур, один из современников Дальмана. Вот как сам Нибур объяснял происхождение своих приоритетов: «Жестокие времена унижения Пруссии оказали решающее влияние на возникновение моего исторического произведения. И это осталось ничем иным как пылкой надеждой на

возникновение лучших времен и стремление их подготовить. Чтобы себя и моих слушателей сделать храбрыми, я в качестве предмета выбрал великую культурную нацию (т.е. Древний Рим – Н.Р.) [Цит. по: 15. – S. 4-5]. Однако большинство либерально настроенных мыслителей и историков Германии сильнее тяготели к греческому античному наследию. Так, Гумбольдт, Гердер, Фихте, для которых образование было высшей ценностью, ценили греческую культуру неизмеримо выше римского христианства. Отрицательно оценивалась древнеримская история Роттеком, называвшим Рим государством войны и восхищавшимся историей Древней Греции и прежде всего Афинским полисом эпохи Перикла [5].

На наш взгляд, отношение к греческой и римской истории стало своеобразным маркером в плане понимания и определения места такой ценности как свобода. В период трансформации политической и социальной структуры идет поиск пути развития. Вполне естественно, что все историки Германии воспринимали политический вызов времени – необходимость создания единого государства, но путь к нему видели по-разному. Для историков это нормально – искать основу для определения линии развития в прошлом. Германская империя образовалась в 1871 г., опираясь на ценности Римской истории, и свобода не нашла там должного воплощения. Ситуация возможных путей объединения Германии найдет осмысление во второй половине XX в., когда Ю. Кокка и Х.-У. Велер утверждали, что Бисмарк оставил пагубное наследство и предложили новую теорию континуитета немецкой истории. Главными событиями они назвали не объединение Германии Бисмарком, а освободительные войны против Наполеона, деятельность Франкфуртского парламента в годы революции 1848-1849 гг., т.е. поддерживали ту линию развития, которая связана с творчеством Дальмана.

К 30-м гг. XIX в. сформировались две крупные исторические школы Германии Гейдельбергская или школа Шлоссера и Берлинская или школа Ранке. К числу приверженцев Шлоссера принадлежал и Дальман, и среди последователей Гейдельбергской школы мы не найдем специалистов по Древнему Риму. Доказательством этой мысли может служить также творчество Дройзена, которого часто причисляют к сторонникам Гейдельбергской исторической школы. В антиковедении он известен как автор классической работы по истории

эллинизма, а затем уже, после объединения Германии, он вошел в анналы исторического знания как первый методолог[1], преподававший эту дисциплину в стенах Берлинского университета. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, не вписывающуюся в линейную шкалу общепринятых ценностей немецкого исторического знания, которыми являются приоритет государства и культивирование критического метода. Все эти ценности Дройзен, как впрочем и Дальманом, также были блестяще освоены, однако он был одним из немногих ученых, кто сумел выйти на уровень методологии истории, интерес к которой можно уже было обнаружить в работах В. фон Гумбольдта [2 – 3, 4, 12], всегда высоко ценившим античное наследие Древней Греции.

Ф.К. Дальман в совершенстве освоил критический метод, вошел в анналы исторического знания Германии как первый политический историк. Он был одновременно либералом и довольно проникательным и глубоким мыслителем, искавшим опору своим национальным идеям в истории Древней Греции, что заставляет нас признать довольно высокий интеллектуальный заряд его творчества и подчеркнуть обнаруженные нами некоторые параллели с наследием великого немецкого интеллектуала В. фон Гумбольдта.

-
1. Дройзен И.Г. «Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории». – СПб., 2004.
 2. Гумбольдт В. фон. О задаче историка // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М., 1985.
 3. Гумбольдт В. фон. Размышления о всемирной истории // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М., 1985. – С. 279-286
 4. Гумбольдт В. фон. Размышления о движущих причинах всемирной истории // Там же. - С. 287-291
 5. Ростиславлева Н.В. Зарождение либерализма в Германии. Карл фон Роттек. – М., 1999.
 6. Ростиславлева Н.В. Проблема «историк и политика» в творчестве Ф.К. Дальмана(1785-1860) // Новая и новейшая история. – 2008. – № 1.
 7. Bleek W. Friedrich Christoph Dahlmann und sein Werk über „Die Politik“// Dahlmann F.C. Die Politik. – Leipzig, 1997.

8. Dahlmann F.C. Bibliothek. – Bonn, 1861.
9. Dahlmann F.C Über den Cimonischen Frieden // Dahlmann F.C. Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte. 2 Bde. Altona, 1822-1823. Bd. 1.
10. Dahlmann F.C. Herodot. Aus seinem Buche sein Leben //Dahlmann F.C. Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte. Bd. 2. I Abt. Altona, 1823.
11. Gugenberg V. Die Grundbegriffe der Historik im Humboldt Reden über die Aufgabe des Geschichtsschreibers. Inaugural-Dissertation der Doktorwürde vorgelegt der Philosophischen Fakultät der Georgia Augusta Universität. – Göttingen, 1922.
12. Luelfing D. Friedrich Christoph Dahlmann – sein Beitrag zur Entwicklung der bürgerlich-liberalen Ideologie im 19. Jahrhundert, 1829-1860. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doctor Philosophie (Dr. phil.). – Berlin, 1985
13. Springer A. Friedrich Christoph Dahlmann, Bd. 1-2. – Leipzig, 1870. Bd.1. S.187.
14. Yavetz Z. Zeitgeist und deutsche Althistoriker in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Sonderdruck aus Jahrbuch des Instituts fuer Deutsche Geschichte, VII 1978. – Tel-Aviv, 1978.

Ростиславлева Н.В. Ф.К. Дальман та ієрархія цінностей історичної науки в ситуації політичних та соціокультурних змін

Резюме: У статті розглядається ієрархія цінностей історичної науки Німеччини крізь призму творчості німецького історика та політика Фрідріха Кристофа Дальмана у період становлення

Єдиної держави. Автор показує, що Дальман був істориком, чиї ціннісні орієнтири не підлягають лінійному опису. Для його творчості є характерним критичний метод пізнання історії, а також сприйняття минулого з позицій сучасності. Більший інтерес до історії Греції, а не Риму є, на думку автора, важливою особливістю ліберального історичного співтовариства Німеччини.

Ключові слова: Німеччина, історична наука у XIX ст., лібералізм, критичний метод, Ф.К. Дальман.

Ростиславлева Н.В. Ф. К. Дальман и иерархия ценностей исторической науки в ситуации политических и социокультурных перемен

Резюме: В статье рассматривается иерархия ценностей исторической науки Германии сквозь призму творчества немецкого

историка и политика Фридриха Кристофа Дальмана в период становления единого государства. Автор показывает, что Дальман был историком, чьи ценностные ориентиры не поддаются линейному описанию. Для его творчества характерен критический метод познания истории, а также восприятие прошлого с позиций современности. Большой интерес к истории Греции, а не Рима является, по мнению автора, важной особенностью либерального исторического сообщества Германии.

Ключевые слова: Германия, историческая наука в XIX в., либерализм, критический метод, Ф.К. Дальман

Rostislavleva Natalia F. C. Dahlmann and the Hierarchy of Values of the Historical Science in the Context of Political, Social and Cultural Transformations

Summary: The article is about the hierarchy of values in the German historical science in light of works of the German historian and politician Friedrich Christoph Dahlmann in the period of formation of the united state. Author emphasizes that Dahlman's reference points and approaches to the historical science can not be described plainly. Dahlmann's specific features are critical method of cognition of history as well as perception of the past from the modern point of view. Furthermore, the author notes that an important peculiarity of the German liberal historic community was a strong interest to the history of ancient Greece but not to the history of ancient Rome.

Keywords: Germany, historical science in the XIX century, liberalism, critical method, F.C. Dahlmann

Розділ IV

З історії Харківського університету

Ю.А. КИСЕЛЁВА

**ИСТОКИ СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ
КАК УЧЕБНОЙ И НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В
ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ПЕРВАЯ ТРЕТЬ
XIX ВЕКА**

Одной из актуальных проблем современной истории историографии остается поиск ответа на вопрос о начале формирования историографии как особой дисциплины. Исследования ученых в данном направлении шли путем отодвигания вглубь нижнего рубежа этого процесса, вплоть до признания рефлексивной природы историографического знания и зарождения историко-научной мысли одновременно с конструктивным знанием о прошлом [1, с.198]. Временем же «приобретения историографией научной формы», были признаны 20-30-е годы XIX века [2, с. 143], когда стали появляться первые специальные работы, разрабатывающие историографическую проблематику [3, с. 548; с. 128]. И хотя эти работы имели университетское происхождение, но рассматривались они, как правило, в отрыве от становления историографии в системе высшего исторического образования дореволюционной России. Интересно, что даже Р.А. Киреева, выдвинувшая в качестве основной идеи своего исследования мысль, что отечественная историография формировалась, прежде всего, как учебная дисциплина, обошла вниманием начальный этап зарождения историографии в системе университетского образования, начиная его с историографических работ С.М. Соловьева [4]. По нашему мнению, анализ особенностей и предпосылок этого процесса представляется возможным при изучении становления историографии как учебной и научной дисциплины в отдельном университете.

Исследование проблемы зарождения историографического знания на начальном этапе становления университетской системы, на

наш взгляд, следует начать с рассмотрения условий развития исследовательской и преподавательской деятельности в университете в целом, а также анализа процессов формирования и смены научных идеалов, углубления специализации наук.

Харьковский университет был создан в 1804 году. Его внутреннее устройство, назначение и деятельность определялись первым университетским уставом 1804 года, который предоставил новым высшим учебным заведениям широкую возможность свободы преподавания и исследования. Рядом статей (об обязанностях профессоров, о почетных членах, об общеуниверситетских научных собраниях) устав создал условия для согласования университетского преподавания с достижениями европейской науки. При процедуре выбора претендента на вакантное профессорское место, согласно уставу, от кандидата требовалось помимо предоставления сочинения еще и общее рассуждение о науке, о ее предметах и успехах, удобнейшем способе преподавания, а также «о различных писателях лучшим образом излагавших суть науки» [5, с.277]. Стоя на пороге формирования новой профессиональной группы – университетской профессуры, создатели системы высшего образования определили основными профессиональными качествами университетского ученого способность к рефлексии в своей науке, умение использовать лучшие достижения научной мысли в процессе преподавания.

Еще более четко эта позиция прозвучала в «Положении о производстве в ученые степени» 1819 года, в котором были сформулированы требования на соискания университетских степеней. Одним из главных условий для получения степени доктора наук считалась способность кандидата вносить вклад в развитие своей науки на основе знания науки, как «в ее основаниях» так и «в ее развитии и направлениях» [5, с.1138].

Харьковский университет по составу профессоров на момент своего создания был одним из лучших университетов России. В начале века основу его научного потенциала составлял корпус иностранных ученых. В первое десятилетие существования университета из 47 его профессоров 29 были иностранцами [6, с. 456]. И хотя пребывание в университете большинства из них было не продолжительным, они своей деятельностью заложили прочный научный фундамент, на который опирались последующие поколения отечественных ученых. Основная

часть иностранной профессуры была воспитанниками крупнейших западных университетов и обладала опытом работы в них. Большинство ученых приехало в Харьков, движимые не только материальными и политическими мотивами, но еще и просветительскими устремлениями [6, с. 457].

В университете, профессора, пытаясь реализовать уже знакомую им систему университетского гуманитарного образования, активно пользовались правом, предоставленным уставом, и помимо главных курсов читали дополнительные [5, с. 271]. С именами иностранных профессоров связано начало преподавания в Харьковском университете педагогических дисциплин. Интересно отметить, что среди них был и курс А. Рейниша «о способах преподавать историю» [7]. Историко-научные элементы в преподавание на словесном факультете впервые были введены профессором А. Дегуром (Дегуровым), который в продолжении нескольких лет начинал общие курсы по новой истории «наукой о критике истории», а в 1812-1813 году ввел отдельный спецкурс - «критика истории, о разных способах писать историю, о словесности лучших историков» [7].

Иностранные профессора пытались донести до широкой общественности свои научные идеалы и представления. Выступая на торжественных университетских актах, они стремились передать понимание сущности научного познания и необходимости специализации наук, сформировать в умах своих учеников и их окружения образ университетского ученого. Актуализируя одно из главных убеждений века Просвещения, что благосостояние народа напрямую зависит от уровня его образованности, ораторы делали при этом ударение на научной составляющей просвещения [8, с. 54], превращая науку в фактор развития последнего. Они заявляли, что именно развитие отдельных, «частных» наук, способно принести самые широкие социальные результаты, а исследование отдельной науки видели одним из главных качеств истинно «просвещенного» человека [8, с. 57]. В условиях необходимости доказывать местной общественности пользу и значение университетского образования, приобретала новое звучание и идея, выработанная немецким идеализмом, о влиянии образования и науки на нравственность ученых. На стыке понимания особенностей профессиональной научной деятельности и обязанности быть примерами «добродетели и

мудрости», был сформирован образ «истинного ученого», для которого главным стимулом было не признание его заслуг, а радость от кропотливого поиска научной истины [6, с. 623; 8, с. 52], путь к которой пролегал через изучение ученым того, что было сделано его предшественниками в каждом конкретном вопросе [9, с.146].

В своих речах иностранные профессора обращались и к истории наук. Они воспроизводили универсальную схему движения наук, выработанную французскими энциклопедистами и просветителями, согласно которой наука, зародившись в странах Востока, достигла своего развития в Греции и Риме, а оттуда была заимствована в новое время Европой [8, с. 49]. При этом средние века представлялись «периодом бесплодности ума человеческого», временем «жалкого состояния учености» [10, с. 40; 11, с. 74]. Обращение к подобным темам в публичных речах, с одной стороны, имело прагматическое значение. Делая акцент на процессе заимствования просвещения разными народами друг у друга, иностранные профессора имели возможность представить процесс утверждения модели европейского университета в Российской империи (через посредничество иностранных ученых) продолжением мировой практики распространения просвещения [8, с. 50]. С другой стороны, история отдельных областей знания, по их мнению, имела просветительское значение. Например, в своей речи профессор Х. Роммель предполагал, что изложение истории развития классической филологии с XV века с указанием на ее успехи могло служить к «возбуждению любви к этой науке» [8, с. 55]. Профессор А. Дегуров пытался показать сложность и важность изучения истории, а главное необходимость для читателя вдумчиво воспринимать ее результаты, ссылаясь на философские сочинения Вольтера, Юма, Босюэта, Робертсона [12, с. 37]¹.

Просветительское значение историко-научных знаний сохранялось и в последующие годы. Например, издатель «Украинского журнала» А.С. Склабовский не только напечатал в 1824

¹ И хотя сочувствие к таким писателям, как доказал А.С. Лебедев, диссонировало с основным историческим мировоззрением А.А. Дегурова, который по мере преподавания все более склонялся к проведенционализму [13, с. 141], но его речь, произнесенная в 1808 году, скорее отражала веяния эпохи Просвещения.

году вступительную лекцию П.А. Затеplinского об истории астрономии и ее открытиях, но и призвал автора продолжить эту тему на страницах журнала, так как «история наук» представляла, по его мнению, широкий общественный интерес [14, с. 118]. Отчасти просветительскую нагрузку в первые десятилетия существования университета несли и вводные лекции к историческим курсам, в которых преподаватели обращались к истории своей области знания, указывая на исследователей способствовавших ее развитию.

Благодаря иностранным профессорам, которые являлись проводниками новейших научных достижений Европы, Харьковский университет не стоял в стороне от развития европейской философской и исторической мысли, процесса становления историзма. Сторонниками историософии Шеллинга в университете являлись профессора И. Шад и И.Я. Кронеберг [15, с. 21]. В 1810-х годах, благодаря тесным связям с немецкими научными и литературными кругами преподаватели Харьковского университета много внимания уделяли и трудам Гердера, в результате чего, по мнению Р.Ю. Данилевского, можно говорить о формировании на базе Харьковского университета собственного украинского гердерианства, параллельного российскому восприятию историзма И.Г. Гердера [16, с. 200]. Такое усиленное внимание к новейшим европейским историко-философским теориям дает основания современным исследователям говорить о формировании в университете собственной школы историков, характерной особенностью которой была разработка теоретических проблем истории [15, с. 21], при решении которых и происходили первые обращения к историографии.

Основой для первых экскурсов в область истории науки служили знания, полученные в процессе преподавания дисциплин филологического профиля. Прежде всего, по кафедрам «греческого языка и словесности греческой», а также «древностей и языка латинского». В университетском гуманитарном образовании начала XIX века изучению классической филологии уделялось особое внимание. Это было обусловлено, с одной стороны, признанием роли античного наследия в становлении новой европейской науки, а с другой, тем воспитательным значением, которое видели в нем организаторы системы российского образования [17, с. 126]. Преподавание классических языков было нацелено не только на

познание грамматических структур, но и на интерес к содержанию произведений. Многие из рассматриваемых на занятиях произведений были историческими. Предлагались для чтения отдельные книги «Истории» Геродота, сочинения Ксенофонта, речи Демосфена, книги «Иродовой истории», трактат Лукиана «О способе писать историю», по латинской словесности отрывки из труда Тита Ливия, «История» Тацита, речи Цицерона, сочинение Саллюстия «О заговоре Катилины» и жизнеописание Плутарха [7]. «Изъяснения» античных произведений требовали, как правило, исторических комментариев. С другой стороны, внимание к трудам отдельных античных писателей давало возможность (и требовало по логике преподавания) ознакомить студентов старших курсов с цельным взглядом на историю греческой и римской литературы. Потому Я. Белен де Баллю в 1811-1812 году прежде рассмотрения отдельных произведений предлагал слушателям «историческое понятие о греческих писателях». Н. Паки де Совиньи для студентов 2 курса преподавал «историю славнейших писателей греческих и латинских». Х. Роммель ввел в преподавание историю римской литературы, которую продолжил в 1820-х годах преподавать его приемник по кафедре И.Я. Кронеберг. Перенимали такой же способ преподавания и молодые отечественные преподаватели [7]. Таким образом, в процессе преподавания курсов по кафедрам классических языков и словесности складывались понятия о важнейших исторических произведениях античности, формировались представления об умственном движении в античном мире, ходе исторической мысли древних греков и римлян, зарождался интерес к личностям историков у студентов.

Преподавание европейских языков, как и классических, происходило методом «изъяснения» отрывков или целых произведений. Наряду с этим вводились и курсы по истории европейских литератур.

При таком усиленном внимании к истории иностранной литературы естественно возникал интерес и к процессу развития отечественной словесности. Однако отрывки из сочинений русских писателей, рассматриваемые на занятиях по теории отечественной словесности, составляли незначительное меньшинство по сравнению с примерами из произведений иностранных писателей [18, с. 155]. Тем не менее, именно в Харьковском университете профессором

И.С. Рижским был прочитан в 1809-1810 году первый в российских университетах курс истории российской словесности [7]. При этом, как указывает М.И. Сухомлинов, преподаватель не ограничивался отрывочным разбором писателей, но обращал внимание на связь и последовательность литературных явлений [17, с. 83]. И.С. Рижский задумывал даже со временем написать учебник по истории российской словесности [19, с. 5]. Однако ранняя смерть ученого в 1811 году не позволила осуществиться этим планам. Приемники И.С. Рижского по кафедре не продолжили преподавание этого курса. Курс истории отечественной литературы стал традиционным элементом университетского преподавания (в том числе и в Харьковском университете) лишь после издания в 1822 году учебника Н.И. Греча - «Опыт краткой истории русской литературы». С 1823-1824 учебного года было начато преподавание истории российской словесности по руководству Н.И. Греча экстраординарным профессором Д.С. Борзенковым [7].

Современными исследователями истории историографии была определена роль библиографических изданий в создании и развитии историографической традиции [2, с. 141]. Однако не менее важным представляется указать на значение учебников по истории словесности, которые приняли на себя функции формирования багажа историографических представлений и их распространения в системе университетского преподавания. Считая литературу «выражением мыслей и чувств каждого народа» Н.И. Греч ограничивал ее произведениями изящной словесности и истории [20, с. IV]. Поэтому в учебник вошли биографии всех сочинителей общих историй XVIII века. «Главным источником для автора» послужил сочинение митрополита Евгения (Болховитинова) «Новый опыт исторического словаря о российских писателях» [18, с. 161]. Но в отличие от библиографического словаря перед создателем обобщающей работы стояла задача представить общий взгляд на развитие литературы. И хотя изложение материала у автора было доксографическим, ученому удалось представить исторический фон, на котором развивалась литература. Подобную задачу автор ставил перед собой, имея в виду учебное предназначение книги [20, с. III].

Интересно заметить, что еще до выхода учебника в 1820 году в сборнике «Сочинений и переводов студентов Харьковского

университета» была опубликована статья студента А. Попова «Краткое обозрение начала и постепенного возвышения и успехов российской словесности». Статья представляет собой попытку осветить развитие литературы с исторической точки зрения, беря в основу идею, что «словесность народа, как и другие познания, усовершенствуется вместе с бытием народа» [21, с. 21].

Существенный вклад в развитие теоретико-литературной мысли вносили и преподаватели университета, в частности Р.Т. Гонорский, который имел все данные вырасти в крупного критика и теоретика литературы, если бы не его ранняя смерть. В 1816 году в «Украинском вестнике» он опубликовал статью, задачей которой было определить состояние современной ему отечественной литературы [22, с. 183]. Р.Т. Гонорский заявил о существовании в литературе трех школ и определил их своеобразие. Выводы харьковского ученого явились открытием, значение которого в развитии теоретико-литературной мысли было немаловажно. Впервые вместо классификации по родовым и видовым признакам литература выступила как специфическое явление со своей особой внутренней жизнью и была осознана как самобытный процесс [22, с. 184]. Подобные исследования, рассматривающие в качестве уникального явления национальную литературу, явились результатом восприятия теории органического развития и романтической исторической мысли молодыми учеными Харьковского университета.

Таким образом, посредством истории словесности как университетской дисциплины шло ознакомление учащейся молодежи с накопленными историографическими представлениями об отдельных историках. Разработка теории литературоведения формировала представления о непрерывности историко-литературного процесса, особенностях его периодизации, о зависимости этого процесса от умственной и общественной жизни народа и хода его политической истории. Она выработала ряд понятий, таких как «ход словесности», «литературные направления и школы», которые стали инструментами познания сущности литературного движения, легли в основу зарождающейся «истории исторической литературы».

Выше речь шла об источниках историко-научных знаний, накопленных в сфере филологических дисциплин. Однако при исследовании зарождения историографии как академической

дисциплины, в центре внимания должен оказаться процесс развития университетской исторической науки и особенности становления исторических дисциплин.

Возможность для развития исторической рефлексии представлялась в процессе проведения самостоятельного исследования. Первым ученым-исследователем среди преподавателей истории Харьковского университета был Г.П. Успенский. Его работа «Опыт повествования о древностях русских», изданная в 1811 году, положила начало в истории отечественной науки изучению «внутреннего быта русского народа». Время научной деятельности Г. Успенского совпало с началом формирования нового научного типа историописания. Однако в своей исследовательской практике, которая состояла в «изучении и систематизации известных огромного массива литературы и источников» [23, с. VII] ученый был ближе к традициям исследователей XVIII века¹. Влияние на Гавриила Петровича как исследователя имела многолетняя дружба с известным собирателем материалов по истории русской словесности, уже упоминавшимся, Евгением (Болховитиновым) [8, с. 314]. Успенский видимо не только пользовался материалами, но и разделял его историко-научные взгляды, в частности, главную идею, которую Евгений (Болховитинов) хотел доказать в своем библиографическом словаре, о том, что современные успехи наук в России были не внезапно возникшим фактом, но явлением имеющим свои исторические корни [1, с. 161]. Об этом также косвенно свидетельствуют вопросы, которые задавал Успенский на экзаменах на ученые степени. Например, на магистерском экзамене А. Гевлича в 1813 году профессор предложил вопрос: «каково положение наук и искусств в России до Петра Великого?» [5, с. 558], а через два года на докторском испытании перед этим же соискателем стояло письменное задание «указать на важнейших писателей по русской истории и присовокупить свое суждение о достоинстве каждого из них» [25, с. 532]. Впрочем, вопросы из истории отдельных отраслей знания на квалификационных экзаменах задавались и преподавателями других дисциплин.

¹ Интересно, что сам Г.П. Успенский, в ответе автору рецензии на свою книгу, назвал себя не историком, а археологом, считая, тем самым, что задачи, стоящие перед ними различны [24, с. 378].

Например, И.Я. Кронеберг предложил на магистерском экзамене по римской словесности следующий вопрос: «понятие филологии, ее частей и об истории филологического учения» [25, с. 541]. Таким образом, можно констатировать, что уже на начальном этапе существования университета историко-научные знания выделялись одной из важных составляющих профессионального научного знания. С другой стороны, подобные вопросы свидетельствуют о том, что и в своих лекциях преподаватели уделяли внимание сюжетам из истории наук.

Прежде всего, вопросам истории науки были посвящены вводные лекции в курсы исторических дисциплин. Так И.И. Боровиковский, бывший студентом на заре преподавательской деятельности П.П. Гулака-Артемовского, вспоминал, что при начале курса преподаватель много времени уделял «обзору источников по русской истории из магистерской своей диссертации» [26, с. 94]. В понятие «источники» в данном случае входили и современные сочинения по отечественной истории, в частности сочинение Н.А. Полевого [27, с. 280]. При этом зачастую историографические экскурсы профессора были поводом для пародий. М.Ф. Де-Пуле вспоминал, что «лектор не щадил выражений, чтобы представить во всем ужасе дерзость «какого-нибудь купца и пошлеца» осмелившегося поднять руку против «нашего бессмертного историографа»» [27, с. 280]. Все же эти воспоминания говорят лишь о позиции профессора, которую он занимал в основной научной дискуссии того времени - критике сочинения М.Н. Карамзина представителями скептической школы и Н.А. Полевым. Как ни странно, именно негативное отношение профессора к новым веяниям в науке, способствовало тому, что он неоднократно предлагал своим слушателям темы для самостоятельной работы именно историографического характера. Например, «оценить историко-критическим образом картину правления великого князя Владимира Мономаха, представленную историографом Н.М. Карамзиным в его бессмертном творении «История государства Российского и в «Истории русского народа», сочиненной Н.А. Полевым [25, с. 488], и в качестве темы на медаль: «Что сделано Карамзиным и Полевым для нашей отечественной истории и что еще остается сделать для нее по требованиям нашего века» [8, с. 87]. Вероятно, профессор, который ратовал за повышение уровня

самостоятельной работы студентов во время университетского обучения [28, с. 21-22], чувствовал, что одной из существенных сторон этой самостоятельности является выработка у студентов критического отношения к исторической литературе.

Профессор всеобщей истории Е.М. Филомафитский, как вспоминают его слушатели, первую лекцию посвящал вопросам значения истории, обзору исторических источников и способов изложения истории [29, с. 139]. Это подтверждает и перечень курсов профессора на 1827-1828 учебный год. В «Объявлении публичных чтений» сообщалось, что лектор приступит к преподаванию древней истории изложив «введение в историю по собственным запискам», а студентам 3 курса прочтет «среднюю и новую историю с присовокуплением сведений о знатнейших писателях всех времен и народов» [6].

Вводная часть теоретического характера присутствовала и в лекциях В.Ф. Цыха. Перед каждой новой темой он указывал «источники и субсидии» [30, с. 4], а общий курс по древней истории открывал общими замечаниями об истории, выяснял этимологию этого слова и давал представление о предмете истории [30, с. 6]. Его слушатели позднее вспоминали: «только со вступлением на кафедру В.Ф. Цыха мы поняли истинное, научное значение истории; даровитый профессор, увлекая слушателей своими лекциями, знакомил нас с трудами и исследованиями современных писателей – Геерена, Гердера, Нибура, Галлама, Тьерри, Гизо и других» [31, с. 101]. Таким образом, историографические экскурсии становились не только элементами введения, но и способом изложения материала.

Интересно заметить, что познавательный потенциал критического способа изложения был признан и использовался также преподавателями политических и юридических дисциплин. И.И. Срезневский, рассказывая о годах учебы в Харьковском университете, с особой благодарностью вспоминал преподавателя русского права (видимо речь шла о И.Н. Даниловиче). Перед началом курса он выдавал студентам краткое обозрение, в котором «по каждому из основных вопросов были указаны источники их решения и наиболее важные труды ученых, излагающие одно из этих решений или содержащие по ним соображения». Все слушатели должны были готовиться к занятиям заранее по источникам и литературе [32, с. 250].

Другой преподаватель нравственно-политического отделения Т.Ф. Степанов в качестве введения в курс политической экономии предлагал своим слушателям изложение истории этой науки [33, с. 15]. Главная цель профессора состояла в достижении такой полноты преподавания, чтобы молодые люди после обучения были в состоянии самостоятельно заняться исследовательской работой. Достигнуть своей цели преподаватель планировал «разбором мнений крупнейших исследователей по каждому конкретному вопросу науки, показывая, каким образом они оспаривали доказательства друг друга, а после такого обзора предполагал выводить со студентами общее заключение» [33, с. 18]. Именно таким путем Т.Ф. Степанов достиг профессионализма в своей области и написал свой первый научный труд, получивший признание специалистов [34, с. 45,50].

Такое широкое проникновение в учебный процесс сюжетов историографического характера уже в 20-е годы XIX века позволило выпускнику словесного отделения Харьковского университета Н. Корсуну осознать и обосновать необходимость отдельной вспомогательной науки - «истории наук исторических». Эти мысли были высказаны им в магистерской диссертации «Рассуждение о том, в чем состоит сущность истории и какой надлежащий способ ее изучения», изданной в 1824 году. До этого одной из первых специальных историографических работ, имеющих университетское происхождение¹, считалась работа И.Н. Среднего-Камашева, опубликованная в «Вестнике Европы» в 1827 году [4, с. 6].

Определение Н. Корсуном сущности истории как науки «показывающей духовный путь, по которому Предвечный ведет своих чад к приобщению к своей любви» [36, с. 10], находилось под влиянием официального стремления соединить науку с религией, но его представления о составляющих историю вспомогательных науках были на высоте научной мысли того времени. Для автора история представлялась единым целым, состоящим из отдельных наук, тесно связанных между собой. Во главе вспомогательных наук он ставил науку «историографию, заключающую в себе главные основания

¹ Для П. Милуков эта работа знаменовала собой начало качественно нового этапа в истории отечественной исторической науки - становление университетской исторической науки [35, с. 5].

исторической критики» (т.е. источниковедение в современном понимании) [36, с. 14]. Далее Н. Корсун назвал известные ему науки из цикла нынешних специальных исторических дисциплин, указав на их предмет и особенности. В конце перечня автор заявлял, что «не достаёт ещё верной и полной *истории наук исторических*, которая бы вмещала в себя не одну только литературу, но весь ряд перемен, случившихся с историей и различие в способах представления оной древними и новыми писателями» [36, с. 18]. В своем рассуждении молодой ученый посчитал нужным представить беглый обзор развития исторических знаний с древнейших времен до современности. Его выводы о развитии исторической науки вписывались в традиционную универсальную схему движения наук: история из формы устных преданий перешла в письменные формы сначала у восточных народов, а потом тот же путь совершили и исторические знания у древних греков, достигнув у них расцвета [36, с. 19]; подражая древнегреческим историческим сочинениям, в дальнейшем и римские историки создали свои исторические произведения; в средние века, преемственность в развитии исторических знаний была нарушена, результатами трудов средневековых историков, «удалившись от своих предшественников», явились, не имеющие значения в глазах автора «сухие хроники и скудные труды монахов»; со времени же возрождения наук в Новое время возродилась в Европе и историческая наука, обратившись к сочинениям античности [36, с. 20].

Таким образом, Н. Корсун представил три блока вспомогательных исторических наук— (по сути, нынешние источниковедение, историография и специальные исторические дисциплины), разграничив сферы их компетенции, но в то же время подчеркнув их единство. У него они составляли «ветви» одного целого - «древа истории», и только это единство давало право истории, по мнению автора, «более других наук служить орудием к истинному просвещению» [36, с. 9]. Рассмотрение вопроса о связях и особенностях составляющих историю наук с проекцией на проблемы преподавания истории дает возможность говорить о наличии у автора представления о дисциплинарной структуре исторической науки. При чем в этой структуре историографии как «*истории наук исторических*» отводилось особое место.

В магистерской работе другого выпускника университета В.Ф. Цыха историографические представления получили свое практическое применение при решении теоретических вопросов истории. Магистерская диссертация Цыха «Рассуждение на тему по причине беспрестанного умножения массы исторических сведений и распространения объема истории, не оказывается ли нужным изменить обыкновенный способ преподавания сей науки и какой он должен быть именно, как вообще, и особенно в университетах» была издана в 1831 году. Основная цель работы состояла в осмыслении процесса накопления эмпирической базы истории, которая к началу XIX века была значительно расширена как за счет увеличения текстовой базы исторических исследований, так и развития материально-предметной ее составляющей. Важной задачей также являлось стремление автора осмыслить влияние процесса накопления эмпирического материала на разработку теории истории, и проблемы ее преподавания.

Основным частям диссертации предшествовало вступление, посвященное размышлениям автора о сущности истории как науки. Чтобы очертить содержание науки, автор вводит понятие идеальной истории, как части всеобщего знания [37, с. 5]. В столкновении этого идеала с возможностями человеческого познания для В.Ф. Цыха становились яснее «границы, задачи, трудности реальной истории, доступной человеческому уму». Реальная история представлялась «знанием неполным, неопределенным, которому дать объем и единство по одной общей идее не возможно» [37, с. 14]. Тем не менее, автор предлагает свой вариант определения, который фактически являлся осмысление вопросов предметного поля, исследовательских приемов и задач исторической науки [37, с. 15].

В доказательство «неопределенности истории» В.Ф. Цых приводил тезис о разнице в воззрениях на науку и различиях в способах конструирования прошлого на протяжении всего существования исторической науки [37, с. 14]. Обозрению этих способов, составляющих различные направления, посвятил автор заключительную часть своего вступления. Но, прежде всего, он решал вопрос о времени зарождения истории как науки, связывая ее появление с деятельностью логографов и Геродота, воплотивших в своих трудах элементы исторической критики и стремившихся к

постижению истины [37, с. 20]. Основанием для выделения направлений служили: «субъективные цели авторов - риторическое, эклектическое направление» [37, с. 22], «особенности материалов - исследовательское направление» [37, с. 27] и «новые идеи, перешедшие из других наук - философическое направление» [37, с. 29]. Ученый не ставил цели представить эти направления как последовательные этапы развития исторической науки, хотя при характеристике каждого конкретного направления автор называет его создателя, и прослеживает развитие направления в исторической науке нового времени и современности. И только последнее направление («новейшее») вносит в перечень элемент хронологической упорядоченности [37, с. 32]. Выделение этого направления сделано В.Ф. Цыхом под впечатлением от изменения взгляда на историю в трудах представителей французской романтической историографии.

Главное внимание в названии диссертации В.Ф. Цыха обращено на область методики преподавания, но в содержании работы автор более подробно исследует обзор причин или путей накопления массы исторических источников и «расширения объема истории», под чем ученый понимал появление новой исследовательской модели, представленной романтической исторической мыслью. В качестве основных причин изменений в науке автор называл «ход исторической жизни рода человеческого» [37, с. 39], «археолого-исторические исследования и открытия» [37, с. 48], и «распространение новых идей в истории» [37, с. 63]. Говоря о распространении новых идей в истории, В.Ф. Цых пытался проанализировать тип историописания господствующий до второй половины XVIII века. Ученый считал, что этот тип сложился еще в античной историографии и сменился под влиянием философии истории новым взглядом на историю, в основе которого лежали понятия о народности и переориентация интереса исследователей с политической истории на вопросы внутренней жизни [37, с. 74]. Таким образом, автор пытался не только определить сущность и содержание нового исследовательского подхода, но и вписать его в процесс движения науки, обосновать историческую закономерность появления нового взгляда на историю, ее предмет и задачи. При этом элементы историографического анализа в диссертации В.Ф. Цыха, помогая утверждению нового знания, выполняли конструктивную функцию.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Становление историографии как научной и учебной дисциплины в Харьковском университете представляется результатом общего хода развития университетского гуманитарного образования. Благоприятные условия для такого развития создал первый университетский устав, предоставив свободу преподавания и задав высокий уровень профессионализма университетской профессуры. На практике в университете поддерживали этот уровень своей деятельностью иностранные профессора, являвшиеся проводниками передовых идей европейской научной мысли. В условиях слабой дифференциации наук в начале XIX века накопление багажа историографических знаний происходило в недрах смежных с историей дисциплин, прежде всего истории словесности. Благодаря влиянию этих факторов в первой трети XIX века историографические знания и историографический метод стал неотъемлемой частью университетского исторического образования. В это время был осознан дидактический потенциал критического метода преподавания и роль историко-научных исследований в качестве эффективного способа организации самостоятельной научной работы учащихся. История науки стала составлять предмет вступительных лекций, а историографические обзоры служили в качестве вводных частей к историческим курсам. В это же время в своих теоретических работах молодые ученые университета посредством обращения к историко-научной проблематике пытались решить актуальные проблемы исторической науки, началось осмысление историографии как отдельной дисциплины. Выпускник университета Н. Корсун сформулировал ее название, которое отражало понимание автором предметного ее поля и отношений с другими дисциплинами исторического профиля. Таким образом, идеи, высказанные молодым ученым Харьковского университета, позволяют говорить о начале процесса осознания дисциплинарной самостоятельности историографии и датировать этот момент 20-ми годами XIX века.

-
1. Колесник И.И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1993. – 208 с.

2. Колесник И.И. Когда зародились историографические знания в России. Пути исследования проблемы // История СССР. – 1989. – №4. – С.136-151.
3. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1955.; Шевцов В.И. Вопросы отечественной историографии в русской исторической литературе 20-30-х годов XIX века // Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения. – Днепропетровск: ДГУ, 1976. – Вып. 3. – С. 128-145.
4. Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России (с середины XIX века до 1917 г.) – М.: Наука, 1983. – 209 с.
5. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Спб, 1864.
6. Багалій Д.І. Вибрані праці. Т.3. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Ч.1. – Харків: Вид-во НУА, 2004. – 1151 с.
7. Обзорение публичных чтений в имп. Харьковском университете в 1805-1835. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1805-1835.
8. Роммель Х.Ф. О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения // Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Харьковского университета, 30 августа 1811 г. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1811. – С. 48-58.
9. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805-1905). – Х.: Тип. А.Дарре, 1908. – 558 с.
10. Дегуров А.А. О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе перед прочими частями света // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета, бывшем 17 янв. 1812 г. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1808. – С. 39-52.
11. Якоб Л.Г. О влиянии университетов на образование и благосостояние народов // Речи, говоренные в торжественном годовом собрании императорского Харьковского университета, 17 января 1808 г. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1808. – С. 68-86.
12. Дегуров А.А. Критика истории и ее защищение // Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Харьковского университета, 30 августа 1808 г. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1808. – 52 с.

13. Лебедев А.С. Антон Антонович Дегуров. Биографический очерк из истории Харьковского и Петербургского университетов: 1806-1836 гг. // Вестник Европы. – 1876. - № 3. – С. 135-177.
14. Затеplinский П.А. Об астрономии // Украинский журнал. – 1824. – № 21. – С. 99-120.
15. Стельмах С. Історична думка в Україні XIX – початку XX ст. – К., 1997.
16. Данилевский Р.Ю. И.Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России // Русская культура XVIII века и западно-европейские литературы. – Л.: Наука, 1980. – С.174-217.
17. Сухомлинов М.И. Исследование и статьи по русской литературе и просвещению. – Т.1. – Спб.: Издание А.С. Суворина, 1889.
18. Сухомлинов М.И. О трудах по истории русской литературы // ЖМНП. – 1871. – Ч. 156. – № 8. – С. 139-180.
19. Известия о жизни и смерти И.С. Рижского. – Х.: Тип. Харьк. ун-та. 1811. – 43 с.
20. Греч Н. Опыт краткой истории русской литературы. – Спб., 1822. – 393 с.
21. Попов А. Краткое обозрение начала, постепенного возвышения и успехов российской словесности // Сочинения и переводы студентов Императорского харьковского университета, читанные 30 июня 1820 г. по окончании экзаменов. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1820. – С. 21-38.
22. Возникновение русской науки о литературе. – М.: Наука, 1975. – 464 с.
23. Успенский Г.П. Опыт повествования о древностях русских. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1818. – 815 с.
24. Успенский Г.П. Отзыв сочинителю рецензии на книгу «Опыт повествования о древностях русских» // Украинский вестник. – 1818. – Кн.9. – С.377-389.
25. Багалій Д.І. Вибрані праці. Т.4. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Ч.2. – Харків: Вид-во НУА, 2005. – 1003 с.
26. Боровиковский И.И. Воспоминания о полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. – Т.1. – Х., 2008. – С.90-99.
27. Де-Пуле М.Ф. Харьковский университет и Д.И. Каченовский: культурный очерк и воспоминания из [18]40-х годов //

- Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. – Т.1. – Х., 2008. – С. 272-331.
28. Гулак-Артемовский П.П. Речь, читанная при начатии нового курса учения // Речь, произнесенная в зале торжественных собраний к студентам Императорского Харьковского университета 1 сент 1828 г. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1828. – 22 с.
29. Геевский С.Л. Из автобиографии (1813-1862)//Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. – Т.1. – Х., 2008. – С. 136-156.
30. Бузескул В.П. О лекциях В.Ф. Цыха проф. Харьковского университета в 30-х годах прошлого века. – Х., Тип. Харьк. ун-та, 1910.
31. Из воспоминаний студента Н. // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. – Т.1. – Х., 2008. – С. 99-130.
32. Срезневский И. О научных занятиях студентов. По поводу письма профессора Дройзена // ЖМНП. – 1869. - №12. – С.247-265.
33. Степанов Т.Ф. Вступительная лекция. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1833. – 20 с.
34. Степанов Т.Ф. Из «Автобиографии» // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. – Т.1. – Х., 2008. – С. 40-54.
35. Милуков П.Н. Главные течения русской исторической мысли – 3-е изд. – СПб: М.В. Аверьянов, 1913. – 341 с.
36. Корсун Н. Рассуждение о том, в чем состоит сущность истории и какой надлежащий способ ее изучения для получения степени магистра по части исторических наук. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1824. – 32 с.
37. Цых В.Ф. Решение вопроса: по причине беспрестанного умножения массы исторических сведений и распространения объема истории, не оказывается ли нужным изменить обыкновенный способ преподавания сей науки и какой он должен быть именно, как вообще, так и особенно в университетах? Рассуждение, написанное кандидатом В. Цыхом для получения степени магистра по части исторических наук. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1833. – 128 с.

Кісельова Ю. Витоки становлення історіографії як навчальної та наукової дисципліни у Харківському університеті: перша третина XIX ст.

Резюме: Стаття присвячена проблемі зародження історіографічних знань у Харківському університеті у першій третині XIX ст.. На початку існування університету цьому процесу сприяла діяльність іноземних професорів, а нагромадження матеріалів відбувалося у сфері історії класичної та російської літератури. Наприкінці зазначеного періоду історико-наукові знання набувають статусу традиційного елементу вступу до історичних курсів та актуалізуються у перших наукових працях історико-теоретичного характеру. Ця практика дозволила вихованцю університету Н. Корсуню у своїй кандидатській дисертації сформулювати ідею про необхідність окремої науки – «історії наук історичних», що свідчило про початок процесу розуміння дисциплінарної самостійності історіографії.

Ключові слова: історіографія, Харківський університет, історико-наукові погляди, історія літератури.

Киселёва Ю. Истоки становления историографии как учебной и научной дисциплины в Харьковском университете: первая треть XIX века

Резюме: Статья посвящена проблеме зарождения историографических знаний в Харьковском университете в первой трети XIX века. На начальном этапе существования университета этому процессу способствовала деятельность иностранных профессоров, а накопление материала происходило в сфере истории классической и российской литературы. К концу указанного периода историко-научные знания приобрели статус традиционного элемента вступительных лекций к историческим курсам, к ним начинают обращаться первые авторы историко-теоретических работ. Эта практика позволила выпускнику университета Н. Корсуню в своей кандидатской работе сформулировать мысль о необходимости особой науки - «истории наук исторических», что свидетельствовало о начале процесса осознания дисциплинарной самостоятельности историографии.

Ключевые слова: историография, Харьковский университет, историко-научные взгляды, история литературы.

Kiseleva Yu. Origins of historiography as a Scholarly discipline and a Science in Kharkiv University in the first third of nineteenth century.

Summary: The article is devoted to the origin of the historiography knowledge at Kharkiv University in the first third of nineteenth century. At the initial stage of the University the activities of foreign professors contributed to this process, and the accumulation of material occurred in the field of the history of literature. By the end of the mentioned period historiographical knowledge had acquired the status of the traditional element of historical rates introduction, and was used in the first scientific studies of historical and theoretical nature. This practise allowed the University graduate N. Korsun to set forth the idea of necessity to develop a special science - "history of historical sciences". This indicated the initiation of awareness of historiography's disciplinary autonomy.

Key words: historiography, Kharkiv University, historical-scientific views, history of literature.

С.А. ЧУХЛИЙ

**ИСТОРИК В ПЕРЕЛОМНУЮ ЭПОХУ:
ПЕРИПЕТИИ СУДЬБЫ И ЗИГЗАГИ НАУЧНОГО
ТВОРЧЕСТВА ПРОФЕССОРА М.В. КЛОЧКОВА**

«...Должен оговориться, что при изложении предмета я не пытался приводить мнения других исследователей и не входить, за редким исключением, в полемику при разногласиях, полагая, что приведенный материал будет говорить сам за себя и даст возможность читателю определить, в чем я расхожусь с предшествующими исследователями и насколько прав в своих выводах... » (М.В. Клочков [14. - С. 28]).

Эти строки из предисловия к научной работе профессора Михаила Васильевича Клочкова (1877 - 1952) использованы не только как эпиграф, позволяющий уже в начале изложения заметить некоторые особенности личности данного человека, но и нашу позицию применительно к данной статье. Задача оказалась не очень простой – на сегодняшний день специальных работ, посвященных научной биографии М. Клочкова практически нет. Его имя почти исчезло из отечественной историографии. Разработка данной темы началась лишь в последние годы и ограничивается немногими публикациями относительно отдельных аспектов жизненного и творческого пути профессора [1; 2; 24; 30].

Ученик известных русских историков Е.Ф. Шмурло, М.А. Дьяконова и С.Ф. Платонова, и, в свою очередь, учитель не менее известного русского историка-эмигранта С.Г. Пушкарева, профессор истории нескольких университетов России и Украины, М.В. Клочков сегодня известен лишь немногим специалистам, благодаря его трудам по истории крестьянства, земских соборов, внутренней политики России XVII – XX веков [17; 19 и др.]. В этих работах он не выдвинул

новой концепции истории России, но обстоятельно осветил отдельные аспекты ее прошлого.

Бурные события общественно-политической жизни страны оказывали непосредственное влияние на судьбу М.В. Ключкова и находили своеобразное отражение в его творчестве. В данной статье предпринята попытка объяснить перипетии жизненного и творческого пути историка, в том числе на основе архивных источников.

Родился он 10 ноября 1877 г. в г. Самаре, в семье канцелярского писаря [6. – Л. 3]. После обучения в гимназии, возможно по настоянию матери - дочери священника, Михаил, вместе с братьями Николаем и Александром, был определен в духовное училище, а после — в семинарию [2. – С. 15]. По ее окончании Михаилу Ключкову за качественный счет была предложена поездка в Санкт-Петербург — для продолжения образования в духовной Академии, но он отказался, решив поступать в университет. Выбор пал на историко-филологический факультет Юрьевского (Дерптского) университета, где он обучался в (1899 – 1904 гг.) [6. – Л. 4].

Университетские преподаватели привили ему критическое отношение к источнику как к основе серьезного научного исследования, и в будущем Ключков проявил себя как подлинно профессиональный источниковед. В 1901 г. он опубликовал свою первую научную статью о земледельческих товариществах XVI – XVII вв. – «К вопросу о складниках» [18]. Ключков, без сомнения, подавал надежды как ученый, в следствии чего, он был оставлен по окончании университета (в 1904 г.) для подготовки к профессорскому званию.

Сдав в 1906 – 1907 гг. магистерские экзамены по русской и всеобщей истории, а также по политической экономии, он начал преподавать на Высших (Бестужевских) женских курсах, затем в качестве приват-доцента Петербургского университета [5. – Л. 1]. К этому времени определилось основное направления его научной работы - внутренняя политика России XVII – XVIII веков (с акцентом на социальных аспектах). И уже в 1911 г. в Петербурге из печати вышла его обширная (435 страниц) магистерская диссертация «Население России при Петре I» - «... в целом тщательно и на совесть выполненный труд» - как отмечал известный историк Александр Кизеветтер [13. – С. 410]. Для выходца из разночинской среды, это было большим жизненным успехом.

В 1913 г. М. Клочков начал работать в Харьковском университете. Процедура избрания на кафедру Клочкова Советом факультета и университета вызвала широкий резонанс. Михаила Васильевича рекомендовал проф. В.И. Савва. Вторым кандидатом на должность был приват-доцент Харьковского университета, магистр русской истории Василий Иванович Веретенников, представляемый проф. Д.И. Багалеем [12. – С. 41]. Дело осложнялось тем, что во внутренней жизни университета происходила борьба между либеральными и консервативными профессорами. Последние, и оказали поддержку М.В. Клочкову.

Этот эпизод ярко продемонстрировал идейно-политическую дифференциацию в профессорской корпорации начала XX века. Но, поскольку столкновение мнений факультета и Совета университета развернулось в формально-процедурной плоскости (когда первый избрал М.В. Клочкова, а второй – В.И. Веретенникова), точку в этом деле поставило Министерство народного просвещения. Последнее, после обсуждения вопроса на своем заседании, утвердило в должности профессора М.В. Клочкова [29. – С. 240].

Безусловно, можно говорить о комплексе факторов, определивших победу Клочкова – протекцию С.Ф. Платонова, рекомендацию В.И. Саввы, поддержку А.С. Вязигина, собственно решение Министерства и т.д., но, очевидно, что в данном инциденте никто не ставил под сомнение профессиональные и личные качества М.В. Клочкова. К слову, как отмечалось в выписке из журнала заседания историко-филологического факультета Императорского Харьковского университета, М.В. Клочков был, несмотря на активную гражданскую позицию, убежденным противником внесения какой-либо политики в жизнь университета, «равно как и всякой партийности» [3. – С. 78]. До 1919 г., будучи экстраординарным профессором кафедры русской истории Харьковского университета, Клочков одновременно преподавал и на Высших женских курсах. В это время он был уже известен как автор более двадцати научных публикаций, посвященных в основном теме истории России «петровского и павловского времени».

В октябре 1916 г. М.В. Клочков защитил фундаментальную докторскую диссертацию «Очерки правительственной деятельности времени Павла I» [21], которая была опубликована в том же году в

Петерограде. Ученый не рискнул защищаться в Харькове, как и его предшественник по кафедре проф. П.Н. Бущинский. Эта книга вызвала различные отзывы, но они скорее касались не ее качества, а оценки Павла I в историографии. Автор попытался показать на документальной основе государственную деятельность императора. Как позже вспоминал ученик М.В. Ключкова, историк С.Г. Пушкарев: «Либеральная историография не любила Павла, тогда как М.В. Ключков находил в его деятельности некоторые положительные моменты, и кадетские историки сурово критиковали его труд» [26. – С. 46].

Защита докторской диссертации означала научное признание ученого. Положение Ключкова упрочилось и приобрело стабильность. Это было подтверждением большого потенциала и трудолюбия ученого, который, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, смену места жительства и сложные общественные условия смог в достаточно небольшой срок написать и защитить фундаментальные диссертационные работы. Они свидетельствовали о том, что познавательные интересы ученого были сосредоточены в сфере изучения конкретных проблем отечественной истории, не распространяясь на теоретические, философские проблемы исторической науки. Более того, характерной чертой творчества М.В. Ключкова было стремление уйти от любой теории в область сугубо конкретного фактологического исследования. Об этом опять же красноречиво свидетельствуют его диссертационные работы [14; 21].

Годы гражданской войны, частая смена власти нарушили привычный уклад жизни многих. М.В. Ключков не стремился укрыться от происходящих событий и действовал в соответствии со своей гражданской позицией, активно поддерживая Белое движение. Очевидно, что в связи с этим он был вынужден, после отступления Добровольческой армии, покинуть Харьков в 1919 г., и оказаться на Кубани, где он и оставался более десяти лет.

По логике событий, он должен был в это время отойти от научно-педагогической и просветительской деятельности, но мы видим обратное. Он ведет активную научно-педагогическую и общественную работу. В 1920-е годы происходит не только смена научных интересов Ключкова (акцент на историко-краеведческих, региональных исследованиях), некоторые работы Ключкова вполне соответствуют

новым веяниям, а их названия говорят сами за себя, например, «Ленин как ученый-экономист» [16]. Научная деятельность характеризовалась постепенным отходом от прежних методологических принципов и освоением установок советской историографии с ее социально-классовым, материалистическим объяснением прошлого. Более того, он не просто принял идеологию советской власти, но кардинально изменил полярность своей гражданской позиции. Возможно, уже в ходе гражданской войны М.В. Ключков осознал неизбежность и предопределенность грандиозного социального переворота и поэтому декларировал переход на сторону Советской власти.

Трудно объяснить данные метаморфозы. Безусловно, можно говорить о тяжести обстоятельств, о политическом диктате и т.п. Кто-то мог бы бросить даже обвинения историку в беспринципности. Однако, на наш взгляд, рассматривать историю жизни и творчества М.В. Ключкова как иллюстрацию типичной формы поведения с акцентом на роли среды не вполне уместно. Нам представляется более перспективным в данном случае сосредоточить внимание на атипичном (девиантном) поведении «героя» данной биографии. При этом девиантное предлагается рассматривать как крайнее проявление нормы, как «пограничный случай».

Очевидно, что уже студенческие годы были моментом выбора для Ключкова. Известные преобразования в Дерптском университете конца XIX века, привели к тому, что сюда стали различными способами привлекать учащихся из внутренних губерний империи. В 1889 – 1895 гг. была проведена реформа университета, состоявшая в частичном распространении на него устава 1884 г. Университет лишился своей автономии, которая существовала более 80 лет. С февраля 1893 г. университет был официально переименован из Дерптского в Юрьевский. С 1889 по 1900 г. в Германию переехали 19 преподавателей, на пенсию вышло 9 профессоров, удельный вес немцев начал сокращаться, а число русских преподавателей увеличилось. Резко изменился состав студентов: начался отток студентов-немцев. Многие прибалтийские немцы в знак протеста против реформы («русификации») университета стали направлять своих сыновей в германские университеты. В 1890 – 1896 гг. число студентов сократилось на 732 человека. Соответственно, правительственным указом от 13 июля 1897 г. в целях продолжения

русификации этого университета было разрешено поступать в него семинаристам [27. – С. 588 – 589]. В какой-то степени, уже этот эпизод биографии можно рассматривать как «преодоление» неких моральных препятствий (какое-то время новые студенты чувствовали себя в этом городе весьма неудобно, учитывая незнание языка местных жителей и их мягко говоря «прохладное» отношение к пришельцам).

Подобным образом можно трактовать и тот факт, что человек «из разночинцев» становится монархистом по своим убеждениям (хотя консерваторы заявили о себе в российских университетах в начале XX в, но их численность была ничтожно мала, особенно среди студентов). Его идейная позиция среди либеральной университетской профессуры выглядит также как атипичная. Не менее экстремальной (но «типичной» для Клочкова) стала трансформация его позиции в 1920-е годы. В то время как большинство либеральной интеллигенции перешло в оппозицию или всячески подчеркивало свою аполитичность, Клочков склонен идти на союз с новой властью. Он снова демонстрирует свое стремление принадлежать к интеллектуальному меньшинству.

Одно можно сказать уверенно: для М.В. Клочкова такая его позиция требовала немалого мужества на всех этапах жизни и назвать его «приспособленцем» было бы в корне неправильно. Очевидно, что такой путь не был самым легким, обрекал историка на мучительные размышления о пройденном пути и одиночество.

В 1930-е 1940-е годы происходила постоянная смена мест жительства М.В. Клочковым: Москва, Архангельск, Ростов. Менялись города, но сфера деятельности оставалась неизменной – преподавание в высшей школе и научно-исследовательская работа. Возможно, постоянные переезды были бегством «от прошлого» в тех условиях, когда это «прошлое» могло быть поставлено в вину – что и произошло в 1934 г., когда сотрудниками ОГПУ Азово-Черноморского края был арестован ряд преподавателей Краснодарского пединститута, обвиненных в причастности к Северо-Кавказкому филиалу контрреволюционной организации «Российская национальная партия» [28. – С. 7]. В этой организации состояли якобы бывшие активные сотрудники белогвардейского Осведомительного агентства Добровольческой армии А.И. Деникина [4. – Л. 202]. В личном фонде проф. М.В. Клочкова в Государственном архиве Харьковской области

хранятся документы, отражающие определенную связь М.В. Ключкова с Добровольческой армией генерала Деникина в период ее пребывания в Харькове, в частности, с Харьковским отделением отдела пропаганды Добровольческой армии [7; 8; 9; 11], поэтому не исключен вариант доноса на Ключкова именно из Харькова. В 1934 г. ему было предъявлено обвинение по ст. 58 – II УК РСФСР (организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений) [4. – Л. 205]. Приговор – ссылка в Среднюю Азию на три года¹.

Умер М.В. Ключков 28 марта 1952 г. Через несколько дней в местной ростовской газете «За советскую науку» был опубликован некролог, где отмечалось – «Более, чем 50 лет жизни профессор посвятил науке. С пользой работал в области воспитания и подготовки молодых научных кадров. Этот человек посвятил себя действительно благородному делу» [25].

Не претендуя на подведение итогов, лишь зададимся вопросом. Нетипичная личность в переломную эпоху: что может быть сложнее? Среди документов Личного фонда профессора Ключкова в Государственном архиве Харьковской области [Ф. 1027. – Оп. 1. – Д. 31] сохранился черновой набросок очерка ученого «Начало одного рассказа»: «...Я шел, не разбирая пути, безцельно. Мне чего-то не хватало, а чего? – Я и сам не знал. Я был один. Я привык к своим скитаниям. Моя мечта меня не заметила, прошла мимо. В отблесках заката, я видел, как она несчастна. В ее глазах скорбь и страдание. Я снова брел неизвестно куда...» [10. – Л. 1]. Эти слова напоминают слова исповеди, которым суждено было стать пророчеством.

-
1. Балишев М.А., Машенко О.М. Харківський університет: історичний екскурс за архівними документами. – Х.: СПДФЛ Яковлєва. – 2004. – 202 с.

¹ 3 июля 1990 г. все лица, проходящие по делу, реабилитированы в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начале 50-х годов» [4. – Л. 205]

2. Балышев М.А. Профессор истории Михаил Васильевич Ключков. Документально-биографический очерк // UNIVERSITATES. Наука и просвещение. – № 3. – 2003. – С. 14 – 19.
3. Выписка из журнала заседания Историко-Филологического Факультета Императорского Харьковского университета 28 октября 1913 г. [Баллотировка М.В. Ключкова и В.И. Веретенникова на должность преподавателей русской истории] // Записки Императорского Харьковского университета. 1914. – Кн. 1-я, ч. оф. – X., 1914. – С. 77 – 82.
4. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-1700. – Оп. 2. – Д. 926.
5. Государственный Архив Харьковской области. – Ф. 1027. – Оп. 1. – Д. 1. – 5 л.
6. Государственный Архив Харьковской области. – Ф. 1027. – Оп. 1. – Д. 7. – 9 л.
7. Государственный Архив Харьковской области. – Ф. 1027. – Оп. 1. – Д. 18. – 4 л.
8. Государственный Архив Харьковской области. – Ф. 1027. – Оп. 1. – Д. 19. – 1 л.
9. Государственный Архив Харьковской области. – Ф. 1027. – Оп. 1. – Д. 26. – 16 л.
10. Государственный Архив Харьковской области. – Ф. 1027. – Оп. 1. – Д. 31. – 3 л.
11. Государственный Архив Харьковской области. – Ф. 1027. – Оп. 1. – Д. 34. – 6 л.
12. Дело об избрании историко-филологическим факультетом императорского Харьковского университета 28 окт. 1913 г. профессора по кафедре русской истории [М.В. Ключкова и В.И. Веретенникова] // Записки императорского Харьковского университета. – 1914. – Кн. 1, ч. оф. – С. 41 – 85.
13. Кизеветтер А. А. [Рецензия] А.А.Кизеветтер // Рус. мысль. – 1911. – Кн. 40. – С. 409 – 410. – Рец. на кн.: Ключков М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Том первый: Переписи дворов и населения (1678 – 1721) / М.В. Ключков. – СПб. – 1911. – 435 с.
14. Ключков М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1; Переписи дворов и населения (1678–1721). – СПб. – 1911. – 435 с.
15. Ключков М.В. В.И. Ленин и крестьянство // Сельскохозяйственная кооперация. Журнал Кубанско–

- Черноморского центрального союза сельскохозяйственных кооперативов. – 1924. – №4. – С. 207 – 212.
16. Клочков М.В. В.И. Ленин как ученый–экономист // Буревестник. – 1924. – № 1 – 2. – С. 37 – 43.
 17. Клочков М.В. Земские соборы: Ист. очерк. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., Луковников. – 1914. – 120 с.
 18. Клочков М.В. К вопросу о складниках // Журнал Министерства народного просвещения – 1901. – Ноябрь – 23 с.
 19. Клочков М.В. Крестьяне и крепостное право в России XVIII в. (Книга для чтения по истории нового времени) – Т. 1 – 2. – М.: Изд-во т-ва Сытина. – 1912.
 20. Клочков М.В. М.В. Ломоносов, его жизнь и деятельность. – Архангельск: Архангельское областное издательство, 1941. – 76 с.
 21. Клочков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. – Пг.: Сенат. тип., 1916. – 629 с.
 22. Клочков М.В. Промышленность на Кубани / Кубань и Черноморье. Кубанское окружное бюро краеведения. – Краснодар, 1927. – С. 39 – 53.
 23. Клочков М.В. Судьба архива наместника на Кавказе. – Известия ОЛИКО. – Вып. 8 (под ред. Б.М. Городецкого). – Краснодар, 1924. – С. 109 – 118.
 24. Православная энциклопедия Харьковщины /Автор идеи и руководитель В.В. Петровский. Сост., отв. ред. А.Д. Каплин. – Харьков: Майдан, 2009. – 564 с. (С.245 – 246 о М.В. Клочкове).
 25. Профессор М.В.Клочков (некролог) // За советскую науку. – 1952. – № 13 – 5 апреля.
 26. Пушкарев С.Г. Воспоминания историка. 1905 – 1945. – М.: Посев. – 1999.
 27. Тамул С. Тарту и его университеты // Университет и город в России (начало XX века). – М., 2009. – 610 с.
 28. Чумаченко В.К. Казачья литературная Голгофа (кубанские писатели, историки и журналисты – жертвы политических репрессий) [http:// www. cossackdom.com](http://www.cossackdom.com). – 12 с.
 29. Чухлій С.О. Кадрові пристрасті в Харківському університеті (епізод з біографії М.В. Клочкова) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2006. – Вип. 8. – С. 238 – 242.
 30. Шевченко Г.Н. Михаил Васильевич Клочков (1877 – 1952). Историко–биографический очерк. // Голос минувшего:

Кубанский исторический журнал. – Краснодар, 1997. – №1 (3).
– С. 54 – 57.

Чухлій С.О. Історик у переломну добу: перипетії долі та зигзаги наукової творчості професора М.В. Ключкова

Резюме: В статті розглянуто основні етапи життя та діяльності російського та українського історика Михайла Васильовича Ключкова (1877 – 1952). На цьому прикладі окреслена проблема долі історика в переломну добу.

Ключові слова: М.В. Ключков, науково-дослідна робота, педагогічна діяльність, університет.

Чухлий С.А. Историк в переломную эпоху: перипетии судьбы и зигзаги научного творчества профессора М.В. Ключкова

Резюме: В статье рассмотрены основные этапы жизни и творчества российского и украинского историка Михаила васьильевича Ключкова (1877 – 1952). На этом примере обозначена проблема судьбы историка в переломную эпоху.

Ключевые слова: М.В. Ключков, научно-исследовательская деятельность, педагогическая деятельность, университет.

Chukhliy S.A. A historian during the critical epoch: the twists and turns of fate and zigzags of scientific creativity of professor M.V. Klochkov

Summary: The article is dedicated to the general stages of life and research of russian and ukrainian historic Mikchailo Vasilovich Klochkov (1877 - 1952). The problem of the historican destiny in the broken epoch is lighted.

Keywords: M.V. Klochkov, scientist-research work, pedagogical activity, universities.

А. А. САЙПАНОВА

**С. И. СИДЕЛЬНИКОВ – ДЕКАН
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Степан Иванович Сидельников (1916 – 1977) пришел в Харьковский университет уже сформировавшимся историком. За его плечами были учеба на историческом факультете Ленинградского университета (1934 – 1939 гг.), работа старшим преподавателем, а затем исполняющим обязанности заведующего кафедрой новой истории Сталинградского педагогического института (1939 – 1942 гг.), участие в боях на фронтах Великой Отечественной войны, тяжелое ранение во время Дукельской операции при освобождении Чехословакии, длительное лечение в госпиталях Львова, Волыни и Харькова, работа в Харьковском педагогическом институте им. Г.С. Сковороды в качестве сначала старшего преподавателя, затем доцента, заведующего кафедрой всеобщей истории, декана историко-филологического факультета (1945 – 1956 гг.), защита кандидатской диссертации на тему «Воссоединение княжества Болгарии и Восточной Румелии (1878 – 1886 гг.)» (1947 г.). В 1956 г., в связи с объединением исторического отделения педагогического института и исторического факультета университета, С.И. Сидельников перешел на постоянную работу в Харьковский государственный университет. С этого времени и до конца жизни он работал на кафедре новой и новейшей истории. Здесь он подготовил и 21 мая 1963 г. защитил в Отделении общественных наук АН УССР докторскую диссертацию на тему «Создание и деятельность первого Болгарского революционного центрального комитета (1868 – 1873 гг.)». С 1963 г. Степан Иванович занимал должность декана исторического факультета, а с 1964 г. возглавлял кафедру новой и новейшей истории [13, л. 1, 5 – 6; 15].

Деятельность С.И. Сидельникова в Харьковском университете была многогранной. Условно ее можно разделить на три направления:

научно-исследовательское, педагогическое и административное. Научное творчество ученого неоднократно было объектом историографических исследований. В работах Г.И. Чернявского [24], в том числе опубликованных в соавторстве с В.П. Чорнием [25] и А.А. Чувпило [26; 27], а также в статьях Н.И. Самойленко [18; 19], П.С. Соханя [21] и Н.Н. Червенкова [23] определен круг научных интересов историка, его вклад в разработку проблем истории и историографии Болгарии, русско-болгарских революционных связей, в советскую историко-славистическую науку в целом. Однако его административная деятельность в Харьковском университете, в частности на должности декана исторического факультета, не была предметом специального изучения. Лишь отчасти эта тема была затронута в публикациях Е.П. Пугача [16; 17] и воспоминаниях Г.И. Чернявского [28]. Так, Е.П. Пугач впервые представил Степана Ивановича не только выдающимся ученым, но и талантливым педагогом и организатором науки, показав его целенаправленную работу по повышению научного уровня преподавательского состава и привлечению к науке студентов [16, с. 100 – 102; 17, с. 279 – 281]. Отдельные факты из истории его деканства упоминает и Г.И. Чернявский [28, с. 430 – 434].

В данной статье предпринята попытка более глубоко рассмотреть деятельность профессора С.И. Сидельникова на должности декана исторического факультета Харьковского университета, показать его влияние на состояние учебно-педагогической и научной работы факультета, организацию учебного процесса, повышение научного потенциала преподавательского корпуса. Основными источниками послужили протоколы заседаний Ученого совета исторического факультета Харьковского государственного университета по организационным вопросам, годовые отчеты о научной деятельности и материалы о работе факультета с 1963 по 1977 гг., хранящиеся в Государственном архиве Харьковской области.

С.И. Сидельников возглавлял исторический факультет Харьковского государственного университета на протяжении 13 лет. Ученый совет факультета впервые избрал его деканом 25 октября 1963 г. с редким единодушием [2, л. 5]. Степан Иванович переизбирался на очередной трехлетний срок в последующие годы четырежды – в 1967 [13, л. 28], 1970 [5, л. 30 – 31], 1973 [9, л. 15 – 21] и 1976 гг. [12, л. 58 –

60]. Во время выборов декана в 1973 г. тогда заведующий кафедрой истории средних веков ХГУ А.И. Митряев сказал, что «это лучшая кандидатура» на данную должность [9, л. 16]. Такая оценка соответствовала общей точки зрения коллектива. Декан пользовался заслуженным авторитетом на факультете. С его мнением считались и при решении сложных вопросов университетской жизни. Как подчеркивал 23 марта 1973 г. на заседании Ученого совета исторического факультета заместитель секретаря парткома ХГУ В.И. Булах: «Степан Иванович завоевал большой авторитет своей деловитостью и как ученый, и как преподаватель, и как руководитель» [9, л. 18]. Хорошим организатором и прекрасным преподавателем характеризовал декана и заведующий кафедрой истории СССР профессор С.М. Короливский на очередном заседании совета [12, л. 59].

И коллеги, и студенты отмечали такую отличительную черту Сидельникова-декана как умение работать с людьми. Так, профессор Б.А. Шрамко, выступая на заседании Ученого совета 23 марта 1973 г., указал на то, что «он бывает шумлив и строг, но это сочетается с чуткостью, отеческой заботой о людях» [9, л. 16 – 17]. В университетской газете М. Томко писала: «Не знаю в университете декана, которого б так единодушно уважали и любили все студенты. Кажется: внешне строгий и требовательный человек, не дает спуска бездельникам, не любит лентяев, не прощает ошибок, резкий. Но в том то и дело, что все это прекрасно совмещается с необычайно душевной теплотой и щедростью, с добрым, открытым сердцем, большим желанием помочь людям, поддержать их в тяжелый час» [22, с. 2].

За годы деканства С.И. Сидельникова исторический факультет занимал первые позиции в университете по основным показателям. Традиционно большое значение декан придавал учебно-педагогической работе. И в этом направлении добился неплохих результатов. Так, с 1963 по 1977 гг. истфак стабильно занимал 1 – 2 место в университете по уровню успеваемости студентов. Если в 1965/1966 учебном году она составляла 92, 5 % [4, л. 8], то к 1976/1977 учебном году достигла 97, 7 % [14, л. 10]. В среднем абсолютная успеваемость студентов сохранялась на уровне более 95 % [12, л. 76]. По качественным показателям значительно увеличился удельный вес отличных и хороших оценок [5, л. 28]. В 1973/1974 учебном году,

например, количество студентов, сдавших сессию на «четыре» и «пять», составляло 67 % [10, л. 116], в 1975/1976 – уже 70, 3 % [12, л. 15 – 16], а в 1976/1977 – 76, 6 % [14, л. 10].

В организации учебного процесса Степан Иванович рекомендовал преподавателям уже в первые недели семестра начинать практические занятия (хотя из-за частых выездов в колхозы и совхозы области этого трудно было добиться); больше внимания уделять такой форме работы со студентами как консультации, используя для этого все запланированное время; проводить индивидуальные собеседования; практиковать вызовы студентов на заседания кафедры для отчетов; регулярно выставлять оценки за работу на семинарах и коллоквиумах в журнале текущей успеваемости. Все это, согласно С.И. Сидельникову, позволяло усилить контроль за работой студентов в течение семестра [5, л. 6, 28; 6, л. 27 – 28; 8, л. 17; 10, л. 84].

Лекционные курсы декан советовал постоянно совершенствовать, уделяя внимание не только содержанию, но и форме [9, л. 58]. Нормой стало взаимопосещение занятий (на всех кафедрах были специальные журналы, в которых фиксировались преподавателями отзывы от посещения лекций коллег [2, л. 43]). Так, при посещении занятий Степан Иванович отмечал, что общим их недостатком является слабый интерес к социально-экономическим проблемам, освещение которых, по его мнению, должно лежать в основе любой лекции. Возмущался отсутствием карт при чтении лекции [10, л. 70]. Относительно практических и семинарских занятий, говорил о необходимости усиления требовательности к студентам [9, л. 10, 58]. На заседании Ученого совета 15 февраля 1974 г. он в пример приводил старшего преподавателя А.И. Черноскутова, который приучил студентов, отсутствовавших на занятиях, сдавать пропущенные темы [10, л. 71].

Особой заботой С. И. Сидельникова были студенты первого курса. Он призывал своих коллег учитывать особенности работы с первокурсниками, переживающими переход от школьной системы образования к вузовской. Кафедрам древней истории и истории СССР, которые вели основную работу со вчерашними абитуриентами, советовалось больше уделять им внимания с целью более быстрой адаптации к требованиям высшей школы. Среди рекомендованных им мероприятий были беседы преподавателей об особенностях учебы в

университете, о самостоятельной работе с литературой и т.д. [5, л. 1, 6]. Во время экзаменационной сессии декан просил максимально помочь первому курсу, не снижая, при этом, требовательности при оценивании знаний [5, л. 14].

Степан Иванович был требовательным и по отношению к своим коллегам. На заседании Ученого совета в преддверии экзаменационной сессии он всегда просил преподавателей строго соблюдать порядок принятия зачетов и экзаменов. Зачеты, в частности, предлагал проводить в вечернее время, а не за счет лекций или во время учебного процесса, чтобы не нарушать расписания и не срывать занятий по другим предметам, а по тем дисциплинам, которые были обеспечены семинарами, советовал выставлять зачеты по результатам выступлений на них студентов [2, л. 19; 9, л. 31]. Экзамены советовал не принимать без подписанной ведомости, проводить их в сроки соответственно составленному расписанию и не допускать пересдачи во время сессии [2, л. 19]. Тех студентов, которые не имели зачетов, не рекомендовалось допускать к сдаче экзаменов [8, л. 43]. Экзамены он советовал проводить методом собеседования, т.е. без предварительно составленных экзаменационных билетов. После в целом положительной оценки использования такой системы проведения экзаменов в 1964/1965 учебном году, рекомендовалось дальнейшее ее совершенствование и более широкое применение [3, л. 2]. При оценивании знаний студентов декан предлагал не проявлять излишний либерализм и быть взыскательными, но в то же время и учитывать результаты работы на коллоквиумах и практических занятиях [1, л. 1, 40; 5, л. 14; 8, л. 13, 43; 9, л. 58].

Важное место в системе университетского образования С.И. Сидельников отводил научной работе студентов и деятельности Студенческого научного общества. Он считал, что СНО помогает студентам проявить себя на научном поприще, поскольку «доклад на кружке – это итог и проба сил студентов» [6, л. 40 – 41]. Так, в 1974/1975 учебном году на факультете работало семь научных кружков, объединяющих 143 студента. Лучшие доклады выдвигались на студенческие научные конференции. В 1974 г. по итогам студенческой научной работы исторический факультет занял первое место в университете и был отмечен Почетной грамотой Совета Министров СССР и ЦК ВЛКСМ [10, л. 135; 11, л. 82].

В связи с решением Министерства высшего и среднего специального образования СССР о научно-исследовательской работе студентов с 1 сентября 1976 г. для студентов 3 курса по кафедрам специализации стала преподаваться новая дисциплина – методика научных исследований. На IV курсе на специальном семинаре отводилось определенное количество часов для обсуждения конкретных вопросов, связанных с подготовкой к защите дипломных работ [11, л. 47, 53 – 54, 91]. Этой проблеме декан всегда уделял большое внимание, полагая, что отличная дипломная работа начинается с хорошей курсовой. Он советовал преподавателям совершенствовать тематику работ, при пересмотре перечня тем рекомендовал избегать тривиальных названий, повышать требования к студентам по их качеству и оформлению, чаще устраивать вызывные консультации и устанавливать специальные графики сдачи отдельных глав. Научным руководителям рекомендовалось основательно читать дипломные сочинения своих подопечных, чтобы не допускать слабые работы к защите. Устанавливались строгие сроки приема и защиты работ. Дипломные работы тех студентов, которые к определенному кафедрой крайнему сроку предоставили лишь первый вариант, принимать к защите разрешалось, но лишь в том случае, если руководитель предварительно ознакомился с содержанием глав. При уважительной причине этим дипломникам предоставлялась возможность сдавать государственные экзамены. Всех остальных оставляли на второй год. Дипломные проекты, которые вообще не были поданы во время, не разрешалось защищать [4, л. 14, 21, 25; 5, л. 28; 8, л. 29, 37, 43; 9, л. 10, 31]. Так, в 1964/1965 учебном году по данной причине не защитилось 12 дипломников [4, л. 14].

На всех курсах проводилась практика: археологическая, архивная, учебно-экскурсионная и педагогическая [7, л. 3 – 5; 10, л. 116]. На втором курсе учебно-экскурсионная практика предусматривала поездку по маршруту Харьков – Киев – Львов – Одесса – Севастополь – Харьков [7, л. 3 – 4]. Студенты 3 курса проходили практику с посещением Волгограда, Москвы, Ленинграда [7, л. 5]. В 1964 г. архивная практика была перенесена на IV курс. С.И. Сидельников советовал организовать ее так, чтобы все студенты в течение одной или двух недель имели возможность ознакомиться с архивным и библиотечным делом. После этого студентов

предлагалось поделить на группы по специализации с учетом их работы в музеях, библиотеках и архивах [2, л. 49]. В этом же году была перенесена и педагогическая практика с IV на V курс. Степан Иванович поддержал предложение своих коллег, согласно которому методику преподавания истории необходимо было преподавать непосредственно в школе, прикрепляя небольшие группы студентов к лучшим учителям города. При этом он рекомендовал повышать требования к студентам во время педпрактики, уделяя больше внимания на обретение ими навыков воспитательной работы с учениками [2, л. 46 – 47].

За годы деканства С.И. Сидельникова неплохих результатов добился факультет и в области науки. В этом направлении особого внимания заслуживает подготовка научно-педагогических кадров через аспирантуру и докторантуру. Для подготовки диссертаций в срок регулярно слушалась информация аспирантов о проделанной работе на кафедрах. На заседании Ученого совета декан подчеркивал, что «главным в успешной работе аспиранта является требовательность» [9, л. 45]. За неудовлетворительное выполнение индивидуального плана работы советовал отчислять аспирантов. Примером может служить отчисление в 1974 г. из аспирантуры В.Л. Тарануховой, научным руководителем которой был сам С.И. Сидельников [10, л. 144]. Хотя, как правило, его воспитанники успешно защищали кандидатские диссертации. Он подготовил 13 кандидатов исторических наук. Среди них специалисты по истории Болгарии – П.Т. Рущенко, Н.П. Подлесный, Н.И. Туривенко и Л.А. Пашковский, по истории Чехословакии – В.В. Сухарев и Е.П. Пугач, по истории Югославии и общеевропейской проблематике – В.В. Зайцев, В.Н. Кабачек, В.Н. Казак и С.Л. Каиров, по истории в Англии – А.И. Черноскутов; по истории Индии – А.А. Чувпило; по истории Чили – В.Ф. Пахомов [20, с. 28].

Всего же за 13 лет, когда Степан Иванович был деканом, преподавателями факультета было защищено 9 докторских и 15 кандидатских диссертаций. Доценты факультета И.Л. Шерман, А.Г. Слюсарский, С.М. Королевский, Б.А. Шрамко, П.И. Гарчев, В.Н. Довгопол, А.Е. Кучер, В.И. Кадеев и Б.К. Мигаль стали докторами исторических наук. Преподаватели Ю.Г. Литвиненко, В.И. Кадеев, А.И. Митряев, Е.П. Пугач, В.К. Михеев, Б.П. Зайцев, В.А. Латышева,

В.С. Шиловцева, Ю.И. Журавский, В.П. Литвинова, В.Н. Казак, М.А. Малиновский, Ю.А. Голубкин, А.И. Черноскутов и В.И. Бутенко защитили кандидатские диссертации.

Преподаватели факультета выполняли большую научную работу, свидетельством которой могут служить их опубликованные работы. При этом декан всегда акцентировал внимание не на количественных показателях, а на качестве публикаций, считая, что необходимо сосредоточиться на повышении их уровня и строгом соблюдении сроков предоставления в редакционную коллегию [9, л. 59].

Таким образом, деятельность Степана Ивановича Сидельникова на должности декана исторического факультета оставила заметный след в истории истфака Харьковского университета. Конечно, он был человеком своего времени. Формы и методы его работы несут на себе отпечаток соответствующих условий и возможностей. Но нет сомнения в том, что определяющую роль в тех процессах на факультете, о которых шла речь, играла его личность и такие ее качества как решительность, принципиальность и бескомпромиссность.

-
1. Государственный архив Харьковской области (далее ГАХО). – Ф. Р-2792. – Оп. 19. – Ед. хр. 2681.
 2. ГАХО. – Ф. Р-2792. – Оп. 20. – Д. 758.
 3. ГАХО. – Ф. Р-2792. – Оп. 20. – Д. 937.
 4. ГАХО. – Ф. Р-2792. – Оп. 20. – Д. 1210.
 5. ГАХО. – Ф. Р-2792. – Оп. 20. – Д. 2991.
 6. ГАХО. – Ф. Р-2792. – Оп. 20. – Д. 3558.
 7. ГАХО. – Ф. Р-2792. – Оп. 20. – Д. 4103.
 8. ГАХО. – Ф. Р-2792. – Оп. 20. – Д. 4108.
 9. ГАХО. – Ф. Р-2792. – Оп. 21. – Д. 1086.
 10. ГАХО. – Ф. Р-2792. – Оп. 21. – Д. 1516.
 11. ГАХО. – Ф. Р-2792. – Оп. 21. – Д. 1981.
 12. ГАХО. – Ф. Р-2792. – Оп. 21. – Д. 2495.
 13. ГАХО. – Ф. Р-2792. – Оп. 21. – Д. 2766.
 14. ГАХО. – Ф. Р-2792. – Оп. 21. – Д. 2985.
 15. Музей истории Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. – Фонд проф. С.И. Сидельникова. – Ф. 8. – Оп. 15. – П. 5.

16. Пугач Є.П. Слово про вчителя // Історичний факультет: від покоління до покоління. – Х., 2004. – С. 98 – 102.
17. Пугач Е.П. Профессор С.И. Сидельников – выдающийся педагог и организатор науки // Дриновський збірник. – Харків;Софія, 2008. – Т. 2. – С. 279 – 282.
18. Самойленко Н.И. Болгарское национально-освободительное движение в исследованиях С.И. Сидельникова // Україна і Болгарія: віхи історичної дружби: Матеріали міжнародної конференції, присвяченої 120-річчю визволення Болгарії від османського іга. Одеса, 29 – 31 жовтня 1998 року. – Одеса, 1999. – С. 133 – 140.
19. Самойленко Н.И. Творческое наследие С.И. Сидельникова и современная историческая наука // Дриновський збірник. – Харків;Софія, 2008. – Т. 2. – С. 24 – 28.
20. Сидельников Степан Иванович – профессор Харьковского университета: Биобиблиографический указатель. – Х., 2009.
21. Сохань П.С. Слово про Степана Івановича Сідельникова – видатного вченого-болгариста, мужню і прекрасну людину // Дриновський збірник. – Харків;Софія, 2008. – Т. 2. – С. 283 – 287.
22. Томко М. Декан // Харківський університет. – 1970. – 3 листопада.
23. Червенков Н. С.И. Сидельников – исследователь болгарского Возрождения // Дриновський збірник. – Харків;Софія, 2008. – Т. 2. – С. 288 – 291.
24. Чернявский Г.И. Исследования С.И. Сидельникова по проблеме национально-освободительного движения болгарского народа // Советское славяноведение. – 1980. – № 2. – С. 84 – 92.
25. Чернявський Г.Й., Чорній В.П. Розробка проблеми болгарського національно-визвольного руху в працях С.І. Сідельнікова // Проблеми слов'язнознавства. – 1979. – Вип. 20. – С. 96 – 102.
26. Чернявский Г.И., Чувпило А.А. Разработка проблем национально-освободительного движения болгарского народа в трудах профессора С.И. Сидельникова // Вопросы новой и новейшей истории. – 1979. – Вип. 25. – С. 125 – 129.
27. Чернявский Г.И., Чувпило А.А. Научное наследие профессора С.И. Сидельникова // Історичний факультет: від покоління до покоління. – Х., 2004. – С. 103 – 108.

28. Чернявский Г.И. Запоздалые заметки о Степане Ивановиче Сидельникове // Дриновський збірник. – Харків;Софія, 2008. – Т. 3. – С. 427 – 436.

Сайпанова А.О. С.І. Сидельніков – декан історичного факультету Харківського університету .

Резюме: У статті розглядається діяльність професора Степана Івановича Сидельнікова на посаді декана історичного факультету Харківського державного університету, яку він обіймав з 1963 по 1976 рр. Головна увага приділяється особливостям організації ним навчальної і наукової роботи, зусиллям, спрямованим на підвищення науково-педагогічного потенціалу факультету.

Ключові слова: історичний факультет, Харківський університет, декан, навчальний процес, навчально-методична робота, наукова робота.

Сайпанова А.А. С.И. Сидельников – декан исторического факультета Харьковского университета.

Резюме: В статье рассматривается деятельность профессора Степана Ивановича Сидельникова на должности декана исторического факультета Харьковского университета, которую он занимал с 1963 по 1976 гг. Основное внимание уделяется особенностям организации им учебной и научной работы, усилиям, направленным на повышение научно-педагогического потенциала факультета.

Ключевые слова: исторический факультет, Харьковский университет, декан, учебный процесс, учебно-методическая работа, научная работа.

Saipanova A.A. S.I. Sidelnikov as a Dean of the Historical Faculty in Kharkov University.

Summary: The article is connected with the administrative activity of the professor Stepan Ivanovich Sidelnikov in Kharkov State University. Since 1963 to 1976 he worked as a dean of the historical faculty and was in charge of the faculty's Academic Council. The main attention is given to the organization of the educational process, the pedagogical and scientist's work on the faculty.

Keywords: historical faculty, Kharkov University, dean, educational process, academic and systematic work, scientist's work.

Розділ V

Інтерв'ю

Від редакції: З цього випуску в нашому виданні з'явилася нова рубрика, в якій ми хотіли б представляти читачу відомих історіографів - наших сучасників. Для цього ми обрали жанр інтерв'ю. Рубрику відкриває відповідь на питання відомої української дослідниці Тетяни Миколаївни Попової, чії статті традиційно прикрашають наш збірник.

Т. Н. ПОПОВА

Авто-био-информация:

Со специальностью «история» я определилась еще в классе восьмом. С «историографией» познакомилась тоже в школе, прочитав статью Л.В. Черепнина об историографии Российского централизованного государства; этот факт сыграл свою роль на вступительных экзаменах в университет. С 1966 г. и по сегодняшний день моя жизнь связана с историческим факультетом Одесского университета имени И.И. Мечникова. В студенческие годы меня привлекали в первую

очередь историографические сюжеты, дипломная работа была посвящена историографии опричнины. Однако кандидатскую диссертацию пришлось «отписать» на другую проблему – периодическая печать юга Украины в 1921-1925 гг. и, прежде чем я получила курс историографии (с начала 1980-х), «отчитать» практически все периоды общего курса по истории СССР, по источниковедению и пр., что, безусловно, способствовало накоплению профессионального багажа. С благодарностью вспоминаю своих университетских учителей (особо – Михаила Ефимовича Раковского,

Анну Михайловну Шабанову, Анатолия Диомидовича Бачинского), но должна признать, что как специалист-историограф «школы» не получила, а формировалась преимущественно по «историографической традиции» и «выстраивала» собственную модель историографии подчас вопреки позиции некоторых своих наставников (что сказывалось при обсуждении открытых лекций). Круг имен моих «историографических лидеров» достаточно широк: у меня никогда не было конкретных пристрастий, поскольку рано выработанный «критический стержень» не позволял полностью принять ни одну концептуализацию. Тем не менее, в становлении любого профессионала важным являются неформальные встречи и контакты. Для меня особую роль сыграли стажировки в МГУ (1980, 1988), непосредственное общение с Иваном Дмитриевичем Ковальченко, Аллой Ервандовной Шикло (которая была моим куратором), с другими членами кафедры источниковедения, с представителями иных научных центров - с Владимиром Ароновичем Дунаевским, Евгением Иосифовичем Чапкевичем, Галиной Дмитриевной Алексеевой, переписка с Николаем Васильевичем Ефременковым, Владимиром Ивановичем Чесноковым помогли мне обрести уверенность на историографическом поприще. Встреча с Ириной Ивановной Колесник – это встреча с другом и единомышленником. Виталий Григорьевич Сарбей (который часто бывал в Одессе и поддержал мою линию исследований), Владислав Станиславович Кульчицкий, Марина Федоровна Дмитриенко, Владимир Никифорович Станко всемерно способствовали тому, что мои публикации получили известность. С 1990-х гг. начался самый плодотворный период в моей работе во многом благодаря сближению с харьковскими историографами: я нашла *свой* интеллектуальный круг друзей и ученых.

МОЖНО ЛИ УТВЕРЖДАТЬ, ЧТО ИСТОРИОГРАФИЯ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА СЕГОДНЯ ПРЕБЫВАЕТ В КРИЗИСЕ? (ИЛИ: В ЧЕМ ВЫ ВИДИТЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИОГРАФИИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ?)

Вопрос о «кризисе историографии» сегодня – уже набившая оскомину тема, и я своими публикациями внесла определенный вклад в сложившуюся ситуацию. Предлагать какие-либо рецепты «выхода» из кризиса, учитывая синергетические постулаты, бессмысленно; позволю себе лишь акцентировать внимание коллег на семи позициях:

1. Институциональный кризис историографии как научной и учебной дисциплины, сформировавшейся в пространстве университетской традиции XIX – XX вв. в ареале государственных форм восточно-европейского региона, действительно имеет место. Однако содержание этих кризисных явлений достаточно неоднозначно.

Если исходить из основных формальных параметров научной дисциплины (ибо институционализация и «дисциплинизация» науки – близкие понятия) – наличие дисциплинарного научного сообщества, системы специализированных учреждений и подготовки новых кадров историографов, информационно-коммуникационной системы и проч., то следует признать факт наличия дисциплины историографии и в научном поле, и в системе высшего исторического образования. Мы имеем многочисленные кафедры в вузах, отделы в академических институтах, иные специализированные структуры, в которых активно работают представители научного сообщества историографов; их подготовка идет в соответствии с номенклатурой специальностей Высших Аттестационных комиссий; выходит научная и учебная историографическая литература, причем ее количество в общем объеме профессиональных исторических изданий достаточно весомо. В не менее многочисленных словарно-энциклопедических изданиях, включая Интернет-издания, совершенно определено историографию

связывают в первую очередь со специальной исторической дисциплиной, изучающей процесс развития исторических знаний (мысли) и исторической науки. Даже на сайтах студенческой переписки более знающие разъясняют менее знающим студентам термин «историография» именно в этом ключе.

Предмет дисциплины определяется в диапазоне - от вариаций формул, утвердившихся в прежние эпохи (история исторической мысли /знания, познания/, история исторической науки), до интеллектуальной и социальной истории исторического познания и изучения историографического процесса во всей его многомерности, с учетом когнитивных, инфраструктурных и социокультурных параметров развития. «Территория» историографии в значительной мере расширилась: к началу нового тысячелетия отчетливо сформировался блок различных понятий, обозначающих определенные направления историографических исследований – проблемная историография, история историографии, региональная историография, биоисториография, институциональная историография и проч.

Родовое имя дисциплины – «историография», как и название формы историографической рефлексии – «история историографии», легитимизированные с 1980-х гг. в советской литературе, по-прежнему широко используются специалистами.

Критическая функция дисциплины историографии, выступающая на первый план в периоды кризиса науки (тезис – аксиоматичный на сегодняшний день), обусловила новый виток «историографического бума» («историографической революции») в «постсоветский период»: массовые публикации историографических источников и исследований, освоение новых концептуальных идей, переосмысление историографического наследия и т.п. способствовали определенному прорыву в развитии историографической области исторических знаний.

2. Одновременно возникли проблемы с названием дисциплины историографии. «Имя» дисциплины (в котором сконцентрирована социальность когнитивного образования), относящееся к формальным признакам, тем не менее, неразрывно связано с предметно-содержательным наполнением дисциплины и выступает в качестве институционального стержня, определяющего дисциплинарную

доктринальність, показателя самоидентификации, соотнесения с определенной научной (историографической) традицией.

В современной практике ученые в Украине и России оперируют в основном двумя понятиями: «историография» и «история историографии». Оба понятия сложились в общеевропейской традиции XIX - начала XX вв. для обозначения истории самой исторической науки и исторического познания и достаточно широко использовались историками – как «отечественниками», так и «всеобщниками» - в университетах Российской империи.

«Родоначальники» новой дисциплины – С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, П.Н. Милоков (Московский университет), К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербургский университет), В.С. Иконников (Киевский университет Св. Владимира), А.Г. Брикнер, П.М. Бицилли (Новороссийский университет) и многие другие блистательные ученые - заложили основы для восприятия истории исторического знания в широком проблемном диапазоне вне зависимости от использования ими конкретной лексики.

В 1960-1980-е годы советские ученые во многом сохранили («по умолчанию») традиции «дореволюционной» науки: «перекличка» поколений, несмотря на различные методологические ориентиры, явственно проявляла себя в подходах к пониманию сущности конституировавшейся дисциплины: как части истории культуры (П.Н. Милоков – М.В. Нечкина и др.), как части истории науки (А.С. Лаппо-Данилевский - А.М. Сахаров и др.) и проч. Классики науки историографии в советскую эпоху – Н.Л. Рубинштейн и О.Л. Вайнштейн были воспитанниками Новороссийского университета. Уже к середине 1960-х гг. (в результате бурных дискуссий по проблемам истории исторической науки) советскими историографами и науковедами на основах «обновленного марксизма» был преодолен социологический редукционизм в понимании факторов развития науки и синдром «контраверсы интернализм-экстернализм».

В рамках последнего тридцатилетия советской эпохи термин «историография» был окончательно закреплён в качестве дисциплинарного наименования.

В традициях западной науки проблемное поле истории исторического познания (науки) распределилось среди ряда

дисциплин: интеллектуальной истории, социальной истории, собственно историографии как исторической науки, эпистемологии истории, теории истории, философии истории и проч. Практически до последнего времени практика исследований по истории исторической науки в западной традиции характеризовалась определенным «изоляционизмом»: когнитивные параметры были объектом изучения интеллектуальной истории, философии, теории и эпистемологии истории; социальная проблематика включалась в сферу социальной истории, социологии науки и проч. Соединение когнитивных и социокультурных параметров в единой плоскости исследований стало для западной науки новацией последних десятилетий. Формула «история историографии» (исследовательское поле – процесс исторического познания с переключением внимания под влиянием «лингвистического поворота» на проблемы текста) получила достаточно широкое распространение в последней трети XX в. в границах новой интеллектуальной истории.

В современной украинской и российской литературе практика использования двух формул - «историография» и «история историографии» - в одном смысловом диапазоне напоминает ситуацию в науке второй половины XIX - начала XX в. Действительно, активное обращение к отечественным традициям этого времени в 1990-е годы сыграло свою роль. Одновременно сближение с западной наукой и ее традициями и «оппозиция» в отношении традиций советской науки обусловили появление новых тенденций в оперировании терминологией.

3. Показателем стабилизации историографической ситуации в 2000-е годы является выход новой учебной литературы, в которой закрепляются наработки историографической практики и предлагаются новые парадигмальные установки.

В украинской дидактической литературе последних лет формулу «история историографии», характерную для традиций Запада, предлагают применять для обозначения рефлексивной (теоретической) историографии, которая концентрирует внимание в отличие от проблемной историографии на общем развитии исторических знаний и институтов определенной эпохи или периода в русле истории науки. В то же время термин «историография» допускается для использования в двух значениях: исторической науки как

познавательного процесса в целом и, учитывая традиции Восточной Европы, - для обозначения «специальной науки», изучающей осуществление и результаты этого процесса (Л. Зашкильняк, 2007). Иной подход – структурирование исследовательского диапазона историографии как научной дисциплины, изучающей состояние исторической науки и историю исторического знания: а) *история историографии* – изучение круга интересов какого-нибудь ученого или группы ученых – школы, течения; такой подход приобретает черты биографистики, ибо в центре внимания исследователя - вопросы происхождения, образования, жизни и карьеры ученых; б) *история науки* акцентирует вопросы институциональных моментов деятельности ученых (историческая периодика, научные общества, академический мир и проч.); в) *история идей* концентрирует внимание на содержании идей историографического произведения, а г) *методология истории* – на анализе методов исследования и принципов объяснения, характерных для ученого, школы, течения и т.п. (Н. Яковенко, 2007).

Методологию истории, таким образом, рассматривают как составляющую историографии; противоположная позиция – предложение о включении собственно «истории исторического познания» в качестве раздела в курс «Теория и методология истории» (Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, 2008); еще один подход - рассмотрение истории исторического знания как истории методологии истории (Л. Зашкильняк, 1999).

Для российских дидактических изданий характерно достаточно четкое разделение в применении понятий: «всеобщники» предпочитают использовать формулу *история историографии* («историко-историографический анализ») для обозначения дисциплины, предмет которой – «изучение функционирования и трансформации исторического знания в социокультурном контексте» (Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова, 2004): «русисты» - название *историография* для дисциплины, изучающей историю исторической науки и шире – исторического знания (мысли) в целом (Г.Р. Наумова, А.Е. Шикло, 2008).

Практика западной науки, если учитывать довольно сильное стремление многих соотечественников «вписаться» в ее «традиции»,

также отнюдь неоднородна. Термин «историография» с эпитетом «новая» предлагается для обозначения проблемного поля современной философии истории наряду со спекулятивной и критической философией истории (хотя, надо отметить, что философы давно и повсеместно используют различные модификации этого понятия). Фокус *новой историографии*, получившей свое развитие под влиянием критической философии истории, направляется на изучение «истории историописания» и ее объектом выступает собственно «историографическая традиция» (Ф.Р. Анкерсмит). Поставлен вопрос о создании новой дисциплины как синтеза истории исторической науки и методологии истории с названием *эпистемология истории* (Войцех Вжозек). Французские историки среди наиболее перспективных направлений исторических исследований выделяют *историю исторической науки*, «прогресс» которой связывают с новым пониманием научной ценности текста как исторического свидетельства (Жорж Дюби).

При этом «междисциплинарный синдром», характерный для современной общенаучной и историографической ситуации, создает значительную опасность «растворения» и профессии историка вообще, и собственно специальности историка исторической науки либо в филологическом океане (который испытывает собственные мутации), либо в философских просторах, либо в иных сферах.

4. Научные перспективы дисциплины историографии с необходимостью заставляют обращаться к ретроспективному анализу: к изучению истории «смыслонасыщения» самого термина «историография» и современной практики его употребления, с одной стороны, а с другой – к исследованию дисциплинарного ландшафта исторической науки, истории всего комплекса специальных исторических дисциплин и его составляющих, дисциплинарных форм исторической рефлексии, дисциплинарной истории самой историографии как истории исторической науки и исторического познания, к истории дисциплинарного имени, к анализу культурно-научных традиций «дисциплинарных миров» с их регионально-темпоральной спецификой.

Обратимся к некоторым сюжетам. В начале XX века в российских университетах появляется своеобразная тенденция: на кафедрах русской истории утверждается практика чтения общих и

специальных курсов по историографии, тогда как «всеобщники» от историографических курсов (или наряду с ними) начинают переходить к чтению курсов по теории и методологии истории.

Возможно, этот историографический факт отражает специфику формирования дисциплинарных форм исторической рефлексии в европейской университетской традиции по сравнению с традициями, утверждавшимися в системе университетов Российской империи. В европейских университетах (а от них и в университетах США) рефлексивное историческое знание получило свое дисциплинарное оформление преимущественно в курсе «методологии истории» (заметим, что для западной науки специфичны и дисциплинарные формы теоретико-методологических исследований: теоретические проблемы истории стали приоритетом философии, эпистемологии и теории истории; методология истории в основном концентрировала внимание на процедурах исследования /кстати, «прикладной характер» методологии истории постулирует, например, Н. Яковенко/; в отечественной практике дисциплина «методология истории» обрела более широкий спектр проблем, хотя в общем т.н. «широком» подходе существовали свои модификации), в российских университетах дисциплинарно оформлялись на протяжении XIX - начала XX вв., по меньшей мере, три формы исторической рефлексии: историография как история исторической науки, методология истории и источниковедение (теоретическое). «Всеобщники», специалисты по западно-европейской истории, испытывали в значительно большей степени влияние европейских университетских традиций, нежели «русисты» (не будем забывать и о том, что согласно университетским уставам стажировка в западно-европейских университетах предоставлялась в обязательном порядке только стипендиатам - «всеобщникам»), отсюда – широкий репертуар разрабатываемых ими курсов теоретико-методологического характера, но одновременно они были включены в практику «отечественного» университетского процесса, отсюда – многочисленные курсы по историографии и источниковедению.

Если обратиться к генезису институционализации историографии в России, то среди «фундаторов» новой области мы также увидим прежде всего «русистов». Фундаментальное обоснование специфики этого процесса еще впереди. Возможно, в поиске причин

дисциплинарной самобытности стоит прислушаться к замечаниям В.О. Ключевского об особенностях формирования исторической науки в России и на Западе. Западная наука начиналась, по его мнению, с работы «над источниками истории античного мира» - «почти исключительно» литературными памятниками, произведениями «личного творчества»; соответственно вырабатывались и доведенные «до педантизма твердые приемы» исторической критики. Источники русской истории – преимущественно летописи и акты, которые в значительной мере «писания без писателей»: их изучение потребовало и несколько иных «критических приемов». Вероятно, следует учесть и тот факт, что институционализация русской истории как научной дисциплины на протяжении XVIII - середины XIX вв. опережала процесс дисциплинизации всеобщей истории (Н.И. Кареев).

В советскую эпоху «тон» в «дисциплинарном движении» историографии также задавали «отечественники»: М.В. Нечкина как глава проблемного совета по «Истории исторической науки» при Отделении истории АН СССР, позже - И.Д. Ковальченко. Достаточно жесткая регламентация бытия научного сообщества в СССР (не исключая при этом «длящуюся традицию» из предшествующей эпохи!), способствовала тому, что вектор «национальной» (а, по сути, - методологической, учитывая «официоз» идеи «противоборства» советской и «буржуазной» науки) специфики преобладал над международной историографической практикой. Тем не менее, «дисциплинарная длительность» историографии (от второй половины XIX до нашего времени) в «отечественной» традиции - усилиями и «отечественников», и «всеобщников» - предоставила на «общий рынок» социогуманитарного знания значительный научный капитал.

5. «История с историографией» сегодня – в значительной степени и результат новой культурно-исторической эпохи («постмодерна» со всеми модификациями внутренней эволюции), осознания нового этапа в эволюции научной рациональности – конструирования образа «постнеклассической науки».

Модель *новой историографии* (истории исторической науки, знания) зависит от нового восприятия науки в целом. Новая модель постнеклассической науки, предложенная современными науковедческими исследованиями, включает ряд принципиальных идей: о мультипарадигмальности наук - принципиальной

множественности описаний и объяснений изучаемых процессов и явлений, мультивариативности научно-рационального дискурса, научном знании как непрерывном потоке инноваций; об изменении критериев научности (идея истины в качестве регулятива научных поисков заменяется идеей правдоподобия теоретических конструкций). Отстаивая тезис принципиальной множественности описаний и объяснений, отрицая возможность построения единой системной теории, постнеклассическая наука, нацеленная на проблемно-ориентированные исследования (постановка которых обусловлена как логикой развития научного знания, так и широким спектром социокультурных факторов), выдвигает новые критерии оценки когнитивных построений – требование методологической прозрачности исходных принципов и посылок, продуктивности и эвристичности гипотез, аргументированности научного дискурса, который осуществляется в процессе диалога различных способов рассуждения.

Научное знание, согласно этим идеям, предстает как многоуровневая сеть взаимосвязанных символических концептуализаций, ее узлы как смысловые концепты, существующие в актах научной коммуникации, в том числе, в актах речевой коммуникации (А.П. Огурцов).

Проблемно-ориентированные исследования – «передний край» науки - чаще всего междисциплинарны. Меж-интер-поли-мультисциплинарность – знаковая черта постнеклассической науки, которая обусловлена не только размахом проблемно-междисциплинарных исследований, но и трансформацией дисциплинарного мира науки в целом. Сложившаяся в эпоху модерна - периодов «классической» и «неклассической» науки - дисциплинарная организация науки испытывает на себе как интеллектуальное (подвергается девальвации идея дисциплинарности в целом), так и институциональное (возникают новые по типу институты) воздействие. В этих условиях научные коммуникации теряют дисциплинарно-институциональную строгость, особую роль начинают играть неформальные, межличностные контакты ученых. При этом типе общений («коридорной ситуации» по М.К. Петрову) вырабатывается специфическая лексика участников, каждый из которых использует собственный, высоко специализированный

тезаурус своей дисциплины. Новый язык – «тезаурус общения» - М.К. Петров связывает с лексическим багажом, полученным благодаря общеобразовательной школе, однако, учитывая значительное падение уровня современной отечественной средней школы, расширение среди молодежи sms-культуры, вернее, на наш взгляд, говорить о специальном сленге, аналогичном «пиджину» в антропологической лингвистике, который возникает в т.н. «зонах обмена» (П. Галисон).

Дисциплинарность как принцип теоретического единства в условиях постнеклассической науки теряет свое доктринальное значение, поскольку теоретическое знание предстает лишь как момент дискурсивной практики, процесс познания как многовекторное взаимодействие членов различных научных сообществ, объект (и результат) исследования как интеллектуальный артефакт.

Данные концепты детерминируют ориентацию на анализ процесса научного исследования, построение моделей развития научного знания, на историографический подход – критическое осмысление идей и теоретических построений, представленных в научных текстах. Историографический анализ выступает в качестве императива профессиональной деятельности историка, заставляя переключать «дисциплинарный тип» мышления на «рефлексивный» – «критический». Рефлексивное знание, приобретая на протяжении XX века устойчиво-хрестоматийные дисциплинарные образы (со своими вариациями «дисциплинарных ландшафтов»), устремляется к созданию единой «рефлексивной территории». В области исторической рефлексии это выражается в радикальном сближении истории исторического знания (науки) с методологией истории, теоретическим источниковедением, в восприятии всей практики историописания и ее рефлексии как историографического дискурса (И.И. Колесник) и т.п.

6. В современном научном «хаосе» (эпистемологическом, терминологическом, понятийном и проч.) ученые-теоретики концентрируют внимание на одну «установку», которая имеет «смыслообразующую» перспективу: *саморефлексию личностную* (осмысление траектории собственного «исторического опыта» и, соответственно, профессионального опыта) и *саморефлексию дисциплинарную* - осмысление, анализ собственной профессии, ее истории, ее дисциплинарного бытия. В этом плане, действительно,

следует говорить о необходимости смены «дисциплинарного типа мышления» - «рефлексивным». Но и эта «установка» неизбежно потребует новых «стандартов», выработку конкретных методик, подходов, экспликации категорий («генеалогии» идей и понятий) – всего арсенала профессионального инструментария. Эпифеномен новых открытий может оказаться непредсказуемым для тех, кто находится в постоянном поиске освобождения от «интеллектуальной бюрократии» и «эпистемологического воздержания», ибо любой теоретический проект выступает как «стратегия тотализации» (Н. Луман) с претензией на глобальность, универсальность и императивность. Как показывает историографическая практика, новые направления обычно разворачиваются привычными тропами «предписаний», а их конституирование (институционализация, дисциплинизация) происходит в результате трансформации когнитивных и социальных аспектов знания в социокогнитивную систему, интегрированную в конкретный социокультурный контекст. В связи с этим следует, вероятно, разделять понятия «дисциплинарный тип мышления» и «дисциплинарная организация науки». Последнее – шире, оно может включать первое, но может и создавать иные формы когнитивной институционализации.

Не следует забывать также о том, что само понятие *дисциплинарности* имеет свою эволюцию восприятия, свою понятийно-смысловую историю, которая еще фундаментально не разработана. В этом контексте утверждение новой идеи – *междисциплинарности* - происходит (и это – закономерность!) в гипертрофированном варианте одновременно при сужении, искажении до уничижительного образа оппозиционной идеи *дисциплинарности*.

Историографическая практика рождается в результате переплетения сложных сетевых полей, многоуровневой коммуникации, суть которой в триединстве информации, сообщения и понимания (Н. Луман), при этом восприятие новых парадигмальных установок членами профессиональных групп осуществляется по-прежнему в первую очередь через «членство в профессиональных обществах и чтение журналов» (Т. Кун), т.е. благодаря ориентации на «титульных» лидеров в своей специальности, их лексику (в публикациях, на конференциях и проч.), на структурирование содержания и «тезаурус» ведущих («официальных») изданий.

Сравните, например, эволюцию структуры «главного» историографического издания в Украине - «Історіографічні дослідження в Україні» (Киев, Институт истории Украины) – на протяжении всего периода его существования: развитие историографических исследований (с 1968 г. по наше время) диктовало изменение в названиях разделов. Сегодня утвердившиеся наименования во многом определяют лексику, в первую очередь, молодых ученых-историографов и историков «широкого профиля». Менее подвержен восприятию этих образцов т.н. «зрелый пласт» научного сообщества историографов, осознанно определяющий собственную принадлежность к конкретным историографическим традициям, либо так же осознанно ломающий эти традиции.

7. С позиций полифундаментального типа мышления историографию, действительно, можно воспринимать и как науковедческую, и как культурологическую, и как лингвистическую (филологическую) дисциплину, постулируя тезис о ее «многоликости» (С.И. Посохов, В.Г. Пикалов). В то же время данные образы-лики опосредованы набором конкретного инструментария, выбор которого зависит от исследовательской стратегии. «Историографический ландшафт» сегодня стремительно растет, что, впрочем, подтверждает давний тезис о неизбежном расширении предмета науки. Вместе с тем, новая историографическая проблематика, нацеленная на выяснение и понимание механизмов творчества, рождения новых идей, создания многовариантных концептуализаций в процессе разнообразных дискурсивных практик, коммуникативных стратегий, осмысление мира историка в целом и т.д., не только с неизбежностью включает элементы теоретико-источниковедческого, шире – теоретико-методологического поля, но и требует выхода за пределы собственно исторической рефлексии.

Проблемная историография, как отмечают многие ученые, в дисциплинарном поле истории исторического знания, отходит «на второй план» (Л.П. Репина), но при этом она становится нормативом для любого конкретно-проблемного исследования, подтверждая тезис о том, что история вступила в «историографический этап» своего развития. В данном случае не только конкретно-исторические проблемы на уровне конструктивного исторического знания должны рассматриваться в историографическом ключе (не забудем, однако,

что лучшие образцы профессиональной исторической классики в эпоху модерна создавались именно на основе «историографического стержня» - историографические вставки, экскурсы, проблемно-историографические разделы и проч.), но и «вторичные тексты» - собственно историографические исследования должны будут следовать этому правилу, как, впрочем, и сугубо источниковедческие и теоретико-методологические исследования.

Как пойдет развитие дисциплины историографии? Возможно, - по пути дробления ее необъятного проблемного поля: история исторических идей, история исторической науки, институциональная история исторической науки, история исторического творчества, история исторического (историографического) дискурса, история историописания, история исторических коммуникаций, история быта историков, микроистория исторического познания, персональная история историографии, история коммуникативных стратегий историков, схолярная история историографии, история форм исторической рефлексии и т.п. Возможно, - по пути сохранения традиционных и новых исследовательских линий в едином дисциплинарном пространстве. Возможно, - с конституированием специальной области – историко-историографических исследований (истории истории исторического познания).

Не исключаю, что при условии сохранения принципа толерантности мы будем в реальной практике использовать обе формулы наименования единой дисциплины – *историография* и *история историографии*, не определяя данный факт как показатель «институционального кризиса» и спокойно относиться к самому кризису, привыкнув к его перманентности...

В любом случае, чем шире станет историографическая практика – исследовательская и учебно-дидактическая (комплекс общих и специальных курсов рефлексивного характера, логически взаимосвязанный), тем более высокий уровень профессиональной подготовки будет у нового поколения членов научного сообщества специалистов-историков (историографов и др.).

Попова Т.М. Интерв'ю

Резюме: У статті розглянуто деякі підходи до розуміння інституційної кризи історіографії. Автор акцентує увагу на питаннях дисциплінарних традицій, специфіці стану дисципліни історіографії в

епоху постмодерну, на можливих варіантах дисциплінарного розвитку історіографії.

Ключові слова: історіографія, історія історіографії, дисциплінарна історія, інституціоналізація, постнекласична наука.

Попова Т.Н. Интервью

Резюме: В статье рассмотрены некоторые подходы к пониманию институционального кризиса историографии. Автор акцентирует внимание на вопросах дисциплинарных традиций, специфики состояния дисциплины историографии в эпоху постмодерна, на возможных вариантах дисциплинарного развития историографии.

Ключевые слова: историография, история историографии, дисциплинарная история, институционализация, постнеклассическая наука.

Popova T.N. Interview

Summary: Some approaches to understanding of institutional historiography crisis are examined in the article. The author focuses on the issues of disciplinary traditions, the specificity of a state of historiography during the epoch of postmodernism, On possible variants of disciplinary development of historiography.

Keywords: historiography, history of historiography, disciplinary history, institutionalization, a postnonclassical science.

Розділ VI

Історична освіта

Я.М. ПРИХОДЬКО

МАГІСТРАТУРА З ІСТОРІЇ В США: НАВЧАЛЬНИЙ ПРОЦЕС ТА МІСЦЕ В СИСТЕМІ ВИЩОЇ ОСВІТИ

Мета цих неформальних заміток - дати українським читачам уявлення про структуру магістерських програм з історії в США і, таким чином, надати матеріал для порівняння з напрямками реформ вищої освіти в Україні. Автор вибірково ознайомився з вебсайтами кількох американських департаментів історії, що пропонують магістерські програми. Але здебільшого цей нарис заснований на власному досвіді навчання за магістерською програмою в університеті Маямі (Miami University, Ohio) в 2003-2005 роках та подальшого навчання в докторантурі Пенсільванського університету (University of Pennsylvania). Маямі – це невеликий університет з наголосом на викладанні, а не на науковій діяльності професорів. Сильний за персональним складом департамент історії не пропонує власної докторської програми, але має високого рівня якості і достатньо репрезентативну за структурою та вимогами магістратуру.

Магістратура та докторантура у Сполучених Штатах складають систему так званого «післявипускнуго та професійного навчання» (graduate and professional education), мета якого - дати поглиблену та практичну фахову підготовку у спеціалізованих сферах, де недостатньо загальної чотирьохрічної університетської освіти (undergraduate education в американській термінології). Класичними прикладами таких професійних ступенів у сферах, що вимагають величезного обсягу знань і практичного тренування є доктор права та доктор медицини. Ніхто не може бути лікарем або юристом у США лише зі ступенем бакалавра. Чотирирічна бакалавратура (undergraduate education) також пропонує студентам багато сфер спеціалізації (majors), від архітектури чи ентомології до «науки тканин і дизайну

одягу»¹, але навіть така концентрація передбачає елементи загальної освіти та відвідання курсів з історії, літератури, тощо. Для випускників таких спеціальностей, що розраховують на кар'єру у своїй сфері, магістратура чи докторантура – це часто необхідний етап подальшого професійного та кар'єрного росту. І загалом, вважається, що «просунуті ступені» (advanced degrees) відкривають ширші можливості для життєвого успіху. Звичайною практикою є кількарічна праця за спеціальністю (або і не за спеціальністю) після отримання ступеня бакалавра і подальший вступ до «graduate school» для отримання професійного ступеня в тій же, або й зовсім в іншій сфері. Прикладами професійних магістерських ступенів можуть бути магістр архітектури, магістр інженерної справи, фінансів, міського планування, державного управління тощо.

Спеціалізація (major) з історії, на відміну від, наприклад, «науки тканин», зазвичай трактується як «ліберальна» освіта (liberal arts education), головна цінність якої полягає в гнучкості та наголосі на загальному інтелектуальному розвитку студента. Ось, наприклад, як рекламує свій «major» департамент історії Університету Маямі (Ohio): «більшість недавніх випускників [зі спеціалізації з історії. – Я.П.] знайшли кар'єру в бізнесі, праві, урядовій службі та журналістиці. Ось деякі з їхніх посад: вчитель суспільних дисциплін, PR coordinator... асистент менеджера банку, бібліотекар-дослідник, юрист-асистент. Хоча більшість з цих кар'єр вимагають або післявипускного [graduate] або якогось довивпускного [undergraduate] тренування, студенти-історики мають перевагу широкої, диверсифікованої бакалаврської освіти [undergraduate education] в їх поданнях на професійне навчання [graduate and professional schools]. Частіше й частіше роботодавці готові, і навіть прагнуть, наймати випускників з «ліберальною освітою», які часто мають глибше розуміння того як функціонує суспільство та кращі навички спілкування, ніж більш спеціалізовані студенти»². З іншого боку, щоб

¹ Dyv. napryklad spysok z majzhe visimdesiaty sfer koncentracii (majors) shcho jih proponue svoim studentam prestyzhnyj Universytet Kornel: <http://www.cornell.edu/academics/majors.cfm>

² <http://www.miami.muohio.edu/academics/majorsminors/majors/history.cfm>

стати професійним істориком потрібно набути подальші ступені – магістра або доктора.

Магістратура з історії, як і з інших гуманітарних дисциплін, дає ступінь магістра мистецтв (Master of Arts, MA), і, на відміну від спеціалізованих професійних ступенів, таких як «Master of Business Administration», «Master of Engineering», «Master of Architecture» та інші, фактично знаходиться десь посередині між загальною ліберальною та власне професійною освітою. Ті, хто отримав такий ступінь без подальшого продовження освіти та отримання докторату з історії, часто викладають в дворічних «комунальних коледжах», або в середній школі (в останньому випадку ступінь магістра це радше кар'єрна перевага ніж професійна вимога), працюють в архівах, бібліотеках, музеях, громадських організаціях та державних установах, пресі. Але почасти магістратура з історії розглядається як етап на шляху до докторантури; програми загалом структуровані як скорочений варіант підготовки «професійного» історика, зменшена копія докторантури.

У престижних університетах «дослідницької» спрямованості магістерські програми з історії можуть не пропонуватися взагалі або існують як незначні додатки до докторських програм. Наприклад, у Гарварді, Принстоні та Університеті Корнел департаменти історії набирають студентів тільки в докторантуру; Пенсільванський Університет не пропонує пакетів фінансової допомоги студентам, які поступають лише на магістратуру¹. З іншого боку, перший рік докторантури в такому університеті може дати право на магістерський диплом, але загалом за ступенем магістра з історії йдуть до університетів «середньої руки», де департаменти історії можуть і не мати власних докторських програм, або де докторантура і магістратура співіснують на рівних. Самостійні магістерські програми розраховані на два, деякі на півтора роки і, окрім дослідницької частини та різниці між магістерською тезою і дисертацією, мало чим відрізняються від докторантури за своєю структурою та в повсякденному перебігу

¹<http://history.fas.harvard.edu/programs/graduate/index.php>;
<http://www.princeton.edu/main/academics/graduate/>;
<http://www.arts.cornell.edu/history/graduate-application.php>;
<http://www.history.upenn.edu/grad/ma.shtml>

навчального процесу. Програма передбачає спеціалізацію (історія Сполучених Штатів, ранньомодерна Європа, таке інше) і складається з курсів-семінарів, обов'язкових та вибіркових у відповідності з індивідуальною спеціалізацією, самостійної дослідницької роботи та викладацької практики. Далі кожен компонент буде охарактеризовано окремо.

Семінар має два компоненти: читання та обговорення заданих текстів та серія письмових робіт. Звичайний формат семінару в магістратурі та докторантурі з історії – це щотижневі тригодинні зустрічі викладача та групи студентів, на яких обговорюється заздалегідь прочитані одна або кілька історичних праць - монографія, монографія і стаття, підборка статей, зрідка першоджерела. Семінар фокусується на певній галузі історичних досліджень або історіографічній традиції, або темі. Наприклад, предметом семінару може бути «історія британського імперіалізму», «історична антропологія північноамериканських індіанців», «Реформація». Прикладами семінарів, сфокусованих на спеціалізованих історіографічних традиціях з власними колами питань, можуть бути «історія тіла» або «ранньомодерна атлантична історія»¹. Відбір книг та статей, що стануть основою курсу, може базуватися на різних принципах: праці, що репрезентують головні підходи до теми або різні методи її вивчення; праці, що представляють конфліктуючі точки зору на дебатовану тему; «найбільші хіти» в галузі; найновіші роботи, що відображають останні тенденції у вивченні теми, таке інше. Зрозуміло, що завдання такого семінару, навколо яких і організовуються щотижневі дискусії, це дати студентам поглиблене уявлення про тему, напрямки розвитку досліджень з неї, проблеми та дебати, що займають її істориків. Зрідка тригодинні дискусії веде сам викладач, але частіше студенти по черзі є відповідальними за ці зустрічі, та готують для них короткі презентації тих праць, які були запропоновані, та серію запитань чи тем для розмови. Мабуть, головна особливість таких семінарів та їхня головна цінність з точки зору виховання професійного мислення історика – це тісне поєднання історичного та історіографічного компонентів. Не в теорії і не наодинці у своїй

¹Приклади справжніх семінарів див.:

<http://www.units.muohio.edu/history/pages/courses-grad2.html>.

власній роботі, а в групових обговореннях конкретних історичних праць магістрант вчиться швидко опановувати літературу та розбиратись в історичних дискусіях з будь-якої теми, наближається до практичного розуміння того, як пишеться історія.

Інший компонент семінару – це серія письмових робіт, рівномірно розподілених по семестру. Це можуть бути роздуми над окремими проблемними питаннями теми семінару, або частіше рецензії на книги, прочитані в семінарі або самостійно, на додачу до основного навантаження. Рецензії пишуться за зразком тих, що розміщуються в фахових журналах. Окрім кількох таких робіт протягом семестру, зазвичай призначається також велике (10-30 сторінок) фінальне есе. Це або самостійне дослідження якогось аспекту теми семінару з використанням першоджерел, або огляд літератури (review essay). Останнє являє собою аналіз кількох важливих праць у певній галузі із загальними висновками про тенденції досліджень та проблеми галузі. Цей жанр популярний в англо-американських журналах, і вчитися писати такі огляди – це й тренування історичного мислення, і підготовка до участі в академічній спільноті.

Звичайне навантаження на семестр – це три, максимум чотири семінари, або менше, коли магістрант розпочав займатися власною дослідницькою роботою. Якщо студент не знаходить семінари потрібного тематичного спрямування, або вважає (зі своїм науковим керівником), що знання з певної теми (з точки зору його індивідуальних цілей) більш необхідні ніж те, що пропонує в даному семестрі департамент, він може звернутися до певного професора і організувати індивідуальний семінар або курс самостійного читання за тією ж моделлю: список літератури, щотижневі зустрічі з професором і обговорення текстів, письмові роботи. Такий семінар, який, зрозуміло, офіційно зараховується як частина семестрового навантаження, за домовленістю з професором можуть створити і кілька студентів.

Інший різновид семінару – це обов'язковий для всіх магістрантів першого року навчання загальний «вступ до професії», де студенти мають ознайомитися з теоретичними засадами історіописання і головними підходами до вивчення минулого. Такі семінари за своєю структурою часто мало чим відрізняються від моделі описаної вище. Студенти можуть розбирати класичні праці видатних істориків

(наприклад, Л. Ранке, Ф. Броделя, Е.П. Томпсона), простежувати на їхньому прикладі еволюцію історичного знання, або обговорювати, знову ж таки через аналіз конкретних праць, різні методи та підходи до історіописання – такі як марксизм, «соціальна історія», «нова культурна історія», «пост-колоніалізм», і таке інше.

Інколи викладач у такому семінарі фокусує увагу на більш практичних аспектах історичної професії, як-то робота в архівах або бібліографічний пошук. Але зазвичай цьому вчать у так званих дослідницьких семінарах (research seminars), які є практичним продовженням теоретичних курсів. Мета такого семінару тривалістю в семестр – це підготовка кожним студентом самостійної дослідницької роботи, статті такого формату і розміру, які публікуються в наукових виданнях. (Розмір наукових статей, що публікуються, зазвичай становить 7-9 тисяч слів). Студенти працюють над своїми проектами самостійно та індивідуально з викладачем семінару, а на загальних зустрічах обговорюють проблеми та принципи роботи з джерелами, пошуку літератури (практичні заняття можуть проводити запрошені фахівці-бібліотекарі), планування та структуру наукової роботи (статті, есе). Учасники семінару обмінюються написаними фрагментами, критикують і коментують роботи своїх колег. Результат семінару – так звана першорічна дослідницька робота (first-year research paper) – є важливою віхою в підготовці спеціаліста як в докторських, так і в магістерських програмах. Вона може бути основою майбутньої магістерської тези та навіть докторської дисертації і інколи дійсно публікується в наукових виданнях.

Звичайно, крім загальних джерелознавчих та бібліографічних принципів, з якими студенти можуть ознайомитися колективно в курсах та семінарах, існують також спеціальні навички та знання, що їх може потребувати історик в залежності від галузі та специфіки досліджень: екзотичні мови, методи статистичного аналізу, навички з палеографії, нумізматики, тощо. Оволодіння такими знаннями – частина індивідуальної підготовки спеціаліста, яку інтегровано до структури докторської або магістерської програми, і для якої існують широкі можливості за межами департаменту історії. Наприклад, спеціальні історичні дисципліни не викладаються як спеціальні курси в американських департаментах історії (як відомо, теоретичне джерелознавство як окрема галузь знань відсутня в американській

історичній науці). Але існують літні практичні курси з різних дисциплін, спонсоровані загальнонаціональними товариствами та організаціями, як-от Американським Нумізматичним Товариством або Шекспірівською Бібліотекою Фолджера, з нумізматики, з палеографії для ранньомодерних істориків, медієвістів, орієнталістів тощо¹. У Сполучених Штатах існують федеральні програми студентських грантів для вивчення іноземних мов, особливо східних; якщо студент отримає такий грант, мовні курси будуть зараховані його департаментом як частина курсового навантаження. Більше того, якщо кілька студентів департаменту, зацікавлені у вивченні якоїсь мови або у практиці з якоїсь спеціалізованої історичної дисципліни, вони можуть організувати власний курс, вести який департамент запросить фахівця (це може бути і професор з департаменту, і хтось сторонній). Можливі і неформальні зустрічі, гуртки студентів та професорів. Відвідання лекцій та семінарів в інших департаментах університету, від математики до соціології та літературознавства, також всіляко заохочується.

Зрозуміло, що така поглиблена підготовка до наукової діяльності в якійсь спеціальній сфері історичного знання частіше має місце в докторських, ніж магістерських програмах. Магістерська теза (master's thesis), більш-менш еквівалентна східноєвропейській дипломній роботі, має бути оригінальним дослідженням, заснованим на першоджерелах, але її сенс радше в тому, щоб поглибити навички дослідницької праці та написання наукових робіт, ніж у тому, щоб збагатити історичну науку. Так, департамент історії Арізонського Державного Університету вважає, що магістерська теза, середнім обсягом у сто сторінок, повинна продемонструвати «здатність студента здійснювати дослідження на основі першоджерел, оглянути та синтезувати відповідні вторинні джерела з теми, організувати та розвинути специфічну тему, аналізувати та переконливо доводити свою точку зору та добре писати»². Звичайно, різниця між орієнтацією на демонстрацію навичок та на внесок до науки лише відносна, і

¹ Наприклад: <http://www.numismatics.org/>; <http://www.folger.edu/>.

² <https://webapp4.asu.edu/programs/t5/majorinfo/ASU00/LAHISTMA/graduate/f> also.

результати магістерських досліджень іноді можуть публікуватися у формі статей в історичних журналах.

Магістерська теза – це основний компонент практично-дослідницької частини підготовки магістра. Пошук теми починається з першого року магістратури. Тоді ж студент обирає собі наукового керівника та ще двох, зрідка трьох членів свого комітету, для наукового керівництва. Вибір робиться відповідно до наукових інтересів студента, але не обмежується вузькоспеціальними рамками періоду та регіону; критерії відбору можуть бути методологічні. Так, студент, що планує займатися європейською гендерною історією, може обрати одним з членів свого комітету спеціаліста з азійської гендерної історії. Присутність у комітеті професорів з інших департаментів університету заохочується, присутність професорів з інших університетів можлива. На регулярних, але не частих зустрічах з окремими членами комітету та з усім комітетом (частота таких зустрічей – справа цілком індивідуальна, яка на може бути усереднена навіть приблизно), обговорюються дослідницькі плани та прогрес студента, вибір курсів, таке інше. Важлива риса роботи таких комітетів – їхня цілковита неформальність та колегіальність, орієнтація на характер та потреби студента. Ставка на персональне відчуття відповідальності та тісну персональну співпрацю студента з професорами, як зі старшими колегами – це також частина професійної підготовки. Постійна неформальна співпраця і обмін думками та планами з колегами, обмін черновими варіантами статей та монографій, вміння сприймати та використовувати дружню критику та самому критикувати рукописи колег надзвичайно високо цінуються в американському академічному житті.

Зрозуміло, що саме так проходить і робота над тезою: загальний план випрацьовується в діалогах із членами комітету, написані розділи віддаються на критику та допрацьовуються. Власне для написання тези відводиться останній семестр дворічної програми, коли студент відвідує лише один, зрідка два, а інколи жодного звичайного семінару. (У попередньому, третьому семестрі звичайне курсове навантаження також зменшується і відводиться час для дослідницької роботи). Захист магістерської тези є останнім етапом на шляху до отримання магістерського диплому. Дату призначають індивідуально, і захист проходить перед науково-керівним комітетом студента, без

присутності якихось офіційних представників департаменту. За умови попереднього виконання студентом загальних вимог програми, як-то проходження встановленої кількості семінарів, саме комітет володіє правом присвоєння студенту магістерського ступеня.

Останній компонент магістерської програми – це педагогічна практика магістрантів, інтегрована до системи університетського викладання. Багато курсів для студентів-бакалаврантів (*undergraduate students*) проходять у форматі лекції – практичні/семінарські заняття. Професори читають лекції, а практичні заняття зазвичай проводять студенти магістратури та докторантури. Така викладацька діяльність є частиною їхнього фінансового пакету – обов'язком, виконання якого частково відшкодовує університету кошти на освіту і утримання магістрантів і докторантів.

В Miami University магістрант з історії веде семінари протягом обох років програми, тобто викладання починається з першого семестру, коли новий «викладач-асистент» (*teaching assistant, або graduate assistant*) можливо на рік або два старший за деяких зі своїх студентів. У багатьох університетах проводяться педагогічні тренінги для майбутніх асистентів перед початком їхнього першого семестру. До обов'язків асистента входять: по-перше, відвідання всіх лекцій з курсу; по-друге, проведення власних семінарських занять за матеріалами лекції та текстів, які задані студентам; по-третє, перевірка та оцінювання письмових екзаменів та інших письмових робіт студентів. Оскільки остаточна оцінка, яку студент отримує за курс, складається з оцінок за письмові роботи та за участь в семінарських заняттях, вона цілком залежить від асистента. Професор лише читає лекції, консулює студентів в індивідуальному порядку, та якоюсь мірою контролює роботу асистентів – за час тривалості семестру відвідує бодай одне семінарське заняття кожного з них та обговорює з асистентами критерії оцінювання письмових робіт. Зазвичай професор та асистенти проводять також щонедільні зустрічі, на яких обговорюють організаційні та інші проблеми курсу, стратегію семінарських занять, реакцію студентів на матеріали курсу, можливі екзаменаційні питання і теми для письмових робіт, тощо.

Асистентів найчастіше запрошують до загальних оглядових курсів, як-то історія Сполучених Штатів, огляди світової історії, таке інше, де загальне число студентів може перевищувати триста осіб.

Студенти розбиваються на секції для семінарських занять, і кожен асистент отримує три секції, тобто десь близько п'ятидесяти або трохи більше студентів. В «дорожчих» та більш престижних університетах дослідницького спрямування, де більше магістрантів та докторантів, асистентів можуть призначати і до невеликих оглядових курсів (наприклад, історія Російської імперії, історія Африки до 1800 року, таке інше), де асистент може вести й дві секції, а в секції може бути навіть сім-вісім студентів. Але більш реалістичне навантаження складає три секції та близько п'ятдесят студентів. Це означає, що кожного тижня асистент, на додачу до свого власного курсового навантаження та дослідницької роботи, має відвідати дві лекції зі своїми студентами, опрацювати тексти, які задані студентам, та провести три семінарські заняття, а десь три-чотири рази на семестр перевірити п'ятдесят письмових екзаменаційних праць, або інших письмових робіт. Асистент має також проводити індивідуальні консультації зі студентами за їхнім бажанням.

Така практика не дає магістранту чи докторанту досвіду читання лекції, але є більш ніж достатнім тренуванням з інших компонентів педагогічного процесу і допомагає подальшому розвитку історичного мислення. Хоча департаменти намагаються призначати асистентів до курсів в межах їхньої спеціалізації (американістів до історії Сполучених Штатів, таке інше), це не завжди можливо, і асистентам почасти доводиться викладати предмет, про який вони знають не набагато більше своїх студентів (взагалі то це стосується також і курсів в межах їхньої спеціалізації). Але вважається, що головна відмінність між асистентами та їх студентами полягає не в кількості знань, а у вмінні по-особливому підійти до інформації, з якою вони можливо також стикаються вперше, у вмінні аналізувати тексти, особливо першоджерела, задавати запитання, думати «по-історичному». Цьому вони вчать у своїх власних семінарах, і ці навички вони приносять до секції, практикуючи їх через викладання. Секційні заняття проводяться за інтерактивним методом. Завдання асистента в секції – організувати дискусію, допомогти студентам опрацювати задані тексти, спрямувати їхню думку в потрібному напрямку. Зрештою, і знання предмету здобуваються краще за все в процесі його викладання.

Об'єктивний аналіз та оцінювання письмових робіт – це також мистецтво і частина професійної підготовки. Екзамен з історії найчастіше складається з кількох «ідентифікацій» – імен, дат, явищ, подій, значення яких треба пояснити – та одного есе. Питання для екзаменаційних есе та завдання для інших письмових робіт протягом семестру ставляться як історичні проблеми, що вимагають пояснень або висловлення аргументованої точки зору. В екзаменаційних есе та інших роботах оцінюються не стільки фактичний матеріал сам по собі (хоча, звичайно, це також важливо) скільки композиція, переконливість, сила аргументу та відбір факту на його підтримку. Асистент має не лише виставити оцінку, але і письмово прокоментувати кожную роботу, обґрунтувати оцінку, пояснити студенту, що зроблено правильно, а що ні, як можна писати краще. Асистент повинен виробити свої стандарти оцінювання, співставити їх зі стандартами професора, і ефективно пояснити їх студентам у процесі підготовки до письмових робіт. Тут знову ж таки викладацька практика асистента вчить перш за все безпосередній взаємодії зі студентами. Залишається додати, що в кінці семестру студенти також офіційно оцінюють своїх професорів та асистентів, ясність та цікавість викладання, доступність, справедливість, вміння задіяти студентів у класі, таке інше.

Ця модель магістерської освіти не є єдиною можливою. За відсутністю централізації в системі освіти, кожен департамент та кожен університет випрацьовує та постійно модифікує структуру магістерської та докторської програм, які він пропонує. Тому мабуть не можна говорити про єдину «магістратуру з історії» в США. Окреслена тут система, хоча вона реально існує в щонайменше одному університеті, має сприйматися скоріше як середньоарифметичне поєднання компонентів, з яких зазвичай складається освіта магістра з історії – семінари, дослідницька робота, викладацька практика. Існують магістерські програми, розраховані на один, півтора, навіть три роки. Викладачі часто експериментують з формою семінару. Більшість департаментів пропонують своїм магістрантам також версію програми без магістерської тези (а non-thesis option), які розраховані перш за все на тих, хто не планує вступу до докторантури та подальшої академічної кар'єри. У цьому випадку дослідницький компонент та теза замінюються письмовим та/або усним випускним

екзаменом за встановленим списком літератури з обраної історичної спеціалізації. Викладацькі обов'язки зазвичай прив'язуються до фінансової допомоги (пакету, що покриває плату за навчання та стипендію для магістранта), тому відсутні, коли магістрант утримує себе сам або знаходиться на якійсь іншій формі фінансування. У деяких випадках університетські фінансові пакети передбачають обов'язки не викладача, а асистента-дослідника, що допомагає професорам в їхній науковій роботі.

І кінець кінцем кожен департамент розуміє ціль та суть своєї магістерської програми по-своєму. Хоча такі програми можуть розглядатися як етап на шляху до докторантури та подальшої професійної підготовки історика, магістерська ступінь не обов'язкова для майбутніх докторантів. Деякі департаменти історії, наприклад Університету Коннектикуту, наголошують, що їхня магістратура фокусується радше на розвитку загального інтелектуального потенціалу, ніж на професійному тренуванні майбутніх вчених¹. Інші, поряд зі «звичайною» магістерською програмою, пропонують таку, що розрахована на підготовку спеціалістів з так званої «публічної історії», з концентрацією на музеєзнавстві, краєзнавстві, створенні та підтриманні вебсайтів, усній історії, менеджменті суспільних організацій, тощо². Невизначеність суті та цілей «магістратури з історії» як такої, вкупі з відсутністю централізації в системі освіти, може бути джерелом гнучкості та широти вибору в національному масштабі.

Приходько Я.М. Магістратура з історії в США: Навчальний процес та місце в системі вищої освіти

Резюме: Стаття містить відомості про структуру, вимоги, та основні риси навчального процесу в магістратурі з історії в Сполучених Штатах. Автор підсумовує власний досвід навчання в США на ступінь магістра. Магістратура характеризується як складова системи професійної освіти в США, підкреслюється роль основних компонентів навчання – групових семінарів, дослідницької роботи та викладацької практики – в процесі підготовки професійного історика.

¹ <http://history.uconn.edu/graduate/maprogram.php>.

² <http://cas.lehigh.edu/CASWeb/content/default.aspx?pageid=768>

Ключові слова: історична освіта, магістратура у США.

Приходько Я.Н. Магистратура по истории в США: Учебный процесс и место в системе высшего образования

Резюме: Статья содержит сведения о структуре, требованиях и основных чертах учебного процесса в магистратуре по истории в Соединенных Штатах. Автор опирается на собственный опыт обучения в магистратуре в США. Магистратура рассматривается как составная часть профессионального образования в США, подчеркивается роль основных компонентов обучения – групповых семинаров, исследовательской работы и преподавательской практики – в процессе подготовки профессионального историка.

Ключевые слова: историческое образование, магистратура в США

Prykhodko Y.N. MA courses in history in the USA: educational process and its place in the system of higher education

Summary: The essay outlines the structure, requirements, and main features of master's programs in history in the United States. The author sums up his own experience of studying for a master's degree in the US. Master's programs are described as part of the American system of graduate and professional education, and students' various activities – group seminars, research work, and teaching practice – are characterized from the point of view of their place in the training of a professional historian.

Keywords: historical education, master's degree in the US.

Розділ VII

Спогади

Від редакції:

Бернд Бонвеч народився в Берліні 17 жовтня 1940 р. У 1960 р. склав іспит на атестат у Гамбурзі. В 1960-1961 рр. знаходився на військовій службі. В 1962-1967 рр. вивчав історію, славістику, порівняльну педагогіку та російську мову в Гамбурзі та Берліні (Вільний університет). Викладав суспільні науки і німецьку мову в Державній торговельній школі Гамбурга. В 1968-1969 рр. вивчав історію в Стенфордському університеті (Каліфорнія, США). В 1969-1972 рр. –

науковий асистент історичного семінару Гамбурзького університету. Працював з документами у архівах Вашингтона, Нью-Йорка, Лондона, Парижа. В 1972 р. захистив дисертацію «Місце Росії в економічних планах Англії та Франції 1914-1917 рр.» й здобув звання доктора наук.

У 1972-1980-х рр. працював науковим співробітником, згодом – асистентом Інституту Східноєвропейської історії та країнознавства в Тюбінгені. З 1980 р. – професор, завідувач кафедри східноєвропейської історії, декан історичного факультету в Рур-університеті м. Бохума. Неодноразово запрошувався з лекціями у різні університети Німеччини та інших держав світу. У 1995 р. у рамках німецько-британського проекту Європейського Союзу був радником міністерства освіти Казахстану з питань реформування вищої школи. З 1995 р. і на протязі багатьох років – член наукової попечительської ради меморіального комплексу Бухенвальду та Міттельбау-Дори. З 2000 р. – член ради німецько-російського Музею в Берліні-Карлсхорсті.

З 2003 р. – член Спільної комісії із дослідження новітньої історії німецько-російських відносин; директор-засновник Німецького історичного інституту в Москві, професор багатьох університетів, зокрема Кемеровського, в якому прочитав три курси лекцій з російської, радянської та німецької історії (російською мовою). Неодноразовий учасник міжнародних наукових конференцій з історії в Харківському університеті, співвидавець численних наукових праць, у т.ч. відомого у світі збірника «Східна Європа».

Автор та співавтор 12-ти монографій, понад 100 наукових статей, понад 160 рецензій та ін. праць. Наукові інтереси вченого охоплюють широке коло проблем історії Німеччини, Радянського Союзу та Росії. Найбільше його увагу привертають російська революція 1917-1920-х рр., Перша світова війна, політика тоталітарних режимів Німеччини та Радянського Союзу в міжвоєнний (1920-1930-ті рр.) і післявоєнний періоди, особливо – історія Другої світової війни, у галузі якої він є одним з провідних науковців світу.

З 2000 р. – почесний доктор Кемеровського університету (Росія), з 2003 р. – почесний доктор Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна.

БЕРНД БОНВЕЧ

**ФРИЦ ТЕОДОР ЭПШТЕЙН – УЧЕНЫЙ И
УЧИТЕЛЬ**

27 мая 2008 г. в связи с докладом в Германском историческом институте в Москве Анна Хорошкевич в беседе со мной упомянула о том, что она и другие сотрудники Института славяноведения РАН работают над новым изданием записок Генриха фон Штадена о Московии XVI века.

Мне сразу же вспомнился мой первый семинар по русской истории и мой глубоко чтимый учитель - незабвенный Фриц Эпштейн. Случаю было угодно сделать так, что Пауль Йохансен, преподаватель средневековой и восточноевропейской истории и по совместительству директор финно-угорского семинара в университете Гамбурга, в 1965 г. руководил основным семинаром по истории Ивана IV. В семинаре занимались только студенты, знавшие русский язык. Так как я наряду с историей изучал и славянскую филологию (моим главным иностранным языком тогда был польский), мои университетские друзья стали уговаривать меня записаться в этот семинар, так как там не хватало слушателей. Я согласился. Таким образом, на 7-м семестре я приступил к изучению русской и соответственно восточноевропейской истории.

Темы рефератов для семинара были вывешены на черной доске. Я выбрал тему «Опричнина». Но не потому, что она меня сильно интересовала, а потому, что выступать по этой теме надо было в конце семестра, а у меня было еще много других дел. Я тогда и понятия не имел, о чем пойдет речь. К сожалению, у меня не было прямого контакта с Паулем Йохансеном. Он заболел уже в начале семестра, так что едва ли был в состоянии председательствовать, а семинарские работы проверял в больнице. Семинар *de facto* вели его тогдашние ассистенты Гуго Вечерка и Норберт Ангерманн. Ангерманн принадлежал к лучшим в Германии молодым специалистам по

истории Московии времен Ивана Грозного и в то время работал над диссертацией по ливонской политике Ивана Грозного.

Постепенно до меня стало доходить, что за тема свалилось на мою голову. Выясняя характер опричнины и причины ее отмены в 1572 г., казавшиеся мне тогда не ясными, я погрузился в труды С.Ф. Платонова, С.Б. Веселовского, А.А. Зимина; читал и других историков, таких как Р.Ю. Виппер (написанная им биография Ивана Грозного была в 1947 г. издана по-немецки в Москве большим тиражом), и Бярне Норретрандерс, книга которого «Формирование царской власти при Иване Грозном» (*„The Shaping of Czardom under Ivan Groznyj“*) тогда только вышла в свет.

Важным источником для меня стали записки о Московии немецкого авантюриста Генриха Штадена, с 1564 г. до середины 70-х годов XVI века жившего в Московском царстве в качестве государева опричника, а затем купца. Записки Генриха Штадена были изданы на языке оригинала, т.е. по-немецки, в 1930 г. Фрицем Т. Эпштейном – ассистентом Рихарда Саломона в Гамбургском университете.

Кто такой Эпштейн, я знал в то время весьма приблизительно: меня как студента и начинающего учителя истории больше интересовал тогдашний «спор историков» о вине Германии в Первой мировой войне и вообще вопросы германской истории. В этом споре участвовал историк по имени Клаус Эпштейн, написавший книгу о «Матиасе Эрцбергере и проблеме демократии» (*„Matthias Erzberger und das Dilemma der deutschen Demokratie“*). Еженедельно 1000-1500 слушателей, среди которых был и я, собирались в большой аудитории Гамбургского университета, чтобы послушать лекции Фрица Фишера. Его книга «Схватка за мировое господство» (*так в России принято переводить немецкое название „Der Griff nach der Weltmacht“* - точнее было бы: «замах на мировое господство» или «порыв к мировому господству») тогда только появилась. Даже должность профессора по истории Восточной Европы была после смерти Пауля Йохансена в 1965 г. упразднена. Лишь когда на следующий год была учреждена гостевая профессура по истории Восточной Европы, я по-настоящему узнал, кто такой Фриц Т. Эпштейн: именно он и стал тем профессором, который взял на себя преподавание истории Восточной Европы. Он был отцом автора биографии Эрцбергера. Для тех, кто

интересовался историей Восточной Европы, посещать лекции нового приглашенного профессора было делом само собой разумеющимся.

Фриц Теодор Эпштейн приехал из Блумингтона, из университета штата Индиана (США). Он был маленьким, хрупким, как бы нуждающимся в защите человеком, едва выглядывавшим из-за кафедры, на которой он стоял. При этом Эпштейн обладал энциклопедическими знаниями, прежде всего, по историографии. Каждый исторический сюжет своей лекции он снабжал подробной комментированной библиографией, так что была угроза того, что исторический контекст мог слегка расплыться. Но красную нить профессор никогда не терял: через некоторое время нить Ариадны вновь выводила его на главную тему. Подразумевалось, что у него, как у профессора, приглашенного лишь на летний семестр, будет мало студентов. Но к этим немногим принадлежал и я. Я был учеником Эгмонта Цехлина, в ту пору одного из важнейших контрагентов Фрица Фишера. Эгмонт Цехлин обратил на меня внимание, так как я написал хороший реферат на тему «Легенда об ударе ножом в спину» и знал русский язык. Цехлину нужен был историк со знанием русского языка, так как он выступал в качестве эксперта от династии Гессен-Дармштадт на процессе Анастасии. Это было судебное дело об идентификации мнимой дочери русского царя. Процесс проходил в Гамбурге и я с интересом следил за ним.

Как вузовский преподаватель Фриц Эпштейн подкупал своих слушателей не только глубиной проникновения в мир исторических фактов и литературы, но и знанием немецкой историографии межвоенного периода. Прежде всего, это касалось усилий германских историков, направленных на опровержение «Параграфа о вине за войну» (статьи 231) Версальского мирного договора. Эпштейн сам активно участвовал в актуальной тогда дискуссии по проблеме «вины за войну» и целях Германии в Первой мировой войне¹.

Лишь годы спустя, когда у нас с Эпштейном уже установился личный контакт, я кое-что узнал о его судьбе. Сам Эпштейн не любил говорить на эту тему. В основном я узнавал о нем от тех людей, коллегой которых в дальнейшем стал. Это были Норберт Ангерманн,

¹ Die deutsche Ostpolitik im Ersten Weltkrieg. In: E. W. Graf Lynar (Hg.), Deutsche Kriegsziele 1914-1918. Frankfurt/M. 1964, S. 158-174.

Клаус Швабе, Клаус Мейер, Александр Фишер, Дитрих Гайер. Судьба Эпштейна в связи с его бесконечной готовностью помогать другим людям, обладала для меня особой притягательной силой. Возможно, другие испытывали к нему те же чувства.

Фриц Эпштейн, как он всякий раз кратко и скромно представлялся, снимая телефонную трубку, был еврей. Он происходил из семьи франкфуртских старожилов. Уроженец Франкфурта-на-Майне Теодор В. Адорно был, к примеру, его двоюродным братом. Его отец Пауль Эпштейн был известным математиком, который учился, а затем преподавал в качестве приват-доцента в «Имперском университете» в Страсбурге. После 1918 г. он вернулся в родной ему город Франкфурт, где стал экстраординарным профессором. Взгляды семьи, которые разделял и Фриц Эпштейн, можно охарактеризовать как германо-национальные. Так что борьба против «параграфа о вине за войну» была связана и с его лично-семейным опытом. Его отец в Первую мировую войну был в германской армии, а сам Фриц Эпштейн в 1917 г. добровольцем ушел на фронт и служил до 1919 г. После защиты первой докторской диссертации в 1924 г. у Карла Штелина в Берлине по проблеме государственного управления допетровской Руси¹, Фриц Эпштейн в 1926 г. стал ассистентом Рихарда Саломона, который в Гамбургском университете заведовал кафедрой культуры и истории России.

Вершиной работы Эпштейна в Гамбургском университете стала осуществленная им в 1930 г. публикация записок Генриха фон Штадена, которая может служить образцом научного издания источника. На следующий год, в 1931 г., Эпштейн переехал во Франкфурт для завершения работы над второй докторской диссертацией (Habilitation). Однако его подготовленная к защите работа «Россия и мировая политика 1917-1920 гг.» („*Russland und die Weltpolitik 1917-1920*“) в 1933 г. уже не смогла пройти ученый совет философского факультета. Франкфуртские профессора, как Эпштейн не раз с горечью вспоминал, перед официальным направлением его

¹ Gedruckt herausgegeben zum 80. Geburtstag Epsteins von G. Specovius: F. T. Epstein, Die Hof- und Zentralverwaltung im Moskauer Staat und die Bedeutung von G. K. Kotošichins zeitgenössischem Werk „Über Russland unter der Herrschaft des Zaren Aleksej Michajlovič“ für die russische Verwaltungsgeschichte. Hamburg 1978.

работы в ученый совет отсоветовали ему защищаться, так как он, как «неариец» не имел шансов получить *venia legendi* (квалификацию профессора) и возможность преподавать в университете даже вне штата. Эпштейн многократно указывал на то, что Ханна Арендт с ее диссертацией о Рахель Варнхаген испытала такую же участь. Книга Ханны Арендт была позже издана, а работа Эпштейна так и осталась не опубликованной. На эту свою работу Эпштейн опирался, когда писал для трехтомника по истории внешней политики Советского Союза большую статью о внешней политике Советской России в 1917-1920 гг.¹

Преследование евреев в Германии в годы господства национал-социализма было для семьи Эпштейн, учитывая ее германо-национальные взгляды, особой трагедией, если вообще можно так разделять эту трагедию. Рихард Саломон, наставник Эпштейна при работе над «Штаденом», потерял место руководителя семинара в Гамбурге в 1933 г.; в 1934 г. его лишили профессуры и он эмигрировал в Америку. Отца Эпштейна как участника войны некоторое время не трогали, но после Нюрнбергского съезда НСДАП в 1935 г. он лишился своего места во Франкфуртском университете и, после долгих мучений, в 1939 г. покончил жизнь самоубийством, не выдержав постоянного ожидания ареста. Фриц Эпштейн еще в 1934 г. эмигрировал в Англию, где перебивался случайными заработками, преподавая немецкий язык. В 1937 г. он сумел перебраться из Англии в США и в 1944 г. получил американское гражданство.

И в Америке ему было не легко. Жизнь бросала его из стороны в сторону. Он работал ученым, библиотекарем и преподавателем в разных местах и учреждениях, среди которых было и Управление стратегических служб (УСС - предшественник Центрального разведывательного управления), и Госдепартамент США. Но он не был, как многие американские знатоки России и Восточной Европы, сотрудником соответствующих подразделений УСС или Госдепа; в УСС он работал в отделе Латинской Америки, а в Госдепе - в отделе Германии. В конце концов, в 1963-1969 гг. Эпштейн занял должность

¹ F. T. Epstein, Außenpolitik in Revolution und Bürgerkrieg, 1917-1920. In: D. Geyer (Hg.), Osteuropa-Handbuch. Sowjetunion. Außenpolitik Bd. I: 1917-1955. Köln 1972, S. 86-149.

профессора истории Восточной Европы в университете штата Индиана в Блумингтоне, где он одновременно руководил отделом славянских книг в университетской библиотеке.

Обилие и разнообразие дел, которыми Эпштейн занимался, свидетельствовали о его разносторонней одаренности. Но они не показывают оборотной стороны медали: после эмиграции из Германии у него не было постоянной работы, а значит и социальной стабильности в жизни. После войны он многократно приезжал в Западную Германию, например, в 1960-1963 гг. был ответственным секретарем издания «Документы по внешней политике Германии 1918-1945» („*Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945*“), выходившего под эгидой боннского министерства иностранных дел. В Бонне, в Мекенхайме, у него была квартира. Но, к сожалению, ни один из германских университетов не предложил ему места профессора на постоянной основе. А Эпштейн этого места более чем заслуживал. От случая к случаю его приглашали разные университеты. В 1950 г. он был гостем Свободного университета в Берлине; в 1954 г. преподавал в Бонне; в 1966-1968 гг. – провел летние семестры в Гамбурге. В университетах Бонна и Фрейбурга соответственно в 1961 г. и 1974 г. он был нештатным «почетным» профессором (Honoraryprofessor), т.е. он мог преподавать, но не получал за это жалования. Внешне Фриц Эпштейн никогда не показывал своего разочарования таким положением дел. Своим бесчисленным коллегам и молодым немецким историкам послевоенного поколения он охотно помогал практическими и научными советами.

Среди тех многих, кто пользовался его советами, был и я. Когда в 1966 г. я выбирал тему работы для государственного экзамена, я обратился к Эпштейну с вопросом, что он мог бы мне посоветовать. Мои интересы лежали тогда в сфере истории Первой мировой войны - в соответствии с бурными дискуссиями того времени и личным спором между моим научным руководителем Эгмонтом Цехлиным и его оппонентом Фрицем Фишером, на которого я, как и другие студенты, смотрел с восхищением. Однако Фриц Эпштейн предложил мне заняться парижской экономической конференцией союзников в 1916 г., так как эта тема была практически не изучена.

После ознакомления с общей литературой, я решил рассмотреть эту проблему с особым учетом роли России. Эгмонт Цехлин, у

которого я хотел писать свою государственную экзаменационную работу, был согласен с выбранной темой и затем, получив результаты моего исследования, дал свой отзыв (*de facto* отзыв писал его ассистент Клаус Зауль). В итоге, предпринимаемые во время Первой мировой войны усилия Франции и Англии, направленные на недопущение конкурирующей с ними Германии на послевоенный рынок России, соответствовали убеждениям Цехлина. Впрочем, я почти уверен, что и Фриц Эпштейн назвал мне эту тему в соответствии со своими германо-национальными убеждениями, о которых я тогда еще ничего не знал.

Мое сочинение было защищено в качестве государственной экзаменационной работы в 1967 г. В 1972 г. оно переросло в диссертацию, которую я написал после года учительствования в одной из школ Гамбурга и изучения архивов в Англии, Франции и США. В предисловии диссертации я сухо отметил, что к изучению избранной темы меня побудил Фриц Эпштейн. Сегодня я сожалею о том, что не написал подробно, в чем состоят его заслуги. Следовало бы поблагодарить его за помощь, оказанную в изучении документов, хранящихся в США - в Стенфордском и Гуверовском институтах, в Национальном архиве в Вашингтоне, в Русском архиве Колумбийского университета и некоторых других американских архивах, содержащих материалы по экономике. Эпштейн всюду звонил своим ученикам и знакомым и просил их оказать мне помощь в работе.

Однако я надеюсь, что он почувствовал, как сильно я ему благодарен и как глубоко его уважаю, когда в 1972 г. при визите к нему домой в Бонне-Мекенхайме я подарил ему экземпляр моей напечатанной диссертации. К сожалению, я вряд ли мог что-то сделать для Фрица Эпштейна. В этой связи я могу записать на свой счет лишь одну едва заметную заслугу: это было в мае 1968 г., в «бурные» времена студенческих протестов против законов о чрезвычайном положении. Студенческие волнения сотрясали не только Гамбург, но и всю ФРГ. Гамбургские студенты объявили «стачку». Лишь сознательные «штрейкбрехеры» проходили через посты бастующих в «башню философов» - здание гуманитарных факультетов на площади «Фон Мелле-Парк».

Однако на лекцию Фрица Эпштейна пришел целый ряд студентов. Когда Эпштейн уже начал читать свой доклад, примерно пять представителей забастовочного комитета вошли в аудиторию, стали объяснять причины стачки и призывать студентов к солидарности, к дискуссии и к окончанию занятий. Эпштейн был очень взволнован и возмущен. Он, дрожа всем телом, заявил свой протест. Он подчеркнул, что уже имел аналогичный опыт: также срывали занятия в Третьем рейхе. Короче говоря, я сумел сделать так, что представители забастовочного комитета покинули лекционный зал. Лекция Эпштейна была одной из немногих, не сорванных забастовщиками в мае 1968 г. Я до сих пор рад этому.

Я не знаю, сохранил ли Фриц Эпштейн этот эпизод в своей памяти. Мы никогда не говорили с ним об этом. Однако именно тогда, во время «Движения 68-го» он учел мою просьбу проконсультировать группу студентов Гамбургского университета, разрабатывавших планы реформ. Я случайно, через своего политически ангажированного друга, попал в эту группу, в которую также входили председатели Всеобщего студенческого комитета «Аста» Детлев Альберс и Герт Хиннерк Бельмер. Они 9 ноября 1967 г. помешали праздничной передаче ректората под лозунгом «Под мантиями – плесень “тысячи лет”» и этим намеком на роль профессоров в Третьем рейхе очень способствовали развитию студенческого протеста в Гамбурге. Например, однажды Эпштейн присутствовал при нашей встрече с госпожой Гюльк - председателем депутации парламента Гамбурга по культуре и науке. Эпштейн тогда очень расхваливал достоинства американской системы департаментов и умеренной иерархической дифференциации преподавателей американских университетов. Германский ординарный университет, который в Третьем рейхе в целом не стал защитником университетской этики, ему явно не нравился. Даже в 60-е годы Эпштейн был не совсем доволен Гамбургским университетом, так как последний пытался косвенно реабилитировать ректора-историка нацистских времен Густава Адольфа Рейна.

Таким образом, Эпштейн немного поспособствовал структурным изменениям в Гамбургском университете, закрепленным в новом университетском законе от 25 апреля 1969 г. При этом надо отметить, что университеты, как и вообще образование и культура, в то время

еще больше чем сейчас, были в исключительной компетенции земель ФРГ. Гамбургский университет был одним из первых в Германии, которые ликвидировали старые факультеты в пользу новых, введя более узкую специализацию. Из 6 старых факультетов было создано 15 отделений. Старый философский факультет был тогда расформирован. Но во многом бо́льшие последствия имели введенные тогда революционные правила в отношении права голоса в академическом самоуправлении всех членов университетского сообщества.

Однако не все нововведения, осуществленные тогда под лозунгом «демократизации университета» были к лучшему. Я, например, как представитель от ассистентов, был тогда членом первого совета отделения гамбургских историков, куда также входили и филологи, изучавшие древние языки. Начиная с зимнего семестра 1969-1970 гг. мы заседали по средам с 14 часов и до полуночи. Часто имея перевес голосов над профессорами, мы даже изменяли оценки за диссертации. В особенности деликатным был вопрос замещения должностей. Так называемый «паритет третей», т.е. равное представительство профессоров, ассистентов и студентов в органах университетского самоуправления, иногда приводил к нехорошим решениям. Лишь в 1970 г. правительство ФРГ при первом федеральном министре образования и науки Лёйссинке приняло единый рамочный закон для германских университетов, который, конечно, продолжал изменяться в течение последующих лет.

Фриц Эпштейн едва ли сумел увидеть последствия студенческих протестов. В 1968 г. он в последний раз был в университете Гамбурга в качестве приглашенного профессора. Университет по случаю 70-летия ученого присвоил ему звание почетного доктора. Потом он продолжал свою скромную жизнь ученого уже в отставке, как частное лицо. Еще много лет он переписывался со своими бесчисленными коллегами, никому не отказывая в профессиональном или жизненном совете. По случаю 75-летия Эпштейна его коллега из Блумингтона Роберт Ф. Бёрнс издал сборник его сочинений под названием «Германия и Восток»¹. Немецкие коллеги посвятили его 80-летию, отмечавшемуся

¹ F. T. Epstein, *Germany and the East. Selected Essays*. Hg. Von R. F. Byrnes. Bloomington 1973.

в 1978 г., юбилейный сборник под названием «Россия, Германия, Америка»¹.

К моему большому разочарованию, вопреки вмешательству Фрица Фишера, меня пригласили не для участия в юбилейном сборнике, а лишь на церемонию его торжественного вручения юбиляру. Как ученый я был еще слишком молод, к тому же Фриц Эпштейн имел слишком много известных коллег и друзей. Около 300 человек официально поздравили его с 80-летием. Поэтому я посвятил Фрицу Эпштейну отдельное сочинение, касавшееся главной проблематики его творчества – темы «Германия и Россия». Эта статья, в конечном счете, стала возвращением к тому первоначальному импульсу, который я получил от него при написании работы для государственного экзамена². Эпштейн явно обрадовался и утешал меня, если меня обходили другие. У меня была потребность таким образом участвовать в его публичном чествовании.

Фриц Эпштейн умер на 82-м году жизни 6-го декабря 1979 г. Я продолжаю чтить его память и вспоминать о нем как о самоотверженном ученом и заботливом учителе, которому не только я был обязан очень многим.

Москва, июнь 2008 г.

(перевод с немецкого Бориса Хавкина)

Бонвеч Б. Фріц Теодор Епштейн – учений та учитель

Резюме: У спогадах відомого вченого, почесного доктора Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна йдеться про його вчителя Фріца Епштейна, а також про події кінця 1960-х – початку 1970-х років.

Ключові слова: Спогади, Фріц Епштейн, німецькі університети.

Бонвеч Б. Фриц Теодор Эпштейн – ученый и учитель

¹ Alexander Fischer, Günter Moltmann, Klaus Schwabe (Hg.), Rußland, Deutschland, Amerika. Festschrift für Fritz T. Epstein zum 80. Geburtstag. Wiesbaden 1978.

² Russland und der Separatfrieden im Ersten Weltkrieg. In: Geschichte und Gesellschaft 3.1977, S. 125-149.

Резюме: В воспоминаниях известного ученого, почетного доктора Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина Бернда Бонвеча повествуется о его учителе Фрице Эпштейне, а также событиях в немецких университетах конца 1960-х – начала 1970-х годов.

Ключевые слова: Воспоминания, Фриц Эпштейн, немецкие университеты.

Bonvech B. Frits Teodor Epstein – A scientist and a teacher

Summary: In the memoirs of known scientist, honorable doctor of V.N. Karazin Kharkiv National University, Bernd Bonvech, is narrated about its teacher Fritz Epstein, and also about the events in German Universities in late 1960s - early 1970th.

Keywords: Memoirs, Fritz Epstein, German universities.

Розділ VIII

Документи та матеріали

В.П. БУЗЕСКУЛ - П.Г. ВІНОГРАДОВ: ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

Для изучения межуниверситетских связей, формирующих *invisible college*, и понимания межличностных коммуникаций, обуславливающих складывание *habitus*'а той социальной группы, которая составляет основу этого «невидимого колледжа», такие документы личного происхождения, как письма и воспоминания ученых, являются важнейшими источниками. Думается, что в полной мере это подтверждают публикуемые ниже материалы. Копии писем П.Г. Виноградова к В.П. Бузескулу отложились в архиве МГУ, а оригинал – в Петербургском филиале архива РАН. К сожалению, письма к П.Г. Виноградову не сохранились: их нет в крупнейших архивных коллекциях историка в Московском и Гарвардском университетах. Тем интереснее воспоминания В.П. Бузескула о П.Г. Виноградове, написанные вскоре после смерти всемирно известного российского и британского историка, очевидно, по просьбе его родственников, собиравших материал о нем для его английского биографа и друга – Герберта Фишера¹. Опирающиеся на текст виноградовских писем воспоминания В.П. Бузескула позволяют отчасти восстановить контекст переписки, а главное – позволяют

¹ Ведущая роль в сборе материалов принадлежала, как можно заключить из документов фонда 213 в архиве МГУ, племяннице Павла Гавриловича – Е.Н. Круг, которая также предприняла попытку создать биографический очерк детства и юности своего дяди. Сопоставление текстов Е.Н. Круг и «воспоминаний» Г. Фишера, а также ряд черновиков переводов писем П.Г. Виноградова родным на французский язык, сделанных для его вдовы, позволяет говорить о прямом или опосредованном влиянии племянницы на описание некоторых эпизодов ранней биографии историка, открывающей посмертное издание его собрания сочинений. См.: *Fisher H.A.L. A Memoir // Collected Papers of Paul Vinogradoff. Oxford, 1928. Vol. 1. P. 3–74* (впервые опубликовано отдельной брошюрой в 1927 г.). Текст очерка Е.Н. Круг «Детство и отрочество П.Г. Виноградова (из семейной хроники)» подготовлен мной для публикации в пятом выпуске историографического сборника «Мир историка», готовящегося к изданию в Омске.

понять условия, определяющие характер межличностной коммуникации историков. Существенным для этого является изначальное различие их статуса и положения, сохранявшееся в динамике, поскольку оба успешно осваивали научное поприще и продвигались по лестнице ученой карьеры, правда, с разной скоростью и степенью признания. Начинаящий исследователь из провинциального университета, отославший свой первый научный труд на суд московского (по-сути, столичного, хотя столицей империи был Петербург) мэтра, с трепетом ждал его оценки и был удивлен и обрадован быстрым и положительным ответом. Воспоминания свидетельствуют о престижности защиты диссертации именно в Московском университете при участии в диспуте ведущих специалистов по проблеме, хотя чисто прагматические соображения вполне могли привести харьковского историка к решению защищаться в стенах *alma mater*. Впоследствии, став уже профессором, В.П. Бузескул продолжал знакомить своего ставшего всемирно известным коллегу с результатами своих исследований, подключив к этому процессу и своих младших товарищей. В свою очередь благосклонно отнесшийся к первым шагам начинающего харьковского историка П.Г. Виноградов неизменно свидетельствовал свое уважительное отношение к нему. Он даже выражал готовность привлечь его вместе с другими известными коллегами из Харьковского университета¹ к участию в международном журнале, чтобы знакомить зарубежных ученых с достижениями российской исторической науки. Правда, при этом его отношение опять же было покровительственным, поскольку он являлся членом редакционного совета журнала, что уже само по себе было одним из признаков международного признания его авторитета. Поддержание последнего и жизнь с 1901 г. в добровольном изгнании в Англии определили, что встреча историков на Международном историческом конгрессе в Берлине была «летучей», т. к. П.Г. Виноградов «был окружен

¹ Замечу, что А.С. Лебедев и Д.И. Багaley могли быть известны П.Г. Виноградову хотя бы заочно, т.к. первый был выпускником и магистрантом Московской духовной академии, а второй в 1887 г. был удостоен степени доктора истории в Московском университете за диссертацию «Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства».

преимущественно англичанами». Однако, в отличие от других российских коллег, знавших П.Г. Виноградова понаслышке, В.П. Бузескул не делал из этого вывода о его высокомерии (или, с учетом места жительства, снобизме)¹, а сохранял о нем представление, как о «большом человеке», выдающемся ученом, с которым, впрочем, единомышленники в науке и общественной жизни могли установить «простые, самые добрые отношения». Этот личный мотив, несомненно, отразился в очерке о П.Г. Виноградове, вошедшем в завершающий труд В.П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России»², хотя написана работа, понятно, в соответствии со строгими нормами беспристрастности и объективности научного исследования.

Как уже отмечалось, копии писем и воспоминания В.П. Бузескула хранятся в архиве МГУ (ф. 213), а оригинал письма П.Г. Виноградова к нему отложился в фонде В.П. Бузескула (ф. 825) в Петербургском филиале архива РАН, сотрудникам которых публикатор выражает искреннюю признательность за помощь при копировании материалов. При публикации текст приведен в соответствие с современными правилами орфографии. Сокращения слов восстановлены в квадратных скобках. Датировка событий в России и писем из нее приводится по юлианскому календарю, а зарубежные, соответственно, датированы по григорианскому. Ссылки, сделанные В.П. Бузескулом, обозначены буквами русского алфавита и даны в конце каждого документа, в котором они содержатся. Пронумерованные примечания публикатора приводятся в конце. Поскольку письма были написаны до воспоминаний, они публикуются вначале.

¹ Студенты, учившиеся у П.Г. Виноградова, нередко называли его «йоркширским баронетом», вспоминал С.П. Мельгунов, «впрочем, без той злости, которая может вытекать из сочетания этих слов...» (см.: *Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Вып. 1 (Части первая и вторая). Париж, 1964. С. 72*). Ср. с достаточно язвительными упоминаниями «будущего лорда» «сэра Поля» в письмах В.Э. Грабаря к М.А. Дьяковову, написанных 9 и 23 февраля 1917 г., т.е. до получения П.Г. Виноградовым этого титула (см.: АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 260–270. Л. 1, 3).

² *Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1929. Ч. 1. С. 168–187.*

Публикацию подготовил д.и.н. проф. А.В. Антощенко.

№ 1

Москва, 23 марта 1889 г.

Пречистенка, Лёвшинский пер[еул]ок
д[ом] Ловцова
23 марта

Милостивый государь
Владислав Петрович,

Спешу уведомить Вас о получении Вашей книги¹ и вероятном ходе дела в случае предоставления ее в Московский университет. Я не успел, конечно, прочесть книги, но даже на основании беглого знакомства с нею могу сказать с уверенностью, что никаких препятствий к получению степени быть не может: работа, во всяком случае, значительная и полезная. Но Вы, по-видимому, желали бы защищать еще до вакаций, а это, к сожалению, никак нельзя устроить у нас. И объем книги, и важность затронутых вопросов являются в этом отношении препятствиями. К весне всегда накопляется притом много опоздавших по разным причинам факультетских дел.

Если бы Вы, тем не менее, представили Вашу диссертацию на суд московского факультета, то вторым оппонентом, вероятно, будет назначен профессор А.Н. Шварц², который, между прочим, занимается греческими древностями и читает по ним курсы. Может быть в диспуте примет участие и В.И. Герье³.

Прошение пишется «в историко-филологический факультет». При этом должно быть представлено minimum 17 экземпляров книги для раздачи.

¹ Бузескул В.П. Перикл. Историко-критический этюд. Харьков, 1889.

² Шварц Александр Николаевич (1848–1915) – филолог-классик, педагог, государственный деятель. С 1887 г. профессор кафедры классической филологии Московского университета. Министр народного просвещения (1908–1910).

³ Герье Владимир Иванович (1837–1919) – историк, профессор кафедры всеобщей истории Московского университета (1868–1904), учитель П.Г. Виноградова.

Я покорнейше просил бы Вас, если Вы остановитесь на Москве, известить меня о своем решении в возможно скором времени.

Уважающий Вас П. Виноградов

Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 58. Л. 10–11. Рукописная копия В.П. Бузескула. Датировано В.П. Бузескулом.

№ 2

Москва, 8 октября 1893 г.

Москва,

Лёвшинский пер[еулок], д[ом] Ловцова

8 октября 1893

Многоуважаемый Владислав Петрович,

Искренно благодарен Вам как за Ваш сочувственный отзыв об учебнике¹, так и за присылку Вашей статьи о новых работах по греческой истории². Не благодарил Вас тотчас по получению статьи, потому что завален работой и запустил всю свою переписку. Будьте добры – выразите мою искреннюю благодарность за внимание двум молодым харьковским ученым господам Вязигину³ и Агееву⁴, которые прислали мне свои работы – статью о книге Мирбта⁵ и перевод брошюры Тардифа⁶. Это, вероятно, Ваши ученики, и я

¹ Бузескул В.П. По поводу новых учебников всеобщей истории (1. П.Г. Виноградов. Древний мир. М., 1893, VI + 196 с.; 2. К.А. Иванов. История средних веков. СПб., 1892, VIII + 218 с.) // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1893. № 5. С. 91–94.

² Бузескул В.П. Научная литература по греческой истории за последние годы (1890–1892) в ее главных явлениях // Филологическое обозрение. 1893. № 4. Кн. 2. С. 121–164.

³ Вязигин Андрей Сергеевич (1867–1919) – историк, профессор кафедры всеобщей истории Харьковского университета с 1901 г., депутат Государственной думы.

⁴ Агеев Михаил – студент Харьковского университета. Дополнительной информации найти не удалось.

⁵ Вязигин А.С. Новое исследование об избрании Григория VII. Харьков, 1893. Рец.: Mirbt C. Die Wahl Gregors VII. Marburg, 1891. Благодарю С.И. Лимана и С.И. Посохова за сообщенную информацию.

⁶ Имелся ввиду перевод книги: Tardif A. Notions élémentaires de critique historique. Paris, 1883. Тардиф А.Ф. Основы исторической критики / Пер. с

покорнейше просил бы Вас выразить им мою признательность. Покровского¹ я это время не видал, но на днях увижу и передам ему предназначенный для него экземпляр Вашей брошюры².

Истинно преданный и уважающий Вас П. Виноградов

^а Когда вышла 1ая часть учебника Павла Гавриловича, я сделал о ней сообщение в Педагогическом отделе, состоявшем при Харьковском историко-филологическом обществе. Сообщение было напечатано и оттиск его я послал Павлу Гавриловичу (*Прим. В.П. Бузескула*).

^б Статья А.С. Вязигина (*Прим. В.П. Бузескула*).

^в Об основных началах исторической критики – перев[од] Агеева (*Прим. В.П. Бузескула*).

^г Мих[ал] Мих[айлович], ныне профессор Московского университета (*Прим. В.П. Бузескула*).

^д О новейшей литературе по греческой истории (*Прим. В.П. Бузескула*).

Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 58. Л. 11–12. Рукописная копия В.П. Бузескула.

№ 3

Москва, 14 октября 1896 г.

Москва,

Лёвшинский пер[еул], д[ом] Ловцова

14–X–[18]96

Многоуважаемый Владислав Петрович,

француз. [и снабдил предисл.] студент Харьковск. ун-та М. Агеев. Воронеж, 1893.

¹ Покровский Михаил Михайлович (1868/1869–1942) – филолог-классик и литературовед, академик АН СССР (1929). Профессор Московского университета (1894–1930).

² Очевидно, речь шла о выше упомянутой статье, опубликованной так же в виде отдельной брошюры в типографии Э. Лисснера и Ю. Романа (М., 1893).

Очень рад, что Вы в общем остались довольны моим учебником и «Книгой для чтения»^а: Ваше мнение для меня дорого, как мнение уважаемого ученого и педагога.

Позвольте обратиться к Вам с небольшой просьбой. Здесь возникла мысль об основании Педагогического общества. В Харькове существует уже такое^б. Не могли бы Вы выслать мне по почте и возможно скорее Устав Харьковского общества. Для успеха дела крайне важно заручиться примерами и прецедентами. Исполнением этой просьбы крайне обяжете.

Искренно преданный Вам П. Виноградов

^а «Книга для чтения по истории средних веков», изд[анная] под редакцией Павла Гавриловича (*Прим. В.П. Бузескула*).

^б Собственно говоря, существовало не общество, а Педагогический отдел при Историко-филологическом обществе (*Прим. В.П. Бузескула*).

Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 58. Л. 12–13. Рукописная копия В.П. Бузескула.

№ 4

Берлин, 25 мая 1902 г.

Grand Hotel Bellevue

Und

Thiergarten Hotel (Hotel du park)

Platz.

Berlin W.,

Potsdamer

Inh.: Emil Mitzger

WIEN-HANDLUNG

Fernsprecher Amt VI, Nr. 69 und Nr. 793

Telegramm-Adr.: Bellevuehotel

25–V–[19]02

Многоуважаемый Владимир¹ Петрович,

Ваше письмо застало меня здесь в приготовлениях к отъезду в Россию. Мы едем на лето в Гунгербург, близ Нарвы (Луговой, 63) и

¹ В этом и последующих письмах П.Г. Виноградов ошибочно называет В.П. Бузескула Владимиром.

туда я прошу адресовать до конца июля, когда я перееду уже на продолжительное время в Англию. Я очень благодарен Вам за добрую память и скажу без преувеличения, что очень ценю Ваше внимание и возможность переписываться с Вами. С многими бывшими товарищами отношения прерываются потому, что при всем расположении друг к другу нет возможности установления правильной переписки.

Да, много произошло событий с тех пор, как мы с Вами так приятно проводили вечера в Харькове¹, но немного произошло хорошего или обещающего хорошие последствия. Мрак все сгущается над Россией и приходится лишь повторять – доколи, Господи?

Вы, по крайней мере, принадлежите к тем, кто может найти некоторое утешение в работе, так как действительно постоянно работаете. С интересом ожидаю выхода Вашего курса или части курса по разработке греческой истории, за которым, надеюсь, вскоре последует и обработка самого материала этой истории.

Что касается до меня, то я ближайшим образом занят статьей для «*Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte*» о средневековых сословных отношениях² и приготовлением двух лекций для съезда University Extension³ в Кембридже о реформах Александра II⁴. По приезде в Англию буду главным образом занят своей работой по раннему средневековью, хотя все время пойдут и работы для России.

¹ П.Г. Виноградов находился в Харькове в конце апреля – начале мая 1901 г. в качестве председателя экзаменационной комиссии.

² Vinogradoff P. Wergeld und Stand // *Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte*. Weimar, 1902. Bd. XXIII. Germanistische Abteilung. S. 123–192.

Немецкий научный журнал «*Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte*» является преемником журнала «*Zeitschrift für Rechtsgeschichte*», созданного в 1861 г. на базе основанного известным юристом и историком Ф.К. Савиньи (Savigny) журнала «*Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*». С 1880 г. журнал стал выходить под упомянутым в письме названием. Журнал существует до сих пор.

³ Движение за распространение университетского образования (англ.).

⁴ Vinogradoff P. The Reforming Work of the Tzar Alexander II. // *Lectures on the History of the Nineteenth Century*, delivered at the Cambridge University Extension Summer Meeting August 1902. Ed. by F.A Kirkpatrick. Cambridge, 1902. P. 237–256; *ibid.* The Meaning of the Present Development in Russia // *Idem.* P. 257–276.

Преданный Вам П. Виноградов

Р. S. Прошу передать мой усердный поклон Вашей супруге¹.

ПФА РАН. Ф. 825 (В.П. Бузескул). Оп. 2. Д. 37. Л. 1–2 об.
Автограф. На бланке отеля.

№ 5

Танбридж Уэльс, 18 февраля 1903 г.

31, Broadwater Down
Tunbridge Wells
18–II–[19]03

Многоуважаемый Владимир^a Петрович,

Давно не приходилось писать Вам, но сейчас есть и небольшое дело к Вам, так что естественно возобновить переписку. Препровождаю Вам два-три экземпляра циркуляра возрождающейся в расширенном и улучшенном виде «*Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte*»². Хорошо бы, если бы Вы и некоторые Ваши товарищи, особенно А.С. Лебедев³ и Д.И. Багалей⁴ поддержали это дело своим сотрудничеством. Не мешает русским ученым напоминать иногда о себе за границей, тем более, что там ими, т[о] е[сть] нами, несомненно интересуются. Журнал же, о котором я хлопочу, будет, несомненно, научный и интернациональный.

¹ Бузескул Екатерина Гавриловна (1865–?) – жена В.П. Бузескула.

² Исторический журнал «*Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte*», посвященный проблемам социальной и экономической истории, выходил во Фрейбурге и Лейпциге (Т. 1–7. 1893–1899/1900). В 1903 г. он был возобновлен под названием «*Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*». Выходит до настоящего времени. Главными редакторами нового журнала были известные тогда специалисты Л.Г. Гартман, Г. фон Белов и Ш. Бауэр. П.Г. Виноградов являлся членом редакционного совета журнала. См.: *Hermann A. Zum 50. Band der Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. 1963. Bd. 50. S. 18.

³ Лебедев Амфиан Степанович (1832–1910) – историк церкви. С 1871 г. ординарный профессор кафедры церковной истории Харьковского университета.

⁴ Багалей Дмитрий Иванович (1857–1932) – историк, академик АН УССР (1919). С 1887 г. ординарный профессор, а в 1906–1910 гг. ректор Харьковского университета, член Государственного совета (1906, 1910–1914).

Между прочим, Вы меня очень обяжете, справившись у Владимира Эдуардовича Дэна¹, получил ли он мое письмо по тому же поводу. Оно было послано несколько времени назад с просьбой принять участие в организации отдела хроники по русской истории. Ответа по этому важному вопросу я, однако, до сих пор не имею^в и буду особенно благодарен Вам, если вы разъясните это дело.

Искренно преданный Вам П. Виноградов

^а Вм[есто] Владислав (*Прим. В.П. Бузескула*).

^б Амфиан Степанович Лебедев – профессор по истории церкви, Дм[итрий] Иван[ович] Багалей – по русской истории (*Прим. В.П. Бузескула*).

^в В.Э. Ден был приглашен в Харьковский университет, но потом отказался в него перейти. Этим объясняется его молчание (письмо Павла Гавриловича, очевидно, послано было в Харьков) (*Прим. В.П. Бузескула*).

Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 58. Л. 13–14. Рукописная копия В.П. Бузескула.

№ 6

Танбридж Уэльс, 10 апреля 1903 г.

31, Broadwater Down
Tunbridge Wells
10–IV–[19]03

Многоуважаемый Владимир^а Петрович,

Спешу ответить на Ваше письмо, чтобы рассеять Ваши недоразумения относительно судьбы предшествующих писем. Я получил ответ на предложение участвовать в Vierteljahrschaft, и очень рад, что Вы и Амфиан Степанович^б выразили готовность сотрудничать в этом издании. Имена ваши уже стоят в списке сотрудников, и я надеюсь, что первая книжка была вам обоим выслана. Интересно было бы знать, как она вам понравилась. Я не отвечал Вам сразу, п[отому] ч[то] ожидал известий о Дм[итрии] Ив[ановиче] Багалее, с которым Вы хотели поговорить. Надеюсь, что и он не откажется поддержать

¹ Дэн (Ден) Владимир Эдуардович (1867–1933) – экономист, географ и статистик.

журнал. Статьи могут быть присылаемы по-русски: они будут переводиться в Вене на счет издателя.

На другой день после Вашего письма пришла и книга^в, которая производит прекрасное впечатление. Как все Ваши работы, она необыкновенно обстоятельна, хорошо систематизирована и изложена. Единственное замечание, быть может, некоторые упрекнут Вас, это слишком снисходительное внимание и отношение даже к второстепенным работам, mais c'est péché du bon côté¹. Я посмотрел уже отделы о Фукидиде², Аристотеле³ и критских раскопках и нашел их прекрасными. Едва ли и за границей найдется лучший историографический обзор. Поздравляю с успехом, особенно ценным и удивительным в тяжелое время, в которое Вам пришлось работать. Поклон Вашей супруге.

Ваш П. Виноградов

^а Вм[есто] Владислав (Прим. В.П. Бузескула).

^б А.С. Лебедев (Прим. В.П. Бузескула).

^в Мое «Введение в историю Греции» (Прим. В.П. Бузескула).

Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 58. Л. 14–16. Рукописная копия В.П. Бузескула.

№ 7

Танбридж Уэльс, 30 мая 1903 г.

31, Broadwater Down
Tunbridge Wells
30–V–[19]03

Многоуважаемый Владимир^а Петрович,

Извините за небольшой замедление ответом: был очень занят и несколько запустил переписку. Относительно предложенной Вами

¹ Но это грех хорошего свойства (*фр.*).

² Фукидид (Θουκυδίδης) (ок. 460–400 до н. э.) – древнегреческий историк.

³ Аристотель (Αριστοτέλης) (384–322 до н. э.) – древнегреческий философ и ученый-энциклопедист.

статьи^б замечу лишь, что Хвостов^{в1} написал для июльской книжки обзор последних русских работ по социальной истории древнего мира², причем дело свелось главным образом на характеристику книг Ростовцева^г и Гревса^{д3}. Вы, конечно, имеете в виду другое – именно, общую характеристику литературы и за прежние годы. Такая, во всяком случае, остается свободной темой, и Вы исполните ее, наверное, с обычным умением и полнотой. Предупредите меня, однако, на всякий случай, останетесь ли Вы при этой теме или выберете другую. Или же предупредите об этом Гартмана^{е4}, упомянув, как Вы размежуетесь с Хвостовым.

О Вашей статье по историографии^ж я думаю написать для «Deutsche Litteraturzeitung»⁵ небольшую заметку^з. Так отвлечен средневековыми занятиями, что не соберусь сделать обстоятельного обзора.

Июнь и июль я проведу у матери, в окрестностях Москвы. Адрес мой будет на это время Химки близ Москвы, дача Ивановой (бывшая Гилярова).

Искренне преданный Вам П. Виноградов

¹ Хвостов Михаил Михайлович (1872–1920) – историк античности. С 1895 по 1900 гг. приват-доцент Московского университета; в 1900–1907 приват-доцент, с 1907 г. профессор Казанского университета.

² *Chwostoff M. Neue russische Forshungen auß dem Gebiete der Wirtschafts- und Sozial Geschichte des Altertums // Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. 1903. Bd. 1. S. 324–330.*

³ Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – историк античности и археолог. Образование получил в Киевском и Петербургском университетах. С 1898 г. приват-доцент, в 1901–1918 гг. профессор Петербургского университета. В 1918 г. эмигрировал из Советской России, с 1920 г. жил в США, профессор Висконсинского университета в Мэдисоне (1920–1925), профессор Йельского университета в Нью-Хейвене (1925–1944).

Гревс Иван Михайлович (1860–1941) – историк, профессор Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге (1892–1918), профессор Петербургского (с 1924 г. Ленинградского) университета (1899–1941).

⁴ Гартман (Hartmann) Людо (Людвиг) Мориз (1865–1924) – австрийский историк, политический и государственный деятель.

⁵ «Deutsche Litteraturzeitung» – немецкий критико-библиографический еженедельник, издававшийся в Берлине с 1880 по 1948 г.

^а Вм[есто] Владислав (Прим. В.П. Бузескула).

^б Я предполагал было дать для Vierteljahrschaft обзор русских работ по социальной и экономической истории Греции (Прим. В.П. Бузескула).

^в Мих[аил] Мих[айлович] Хвостов, профессор Казанского университета (Прим. В.П. Бузескула).

^г Государственный откуп в древнем Риме (Прим. В.П. Бузескула).

^д Очерки римского землевладения (Прим. В.П. Бузескула).

^е Один из редакторов Vierteljahrschaft (Прим. В.П. Бузескула).

^ж Подразумевается «Введение в историю Греции» (Прим. В.П. Бузескула).

^з Насколько мне известно, это намерение не было осуществлено (Прим. В.П. Бузескула).

Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 58. Л. 16–17. Рукописная копия В.П. Бузескула.

№ 8

Оксфорд, 17 мая 1908 г.

19, Linton Road,
Oxford.
17–V–[19]08

Многоуважаемый коллега,

.....^а

Благодарю за выражение симпатии по поводу возобновления моей деятельности в Московском университете. Это, однако, не будет «возвращением» в собственном смысле, так как я Оксфорда не покидаю. По здешним условиям я имею возможность воспользоваться осенью как хочу, и я рад отдать это свободное время Москве.

Искренне преданный П. Виноградов

^а Начало письма опущено, так как оно носит конфиденциальный характер (Прим. В.П. Бузескула).

Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 58. Л. 17. Рукописная копия В.П. Бузескула.

№ 9

Оксфорд, 12 ноября 1910 г.

19, Linton Road,
Oxford.
12–XI–[19]10

Многоуважаемый Владислав Петрович,

Получил Ваш сборник статей¹ и письмо, и приношу Вам искреннюю благодарность за добрую память и ценный подарок. Введение в греческую историю² я также получил своевременно и, сколько помню, немедленно ответил с благодарностью. Боюсь, что мое московское письмо не дошло, но надеюсь, что Вы получите, по крайней мере, это.

В Вашем сборнике я с особенным интересом прочту статью о судьбах Харьковского университета под влиянием устава 1884 г[ода]. Мне предстоит написать подобную статью о Московском университете. В конце января собираюсь недель на 10 в Москву.

Жаль, что давно не приходилось видеться с Вами; встреча в Берлине³ была летучая.

Ваш П. Виноградов

¹ Исторические этюды (*Прим. В.П. Бузескула*).

² На историческом конгрессе (*Прим. В.П. Бузескула*).

Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 58. Л. 18. Рукописная копия В.П. Бузескула.

¹ Судя по контексту, речь шла о сборнике: *Багaley Д.И., Сумцов Н.Ф., Бузескул В.П.* Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Харьков, 1906. В.П. Бузескул написал для него раздел «История университета при действии устава 1884 г. (С. 244–329).

² Очевидно, имелось в виду очередное переиздание.

³ Упомянутый международный конгресс историков, проходивший в Берлине 6–12 августа 1908 г.

* * *

ПАВЕЛ ГАВРИЛОВИЧ ВИНОГРАДОВ

(Личные воспоминания о нем с приложением его писем ко мне)

Впервые имя Павла Гавриловича Виноградова я встретил в 1880 г.: на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» печаталась его магистерская диссертация «Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии»¹. Я тогда кончал курс в Харьковском университете и об авторе названного труда не имел никакого представления. Затем в том же журнале за 1883–4 г. стали появляться «Очерки западноевропейской историографии» П.Г. Виноградова². Я еще со студенческой скамьи получил особое влечение к историографии и библиографии и с жадным интересом читал эти превосходные «Очерки». Тогда я уже знал, что автор их – доцент Московского университета по кафедре всеобщей истории. Не прошло и трех лет как появилась докторская диссертация Павла Гавриловича: «Исследования по социальной истории Англии в средние века»³, поставившая его в ряд крупнейших

¹ Виноградов П.Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии // ЖМНП. 1880. Ч. CCVII. Январь (№ 10). Отд. 2. С. 136–212; Февраль (№ 2). Отд. 2. С. 344–383; Ч. CCVIII. Апрель (№ 4). Отд. 2. С. 183–218; Ч. CCX. Август (№ 8). Отд. 2. С. 217–253; Ч. CCXI. Сентябрь (№ 9). Отд. 2. С. 186–221; Октябрь (№ 10). Отд. 2. С. 333–368; Ч. CCXII. Ноябрь (№ 11). Отд. 2. С. 131–164; Декабрь (№ 12). Отд. 2. С. 331–378. В этом же году вышла книга: Виноградов П.Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880.

² Виноградов П.Г. Очерки западноевропейской историографии // ЖМНП. 1883. Ч. CCXXVIII. Август (№ 8). Отд. 2. С. 390–408; Ч. CCXXIX. Сентябрь (№ 9). Отд. 2. С. 160–182; Ч. CCXXX. Октябрь (№ 10). Отд. 2. С. 371–385; Ч. CCXXXI. Ноябрь (№ 11). Отд. 2. С. 176–198; Ч. CCXXXII. Декабрь (№ 12). Отд. 2. С. 485–498; ЖМНП. 1884. Ч. CCXXXIII. Январь (№ 1). Отд. 2. С. 237–250; Ч. CCXXXIV. Февраль (№ 2). Отд. 2. С. 433–443; Ч. CCXXXV. Июнь (№ 6). Отд. 2. С. 310–331; Ч. CCXXXVI. Июль (№ 7). Отд. 2. С. 172–185; Ч. CCXXXVII. Август (№ 8). Отд. 2. С. 414–428; Ч. CCXXXVIII. Ноябрь (№ 11). Отд. 2. С. 183–193.

³ Виноградов П.Г. Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887.

историков не только у нас, но и на Западе¹. Знакомства между ним и мною тогда еще не существовало. Начало этого знакомства – да и то лишь заочного – относится к марту 1889 г., когда вышла моя магистерская диссертация о Перикле. Экземпляр ее я послал Павлу Гавриловичу, читавшему в Московском университете не только курс средней, но и греческой истории, и в препроводительном письме выражал намерение защищать эту диссертацию в Москве, если она будет принята. Уже через день или два по получении моей книги и письма Павел Гаврилович мне отвечал. Ответ был необычно скорый и весьма благоприятный: Павел Гаврилович писал, что он «не успел, конечно, прочесть книги, но даже на основании беглого знакомства с нею может сказать с уверенностью, что никаких препятствий к получению степени быть не может: работа, во всяком случае, значительная и полезная». Легко представить себе, как такой благоприятный и скорый ответ мне, совершенно неизвестному ему молодому, начинающему ученому, ободрил меня, какое чувство благодарности, горячей, неизменной, вызвал он во мне к Павлу Гавриловичу. Его письмо я храню до сих пор, как бесконечно дорогое для меня^а. Но защищать свою диссертацию в Москве не пришлось: Павел Гаврилович предупреждал, что диспут до каникул не может состояться; между тем у меня было естественное желание освободиться от этой процедуры до vacations. В Харькове мне обещали устроить диспут в мае, и я решил защищать диссертацию в родном университете. Но и здесь диспут состоялся только осенью, но я очень жалел, что не представил своей диссертации на суд московского историко-филологического факультета и не получил степень магистра, так сказать, из рук профессора П.Г. Виноградова.

В начале 90-х годов прошлого столетия сделаны поразительные открытия по части греческих папирусов в Египте, воскресившие некоторые памятники греческой литературы, казалось, навсегда

¹ Расширенный перевод докторской диссертации П.Г. Виноградова был опубликован в Оксфорде университетским издательством «Кларендон Пресс»: *Vinogradoff P. Villainage in England. Essays in English Mediaeval History. Oxford: Clarendon Press, 1892.*

^а В общем у меня сохранилось 8 писем Павла Гавриловича ко мне, текст которых я и привожу в приложении (*Прим. В.П.Бузескула*).

утраченные, в числе их – трактат Аристотеля об афинском государственном устройстве («Афинская политика»). Я заинтересовался этим вновь открытым трактатом, и он послужил предметом моей докторской диссертации¹. Обратил на него свое внимание и Павел Гаврилович, посвятивший ему несколько статей². В его семинаре, на практических занятиях, под его руководством, слушатели работали над исследованием этого источника. В результате явилось несколько печатных работ – В.А. Маклакова, М.О. Гершензона, М.М. Покровского³. Таким образом обнаружилась

¹ Бузескул В.П. Афинская Политика Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V века. Харьков, 1895.

² Виноградов П.Г. Трактат Аристотеля о государстве Афинском // Русская мысль. 1892. Кн. XI. Отд. 2. С. 198–220; он же. Первые главы Афинской Политики Аристотеля // Филологическое обозрение. 1893. Т. III. Кн. 2. С. 97–109; он же. Развитие демократии в трактате Аристотеля о государстве афинском // Историческое обозрение. 1893. Т. 5. С. 156–174.

³ Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) – адвокат, политический деятель. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1894), ученик П.Г. Виноградова.

Гершензон Михаил Осипович (Мейлих Иосифович) (1869–1925) – историк литературы и общественной мысли, публицист, ученик П.Г. Виноградова.

Имелись в виду статьи М.О. Гершензона «Аристотель и Эфор» и В.А. Маклакова «Избрание жребием в афинском государстве», опубликованные в 1894 г. издательством Московского университета под общим названием «Исследования по греческой истории». В.П. Бузескул откликнулся на издание рецензией (см.: Филологическое обозрение. 1894. № 7. Кн. 1. С. 1–9), а позже подверг критике некоторые оценки М.О. Гершензона в своей докторской диссертации (см.: Бузескул В.П. Афинская Политика Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V века. Харьков, 1895. С. 230). М.О. Гершензон хотел сначала ответить на критику в специальной статье (об этом упоминал П.Г. Виноградов в письме М.О. Гершензону, направленном из Холменколлена 6/18 сентября 1895 г.: «В каком роде написали Вы статью о Бузескуле? Надеюсь, не обругали его? <...> Хотя он за многое заслуживал бы головоломки». См.: НИОР РГБ. Ф. 746. К. 30. Д. 30. Л. 32–33 об.), но решил затем включить ответ в свою книгу (см.: Гершензон М.О. Афинская Политика Аристотеля и жизнеописание Плутарха. М., 1895. С. 98–99).

См. также публикации М.М. Покровского по теме: Покровский М.М. К вопросу об авторе новооткрытого трактата Ἀθηναίων πολιτεία (Athenaion politeia) // ЖМНП. 1892. Ч. CCLXXXIII. Октябрь (№ 10). Отд. 4. С. 29–48; Ч. CCXXXIV. Ноябрь (№ 11). Отд. 4. С. 49–61; он же. Этюды по Афинской политике Аристотеля. М., 1893; он же. 13 и 21 главы Афинской Политики Аристотеля //

общность наших научных интересов. В то же время Павел Гаврилович готовил свой учебник по всеобщей истории для средней школы¹. Его тогда очень интересовали вопросы педагогические и постановка преподавания как в высшей, так и в средней школе². В одном из своих писем он просил меня выслать ему устав Педагогического отдела, существовавшего при Харьковском историко-филологическом обществе, так как в Москве возникла мысль об основании Педагогического общества, и по мнению Павла Гавриловича, для успеха дела крайне важно было заручиться примерами и прецедентами.

Только в 1901 г. довелось мне встретиться и лично познакомиться с Павлом Гавриловичем. Весной того года он был председателем испытательной комиссии в Харьковском университете по нашему факультету и прожил в Харькове, в нашей среде, целый месяц. Ему предшествовала молва, что он горд, мало доступен; его называли «лорд Виноградов». Но мы были приятно разочарованы. Правда, Павел Гаврилович производил импонирующее впечатление и держал себя с большим достоинством: это был во всех смыслах

Филологическое обозрение. 1894. Т. VII. Кн. 2. С. 240–242; *он же*. Исследования по Афинской Политии Аристотеля // Филологическое обозрение. 1895. Т. VIII. Кн. 1. С. 43–68; Кн. 2. С. 121–141 и др.

¹ *Виноградов П.Г.* Учебник всеобщей истории. М., 1893–1896 (Ч. 1. Древний мир. 1893; Ч. 2. Средние века. 1894; Ч. 3. Новое время. 1896). В России учебник переиздавался 13 раз, и дважды – за границей после революции.

² *Виноградов П.Г.* Письмо в редакцию // Педагогический сборник. 1894. № 3. С. 307–314; *он же*. Доклад П.Г. Виноградова, ординарного профессора Московского университета [Приложение № 9 к журналу II] // Труды Высочайше учрежденной комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе. СПб., 1900. Вып. VI. Приложения к журналам комиссии. С. 40–41; *он же*. О классической школе. Доклад ординарного профессора Московского университета П.Г. Виноградова [Приложение № 65 к журналу VIII] // Труды Высочайше учрежденной комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе. СПб., 1900. Вып. VI. Приложения к журналам комиссии. С. 406–425; *он же*. О задачах Педагогического общества // Труды Педагогического общества, состоящего при императорском Московском университете. М., 1900. Раздел II. С. 1–15; *он же*. Учебное дело в наших университетах // Вестник Европы. 1901. Т. V. Октябрь. С. 537–573; *он же*. Школа на Скандинавском Севере и борьба за нее // Вестник Европы. 1902. № 3. С. 95–129.

«большой человек» – высокого роста, внушительной внешности и мировой ученый. Но между ним и членами нашего факультета установились простые, самые добрые отношения. У многих из нас он бывал. Был вопрос, который нас сближал, который живо интересовал всех нас. Это – «университетский вопрос». То была пора, когда тогдашний министр народного просвещения, генерал Ванновский¹, обратился к университетам с рядом вопросов, касавшихся изменения устава 1884 г. У нас была образована комиссия для составления ответа на эти вопросы. Я входил в ее состав и помню, с каким увлечением работали мы, как тогда мы верили и надеялись, как по целым вечерам, чуть ли не через день, заседали в душевной зале советской. Павел Гаврилович в беседе с нами принимал деятельное участие в обсуждении университетского вопроса, и мы обменивались с ним нашими взглядами. Он знакомил нас с точкой зрения его коллег, с той запиской, которую составила группа профессоров Московского университета; мы делились с ним результатами наших совещаний. Наши мнения во многом сходились: все мы были тогда сторонниками в большей или меньшей степени университетской автономии².

¹ Ванновский Петр Семенович (1822–1904) – военный и государственный деятель, министр народного просвещения (1901–1902).

² Ср.: Московский университет. Совет. Мотивированные ответы на поставленные господином министром народного просвещения вопросы, касающиеся устройства университетов, и мнения отдельных членов совета по этому предмету. М., 1901; Доклад комиссии, избранной Советом императорского Харьковского университета для ответа на вопросы, предложенные министром народного просвещения об изменении устава 1884 года. Харьков, 1901. В письме В.И. Вернадскому, отправленном из Харькова 4 мая 1901 г., П.Г. Виноградов писал о работе харьковской комиссии: «В Харькове тоже образована комиссия для обсуждения причин и мер. Состав и настроение ее хорошие – в ней действуют математики, представившие в свое время хороший отзыв о практических занятиях, Багалей, Миклашевский, Гиришман и др. Одним словом, большинство в нашем духе, и они справлялись о ходе дел у нас. Этой же комиссии будет поручено подготовить ответы на вопросы министерства, пакет которых я уже получил здесь. Выясняется несколько опасных капканов, на которые надо указывать, – ректор-директор, устранение готовящихся на диплом, практические занятия репетиционного характера и т.п.» (см.: Письма П.Г. Виноградова В.И. Вернадскому. 1899–1904 гг. / Публ. и коммент. А.В. Антощенко // Исторический архив. 2002. № 2. С. 133). О работе П.Г. Виноградова по составлению свода мнений профессоров Московского

Надежды наши рушились: действительность не оправдала их, и, как известно, Павел Гаврилович вскоре покинул Московский университет, переселился за границу и занял кафедру сравнительного права в оксфордском университете.

К этому времени, именно к 1903 г., относится несколько его писем ко мне. Все они более или менее касаются немецкого журнала «*Zeitschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*», расширенного тогда и превращенного в «*Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*». Павел Гаврилович интересовался судьбой этого журнала, старался привлечь к сотрудничеству в нем русских ученых¹, в том числе некоторых харьковских профессоров. «Хорошо бы, – говорил он в письме от 18 февр[аля] 1903 г., – если бы Вы и некоторые Ваши товарищи, особенно А.С. Лебедев и Д.И. Багалей, поддерживали это дело своим сотрудничеством. Не мешает русским ученым напоминать иногда о себе за границей, тем более, что там ими, т[о] е[сть] нами, несомненно интересуются». Принципиальное согласие на сотрудничество, по крайней мере мною и проф[ессором] А.С. Лебедевым, занимавшим в Харькове кафедру истории церкви, было дано, но по разным причинам мы так и не дали статей в названный журнал (я был отвлечен другими работами). Вторая половина одного из писем Павла Гавриловича, относящихся к 1903 г., касалась моего «Введения в историю Греции», тогда вышедшего².

Когда в нашем историко-филологическом факультете возник вопрос о принятии в его среду одного из московских историков, то я, по поручению факультета, обратился к Павлу Гавриловичу с просьбой сообщить свое мнение об этом историке. Павел Гаврилович ответил вполне откровенно на этот, по выражению, «поистине конфиденциальный» вопрос, дав отрицательную характеристику кандидату. В этом же письме (от 17 мая 1908 г.), в ответ на

университета см. его письма В.И. Герье из Харькова от 4, 7 и 8 мая 1901 г.: НИОР РГБ. Ф. 70. К. 38. Д. 112. Л. 5–12 об.

¹ Приглашения участвовать в издании П.Г. Виноградов послал М.М. Богословскому, И.М. Гревсу, П.Н. Милокову, М.М. Хвостову и др. См.: Письма П.Г. Виноградова ученикам / Публ. и коммент. А.В. Антощенко // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2007. Вып. 3. С. 367–369; Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 51. Л. 21–22 об.

² Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Харьков, 1903.

выраженную мною радость по поводу того, что он будет приезжать в Москву и будет читать там лекции и вести практические занятия, он писал: «Это, однако, не будет “возвращением” в собственном смысле, так как я Оксфорда не покидаю. По здешним условиям я имею возможность воспользоваться осенью как хочу, и я рад отдать это свободное время Москве»¹.

Вторично встретиться с Павлом Гавриловичем мне довелось только летом 1908 г., на Международном историческом конгрессе в Берлине. Встреча эта, к сожалению, была, как выразился впоследствии Павел Гаврилович, «летучая». Он был окружен преимущественно англичанами. Помню, Павел Гаврилович делал доклад в секции права и хозяйства на немецком языке: «*Vernunftrecht und Billigkeit in der englischen Rechtswissenschaft der XVI Jahrh[undert]*»².

Последнее из сохранившихся у меня писем Павла Гавриловича относится к 1910 г. Это был ответ на посланный ему мною сборник моих статей «Исторические этюды»³. «В Вашем сборнике, – писал он мне (от 12 ноября 1910 г.), – я с особенным интересом прочту статью о судьбах Харьковского университета под влиянием устава 1884 г[ода]. Мне предстоит написать подобную статью о Московском университете. В конце января собираюсь недель на 10 в Москву. Жаль, что давно не приходилось видеться с Вами; встреча в Берлине была летучая».

К сожалению, и наша переписка прервалась. Но я всегда считал счастьем для себя общение с таким ученым, каким был Павел Гаврилович Виноградов.

¹ Подробно перипетии краткосрочного возвращения П.Г. Виноградова в Московский университет в качестве сверхштатного профессора кафедры всеобщей истории охарактеризованы мной в статье «П.Г. Виноградов: долгое краткое возвращение в *alma mater*», которая будет опубликована в пятом выпуске сборника «Мир историка» в Омске.

² Право разума и правомерность в английском правоведении в XVI веке (нем.).

Текст доклада был опубликован на английском языке: *Vinogradoff P. Reason and Conscience in Sixteenth-century Jurisprudence // Law Quarterly Review. 1908. Vol. XXIV. No. XCVI. P. 373–384.*

³ *Бузескул В.П.* Исторические этюды. СПб., 1911. Судя по году издания, произошла ошибка памяти, поскольку письмо П.Г. Виноградова датировано 12 ноября 1910 г.

В. Бузескул

НВ. Письма см. на след[ующей] стран[ице], в Приложении.

Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–9. Автограф.

В.П. Бузескул – П.Г. Виноградов: листи, спогади

Резюме: Вперше публікуються листи П.Г. Виноградова до В.П. Бузескула за період з 1889 по 1910 рр. й спогади В.П. Бузескула про П.Г. Виноградова (1926?). ці джерела доповнюють один одного й відображають характер стосунків двох відомих істориків. Публікації передуює коротка передмова, вона також супроводжується докладним коментарем.

Ключові слова: історіографія, між університетські комунікації істориків, міжнародні контакти дослідників.

В.П. Бузескул – П.Г. Виноградов: письма, воспоминания

Резюме: Впервые публикуются письма П.Г.Виноградова к В.П.Бузескулу за период с 1889 по 1910 гг. и воспоминания В.П.Бузескула о П.Г.Виноградове (1926?). Данные источники дополняют друг друга и отражают характер взаимоотношений двух известных историков. Публикация предваряется кратким предисловием и сопровождается обширными комментариями.

Ключевые слова: Историография, межуниверситетские коммуникации историков, международные контакты исследователей.

V.P.Buzeskul – P.G.Vinogradov: letters, memoirs

Summary: Letters written by P.G.Vinogradoff to V.P.Buzeskul in 1889-1910 and reminiscences of V.P.Buzeskul about P.G.Vinogradoff (1926?) are published for the first time. These sources complement each other and reflect character of mutual relations between two distinguished historians. This publication is preceded by a short preamble and accompanied by a comprehensive commentary.

Keywords: history of historiography, intercollegiate communications among historians, researchers' international contacts

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ М.М. ЛУНИНА

Профессор Харьковского университета Михаил Михайлович Лунин (1807 – 1844) принадлежит к числу ученых, которые в первой половине XIX в. выводили изучение и преподавание всемирной истории в университетах Российской империи на профессиональный уровень. М.М. Лунин работал в Харьковском университете всего 9 лет (1835 – 1844), но за столь короткое время своей деятельности он приобрел авторитет выдающегося университетского преподавателя и ученого-историка.

Характеризуя научную и педагогическую деятельность М.М. Лунина, его коллега, профессор А.П. Рославский-Петровский отмечал, что он «... не был охотником до так называемых высших взглядов..., никогда не увлекался модными идеями и не жертвовал им полнотою фактов...». Эта оценка представляется нам далеко не совершенной по форме и, главное, - неверной по сути. Ведь на протяжении всего своего служения на ниве науки и просвещения М.М. Лунин стремился не только к воссозданию исторических событий, но и к их осмыслению, к теоретическим обобщениям. Пристально всматриваясь в бесконечную хаотичную череду исторических фактов, он пытался проследить их причинно-следственные связи, а также выявить закономерности исторического развития многих стран, народов и человечества в целом. Подобно Т.Н. Грановскому, П.Н. Кудрявцеву и некоторым другим российским «всеобщим историкам» первой половины XIX в. М.М. Лунин намеревался построить глубокую и самобытную концепцию исторического процесса. Но ни ему, ни им это не удалось. В историческом мировоззрении этих ученых переплетались творчески переработанные ими идеи представителей разных западноевропейских исторических школ и направлений. О методологических исканиях М.М. Лунина свидетельствуют не только его опубликованные конкретно-исторические и историографические руды, но и его

рукописные «Лекции по всемирной истории», а также не упоминавшаяся до настоящего времени в литературе небольшая по объему рукопись, которую мы публикуем ниже.

Она хранится в Отделе редкой книги Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (шифр хранения: 479/с). Ее текст написан в общей тетради формата 210x297 мм на пяти страницах. Рукопись не датирована и не подписана. Озаглавлена она следующим образом: «Одна из исторических лекций покойного проф. Лунина. Значение истории и ее разделение». Это заглавие не вполне адекватно ее содержанию. В рукописи речь идет не о «разделении» истории (т. е. периодизации), а о законах исторического развития. Небольшой объем рукописи наталкивает на мысль о том, что она представляет собой лишь один из фрагментов какой-то лунинской лекции.

Что же это за лекция? Пожалуй, мы вряд ли смогли бы ответить на этот вопрос, если бы недавно в городской библиотеке Новочеркасска нами не были обнаружены лекции М.М. Лунина по новой и древней истории с вводной лекцией к курсу всеобщей истории¹. Мы предполагаем, что эта лекция была прочитана М.М. Луниным перед преподавателями и студентами Харьковского университета в 1838 году, когда он был утвержден в должности ординарного профессора. Важно заметить, что первый абзац публикуемого ниже фрагмента дословно повторяется в лунинской вводной лекции. В то же время следующий за этим абзацем текст «харьковского» фрагмента отсутствует в «новочеркасской» рукописи. Таким образом, путем сопоставления «харьковской» и «новочеркасской» рукописей, мы можем предположить, что они являются собой две части одной лекции

Первый биограф М.М. Лунина В.П. Бузескул подчеркивал преобладающее влияние на формирование его историко-философских воззрений знаменитого немецкого философа Гегеля. Для подтверждения этого тезиса В.П. Бузескул приводил некоторые

¹ За содействие в этом поиске выражаем глубокую благодарность декану исторического факультета Харьковского национального университета, профессору С. И. Посохову, доценту Южного Федерального университета С. А. Шпагину и С. Терещенко.

положения таких работ М.М. Лунина, как «Взгляд на историографию древнейших народов Востока» и «Несколько слов о римской истории»². Историки, которые писали после В.П. Бузескула, лишь вскользь касались методологических представлений М.М. Лунина, ограничиваясь при этом одной единственной фразой о том, что он был последовательным гегельянцем. На наш взгляд, сведение методологических воззрений М.М. Лунина лишь к одностороннему развитию им идей Гегеля ведет к искажению оценки этого незаурядного историка. Изучая творчество М.М. Лунина, мы можем констатировать, что оно было подвержено влиянию не только Гегеля. Очевидно также, что он принимал далеко не все гегелевские построения. Как известно, Гегель считал, что на последней ступени воплощения абсолютного духа в германском мире было достигнуто полное и окончательное осознание свободы. В «харьковском» же фрагменте М.М. Лунина к числу тех народов, в среде которых развивалось самосознание абсолютного духа, причислял и славянские народы. Но следует отметить, что ни в публикуемом здесь «харьковском» фрагменте, ни в обширной «новочеркасской» рукописи вводной лекции М.М. Лунина имя Гегеля вообще ни разу не упоминается. Но зато в первом из указанных источников М.М. Лунина следует за Дж. Вико в представлении о человеке как движущей силе исторического развития, а во втором – подробно излагает биографию этого итальянского мыслителя и всесторонне характеризует его взгляды.

В целом же в своих методологических исканиях М.М. Лунина пытался гармонизировать концепции многих философских исторических школ и направлений. И если бы этот щедро одаренный многими талантами человек достиг почтенного возраста научной зрелости ученого-гуманитария, то, может быть, его неустанные поиски завершились бы созданием оригинальной концепции исторического развития. Но он умер за месяц и неделю до того, как ему исполнилось бы 37 лет.

В публикации мы сохраняем название, под которым источник значится в каталоге Отдела редкой книги Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Наши вставки, облегчающие в некоторых местах восприятие текста, заключены в квадратные скобки.

Немногочисленные явные опiski исправлены нами без оговорок. В основном текст воспроизводится в соответствии с правилами современной орфографии.

(Публикацию подготовила А.С. Куликова)

* * *

М.М. ЛУНИН. ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ И ЕЕ РАЗДЕЛЕНИЕ

Нравственные действия человека управляются двумя законами: во-1-х, законами свободы человеческого разума и, во-2-х, законами высшей необходимости. Эти законы обуславливают действия нашей нравственной жизни. Те же законы двигают жизнь целых народов и тем же законам покоряется целое человечество.

Во-1[-х], человек есть мыслящее существо, разум отличает человека от прочих созданий; но сознание разума в самом себе есть уже следствие бесчисленных опытов, страданий, переворотов. В этом отношении можно сказать, что всемирная история есть карта того пути, по которому дух постепенно достиг своего назначения. Человек не вдруг понял свой высший удел; на Востоке человек крепко прилепился к материи; внешняя природа охватила его существование и убаюкала умственную природу. Бесконечный ряд развалившихся царств и народов покрыл равнины Азии и Африки, и дух человеческий при всем том доныне еще не проснулся [там] в своем полном сознании. Пред Грецию засветилась первая Заря свободного сознания человека, как человека; но у греков, подобно как у римлян, это сознание не могло развиваться вполне, оно осталось половинным. Даже политическое существование греков и римлян было неразрывно [связано] с системою рабства; даже лучшие греческие мыслители – Платон и Аристотель принимали необходимость рабов и таким образом отрицали в наибольшей части народа человеческое достоинство. Истинное сознание человеческого духа развилось у германцев и славянских народов, сознание человека, освященного христианством. Но это сознание не могло развиваться вдруг и проникнуть [во] все отношения государственной и частной жизни народов; это начало зародилось в самой глубине человеческого духа, в самой религии. Но народы должны были пережить ряд долгих страданий и переворотов, прежде нежели это начало могло охватить все внешние и внутренние отношения государств и народов.

Таким образом, всемирная история представляет нам картину развития человечества в самосознании и свободе его духа. Вопрос, каким путем это сознание осуществилось во внешнем мире, ведет нас к явлениям самой истории.

Действия людей управляются потребностями, страстями, характером и способностями. Борьба страстей, частных интересов и стремление к удовлетворению частных видов, презиращее право и нравственность, встречается на каждой странице истории. Но если мы рассмотрим в эти кровавые жертвенники истории, где погибло счастье народов, мудрость государей, человеческие добродетели, это поприще человеческих страданий; то невольно рождается вопрос – к какой цели ведут эти страшные жертвы человека?

Начало человеческого разума, свойств и понятий духа есть начало общее, отвлеченное; человеческий разум есть понятие внутренней способности, но понятие еще мертвое само по себе. Дабы это понятие, эта способность вошла в жизнь, для этого необходима человеческая деятельность, которая есть его воля. Эта деятельность проявляется в стремлении, в наклонностях и страстях человека. Мы говорим – у каждого человека есть своя воля, т. е. всякий человек управляет своими страстями, наклонностями и побуждениями. Человек только тогда действует как человек, когда он надеется удовлетворить своим побуждения и страсти, но его воля проявляется еще сильнее, когда эти страсти согласуются с его собственным убеждением, с его собственным понятием добра и зла, с понятием прав, пользы и совести. Все страсти и стремления, все усилия и побуждения и субъективные понятия, вся масса воли должны быть сосредоточены на какой-нибудь цели, чтобы заставить человека действовать в полном объеме его сил и способностей. Уже давно замечено, что в мире ничего не сделано великого без страстей. Достижение какой-либо цели управляется действием человека и действиями целых обществ и народов.

Во 2-х, идея о высшем промысле, управляющем судьбою человека и народов, современна с первыми понятиями человека. Но исторический Провиденциализм не так нов, каким [его] неверно полагают: он не начинается с Боссюэ, а проглядывает уже у древних бытописателей-философов и встречается в религиозной системе Востока. И при том, что такое рок греков и *fatum* римлян, как не

темная, не сокровенная еще идея о верховном существе, которая представляется столь страшною для людей и управляющею действиями богов и человеков. Анаксагор Старший развил эту идею в философическое сознание и принимал...¹. Вся система древних оракулов основана на той же темной идее о верховном Промысле. Но эта идея должна была войти в круг нашего внутреннего убеждения не прежде, как со времени Христианства, и на этой идее основаны все новейшие системы философии и истории. Если действия человека управляются его волею, т.е. его потребностями, наклонностями, страстями, и если самые субъективные убеждения, интересы и страсти направлены к достижению какой-нибудь цели то, с другой стороны, эта бесконечная масса воли, интереса, действий подчинена предначертаниям Провидения; они суть только орудия и средства к осуществлению высших провиденциальных целей. Только по этим законам мы будем в состоянии объяснить все явления истории. Взглянем, например, на религиозный мир древних народов и на падение оного. В царствование Августа собрались все религии в Риме; все боги выступили стройною фалангою вокруг подножия Громовержца Юпитера. Все боги языческие собрались как бы в Пантеоне, и как бы предчувствовали пришествие своего общего великого врага. И при всем том религии у древних не было; боги язычества были мертвые и бездушные, и душа римлян была *tabula rasa*, с которой были стерты все религиозные чувствования. Но в то же время на далеком Востоке, в сокрытом уголке, в тиши возникла новая религия, долженствовавшая озарить все народы. Между тем как дикие народы начинают облегать римские границы, позлащенные стены Капитолия служат целью, к которой стремятся проповедники Евангелия.

Человек действует по влечению своих собственных интересов, страстей; но для него сокрыты еще результаты его частных действий в связи с другими субъективными действиями; он еще чужд сознания, что его собственная цель находится в связи с общею целью Промысла; что в его частной воле скрывается общая воля, что его единичное проявление, его дух и действия суть только незаметные зерна, из которых произрастает могучее древо истории, в которой скрывается

¹ Следующие два слова написаны неразборчиво.

первообраз исторической логики. А история целого народа есть только итог единичных стремлений, направленный Провидением к одной общей цели, к предназначению целого человечества.

1. Рославский-Петровский А. П. Известие о кончине профессора Лунина / А. П. Рославский-Петровский // Москвитянин. – 1844. – Ч. 6. - №12. – С. 525-528.
2. Бузескул В. П. Профессор М. М. Лунин – «Харьковский Грановский»: к столетию Харьковского университета / В. П. Бузескул. – СПб., 1905.

З неопублікованої наукової спадщини М.М. Луніна

Резюме: Представлений матеріал включає передмову та публікацію рукопису професора Харківського університету М.М. Луніна (1807-1844) «Значення історії та її розподіл», який зберігається в Центральній науковій бібліотеці ХНУ ім. В.Н. Каразіна.

Ключові слова: М.М. Лунін, Харківський університет, наукова спадщина, історіографія.

Из неопубликованного научного наследия М.М. Лунина

Резюме: Представленный материал включает предисловие и публикацию рукописи профессора Харьковского университета М.М. Лунина (1807-1844) «Значение истории и ее разделение», которая хранится в Центральной научной библиотеке ХНУ им. В.Н. Каразина.

Ключевые слова: М.М. Лунин, Харьковский университет, научное наследие, историография.

M.M. Lunin's unpublished scientific heritage

Summary: The material includes a foreword and the publication of the manuscript of Kharkov University Professor M. Lunin (1807-1844) "The importance of the History and it's division", which is stored in the Central Scientific Library of KNU V. N. Karazina.

Keywords: M.M. Lunin, Kharkov University, scientific heritage, historiography

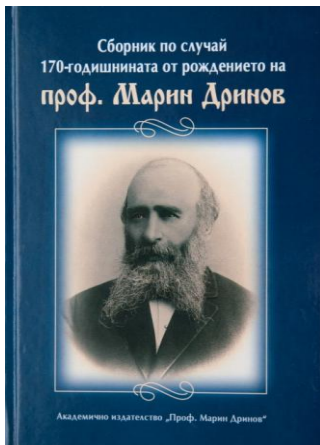
Розділ IX

Огляди, рецензії, бібліографії

Д.В. МИКОЛЕНКО

В ПАМЯТЬ О ХАРЬКОВСКОМ ПРОФЕССОРЕ

Рец. на: Сборник по случай 170-годишнината от рождението на проф. Марин Дринов. – София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов». – 2009. – 198 с.

21-22 октября 2008 года в болгарском городе Панагюриште состоялось национальное празднование 170-й годовщины со дня рождения выдающегося ученого и общественного деятеля профессора Марина Стоянова Дринова. В рамках юбилея был проведен Международный симпозиум, в работе которого приняли участие ученые Болгарской академии наук, Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Софийского университета Святого Климента Охридского, Великотырновского университета Святых Кирилла и Мефодия. Таким образом, конференция объединила представителей трех государств – Болгарии, Украины и России, которые по праву могут претендовать на творческое наследие М. Дринова. Было заслушано семнадцать докладов, посвященных самым различным аспектам жизни знаменитого историка.

По итогам симпозиума в 2009 году был опубликован сборник статей, которые условно можно разделить на два тематических блока: 1) работы посвященные творчеству ученого и 2) повествующие о его общественно-политической деятельности. В рамках международного

проекта «Эпистолярное наследие Марина Дринова», реализуемого Болгарской академией наук совместно с Харьковским национальным университетом имени В.Н. Каразина, представлено несколько работ. Р. Радкова подготовила отчет о реализации этого проекта болгарской стороной, обратив внимание на необходимость дальнейшей публикации материалов, хранящихся в архивах Болгарии, Украины, России, Чехии, Польши и представляющих значительный интерес для исследователей биографии и творчества М. Дринова. Ц. Величкова проанализировала документы Болгарского научного общества, непосредственно связанные с творчеством М. Дринова. В ее публикации представлено содержание переписки М. Дринова с известными славистами – М. Макушевым, К. Иречком и другими. Профессор Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина С. Посохов, в ходе систематизации научного наследия М. Дринова, представил свой взгляд на проблему творческой динамики ученого, а также обратил внимание на необходимость привлечения в этом случае и рукописного наследия (при этом показав результаты работы харьковских исследователей по его выявлению).

Одним из вопросов, который разрабатывал в своих исследованиях М. Дринов, является этногенез болгар. Н. Аретов обращает внимание на дискуссию между Г. Крыстевичем и М. Дриновым вокруг этой проблемы, подчеркивая взвешенный подход последнего. И. Тодев делает акцент на новаторских методах ученого при изучении некоторых вопросов, связанных с Болгарским национальным Возрождением. В. Паскалева изучила процесс становления М. Дринова как ученого. Особо исследовательница отметила влияние на творчество М. Дринова эпохальных событий в истории Болгарии (Апрельское восстание 1876 г., русско-турецкая война 1877 – 1878 гг.). Н. Николова рассматривает заслуги М. Дринова в становлении болгарского книжного языка. Г. Гемиджиев обратил внимание на использование ученым исторических источников. При этом автор подчеркнул высокий уровень знаний М. Дриновым содержания практически всех известных на то время славянских рукописей.

К. Косев обратил внимание на роль М. Дринова в процессе создания и становления Болгарской академии. Исследователь уделил особое внимание недостаточно освещенным в историографии

вопросам, а именно, связям Болгарского научного общества – предшественника БАН, с научными учреждениями России, Австро-Венгрии, Чехии, Хорватии, Сербии, Италии, Франции, Англии, Германии и др. Профессор Московского университета Л. Горина посвятила свою работу взаимоотношениям М. Дринова с П. Алабиным – известным российским общественно-политическим деятелем. В исследовании использовалась неопубликованная переписка этих двух незаурядных личностей, которая представляет собой ценный исторический источник, проливающий свет на взгляды М. Дринова относительно решения церковного вопроса, проблем образования в Болгарии во время Русского гражданского управления 1878 – 1879 гг.

М. Куманов сделал компаративный анализ идеологических и политических взглядов М. Дринова и выдающегося общественно-политического деятеля Болгарии С. Стамболова. С. Лиман и С. Страшнюк свое исследование посвятили научно-педагогической и общественной деятельности М. Дринова во время его работы в Харьковском университете. На основании критического подхода к изучению источников авторы делают выводы относительно роли М. Дринова в развитии Харьковского историко-филологического общества.

Две работы, представленные в сборнике, посвящены изучению взглядов М. Дринова на церковный вопрос в Болгарии: Г. Якимов обратил внимание на «блестящую аргументацию» ученого в отстаивании права болгар на самостоятельную церковь в период Болгарского возрождения; А. Шопов осветил видение М. Дриновим будущего Болгарской экзархии и ее роли в становлении государственности. В работе П. Сыбева показал благотворительную деятельность профессора Марина Дринова. В частности различные пожертвования храму в селе Поповско.

Таким образом, сборник работ по материалам симпозиума в Панагюриште демонстрирует замечательный пример научного сотрудничества ученых трех стран, объединившихся вокруг интереса к творчеству и общественно-политической деятельности выдающегося ученого Марина Дринова. Высокий научный уровень статей сборника не подвергается сомнению, а тематика конференции оставляет поле для деятельности в будущем, ведь творческое наследие профессора М. Дринов действительно необъятное.

В.И. АСТАХОВА

ТРАДИЦИЯ – ЭТО КОГДА ПАМЯТЬ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В КОНКРЕТНЫЕ ДЕЛА

Рец. на кн.: Юрій Йосипович Журавський. Спогади, документи, матеріали / Укл. Б.П. Зайцев та ін.; відп. ред. С.І. Посохов. – Х.: Тимченко, 2008. – 160 с.

«История – это образ, при помощи которого
воображение человека стремится
почерпнуть понимание живого бытия мира
по отношению к собственной жизни
и таким способом придать ей
углубленную действенность»
(О. Шпенглер)

Университет – удивительное место на земле. Сколько выдающихся мыслителей пытались определить его сущность, сколько было сказано о нем замечательных слов, но этот разговор об университете продолжается. И этим разговорам не будет конца, пока будут существовать университеты и люди, которые ощутили их магию. Но в чем она? Наверное, в том, что называется «университетский дух». Это то, что наблюдается в отношениях людей, в целеполагании, в самоощущении. Его можно ощутить лишь тогда, когда сам станешь частью университета. И все же, следует сказать, что этот «университетский дух» живет здесь не сам по себе. Его носители –

преподаватели и сотрудники университета. И передается он от поколения к поколению. Конечно, далеко не все, работающие здесь, по большому счету могут называться «университетскими людьми». Чтобы тебя так назвали, это нужно заслужить.

Данная книга о настоящем университетском человеке. Юрий Иосифович Журавский (1937 – 1991) для многих людей был не просто их преподавателем, деканом исторического факультета, он стал их Учителем. Не удивительно, что в книге (изданной при поддержке Ассоциации выпускников, преподавателей и друзей Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина) весомое место занимают воспоминания коллег, друзей, учеников. В этих строках, и между строк, мы и наблюдаем уже упоминавшийся «университетский дух».

В университет приходят разные люди. Как сказал один автор, «для некоторых – он все, для других – лишь огранка». Когда Юрий Иосифович пришел в университет, он, безусловно, уже был состоявшейся личностью. Тем не менее, университет дал ему то, что многими будет восприниматься как загадка. Он, человек из простой семьи, всем свои видом, поведением и образом мыслей напоминал аристократа. Нет, в этом не было и тени снобизма, наоборот, Ю.И. Журавский был достаточно демократичен. Но при нем, как отмечают многие, хотелось быть более стройным и четким (и внешне, и внутренне). Юрий Иосифович был необычайно культурным человеком. Начитанный, талантливый, последовательный, принципиальный, человек с прекрасным литературным стилем, он задавал высокую планку для окружающих. Но, в известном смысле, он продолжал традицию, которую воспринял от своего учителя В.И. Астахова. Это была университетская традиция.

Возможно, свою особую роль в том, что Юрий Иосифович был таким, сыграло и то обстоятельство, что он был историографом. Размышления (можно сказать, профессиональные) о миссии историка, о научной этике, о связи учитель-ученик, о научном творчестве не могли не сказаться на его внутреннем мире. К сожалению, им было написано не так много работ (см. библиографию в рецензируемом издании). Можно сказать, что его талант в них не раскрылся в полной мере. (Вместе с тем, особый акцент сделаем на работах по истории факультета и университета; некоторые из них переизданы в данной

книге). Однако, его педагогическое влияние было огромно. Не меньшее значение имели и его организационные усилия на посту заведующего кафедрой историографии и декана факультета.

Изданная книга наглядно демонстрирует тот факт, что эти усилия не прошли даром. Кафедра историографии, источниковедения и археологии, которая отметила свое 45-летие, и сегодня представляет собой динамичный творческий коллектив. Об этом свидетельствуют изданные монографии, учебники, проведенные научные конференции и, даже, этот сборник. Кто-то сказал, что наши учителя живы, пока мы о них помним. Считаю нужным добавить: ...и продолжаем их дело.

С.І. ПОСОХОВ

РОЗМОВА ПРО СЕБЕ ТА СВІЙ ФАХ

Рец. на кн.: Яковенко Н. Вступ до історії. – К.: Критика, 2007.
– 375 с.

Подією на українському історіографічному небосхилі останніх років стала книга «Вступ до історії» відомої дослідниці середньовічної та ранньомодерної історії України Наталії Яковенко. Вже у анотації до книги зазначено, що це видання «є водночас і науково-популярною міждисциплінарною синтезою, і свого роду навчальним посібником нового типу, і спеціальною розвідкою, призначеною водночас як широкому читацькому загалові любителів історії, так і університетській аудиторії...». У «Передмові» сама авторка ще додає строкатості наведеній характеристиці, підкреслюючи, що цю «книжку не віднесеш до якогось канонічного жанру. Адже це не зовсім історія історіографії, не зовсім методологія історії, не зовсім посібник зі вступу до історії. Вона, коли забажаєте, є особистим порахунком окремо взятого історика з історією».

Так, дійсно, книга містить декілька вельми різних структурних компонентів, як за змістом, так і метою. Значна частина книги являє собою по суті історіографічні нариси, з яких читач дізнається про розвиток історичних уявлень починаючи із давнини, основні риси певних періодів в історії історичної науки, про стан та перспективи сучасних історичних досліджень. В окремому розділі йдеться про різновиди історичних джерел та способи їх інтерпретації. Остання

частина книги – це поради історику-початівцю про те, як писати фахові тексти. І все ж, книга не розпадається, а сприймається як єдиний твір. Університетський викладач, який читав чи читає курс «Вступ до історії», не вагаючись погодиться із тим, що поєднання цих структурних елементів є не тільки цілком виправданим, а й вочевидь необхідним.

Втім, таке завдання (писати «вступ до історії»), при його зовнішній простоті, не візьме на себе будь-який історик. З ним може впоратися лише той, кому є що сказати з позиції свого власного професійного досвіду, але й хто до того ж здатен піднятися над своїм власним досвідом. Нагадаємо, що подібне завдання свого часу блискуче вирішували такі видатні історики як Шарль Ланглуа та Шарль Сеньобос, Марк Блок, Антуан Про. З такими попередниками не просто конкурувати. І, слід визнати, що український варіант «вступу до історії» виявився вдалим. Широта погляду і ерудиція, переконливість і аргументованість, нетривіальність та нешаблонність – ці та інші епітети та характеристики повною мірою можна віднести до рецензованої книги. Врешті-решт, можна погодитися із видавцями, які в анотації до праці обіцяють захопливу розповідь. Так, цю книгу цікаво читати.

На цьому дехто з рецензентів поставив би крапку. Але Наталя Яковенко не тільки розповідає, а й закликає до розмови. Відповідно, констатацією у стилі огляду обмежитися не можна. Я декілька разів чув схвальні відгуки про книгу від людей, які уособлюють (чи намагаються уособлювати) нову генерацію істориків, і зовсім не побачив ніякої реакції від тих, хто репрезентує «широкий науковий загал» чи так звану «офіційну науку» (можливо, вони просто не читали книгу, бо вважають себе такими, що «вже вступили /потрапили/ у історію»). Мабуть, вже цей історіографічний факт є показовим. Однак, для визначення ще деяких особливостей рецензованої праці скористаюся своїми враженнями від розмов про книгу із молодшими колегами – студентами та аспірантами.

Звичайно, для студентів, яких вже встигли привчити до «правди історії» читання цієї книги стає свого роду відкриттям. Хоча, часто їм буває складно як прийняти, так і заперечувати деякі нові для них твердження, бо фаховий рівень книги потребує від читача іншої «вагової категорії». Втім, для молодих істориків праця виконує

важливу, до певної міри провокативну, функцію. Її прочитання, осмислення та обговорення стає кроком професійного становлення. Але, водночас, не можна не погодитися із тими, хто каже про те, що критичний, а іноді скептичний стиль викладення матеріалу, породжує не лише сумніви, а й певну розгубленість, формує комплекс «непередбачуваної історії». Слова Люсьєна Февра, («...немає історії. Є історики») не випадково використані автором в якості епіграфа. В цьому є позиція. Але такими констатаціями (типу «стільки ж історій, скільки й істориків»), на думку моїх співрозмовників, ставиться під сумнів «науковий статус» історії. При цьому послідовність поступу історичного пізнання стає складно пояснити, та й взагалі цей «поступ» виглядає сумнівним, втрачається розуміння ваги досягнень попередніх поколінь істориків (у цих випадках я пропонував своїм молодшим колегам для читання добре відому книгу М.А. Барга «Эпохи и идеи. Становление историзма»). До речі, зазначимо, що Н. Яковенко досить часто згадує книги наших сучасників і спонукає читача до порівнянь, до поглиблення розуміння і минулого, і самого процесу історіописання. Взагалі, на нашу думку, для молодих істориків «історичний оптимізм» є необхідністю при оволодінні фахом. Зокрема, кожного разу фіксуючи специфіку (труднощі) історичного пізнання, я намагаюся привернути увагу до того, що, відповідно цій умові, слід ретельніше підходити до вивчення професійних основ нашого ремесла, а шукати абсолютну істину в царині будь-якої науки справа зайва.

До того ж, у рецензованій праці певна мозаїчність змісту доповнюється мозаїчністю форми (особливо це стосується «поетичних» назв розділів та підрозділів). Читання стає не такою простою справою, в тому числі й через притаманне автору та видавництву «Критика» дотримання деяких стильових та мовних особливостей (Тукідид, міти та ін.). Оскільки автор частіше користується прикладами із середньовічної та ранньомодерної історії, це також інколи ускладнює читання (зокрема, дещо переобтяжують текст наведені численні назви праць).

Не торкаючись багатьох моментів, які можуть стати предметом для фахової розмови, зупинимось насамкінець лише на одному – розумінні автором поняття «історіографія» (С. 31 – 32). На нашу думку, підхід автора є не безспірним, зокрема, поділ історіографії на «дослідницькі напрями» як от «історія історіографії» (напрямок, який набуває ознак «біографістики»), «історія науки» (акцент на інституційних моментах), «історія ідей», «методологія історії». Так

само, на нашу думку, не дуже вдалим (у відповідному контексті) є вживані терміни «історіографічна революція», «історіографічні тексти».

Але, завершуючи рецензію, хочемо зробити акцент на іншому. Переконані, що ця книга стане у пригоді не тільки для тих викладачів та студентів, які об'єднані курсом «Вступ до історії». Більше того, її слід прочитати не тільки й не тільки студентам, а всім, хто називає себе професійним істориком.

Колеги, відкинувши свою самовпевненість, давайте разом із автором черговий раз поміркуємо про себе та свій фах!

ХАРКІВСЬКИЙ ІСТОРІОГРАФІЧНИЙ ЗБІРНИК:**БІБЛЮГРАФІЯ****№№1 – 9 (1995 – 2008 рр.)****Випуск 1 (1995)****Історія і теорія історичної науки та освіти***Зміст**Історія і теорія історичної науки*

Від редактора.....	3
Сарбей В.Г. Науково-творча спадщина О.Лазаревського сьогодні.....	7
Колесник І.І. Українська історіографія в контексті національного відродження України: спроба періодизації.....	21
Водотика С.Г. Громадські об'єднання вчених в системі суспільствознавчих досліджень України в 1920-і роки.....	33
Попова Т.Н. О понятии «историографический процесс».....	45
Дудка М.І., Савенок Л.А. Видавнича діяльність гуманітарних дослідних установ України у 1920-і роки.....	61

Проблеми історичної освіти

Чесноков В.И., Чесноков И.В. К вопросу о подготовке профессоров истории в университетах России XIX – начала XX вв.....	73
Епштейн А.І. Харківський істфак перед війною й по війні (сторінки спогадів).....	87

Критика та бібліографія

Астахова В.И. [Рецензия]. – Рец. на кн.: Посохов С.И. Социальная история советской науки (конец 1920 – начало 1940-х гг.): проблемы историографии. – Х., 1994. –152 с.....	103
Куделко С.М. «...Каждый... должен читать «новых» авторов в своей науке». – Рец. на кн.: Колесник И.И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. – Днепропетровск, 1993. – 208 с.....	105

Документи та матеріали

Дело В.А. Барвинского (Коммент. О.Л. Рябченко).....	109
Зайцев Б.П., Куделко С.М. Тычина Владислав Евгеньевич: Некролог.....	119

Випуск 2 (1997)

Українська історична наука на порозі ХХІ століття

Зміст

Всеукраїнська конференція істориків у Харкові

Привітання до учасників конференції.....	5
Вступне слово.....	10
Звернення і рекомендації учасників конференції.....	15
Мещеряков В.Ф., Міхеєв В.К., Посохов С.І. Про хід та основні підсумки роботи Всеукраїнської наукової конференції «Історична наука на порозі ХХІ ст.».....	21
Доповіді учасників конференції:	
Михеев В.К. Развитие исторической науки и образования в Харьковском университете: итоги и перспективы.....	27
Таран Л.В. На уровне века: школа «Анналов».....	35

Історія і теорія історичної науки та освіти

Сарбей В.Г. Проти войовничого нігілізму в історичній науці часів перебудови.....	51
Колесник И.И. История исторического познания в постсоветском научном пространстве: методологические и социальные функции....	71
Болдырь С.П., Чернов Е.А. Историографический образ: опыт расширения методологического арсенала науки истории исторического познания.....	91
Михеева В.В. Из рукописного наследия академика Н.С. Державина. Материалы по истории и этнографии болгар.....	103
Каплин А.Д., Кулиш С.Н. А.С. Хомяков о русской истории.....	113

Проблеми історичної освіти

Астахова Е.В. 50...25...75...(субъективные заметки к 75-летию В.И. Астахова).....	129
Шрамко Б.А. Из истории первых послевоенных археологических раскопок (воспоминания).....	137
Зайцев Б.П., Рябенко О.Л. Історичні дисципліни у Харківському інституті народної освіти (1921-1930 рр.)	149
Історіографія як наукова та учбова дисципліна: матеріали «круглого столу»:	
Пикалов В.Г.....	163
Таран Л.В.....	165
Павленко Г.В.....	166
Попова Т.Н.....	172
Посохов С.И.	185

Критика та бібліографія

Пікалов В.Г. [Рецензія]. – Рец. на кн.: Богдашина О.М. Діяльність Харківської науково-дослідницької кафедри історії української культури імені академіка Д.І. Багалія (1921 – 1934 рр.). – Х., 1994. – 195 с.....	191
Кушнарченко Н.М., Олійник М.М. [Рецензія]. – Рец. на кн.: Библиографический словарь ученых Харьковского университета.	

Т.І. Ректоры (1805 – 1919, 1933 – 1995) / Сост. В.Д. Прокопова, Р.А. Ставинская, М.Г. Швалб и др. – Х., 1995. – 127 с.....	193
Водотика С.Г., Сінкевич Є.Г. Нова хрестоматія з історії суспільної думки України XVIII – початку XX ст. – Рец. На кн.: Памятки суспільної думки України (XVIII – перша половина XIX ст.): Хрестоматія / Під ред.. А.Г. Болебруха. – Дніпропетровськ, 1995. – 488 с.; Історія суспільної думки України (друга половина XIX – початок XX ст.): Хрестоматія / Укл. А.Г. Болебрух. – Дніпропетровськ, 1995. – 192 с.....	196

Документи та матеріали

Історія під пресом ідеології (передмова та укл. Бажан О.Г., Данилюк Ю.З.)	201
Епштейн А.І. Кондуфор Юрій Юрійович: Некролог.....	231

Випуск 3 (1998)

Проблеми історії та методології історичної науки

Зміст

Матеріали наукового семінару

*«Категоріальний апарат і методи сучасної історичної науки»
(III Астаховські читання, Харків, 29-30 травня 1997 р.)*

Привітання до учасників семінарів віце-президента НАН України академіка П.П. Толочка	4
Попова Т.Н. Об институционализации историографии.....	5
Куделко С.М., Посохов С.И. Абстрактные понятия в историческом исследовании (некоторые замечания к методологическим исканиям конца XX в.).....	15
Таран Л.В. Школа «Анналів» і сучасні підходи в історичній науці.....	23
Епштейн А.І. Криза історичного мислення і шляхи виходу з неї.....	37
Головко В.В. Витоки української національної ідентичності: на підступах до проблеми.....	44
Кислюк К.В. Гносеологический статус исторического исследования: прошлое и настоящее.	56

Проблеми історичного краєзнавства

Тронько П.Т. Вступне слово при відкритті VIII Всеукраїнської наукової конференції «Історичне краєзнавство і культура» (Харків, 23 вересня 1997 р.).....	64
Тронько П.Т. Краєзнавство у відродженні багатовікових культурних традицій українського народу (Доповідь на VIII Всеукраїнської наукової конференції «Історичне краєзнавство і культура»).....	66
Бездрабко В.В. Форма організації та існування журналу «Краєзнавство».....	77

Сторінки історії Харківського університету

Сарбей В.Г. Місце і роль Харківського університету у започаткуванні процесу українського національного відродження ХІХ – початку ХХ ст. (причинки до історії та історіографії проблеми).....	84
Фролов С.В. Из истории развития исторической науки в Харьковском государственном университете в первое послевоенное десятилетие (1954-1955 гг.).....	98
Скирда В.В. Перші спроби археологічних досліджень вченими Харківського університету.....	107

Спогади

Тронько П.Т. Харківський – перший (До 30-річчя виходу в світ харківського тому «Історія міст і сіл України»).....	114
---	-----

Історики про істориків

Скляренко Є.М. М.К. Куїс – історик, організатор вищої школи.....	122
Козак О.В. Багатопартійність та проблеми розбудови Української держави: історіографічний аналіз творів Микити Шаповала.....	128
Бутенко В.І., Філіппов К.В. М. Лозинський як історик і учасник національно-визвольного руху в Західній Україні (перша чверть ХХ ст.).....	140

Подкур Р.Ю. Володимир Варламович Міяковський як історик, красназнавець, організатор архівної справи в Україні (маловідомі сторінки життя та діяльності).....	147
Очеретянко В.І. Є.О. Загоровський: трагічна доля дослідника.....	152
Бонь О.І. Академік О.П. Новицький: матеріали до біографії.....	157

Проблеми історичної освіти

Круглый стол: историографическая подготовка в вузе глазами студентов.....	162
Білеті кандидатського мінімуму за спеціальністю 07.00.06 – історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни (Автор Т.М. Попова).....	170
Ван Ляньсин. Историческое образование и историческая наука в вузах Китая: проблемы и перспективы.....	176

Проблемна історіографія

Каніщев Г.Ю. Органи державного контролю в радянській політичній системі 20-х – початку 30-х років. Історіографічний огляд.....	180
Бутенко В.І., Куліш С.М. Конфлікт між Центральною Радою та Раднаркомом (грудень 1917 – початок 1918 року): новітні погляди.....	187
Павлова О.Г. До питання вивчення історії мистецтв у Харкові (кінець XIX – початок XX ст.)	192

Документи та матеріали

Бажан О.Г., Данилюк Ю.З. Роман О.Т. Гончара «Собор» в суспільно-політичному житті України в кінці 60-х – 80-ті рр. (До 80-річчя з дня народження письменника)	198
Репринцева В.О. Хто ховається за криптонімом «Ш»?.....	220
Посохов С.І. Матеріали к биографии М.А. Барга (харьковский период).....	228

Рецензії

Куделко С.М. Ключові слова: українська історіографія, національне відродження, друга половина XVIII – середина XIX ст. – Рец. на кн.: Кравченко В.В. Нариси української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). – Х., 1996. – 376 с.....	232
Сінкевич Є.Г. Вагомий внесок польського дослідника у вивчення історії лемків. – Рец. на кн.: Jarosław Moklak Lemkowszczyzna w Drugiej Rzeczypospolitei Zagadnienia polityczne I wyznaniowe. – Krakow, 1997. – 224 s.	234

Випуск 4 (2000)

Категоріальний апарат історичної науки

Зміст

Історія і теорія історичної науки

Куделко С.М. Сенсифікація: опыт расширения терминологического арсенала исторической науки.....	4
Колесник И.И. Историческая наука и историческое искусствознание в конце XX в.: методологический аспект.....	9
Попова Т. Н. Историографическая наука: проблемы самоназвания.....	20
Таран Л. В. Школа «Анналів», сучасні підходи в історичній науці (закінчення).....	34
Головко В. В. Категорія «історіографія» в українській історичній науці в діаспорі.....	44
Вовк О.Б. Терминологические проблемы историографии: историографический факт и историографический источник.....	48
Бездрабко В.В. Термінологічний аспект буття вітчизняного краєзнавства початку XX століття.....	56

Сторінки історії Харківського університету

Посохов С.И. В.И. Астахов как историк Харьковского университета.	64
---	----

Сарбей В.Г. Місце і роль Харківського університету у започаткуванні процесу українського національного відродження ХІХ– поч. ХХ ст. (причинки до історії та історіографії проблеми) (закінчення).....70

Проблеми історичної освіти

Гришаев О.В. Изменения в системе исторического образования в СССР в середине – второй половине 30-х годов XX века.....82

Критика та бібліографія

Пикалов В.Г. Региональная «историография в лицах»: поиски и успехи. – Рец. на кн.: Алексей Иванович Маркевич (1847 – 1903). Биобиблиографический указатель / Сост.: В.В. Самодурова, И.В. Максименко; науч. ред., автор вступ. ст. Т.Н. Попова. – Одесса, 1997. – 150 с.; Евгений Николаевич Щепкин (1860 – 1920). Библиографический указатель/ Сост.: В.В. Самодурова, И.В. Максименко; науч. ред., автор вступ. ст. Т.Н. Попова. – Одесса, 1998. – 129 с.92
Міхеєв В.К. [Рецензія]. – Рец. на кн.: Матяш І.Б. Українська архівна періодика 1920–1930-х рр.: історія, бібліографія, бібліометрія. — К., 1999. — 480 с.95

Документи та матеріали

Астахов В.И. Отзыв о рукописи диссертации Н. В. Комаренко «Журнал «Летопись революции» (историографический очерк)».....98

Memoria

Посохов С.І. Віталій Григорович Сарбей.106
Зайцев Б.П., Кадеєв В.І. Памяти А. И. Митряева.....111
Куделко С.М. Анатолий Лаврентьевич Оприщенко.....114

Випуск 5 (2002)**Проблеми періодизації історії та історіографічного процесу***Зміст**Проблеми періодизації*

Попова Т.Н. Теоретические проблемы периодизации развития исторической науки и ее истории.	5
Посохов С.І. Проблеми періодизації історії російських університетів XIX–початку XX ст.	19
Куделко С.М. Історичний час українського народу.	25
Каплин А.Д. Проблемы периодизации русской общественной мысли XIX–начала XX вв.	32
Турстон Р. Периодизация и Просвещение: вопросы трансформации правовых норм в Западной Европе.	38
Robinson D. Integration and disintegration of Europe: Problems of periodization.	45

Проблеми історичної освіти

Вовк О.Б. Дискусії про форму, роль та місце підручника в процесі викладання історії в середній школі Російської імперії другої половини XIX–початку XX ст.	52
Состояние и перспективы преподавания специальных исторических дисциплин в высших учебных заведениях. Круглый стол.	59
Гринченко Г.Г. Учебные курсы по историографии: разнообразие подходов к составлению программ.	67
Программы учебных курсов по историографии.	70

Сторінки історії Харківського університету

Ивашенко В.Ю. Профессор Д. И. Каченовский в воспоминаниях современников.	88
Маслійчук В.Л. Харківський університет 1838 р. в подорожніх записках Й.Г. Коля.	95
Домановський А.М. Сторінка з історії харківської візантиністики (про спробу перекладу «Книги Епарха» в Харківському університеті).	101

До 350-річчя Харкова

Скоробогатов А.В. Харків проти Й. Хоффмана, або деякі питання історії підкупаційного міста в західній історіографії.....	108
--	-----

Спогади

Лапина М.С. Первые послевоенные годы.....	120
Литвиненко М. А. Мої університети.....	128

Критика та бібліографія

Бездрабко В.В. [Рецензія]. – Рец. на кн.: Матяш І. Архівна наука і освіта в Україні 1920–1930-х років. — К, 2000. — 591 с.....	136
Пикалов В.Г. Историческая наука России в XX веке: переоценка важнейших проблем и событий. – Рец. на кн.: Историческая наука России в XX веке / Отв. ред. Г.Д. Алексеева. – М., 1997. – 568 с.	139

Документи та матеріали

Зайончковский П. А. Отзыв о книге В. И. Астахова «Курс лекций по русской историографии» ч. II, представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук.....	145
Зимин А. А. Отзыв о докторской диссертации В. И. Астахова.....	149
Кнорозов Юрий Валентинович (авт. предисл. и сост. Куделко С. М.)	155

Memoria

Посохов С.И. Историк университетской науки и образования Владимир Иванович Чесноков.....	160
--	-----

Випуск 6 (2003)

Біографістика в контексті сучасних історичних та історіографічних досліджень*Зміст**Проблеми біографістики*

Лапина М.С. После юбилейной даты.....	5
Матяш І.Б. Актуальні проблеми підготовки біобібліографічних довідників.....	9
Бездрабко В.В. Біографістика в сучасній архівістиці.....	17
Ляшко С.Н. О принципах формирования «Реестра имен» для Украинского биографического словаря: исторические, историографические и источниковедческие аспекты.....	23
Резнікова В.В., Момот Л.М., Добреля Л.П. З досвіду дослідницької роботи Державного архіву Харківської області в галузі біографістики Слобожанщини.....	28
Маслійчук В.Л. Межі й безмежжя української біографістики (кілька міркувань).....	33
Пиріг Р.Я. Михайло Грушевський: проблеми створення академічної біографії вченого.....	42
Посохов С.І. Погляди М.Н. Каткова на «університетське питання» у дзеркалі публіцистики та історіографії.....	46
Каплин А.Д. Выдающиеся деятели российской истории середины XVII – первой половины XVIII вв. в научном наследии Ю.Ф. Самарина.....	54
Сінкевич Є. Постать Богдана Хмельницького в польській історіографії кінця XIX – XX століть.....	62
Сергеев И.П. Образ римского императора Галлиена в его жизнеописании и в историографии.....	72
Тейлор А. Історик як біограф (Переклад з англ. Приходька Я.М., редакція та коментарі Маслійчука В.Л.)	76

Проблеми історичної освіти

Кюбарт Ф. Европейские системы высшего образования в области гуманитарных наук на примере Англии, Франции и Германии: сходства и различия.....	86
Посохов С.И. Высшее историческое образование в Украине: состояние, проблемы, перспективы.	100

Сторінки історії Харківського університету

Куделко С.М., Пикалов В.Г. И.Л. Шерман как историограф.....	108
---	-----

До 350-річчя Харкова

Посохова Л.Ю. М.Т. Каченовський та Харківський колегіум.....	114
Baker M. Making Kharkiv Soviet: Workers and the New Regime, 1920-1921.....	118

Мемуари

Шрамко Б.А. Воспоминания об учителе.....	138
Спогади про навчання на історичному факультеті Харківського університету Ніни Третьяк-Шилдс (Вступ, переклад та коментарі – Г.Г. Грінченко, В.Ю. Івашенко).....	146

Документи та матеріали

Записка В.Н. Каразіна про видання «Отечественного архива» (підг. до видання та передмова Куделко С.М.)	156
Болебрух А.Г. Два листи В.Н. Каразіна 1820 р.....	159
Рыдванская Л.Д. Коллекция В. Ганки в фондах ЦНБ Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина как отражение русско-чешских связей чешского Возрождения (обзор).....	164
Доклад Д.И. Багалия «Законодательство и практика изъятия из архивов ненужных материалов в Западной Европе и России» на заседании Особой Всеукраинской архивной комиссии в Харькове 16 февраля 1920 года. (Подг. к публ. Р. Телегин).....	174

Критика та бібліографія

Шейко В.М., Кушнарченко Н.М. Продовження справи Д.І. Багалія та М.Г. Халанського. – Рец. на кн.: Біобібліографічний словник учених Харківського університету. – Т.2. Історики (1905 – 1920, 1933 – 2000) / Укл. Б.П. Зайцев, С.І. Посохов, В.Д. Прокопова та ін.. – Х., 2001. – 350 с.....	182
Куделко С.М. Сторінки непрочитаної історії – Рец. на кн.: Ващенко В.В. Неврастенія: непрочитані історії» (Деконструкція одного надпису – сеанс прочитання авто монографії М. Грушевського). – Дніпропетровськ, 2002. – 408 с.....	185

Випуск 7 (2004)*Зміст**Образи університетів у публіцистиці та історіографії*

Вишленкова Е.А. Университетские ритуалы (на материалах Императорского Казанского университета)	4
Попова Т.Н. Образ университетского профессора: П.М. Бицилли.....	15
Андреев А.Ю. «Гумбольдтовский миф» и дискуссии о модели классического университета в современной зарубежной историографии.....	31
Робинсон Д. Вильгельм фон Гумбольдт и реформа университета.....	50
Дятлов В.А. Андреас Карлштадт и судьбы университетской идеи в эпоху Реформации.....	59
Зареченський А.П. «Польське питання» в університетах Російської імперії: проблеми історіографії	68
Посохов С.І. Образи університетської автономії в російській публіцистиці другої половини ХІХ–початку ХХ ст.....	77
Черказянова И.В. Александр Николаевич Шварц: окружение, восприятие, оценки.	84
Каплин А.Д. Славянофилы об особенностях просвещения России и о значении университетов для русской истории.....	95

Левченко В.В. Новоросійський університет та Одеський інститут народної освіти: до проблеми спадкоємності традицій.....	102
--	-----

Проблеми історичної освіти

Бонвеч Б. Университет и изучение истории в Германии: прошлое и настоящее.....	110
Куделко С.М., Пикалов В.Г., Посохов С.И. Развитие историографии на кафедре: 1964–2004 (Преподавание и исследования, итоги и перспективы).....	121

Історія Харківського університету

Астахова В.И., Астахова Е.В. Харьковский университет в трудах В.И. Астахова.....	130
Зайцев Б.П., Мигаль Б.К. Харьковский государственный университет в годы Великой Отечественной войны: обзор литературы.....	134

Мемуари

Костюк П.Д. Заметки о 150-летнем юбилее Харьковского университета.....	142
Пушкарев С.Г. Воспоминания. 1917 год (Передмова та переклад — Ю.А. Жукової, Я. М. Приходько).....	161

Документи та матеріали

Гнездило О.С., Зайцев Б.П. Описание архива Императорского Харьковского университета 1900 г.	174
Листування з Ю.В. Шевельовим (О. А. Гавриленко).....	182

Критика та бібліографія

Іващенко В.Ю. Новоросійський університет у спогадах – Рец. на кн.: Новороссийский университет в воспоминаниях современников:	
--	--

Сборник воспоминаний / Автор-сост. Ф.А. Самойлов. – Одесса, 1999. – 296 с.	192
---	-----

Випуск 8 (2006)

Зміст Проблеми теорії

Болебрух А.Г. Приобрела ли историография новый образ?	4
Орлов И.Б. Современная российская историография XX столетия: смена научной парадигмы?	14
Маловичко С.И., Мохначова М.П. Регионалистика – историческое краеведение – локальная история: размышления о порогах и пороках «не/совместимости»	23
Чернов Е.А. Региональная история: опыт теоретической интерпретации	38
Посохов С.І. Історіографічні образи: спроби деконструкції (на матеріалах історіографії університетів)	49
Попова Т.Н. Читаем «постмодо»: с позиций неискушенности (ремарки историографические и прочие)	57

Історіографія проблеми

Парфіненко А.Ю. Зміни в термінології радянської історіографії як вияв еволюції поглядів на причини «ліквідації» університетів в радянській Україні.	72
Ганус С.О. Концепція національної держави в німецькій ліберальній історіографії середини XIX ст.	81
Крючков И.В. Австро-Венгрия и славянский мир в советской/ российской историографической традиции (1917-2000 гг.)	94

Історія історії

Булыгина Т.А. Отечественная историография в 20-е годы XX века: продолжение и разрыв традиций.	106
--	-----

Богдашина О.М. Теорія факторів у працях українських істориків другої половини XIX – початку XX ст.	114
Сінкевич Є.Г. Краківська історична школа в польській історіографії.	125

Джерела

Сальникова А.А. «Детский» текст, его специфика и значение для реконструкции детского восприятия и детской памяти «эпохи российских катастроф».....	132
--	-----

Історична наука на Харківщині

Журба О.І. «Неісторіографічне» в формуванні регіональної історіографії Слобожанщини.	142
---	-----

Історична освіта

Пікалов В.Г., Посохов С.І. Багатолика історіографія (образи історіографії як наукової та навчальної дисципліни).	156
Обертрайс Ю. История повседневности, устная история и культурная история: опыт преподавания в университетах Германии.	160
Астахова Е.В., Куделко С.М. Еще раз об ответственности историка.....	174

Документи та матеріали

Михальченко С.И. Письма М.Ф. Владимирского-Буданова, Ф.Л. Леонтовича и их учеников в архивах России.	180
Князь Е.Н. Трубецкой. Письма к А.С. Вязигину (Предисл, сост. Кононенко И.И., Каплин А.Д.).....	189

Спогади

Из ответов на анкету [Кравцова В.С].	206
---	-----

Критика та бібліографія

Куделко С.М. «Для ... усіх, хто захоплюється українською історією, наукою та культурою». – Рец. на кн.: Калакура Я.С. Українська історіографія: Курс лекцій / гол. ред. О. Удод. – К., 2004. 496 с.....	240
Петровський В.В. Рецензія. – Рец. на кн.: Історіографічний словник: навч посіб. - Харків, 2004. – 320 с.	241

Меморія

Куделко С.М. Аркадій Исаакович Эпштейн.....	244
Посохов С.И., Кадеев В.И., Зайцев Б.П., Куделко С.М. Валентина Денисовна Прокопова.....	246
Подкур Р.Ю. Юрій Зіновійович Данилюк.....	248

Випуск 9 (2008)*Зміст**Проблеми теорії та методології*

Болебрух А.Г. История истории: муки повторной самоидентификации.....	4
Журба О.І., Чернов Є.А. Функция історіографії в сучасному пізнавальному просторі.....	15
Колеснік І.І. «Міждисциплінарність» як концепт.....	23
Маловичко С.И. «Измельчение» исторической науки: актуальные историографические практики.....	35
Попова Т.Н. Историография в поисках своего обновления.....	44

Нові напрямки та категорії

Матяш І.Б. Архівна україніка: зміст поняття та відображення в канадській і українській історіографії.....	62
---	----

Мохначева М.П. О диалоге культур историографических практик в современном интеллектуальном пространстве: мысли вслух участника первого Всероссийского съезда историков-регионоведов.....	75
Орлов И.Б. Человек в историческом пространстве и времени: антропологизация истории и/или историзация антропологии?.....	86
Сальникова А.А. Детство и гендер – две вещи несовместимые?: К вопросу о соотношении некоторых категорий исторического анализа.	95

Історія історії

Богдашина О.М. Про міжпредметні зв'язки та методологічні основи історичної науки в Україні у другій половині XIX ст. – на початку XX ст.	106
Булыгина Т.А. Традиции и новации изучения социально-гуманитарных наук в советской историографии 50-х – начала 80-х годов.....	114
Король Г.І. В.Г. Сарбей і проблеми біографістики: до 80-річчя вченого.	123
Пикалов В.Г., Куделко С.М. Судьба одной книги (К 50-летию учебника В.И.Астахова «Курс лекций по русской историографии»).....	129
Сінкевич Є.Г. Проблеми біографістики в польській історичній науці (на прикладі Краківської історичної школи).....	136

Проблемна історіографія

Голубкин Ю.А. Дискуссия о «франнем» Лютере и его «озарении в башне».....	144
Лиман С.И. Кирилло-мефодиевская проблема в научном наследии И.В. Платонова (1803-1890).....	154
Михальченко С.И. М.В. Довнар-Запольский об образовании и государственном устройстве Великого княжества Литовского.....	164
Руднев М.А. «Крестьянский вопрос» в предреформленной России в научно-идеологических кампаниях конца 1920-х – 1930-х годов (Н.М. Дружинин contra М.Н. Покровский).....	173

Історична освіта

Малиновська Н.М. А.П. Ковалівський як історик-викладач.....	184
Медреш Е.В. Как изучают всемирную историю американские школьники: опыт академической компаративистики.....	191
Посохова Л.Ю. «Что браху, что оставляху?»: викладання історії в православних колегіумах України XVIII ст.....	203

Спогади

Зайцев Б.П. Незабываемое.....	218
-------------------------------	-----

Документи та матеріали

Филимонов В.А. Н.И. Кареев и В.П. Бузескул: материалы к характеристике взаимоотношений историков.....	230
---	-----

Рецензії

Петровський В.В. Рецензія. – Рец. на кн.: Зашкільняк Л. Сучасна світова історіографія: навч. посібник. – Львів, 2007. – 312 с.....	252
Посохов С.І. Историография вчера, сегодня, завтра. – Рец. на кн.: Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. – Одесса, 2007. – 536 с.....	254

Rozділ X

Memoria

ВОЛОДИМИР КУЗЬМИЧ МІХЕЄВ (1937–2008 рр.)

24 грудня 2008 року на 72-му році, пішов з життя відомий український вчений Володимир Кузьмич Міхеєв, під редагуванням якого було започатковано видання «Харківського історіографічного збірника».

Володимир Кузьмич Міхеєв народився 12 листопада 1937 р. в селі Лухівка Саранського району Мордовської АРСР. У 40-х роках він разом із родиною переїхав до Харкова, де у 1955 р. закінчив СШ № 4, а в 1960 р. історичний факультет

Харківського державного університету. Із студентської доби і до 2001 р. (більш ніж 40 років) його життя та доля були пов'язані з університетом. Ще будучи студентом, Володимир Кузьмич почав працювати лаборантом Археологічного музею ХДУ (1959–1965 рр.), був аспірантом кафедри стародавньої історії та археології (1964–1967 рр.), викладачем цієї ж кафедри (1965–1969 рр.). У 1968 р. В.К. Міхеєв захистив кандидатську дисертацію "Основные ремесленные производства болгаро-аланского населения Подонья в VIII - X вв." (Харківський державний університет, науковий керівник проф. Б.А. Шрамко). У 1969–1975 рр. він працював старшим викладачем кафедри стародавньої історії та археології. У 1975 р. його було затверджено у вченому званні доцента. Після реорганізації кафедри стародавньої історії та археології Володимир Кузьмич працював на посаді доцента на кафедрі історіографії, джерелознавства та археології (1977–1982 рр.). У зв'язку із роботою над докторською дисертацією у 1982–1984 рр. він працював на посаді старшого наукового співробітника цієї ж кафедри. У 1986 р. Володимир Кузьмич захистив

докторську дисертацію "Экономические и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья - Приазовья (середина VIII - середина X вв.)" (Київ, Інститут археології АН УРСР). У 1987–1991 рр. виконував обов'язки заступника декана історичного факультету з наукової роботи. У 1990–2001 рр. – професор кафедри історіографії, джерелознавства та археології та її завідувач (1991–2001 рр.), проректор ХНУ ім. В.Н. Каразіна з навчальної роботи (1997–1999 рр.). У 2002 р. Володимир Кузьмич Міхеев перейшов до Східноукраїнської філії Міжнародного Соломонова університету на посаду завідувача кафедри історії. При цьому навчальному закладі в 2000 р. ним було організовано Міжнародний Центр хозарознавства.

Життя професора В.К. Міхеева міцно пов'язано з педагогічною діяльністю. Він читав лекції з археології, історії первісного суспільства та різноманітні спецкурси. Майже спочатку викладацької діяльності Володимира Кузьмича студенти факультету заговорили про нього як про молодого талановитого лектора. Отримати таку оцінку від студентів було дуже не просто ще й тому, що поряд із ним працювали такі відомі фахівці, як К.Е. Гриневич та А.П. Ковалівський, С.І. Сидельников та С.М. Королівський, В.І. Астахов та Б.А. Шрамко. Особливу увагу професор В.К. Міхеев приділяв студентам, у яких він був науковим керівником курсових та дипломних робіт. Він ніколи не тиснув на них при виборі теми роботи, але, враховуючи їх побажання, допомагав правильно сформулювати назву та визначити структуру роботи. Студенти і аспіранти Володимира Кузьмича завжди вільно користувалися літературою з його особистої бібліотеки. За часи педагогічної діяльності професора В.К. Міхеева під його керівництвом було захищено вісім кандидатських та одна докторська дисертація.

Володимир Кузьмич відомий науковій спільноті як активний та плідний польовий археолог, який протягом майже півсторіччя (фактично до кінця свого життя) займався дослідженням пам'яток лісостепового варіанту салтово-маяцької культури. Під керівництвом В.К. Міхеева були досліджені такі унікальні пам'ятки як, могильники салтівської культури Заліман (1969 р.), Суха Гомільша (1974 – 1982 рр.), Старий Салтів (1982 р.), Червона Гірка (1984 – 1994 рр.), Червона Гусарівка (1994 – 1998 рр.), городище, селище та могильник біля с. Маяки Донецької області, могильник у с. Метайлівка (2000 –

2004 рр.), селище у с. П'ятницьке (2006 р.) та багато інших археологічних пам'яток Харківщини та суміжних регіонів.

Його професійна діяльність не залишилася непоміченою: у 1968 р. Володимир Кузьмич став лауреатом премії ім. героя Радянського Союзу К.М. Курячого, у 1997 р. він отримав звання Заслуженого діяча науки і техніки України, у тому ж році (в складі кафедри) йому було присуджено премію ім. Д. Яворницького Всеукраїнської спілки краєзнавців України та обрано до складу правління Міжнародної унії археологів-славістів, у 1999 р. він був обраний академіком Всеукраїнської академії історичних наук.

Володимир Кузьмич запам'ятався його учням та колегам своїм спокійним та врівноваженим характером, доброю вдачею, вмінням витримано та шляхетно поводитися у найскрутнішій ситуації. З його смертю українська наука втратила талановитого дослідника, науковця та педагога.

В.В. Скирда

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ:

Антощенко Олександр Васильевич – доктор історичних наук, професор кафедри вітчизняної історії Петрозаводського державного університету.

Астахова Валентина Іларіонівна – доктор історичних наук, професор, ректор Харківського гуманітарного університету «Народна Українська Академія».

Бернд Бонвеч - директор-засновник Німецького історичного інституту в Москві, почесний доктор Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.

Богдашина Олена Миколаївна – канд. іст. наук, доцент кафедри історії України Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди.

Болебрух Анатолій Григорович – доктор історичних наук, професор кафедри історіографії, джерелознавства та спеціальних історичних дисциплін Дніпропетровського національного університету імені О. Гончара.

Гарскова Ірина Марківна – канд. іст. наук, доц. кафедри історичної інформатики історичного факультету Московського державного університету імені М.В. Ломоносова.

Запрянова Антоанета – доктор наук, старший науковий співробітник секції допоміжних історичних дисциплін та інформатики Інституту історії Болгарської Академії наук

Кисельова Юлія Анатоліївна – аспірантка кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.

Колесник Ірина Іванівна – доктор історичних наук, професор, провідний науковий співробітник відділу української історіографії та спеціальних історичних дисциплін Інституту історії України НАН України.

Кулікова Ганна Сергіївна – аспірантка кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.

Левченко Валерій Валерійович – кандидат історичних наук, викладач кафедри українознавства Одеського національного морського університету.

Маловичко Сергій Іванович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історії Російського державного аграрного університету – МСГА імені К.А. Тимирязєва (м. Москва).

Миколенко Дмитро Валерійович – кандидат історичних наук, доцент кафедри нової та новітньої історії Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.

Орлов Ігор Борисович – доктор історичних наук, професор кафедри прикладної політології Державного університету – «Вища школа економіки» (м. Москва).

Попова Тетяна Миколаївна – кандидат історичних наук, професор кафедри нової та новітньої історії Одеського національного університету імені І.І. Мечнікова.

Портнова Татяна Владимировна – молодший науковий співробітник НДІ історії Придніпровського регіону історичного факультету Дніпропетровського національного університету імені О. Гончара

Посохов Сергій Іванович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історіографії, джерелознавства та археології, декан історичного факультету Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна.

Посохова Людмила Юрійвна – кандидат історичних наук, доцент, докторант кафедри історії України Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.

Приходько Ярослав Миколайович – докторант Пенсильванського університету (США)

Рєпіна Лорина Петрівна – доктор історичних наук, професор, заступник директора Інституту всесвітньої історії РАН, завідувач Відділу Історико-теоретичних досліджень ІВІ РАН, президент Товариства інтелектуальної історії.

Ростиславлева Наталя Василівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри всесвітньої історії Історико-архівного інституту, директор Російсько-німецького навчально-наукового центру Російського державного гуманітарного університету.

Румянцева Марина Федорівна – кандидат історичних наук, доцент, завідувач кафедри джерелознавства та допоміжних історичних дисциплін Історико-архівного інституту Російського державного гуманітарного університету.

Сайпанова Алла Олексіївна – аспірантка кафедри нової та новітньої історії Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.

Скирда Валерій Володимирович – кандидат історичних наук, доцент кафедри історіографії, джерелознавства та археології, директор Музею археології та етнографії Слобідської України Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.

Урсу Дмитро Павлович – доктор історичних наук, професор кафедри нової та новітньої історії Одеського національного університету імені І.І. Мечнікова.

Чернов Евгений Абрамович – старший викладач кафедри історіографії, джерелознавства та спеціальних історичних дисциплін Дніпропетровського національного університету імені О. Гончара

Чухлій Світлана Олександрівна – пошукач кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.

Зміст

Від редактора.....	3
--------------------	---

Розділ І

ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ТА МЕТОДОЛОГІЇ

<i>Репина Л.П.</i> Теоретические новации в современной историографии.....	10
<i>Запрянова А.</i> Типология источников историографического исследования.....	41
<i>Колесник І.І.</i> Історіографія у сучасному поняттєвому просторі.....	53
<i>Маловичко С.І.</i> История исторической науки: поиск методологического инструментария в период парадигмальных изменений.....	70
<i>Орлов И. Б.</i> «Новые истории»: от междисциплинарности к претензиям на статус парадигмы.....	85

Розділ ІІ

ІСТОРІОГРАФІЯ ТА НАУКОЗНАВСТВО

<i>Урсу Д.П.</i> Историография как точная наука.....	99
<i>Болебрух А.Г.</i> Историография в ракурсе истории науки.....	126
<i>Гарскова И.М.</i> Анализ историографии исторической информатики как научного направления.....	138
<i>Портнова Т.В., Чернов Е.А.</i> Куновская история науки: «мир природы», или «мир истории»?	172
<i>Румянцева М.Ф.</i> Парадигмальные механизмы современного историографического исследования.....	186

Розділ III ІСТОРІЯ ІСТОРІЇ

<i>Богдашина О. М.</i> Соціокультурні фактори розвитку історичної науки на українських землях у другій половині XIX – на початку XX ст.	198
<i>Левченко В.В.</i> Історичні дослідження професорсько-викладацького складу Одеського інституту народної освіти (1920 – 1930 рр.): напрями і традиції	211
<i>Посохова Л.Ю.</i> Православні колегіуми України XVIII ст.: дискусії про ознаки моделі.	224
<i>Ростиславлева Н.В.</i> Ф. К. Дальман и иерархия ценностей исторической науки в ситуации политических и социокультурных перемен.	235

Розділ IV З ІСТОРІЇ ХАРКІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

<i>Киселёва Ю.А.</i> Истоки становления историографии как учебной и научной дисциплины в Харьковском университете: первая треть XIX века.	244
<i>Чухлий С.А.</i> Историк в переломную эпоху: перипетии судьбы и зигзаги научного творчества профессора М.В. Клочкова.	265
<i>Сайтанова А.А.</i> С. И. Сидельников – декан исторического факультета Харьковского университета.	275

Розділ V ІНТЕРВ'Ю

<i>Попова Т.Н.</i> Інтерв'ю.	286
-----------------------------------	-----

Розділ VI ІСТОРИЧНА ОСВІТА

<i>Приходько Я.М.</i> Магістратура з історії в США: Навчальний процес та місце в системі вищої освіти.	304
---	-----

Розділ VII СПОГАДИ

Від редакції.....	318
<i>Бернд Бонвеч.</i> Фриц Теодор Эпштейн – ученый и учитель.....	320

Розділ VIII ДОКУМЕНТИ ТА МАТЕРІАЛИ

В.П. Бузескул - П.Г. Виноградов: письма, воспоминания.....	332
Из неопубликованного научного наследия М. М. Лунина.....	354

Розділ IX ОГЛЯДИ, РЕЦЕНЗІЇ, БІБЛІОГРАФІЇ

<i>Миколенко Д.В.</i> В память о харьковском профессоре.....	362
<i>Астахова В.И.</i> Традиция – это когда память превращается в конкретные дела.....	365
<i>Посохов С.І.</i> Розмова про себе та свій фах.....	368
Харківський історіографічний збірник: бібліографія №№1 – 9 (1995 – 2008 рр.).....	372

Розділ X MEMORIA

Володимир Кузьмич Міхеєв (1937–2008 рр.).....	392
Відомості про авторів.....	395

Наукове видання

Харківський історіографічний збірник
Випуск 10

Українською, російською та англійською мовами

Комп'ютерна верстка С.Г. Котенко
Макет обкладинки І.М. Дончик

Підписано до друку 26.03.2010. Формат 60х84/16.
Папір офсетний. Друк ризографічний.
Ум.-друк. арк. 20,6. Обл.-вид. арк. 24,0
Тираж 300 пр. Ціна договірна.

61077, Харків, пл. Свободи, 4, Харківський національний
університет імені В.Н. Каразіна.

Надруковано: ХНУ імені В.Н. Каразіна
61077, Харків, пл. Свободи, 4.
Тел.: 705-24-32

Свідоцтво про державну реєстрацію ДК № 3367 від 13.01.09